



Пров. 50

7



ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЮЛЬ, 1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1883 г.

	Стр.
I. ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ. Разсказъ Г. П. Данилевскаго	5
II. ИСТОРИЯ МОЕГО ДЯДИ. Разсказъ изъ семейной хроники. Главы XXXIX—LV. (Окончаніе). С. Т. Славутинскаго	31
III. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Новѣйшая Украинская литература. Н. И. Петрова	70
IV. ЧУМА И ПУГАЧЕВЩИНА ВЪ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦИИ. И. И. Дубасова	113
V. ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ПИСАТЕЛЕИ (съ портретомъ). Е. М. Гаршина	136
VI. ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИЦИЛИЯ. Статья Маклелана (съ 10-ю рисунками)	174
VII. ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВЪКЪ. Главы I—III. М. С. Корелина	187 204
VIII. ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. П. У.	
IX. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: Исторія русскаго генеральнаго штаба. Составилъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Н. П. Глин-носцкій. Т. I. 1698—1826 гг. Спб. 1883 г. В. П. — Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посомковъ. Соч. И. Ремизова. Спб. 1883. В. З. — Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, 19-го апрѣля 1858 — 1883 г. (краткая историческая записка). Спб. 1883 г. П. У. — Сборникъ императорскаго русскаго историческаго обще-ства. Томы 36, 37, 38. Спб. 1882—1883 г. П. У. — Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. Владимира Майнова. Спб. 1883 г. П. С. — Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи, Д. Иловайскаго. Часть первая: древній міръ. Москва, 1883. Д. Л-ва. — Обзоръ дѣятельности высочайше учрежден-наго попечительства надъ арестантами с.-петербургской исправи-тельной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ (1871—1882 г.). Н. К.	208 218
X. ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ	
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Проектъ князя Потемкина объ устройствѣ казачьяго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ. Сообщено Г. В. Ешиновымъ . — Племянникъ архіепископа Симона Тодорскаго. Сообщено А. П. Коломниннымъ	224
XII. СМѢСЬ: Дарованіе раскольникамъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ. — Военные юбилеи. — Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. — Памятникъ Александру и Вильгельму Гумбольдтамъ. — Некрологи: Абдель-Кадера; Эдуарда-Рене Лабуле; Дмитрія Павловича Глинки	227
XIII. ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ: Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. Вячеслава Катенева	236
ПРИЛОЖЕНІЕ. Кромвель. Историческій романъ Ю. Роден-берга . Часть вторая. Главы VIII—X.	

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XIII

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

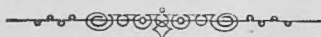
RECEIVED

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XIII

1883



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1883



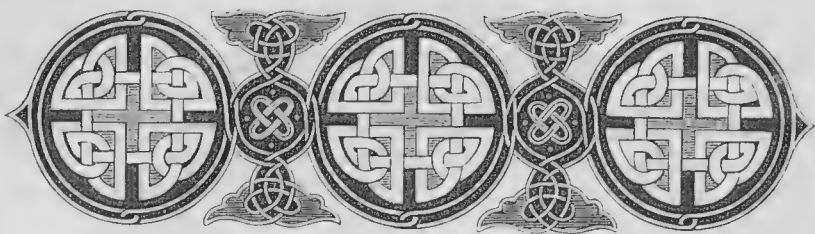
ВЕСТНИКЪ

УПОМОЩАЮЩЕГО СЛОВА

ТОМЪ XII

1881

3889



ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

Разсказъ ¹⁾.



РАФЪ Аракчеевъ предупредилъ императора Александра Павловича о тайномъ обществѣ «Союзѣ благоденствія» открытомъ Шервудомъ, на югѣ Россіи, и доставилъ послѣдняго въ Петербургъ.

Шервуду было велѣно явиться въ зимній дворецъ. Онъ и его вожатый, генералъ Клейнмихель, прошли рядъ полуосвѣщенныхъ залъ дворца.

Они остановились въ небольшой пріемной залѣ, украшенной картинами изъ войны двѣнадцатаго года.

Заставленная цвѣтами, дверь налево вела во внутреннія государевы покои. Ее охранялъ, одѣтый въ расшитую золотомъ, красную куртку и въ тюбанъ, съ страусовыми перьями, дежурный арапъ. На диванѣ дремалъ добродушный, гладко-выбритый, въ чулкахъ на толстыхъ икрахъ и въ башмакахъ, нѣмецъ камерлакей.

— Доложи—въжливо шепнулъ по-нѣмецки послѣднему Клейнмихель.

Лакей молча исчезъ за дверью. Едва былъ слышенъ шорохъ его удаляющихся, беззвучныхъ шаговъ. Клейнмихель, сдвинувъ брови и тревожно подтянувъ поясной шарфъ, не шелохнувшись, вглядывался черезъ цвѣтущія фукціи и геліотропы въ притворенную дверь.

¹⁾ Отрывокъ изъ неоконченнаго романа. Два другіе отрывка изъ того же романа были напечатаны авторомъ: «Каменка» въ «Русской Мысли» и «Шервудъ передъ Аракчеевымъ» въ сборникѣ г-жи Ахматовой въ 1880 году.

Въ мысляхъ Шервуда пролетало недавнее прошлое: его учительство, невѣста мамзель Ушакова, стремленіе выбиться изъ не-извѣстности, отличиться. Вспомнилось ему и его подслушиваніе заговорщиковъ въ Каменкѣ, ихъ купанье у мельницы, слова Пестеля и Бестужева, его доносъ въ Грузино и трехсуточная гоньба на фельдъегерскихъ.

Въ комнатѣ была полная тишина. На столѣ у зеркала лежала государева треуголка съ плюмажемъ и его смятыя замшевыя перчатки. — «Гдѣ же я наконецъ?» — подумалъ Шервудъ: «неужели это вещи государя, его собственные, жилые покои? неужели я, послѣ столькихъ усилій, испытаній, въ зимнемъ дворцѣ?»

Дверная ручка, въ видѣ спящаго льва, повернулась. Дверь тихо отворилась.

— Пожалуйте, — вполголоса сказалъ лакей, изъ-за цвѣточной заставки, указывая Шервуду дверь и пропуская его впередъ себя.

Клейнмихель хотѣлъ слѣдовать за нимъ; лакей отрицательно качнулъ ему головой. Клейнмихель, поднявшись на ципочки, замеръ, въ почтительномъ смреніи.

Шервудъ вошелъ за лакеемъ въ смежную комнату, установленную книжными шкапами, со стеклами, задернутыми зеленою тафтой. Среди комнаты стоялъ бильярдъ. Миновавъ послѣдній, лакей остановился, помедлилъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь, взялся за ручку новой двери и, оглянувшись на Шервуда, сказалъ еще тише:

— Прямо ступайте... направо у камина.

Шервудъ вошелъ въ государевъ кабинетъ.

Восковые свѣчи, на рабочемъ столѣ и въ высокихъ канделябрахъ, у зеркала, не вполне освѣщали высокую, увѣшанную портретами и оружіемъ комнату.

Императоръ Александръ Павловичъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ подъ котораго виднѣлся бѣлый пикейный жилетъ, стоялъ въ полоборота у темнаго, мраморнаго, погасавшаго камина, облокотясь лѣвой рукой о выступъ его карниза. Вправо, съ другой стороны камина, безглаголиво сгорбившись и слушая государя, стояла мрачная, въ наглухо-застегнутомъ, узкомъ мундирѣ, съ большими мясистыми ушами, торчавшими надъ коротко-остриженной головой, высокая и сутуловатая фигура Аракчеева. «Обезьяна въ мундирѣ!» невольно подумалъ Шервудъ, увидя большую голову графа, съ длинною шеей, впалыми щеками и тусклыми, впалыми глазами, которыми графъ вяло всматривался въ вошедшаго.

Шервудъ не сразу разглядѣлъ государя. Его вниманіе привлекло ярко-освѣщенное канделябромъ, улыбающееся, съ вздернутымъ носикомъ и полными щеками, изображеніе надъ каминомъ миловидной молодой женщины. — «Кто она?» подумалъ Шервудъ. Ему вспомнилось прощаніе съ невѣстой, клятвы, надежды. — «Любовь тол-

каеть на злодѣянія, на убійства»—пронеслось въ его умѣ: «а здѣсь подвигъ, отличіе, безсмертная услуга Россіи, царю»...

На шорохъ шаговъ, государь повернулъ голову въ направленіи къ порогу.

— Подойди,—раздался ласковый, грудной, какъ бы женскій голосъ.

Шервудъ понялъ, что его зоветъ государь, тотъ государь, котораго такъ привѣтствовала когда-то освобожденная Европа. Онъ, вытянувшись, медленнымъ фронтовымъ шагомъ, осторожно минуя дремавшую собаку, прошелъ по ковру къ камину.

— Ты открылъ тайный заговоръ противъ правительства?—спросилъ государь, поднося къ носу флаконъ со спиртомъ и брызгая имъ себѣ на чуть прикрытую волосами широкую, блѣдную лысину.—Видъ государя былъ усталый, встревоженный.

— Точно такъ, ваше величество, отвѣчалъ Шервудъ.

— Доказательства? ты знаешь, такъ нельзя,—сказалъ Александръ:—дѣло такой важности... и я говорилъ графу... Голословныя указанія въ подобномъ случаѣ опасны... ты касаешься такихъ вещей, арміи, долга присяги... быть не можетъ! не вѣрится...

Шервудъ задыхался и медлилъ, чувствуя, какъ кровь подступала къ его горлу, давила его, билась въ вискахъ. Изъ-за камина въ него впились два круглые, тусклые, глаза, точно двѣ свинцовыя пули. Шервудъ невольно оглянулся на Аракчеева, разглядѣвъ, какъ на длинной шеѣ графа вздулись жилы и какъ судорожно морщился его гладко-выбритый, точно отшлифованный, каменный подбородокъ.

«Не докажу—все кончено! не удастся сразу убѣдить, пропалъ!» проносилось въ мысляхъ Шервуда: «выхода нѣтъ; о! будь, что будетъ, пусть другимъ плаха, висѣлица... мнѣ надо счастья, жизни!»

Стоя на вытяжку передъ государемъ, въ припачканной отъ дороги, мундирной курткѣ, онъ какъ-то вдругъ передернулся, точно сломило его; дрожащими пальцами торопливо отстегнулъ пуговку на груди, съ искаженнымъ, испуганнымъ лицомъ вынулъ изъ бокового кармана сплюснутый листъ бумаги и протянулъ его государю.

— Что это?—нерѣшительно спросилъ Александръ, оглядываясь на Аракчеева.

— Списокъ заговорщиковъ... всѣ имена, вотъ... по губерніямъ и полкамъ,—прошептали бѣлыя губы Шервуда.

— Откуда ты получилъ?

— Изъ рукъ соучастника.

— Кто нибудь раскаялся, выдалъ?

— Добылъ хитростью, — отвѣтилъ Шервудъ: одинъ изъ заговорщиковъ, Вадковскій, довѣрилъ бумагу... я ее тайно списалъ.

Александръ развернулъ поданную бумагу, прочелъ первыя ея

строки и невольно отвелъ отъ нихъ глаза; въ спискѣ мелькали имена крупныхъ чиновъ: генераль-интендантъ, начальникъ штаба арміи, командиры эскадроновъ, дивизионовъ, полковъ, оберъ-прокуроръ сената, Муравьевы, Пестель, князь Волконскій, князь Трубецкой.

— Богъ мой! какія открытія!—произнесъ съ содроганіемъ Александръ, обращая къ Аракчееву покрывшееся багровыми пятнами, встревоженное лицо: Алексѣй Андреичъ читай! ты и не ожидаешь, что здѣсь написано, кто названъ... думали-ли мы дожить до такого позора, измѣны—и гдѣ же? среди первыхъ, ближнихъ защитниковъ.

Аракчеевъ, поднеся бумагу ближе къ камину, сталъ ее медленно читать. Жилы на его шеѣ вздулись еще болѣе. Тѣнь отъ его головы колыхалась на стѣнѣ.

— Какъ ты узналъ эту страшную тайну?—обратился Александръ къ Шервуду: сообщи подробнѣе... говори смѣло, не таи ничего...

Шервудъ, оправясь и стараясь не проронить ни одной важной подробности, началъ рассказъ. Онъ изложилъ до мелочи, какъ былъ посланъ изъ полка въ кievское имѣніе Давыдовыхъ, Каменку, какъ тамъ исправлялъ водяную мельницу, случайно узналъ о субботнихъ сѣздахъ тайнаго общества, по ночамъ подслушалъ ихъ совѣщанія; какъ, выслѣдивъ ихъ преступную, раскинутую по всей южной арміи сѣть, рѣшилъ самъ проникнуть въ ихъ составъ, и какъ его замыселъ удался...

— Съ рискомъ жизни все это исполнено,—прибавилъ, переводя дыханіе, Шервудъ: и все лишь съ одною мыслию — угодить вамъ, государь, въ надеждѣ на милостивое монаршее вниманіе.

Александръ давно уже какъ бы пересталъ слушать рассказчика. Въ его затуманенныхъ глазахъ виднѣлись слезы. Онъ смотрѣлъ въ погасавшій каминъ; его мысли были далеко.

— Монаршая милость лучшая награда вѣрныхъ слугъ,—произнесъ Шервудъ: до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови...

Государь очнулся, велѣлъ Шервуду выйти, подождать въ ближайшей комнатѣ.

— И за что? за что?—едва Шервудъ сталъ за дверью, проговорилъ Александръ Аракчееву, какъ бы въ отвѣтъ на волновавшіе его вопросы: я ли не стремился къ благу отечества? я ли не отдавалъ всего себя?.. Забыто все, что сдѣлано послѣ суровыхъ годовъ отца... сколько вольностей, льготъ! И развѣ Россія теперь та, чѣмъ была, когда оплакивали бабку Екатерину? Ты, Алексѣй Андреичъ, свидѣтель — новыхъ законовъ, процвѣтанія промысловъ, литературы, наукъ... а двѣнадцатый, тяжкій годъ?

— Имъ, кровопійцамъ, всего мало,—прохрипѣлъ, прокашливаясь, Аракчеевъ: тутъ, государь батюшка, одно врачеванье—кнутъ и веревка, веревка и кнутъ.

Говоря это, Аракчеевъ думалъ: «Вотъ онъ—ученикъ Лагарпа, изъ русскаго царя ставшій повелителемъ освобожденной имъ Европы.. Къ чему привели эти идеальныя стремленія, эта филантропія?»

Государь прошелся по комнатѣ, опять остановился у камина и сказалъ графу: зови его. Аракчеевъ, отворивъ дверь, кликнулъ Шервуда.

— Что имъ нужно? скажи ты мнѣ... ты спрашивалъ ихъ?— обратился Александръ къ Шервуду: говорили они тебѣ, въ чемъ ихъ главныя домогательства?

— Воля... освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ.

— Но воля, Богъ мой, безъ образованія... развѣ это воля?—возразилъ, опять покраснѣвъ, государь:—нужно прежде подготовить, смягчить нравы, просвѣтитъ умы. Иначе сегодншніе рабы завтра бросятъ работу, перестанутъ платить подати, слушаться властей. Примѣръ Франціи, Германіи... что же? они хотятъ крестьянскихъ бунтовъ, внутреннихъ войнъ?

Государь смолкъ и задумался. Въ его смущенныхъ, опечаленныхъ мысляхъ проносилось недавнее, свѣтлое прошлое — картины общей къ нему любви и преданности, торжество надъ врагами Россіи, міровая слава.

Онъ обратилъ глаза къ портретамъ отца и бабки. Одинъ на него смотрѣлъ изъ глубины комнаты холодно, точно съ укоромъ и недовѣріемъ; взглядъ второй былъ мягокъ и свѣтелъ. Александръ вертѣлъ въ рукахъ поданный ему графомъ списокъ заговорщикамъ и видимо колебался.

Вспомнился ему политическій погромъ Франціи, рассказы о немъ свидѣтелей и въ томъ числѣ его учителя Лагарпа.—«Тамъ это все кончилось военной диктатурой,—мыслилъ онъ: Марать, Сень-Жюсть и Робеспьеръ смѣнились Бонапартомъ. Но и самъ Наполеонъ чѣмъ кончилъ... Чего же имъ, безумцамъ, надо?..»

— Благодарю за преданность мнѣ и престолу, сказалъ Александръ Шервуду: — по чести, ты сдѣлалъ важныя открытія.. И ежели сказанное тобою правда, ты будешь награжденъ.

Шервудъ упалъ на колѣни, цѣлуя руки государя.

— Твоей услуги не забуду, продолжалъ Александръ, ласково поднимая его:—но я не ожидалъ, мнѣ и теперь не вѣрится, пойми—да... не хочется вѣрить...

Шервудъ взглянулъ на Аракчеева. Тотъ молча стоялъ, съ опущеннымъ, сердитымъ, какъ бы почернѣлымъ лицомъ.

— Ваше величество, проговорилъ Шервудъ:—я стремился, но чей не спалъ... имѣю неоцѣненное счастье лично... Клянусь, все мною сказанное вѣрно... Отдайте приказъ, повелите—все откроется, повелите... вся ихъ адская измѣна... На смотру, подъ Бѣлою церковью, заговорщики условлись, поклялись нанести роковой ударъ... Они смѣлы, все ими задуманное рассчитано, распредѣлено...

Шервудъ произнесъ послѣднія слова громко, безъ запинки, горячо. Аракчеевъ, слушая непривычно-возвышенный и, какъ онъ рѣшилъ въ умѣ, дерзкій голосъ смѣльчака унтеръ-офицера, судорожно сжималъ пальцы рукъ. Государь снова не слышалъ произнесеннаго Шервудомъ. Его мысли были не здѣсь, не въ этой его рабочей комнатѣ, гдѣ столько пережилось встрѣчъ, докладовъ и бесѣдъ. Передъ Александромъ проносились его дѣтскіе и юношескіе годы, воспитаніе у бабки, великой Екатерины, ея ласки, заботы—«бабушкина азбука» и «бабушкины» то трудовые у письменнаго стола, то пышно-торжественные дни, приемы, выходы, пудренныя, въ бархатѣ и позументахъ министры, острословы, докладчики, писатели, послы. Вспомнилась Александру его жепитба, путешествіе, знакомство съ Европой, смерть бабки, потомъ отца, первые годы его царствованія и первые молодые, пылкіе и свободлюбивые его сподвижники—Новосильцовъ, Чарторыйскій, Сперанскій и Кочубей, учрежденіе министерствъ, комисіи составленія законовъ, появленіе первыхъ басенъ Крылова и первыхъ томовъ исторіи Карамзина. Память подсказала ему въ этотъ мигъ и стихи Державина на его рожденіе:

«Геній къ нему слетѣли—
«Тотъ принесъ ему тѣлесну,
«Тотъ душевну красоту...»

Вспомнилась императору Александру и смутная година нашествія Наполеона, паденіе Сперанскаго, парижскій миръ, сеймъ въ Варшавѣ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, бунтъ въ семеновскомъ полку и закрытіе масонскихъ ложъ.

— Еще слово, ваше величество,—раздался передъ нимъ отчаянный, какъ бы о чемъ-то молившій, голосъ.

Александръ очнулся.

— Говори,—произнесъ онъ, опять разглядѣвъ передъ собою Шервуда.

— У южныхъ заговорщиковъ немало пособниковъ и въ Петербургѣ,—сказалъ Шервудъ:—здѣсь многое можно узнать, открыть... нить въ этомъ спискѣ... повелите, государь! все откроется, все въ вашей волѣ...

— Но не вѣрится мнѣ, слушай ты, чтобъ въ Россіи нашлись измѣнники!—сказалъ, выпрямляясь, Александръ, и въ его голосѣ дрожали слезы острой скорби и обиды: чѣмъ я, по правдѣ, и кому вредилъ? Кого обидѣлъ, кѣмъ пренебрегъ? Тяжелый, страшный, невѣроятный сонъ... Графъ! ты видѣлъ, ты видишь мою душу...

Аракчеевъ, неуклюже-подобострастно склонивъ верхнюю часть своего туловища, что-то пробормоталъ, чего не разслышалъ Шервудъ.

— Ну, чему быть, того не миновать!—продолжалъ государь, тряхнувъ головой: — отпусти его, Алексѣй Андреичъ, къ мѣсту;

дай ему на дорогу и все средства къ дальнѣйшему раскрытію злодѣевъ, если только они дѣйствительно существуютъ не въ одномъ воображеніи этого преданнаго, молодого человѣка... А ты, Шервудъ, дѣйствуй, какъ тебѣ укажетъ твоя совѣсть и относись во всемъ прямо... къ графу,—заклучилъ, помедливъ и какъ бы заикнувшись, государь.

Легкій поклонъ головы Александра показалъ Шервуду, что его аудіенція кончилась. Но слова, тысячи словъ еще рвались изъ его груди. Горло сжималось; губы и руки тряслись. Ему хотѣлось такъ много еще высказать, посовѣтовать государю, убѣдить его. Дѣлать нечего, надо было удалиться.

Съ стѣненнымъ сердцемъ, Шервудъ по правиламъ сдѣлалъ на-лѣво кругомъ, двинулся отъ камина къ выходу, взялся за ручку двери и на мгновеніе оглянулся. Государь безпомощно, прикрывъ рукой лицо, въ изнеможеніи упалъ въ кресло и очевидно плакалъ: его голова тряслась. Аракчеевъ, склонясь, что-то говорилъ ему въ утѣшеніе.—«Ахъ забылъ, надо еще сказать важное, неотложное!» подумалъ вдругъ Шервудъ, остановясь въ полуосвѣщенной бильярдной: «но, что сказать, не вспомню!» Онъ простоялъ съ минуту.

«Кончено безповоротно! ужели все потеряно или побѣда?» мыслить Шервудъ, подходя къ цвѣточной перегородкѣ, у которой его поджидалъ дежурный лакей. Раздраженный долгою аудіенціей низшему чину, Клейнмихель встрѣтилъ его еще суше и надменнѣе и молча опять отвезъ его въ домъ Аракчеева, на Литейную. «Побѣда! обращено вниманіе!» мелькнуло въ умѣ Шервуда, когда онъ, не раздѣваясь, упалъ на жесткую, въ родѣ больничной койки, желѣзную, пахнувшую новою краской, постель на антресоляхъ Аракчеева.

Рано утромъ Шервуда разбудили и снова позвали къ графу. Онъ снова увидѣлъ обширный, суровый и пустынный, рабочій кабинетъ грознаго временщика. У оконъ и кое-гдѣ вдоль стѣнъ стояла плетеная, неуклюжая мебель; большой письменный столъ, среди кабинета, былъ заваленъ горами бумагъ. У стола спдѣлъ тотъ же холодно-каменный старикъ, съ каменнымъ лицомъ на длинной шеѣ и вялыми, арестантскими глазами.

— Насвистался соловей! доволенъ ли?—проговорилъ въ носъ, стараясь, впрочемъ, говорить мягко и даже ласково, Аракчеевъ:—ну, вотъ, батенька, не хотѣлъ мнѣ, малому, открывать, захотѣлось самому царю... анъ и удалось, что-жъ! да-ба! вотъ опять-таки все было при мнѣ, и ко мнѣ же пришло...

Шервудъ ждалъ, что будетъ далѣе. Аракчеевъ зѣвнулъ и потянулся, потирая руки. Въ комнатѣ было прохладно. Шервудъ, съ просонковъ и голода, также чувствовалъ позывъ къ дремотѣ и дрожь.

— Ну-съ, ты все открылъ, это похвально... вотъ и твой документъ!—продолжалъ графъ, похлопавъ костлявыми пальцами по грудѣ бумагъ, сверху которыхъ лежалъ доставленный Шервудомъ списокъ заговорщиковъ:—это уже называется не устный, а письменный доносъ. Теперь еще болѣе помни: не докажешь—кнутъ, а не то висѣлица. Понимаешь?

Шервуда начиналъ бѣсить этотъ грубый и насмѣшливый голосъ. «Скотина! солдафонъ!» шевелилось на его побѣлѣвшихъ, злобно сжатыхъ губахъ. Онъ чуть повелъ плечами и молча переступилъ съ ноги на ногу.

— Начнемъ по пунктамъ,—продолжалъ Аракчеевъ, расправляя передъ собою согнутый пополамъ листъ чистой бумаги: — у тебя тутъ стоитъ, во-первыхъ, командиръ вятскаго полка Пестель и далѣе генераль-маіоръ князь Волконскій. Говори, что вообще и въ приватномъ отношеніи ты дозналъ о нихъ?

Шервудъ началъ рассказывать. Аракчеевъ взялъ перо и принялся записывать показанія, задавая новые вопросы. При одномъ изъ именъ графъ искоса взглянулъ на допрашиваемаго.

— Анненковъ, говоришь ты? сказалъ онъ:—какой Анненковъ? какъ звать?

— Иванъ Александровичъ, поручикъ.

— Гдѣ служить?

— Въ кавалергардахъ...

— Кто тебѣ о немъ сказалъ?

— Прапорщикъ Вадковскій.

— И ты это въ точности помнишь? лучше сообрази.

— Помню вѣрно. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, тотъ самый Вадковскій, передавая мнѣ въ Ахтыркѣ списокъ, сказалъ: премилая бабенка у Анненкова въ Петербургѣ, то-есть бабенка, или дѣвица, въ точности не припомню... Жюстинъ или Полинъ, выскочило изъ памяти, но вѣрно, что французенка... и у нее въ Петербургѣ модный магазинъ.

— Да, да,—произнёсъ задумчиво Аракчеевъ: — тутъ что-то есть... есть...

Шервудъ силился еще нѣчто вспомнить. Въ его лицѣ выражалась тревога. Со лба катился потъ.

— Не вспомнишь? ну-ка, сообрази, нѣтъ ли тутъ еще какихъ зацѣпъ?—ободрялъ его Аракчеевъ, поскребывая концомъ пера по небритой еще щекѣ.

— Вспомнилъ!—произнесъ, отирая лицо, Шервудъ.

— Говори, сударь, слушаю.

— Ближайшій соучастникъ Пестеля, Бестужевъ-Рюминъ, я его видѣлъ въ Каменкѣ; горячая, отчаянная голова... онъ на все вызывался, на образъ клялся...

— Это ты о немъ уже говорилъ... далѣе!

«Вотъ анаемская память, какъ все примѣтилъ, затвердилъ!» злобно подумалъ Шервудъ.

— Такъ что же этотъ Бестужевъ?

— У него въ Ракитномъ, у помѣщиковъ Витвицкихъ, невѣста.

— Невѣста? — прогнулъ Аракчеевъ.

— Да, — продолжалъ, оживляясь, Шервудъ: — когда прапорщикъ Вадковскій, въ Ахтыркѣ, вы знаете, принялъ меня въ члены тайнаго союза, онъ сообщилъ мнѣ и объ этомъ сватовствѣ. Позвольте, ваше сіятельство, я вспомнилъ и имя невѣсты Бестужева.

Аракчеевъ, не глядя на говорившаго, что-то писалъ.

— Ее звать Зинаида, — сказалъ Шервудъ.

— Ну?

— Зинаида Львовна Витвицкая...

— Такъ что же?

— Въ концѣ этого августа, у Витвицкихъ въ деревнѣ былъ назначенъ балъ, съѣздъ всей губерніи, охота на волковъ и дикихъ козъ... Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ еще жалѣлъ, что ему, какъ высланному на житіе въ Ахтырку, трудно попасть на всѣ эти веселости... А у невѣсты Бестужева въ деревнѣ гувернантка, тоже французенка, и она дружна и въ сокровенной, частой перепискѣ съ этой самой, здѣшней пріятельницей гвардейца Анненкова.

Аракчеевъ, презрительно зѣвнувъ, продолжалъ писать.

— Ну, вотъ, — процѣдилъ онъ: — нетолько рапортъ по формѣ, а и цѣлый, съ амурными придатками, романъ.

Онъ, тщательно выводя слова, что-то набросалъ на обрывкѣ бумаги, позвонилъ и отдалъ написанное ординарцу.

— Петру Андреичу! — сказалъ онъ, облачиваясь о высокую и жесткую спинку кресла: — вотъ для тебя и зацѣпка, обратился онъ къ Шервуду: — ариаднина въ этомъ лабиринтѣ нить.

Глаза Аракчеева съузились, точно растаяли отъ удовольствія. Шервудъ примѣтилъ, что на тонкой шеѣ графа еще болѣе вздулись жилы, какъ бы отъ смѣха, подпиравшаго его горло.

Шервудъ вздрогнулъ.

Онъ вдругъ сообразилъ, какъ далеко зашелъ съ своими признаніями: ни съ того, ни съ сего, припуталъ къ доносу семью Витвицкихъ, указалъ на сношенія и переписку двухъ очевидно неповинныхъ ни въ чемъ французенокъ, наконецъ назвалъ даже имя невѣсты Бестужева. А у него, доносчика, у самого была невѣста — и онъ такъ къ ней рвался, раздѣленный съ нею цѣпью роковыхъ, непреоборимыхъ событій. — «Другіе могутъ сказать, какая подлость, гадость!» подумалъ онъ, соображая, какъ другой на его мѣстѣ при этомъ плевалъ бы на себя: «экъ зарвался — и кой чортъ просилъ? а впрочемъ нехудо...» Потъ, какъ вчера, прошибъ его и выступилъ на его лицѣ. Истомленный досаднымъ допросомъ, онъ съ успіемъ переводилъ дыханіе и едва стоялъ на ногахъ.

Ординарецъ подалъ графу записку Клейнмихеля и вышелъ.

— Такъ и есть,—сказалъ Аракчеевъ, пробѣжавъ записку: она самая... Полина Гёбль! бѣлошвейный магазинъ, на углу Демидова переулка и Мойки...

— Кто такой?—спросилъ, теряя нить соображеній, Шервудъ.

— Пріятельница поручика Анненкова. Вотъ тебѣ и предлогъ... Уѣдешь, во всякомъ случаѣ, не сразу; будутъ нужны еще необходимыя показанія... вотъ ты и могъ бы воспользоваться.

— Чѣмъ?

— А ты думаешь, донесъ и кончено?—сказалъ Аракчеевъ: нѣтъ, братъ: нужны справки, подтвержденія. Вотъ ты выложилъ цѣлый ворохъ именъ, все немалые военные чины; почитай, вся южная армія. А есть въ подозрѣнія и штатскіе. Подобаешь добраться и до нихъ; а все ли ты вѣрно сказалъ?

— Клянусь, по долгу присяги.

— То-то, любезный, всѣ вы и тѣ вонъ то же присягнули, а играете на присягѣ, какъ на балалайкѣ. Поживи здѣсь, отдохни, получишь прогоны, подѣмныя. Подумай, можетъ подвернется случай узнать и объ этомъ Анненковъ... Онъ давно въ подозрѣнія за мысли и невольность въ словахъ. Дружень съ здѣшнимъ стихоплетомъ Рылѣевымъ. Слыхалъ про послѣдняго? Не слыхалъ? Рылѣевъ Кондратій... Вольные вирши пишетъ и на меня дерзостный пашквиль сочинилъ; да я на пенный лай—плюю... Такъ посуди объ Анненковѣ; онъ въ домахъ сенатора Мордвинова и у бывшаго министра Сперанскаго бываетъ. Все это разбери на досугъ... Не откроешь ли чего по части и этой негодн?

Получивъ обѣщанное на подѣмъ, Шервудъ переѣхалъ на постоянный дворъ, заказалъ себѣ новую форменную пару, купилъ бѣлья, приѣхалъ и, въ ожиданіи командировки обратно на югъ и прогоновъ, сталъ прогуливаться по столицѣ. Между прочимъ онъ обошелъ зимній дворецъ, разглядывая его съ любопытствомъ и сообщая съ улицы, гдѣ та комната, въ которой онъ удостоился говорить съ государемъ. У салтыковского подѣзда онъ узналъ вахтера, снимавшаго въ дворцовыхъ сѣняхъ съ Клейнмихеля шинель. Вахтеръ выбивалъ въ это время на панели коврикъ. Онъ съ нимъ поздоровался.

— Узналъ, землячекъ?—спросилъ Шервудъ.

Вахтеръ на него покосился.

— Какъ не узнать, съ генераломъ въ каретѣ... еще кучера едва добудились...

— А кого, землякъ, тогда встрѣли мы на лѣстницѣ, помнишь? полковникъ и штатскій со звѣздой, сходили, когда мы поднимались вверхъ?

Вахтеръ молча выколачивалъ коверъ.

— Такъ, вспомнилъ!—проговорилъ онъ, подумавъ:—эка память,

точно рѣшето... полковникъ былъ князь Трубецкой, а штатскій—постой, должно, сенаторъ Сперанскій... онъ и есть... въ сѣняхъ тутъ долго еще лопотали не по нашему... Сенаторы, сенать... а что дѣется кругомъ?

— Что же дѣется?

— Нешто не знаешь? Кто смѣлъ грабить, не смѣлъ красть. Ворамъ только и житье...

Зайдя какъ-то въ трактиръ, на Литейной, закусить и послушать органъ, Шервудъ изрядно выпилъ, съигралъ съ кѣмъ-то на билиардѣ и опять хотѣлъ выпить, но одумался. Его недавній, съ отчаянья, почти годичный, запой въ Новоміргородѣ, послѣ бѣгства изъ имѣнія Ушаковыхъ, вспомнился ему во всемъ ужасающемъ безобразіи. Онъ бросился изъ трактира, прошелъ нѣсколько смежныхъ улицъ и очутился у Аничкова моста.

Былъ вечеръ.

Свѣжій осенній воздухъ съ Фонтанки, запруженной барками и лодками, освѣжилъ Шервуда. Онъ постоялъ на мосту, облокотясь о его каменную ограду и бессознательно поглядывая на веселыя и пестрыя кучи рабочихъ, выгружавшихъ дрова, доски и кирпичъ, оправилъ на себѣ мундиръ, отеръ лицо и направился обратно къ Лѣтнему саду.

Въ тотъ день онъ отъ кого-то допытался въ трактирѣ о стихахъ Рылѣева на Аракчеева и изумился смѣлой сатирѣ поэта, возбуждавшей въ обществѣ неслыханное сочувствіе и ужасъ за судьбу обличителя.

Вдругъ Шервудъ замѣтилъ, что встрѣчные прохожіе на набережной Фонтанки снимали почему-то шляпы, а рабочіе, глядя съ барокъ на мостъ, низко кому-то кланялись. Шервудъ обернулся по направленію этихъ поклоновъ.

По окраинѣ Аничкова моста, вдоль каменной ограды, у которой онъ стоялъ нѣсколько мгновеній тому назадъ, медленной рысью ѣхала высокая, открытая, запряженная четверней сѣрыхъ орловскихъ рысаковъ, коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ рослый военный, въ шинели и треуголкѣ, съ бѣлымъ плюмажемъ: ѣхавшій добродушно глядѣлъ на рѣку, залитую заходящимъ солнцемъ, на барки и лодки, ласково кланяясь на привѣтствіе судорабочихъ, прохожихъ и проѣзжихъ.

Шервудъ узналъ императора Александра Павловича, снявъ фуражку, вытянулся и замеръ, усиливаясь выправленіемъ плечъ и глазами обратить на себя вниманіе государя. Но было далеко, болѣе ста шаговъ; между мостомъ и частью тротуара, гдѣ остановился Шервудъ, появились новые прохожіе, заслонившіе его.—«Нѣтъ, онъ меня и отсюда примѣтитъ, узнаетъ и подзоветъ» — пробѣгало въ мысляхъ у Шервуда: «не можетъ быть... онъ спроситъ и я ему

скажу, что за него, за любимого монарха, готовъ жизнь положить, умереть... О, пусть прикажетъ, брошусь на эту толпу съ моста, брошусь подъ его колеса. Онъ повелитъ не тянуть отсылки; дороги дни, часы...»

Коляска, плавно колыхаясь на высокихъ ресорахъ, съѣхала съ моста; кони прибавили рыси и понеслись по Невскому. Шервудъ, злобно толкая и чуть не сбивая съ ногъ удивленныхъ прохожихъ, бросился слѣдомъ за коляской, выскочилъ на мостъ, пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ по улицѣ и, запыхавшись, путая несвязныя слова, сталъ нанимать извозчика.

— Куда, баринъ? — отозвался ванька на одиночной гитарѣ-дрожжахъ.

Шервудъ указывалъ путь, гдѣ чуть виднѣлся мелькавшій между другими проѣзжими бѣлый плюмажъ императора.

— Четвертачекъ, ваше сіятельство.

Шервудъ остановился.

— «Тьфу ты, чортъ, глупости, безуміе!» — сказалъ онъ себѣ, опомнившись: — «развѣ можно? и кто рѣшился бы обгонять государя? Еще замѣтятъ, арестуютъ, потащатъ къ тому же Аракчееву...» — Онъ оглянулся: два другіе извозчика, подойдя съ развальцемъ, косились на него, перемигиваясь. Отъ ближней будки, важно опершись на рыцарскую алебарду и позѣвывая, щурился на него сонный, въ веснушкахъ и рыжій, чухонецъ-городовой.

Шервудъ бросился на другую сторону улицы, вмѣшался въ толпу, прошелъ мимо театра на набережную, добрался до Гороховой и снова безъ цѣли пустился по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

— «Такой былъ счастливый, рѣдкій случай, — разсуждалъ онъ, съ бѣшенствомъ: и пропалъ, пропалъ безъ слѣда. Вотъ проклятая судьба! И изъ-за чего медлитъ этотъ Аракчеевъ? какія еще нужны ему справки, допросы? и хотъ бы звалъ; нѣтъ, молчить. Или государь охладѣлъ къ моему важному открытію, раздумалъ, все по добротѣ забылъ? Вотъ она невѣроятная, сонная страна, — все сносить... Въ другомъ мѣстѣ почтили бы, озолотили-бъ!»

Миновавъ Сѣнную и Мѣщанскую, Шервудъ направился къ Синему мосту, отсюда повернулъ опять вправо, по набережной Мойки. Темнѣло, зажигались фонари.

Сквозь рѣшетку небольшого двора, онъ увидѣлъ уютный садикъ, красную черепичную кровлю однояруснаго дома и подъ крыльцомъ вывѣску: «Магазинъ модъ мадамъ Политъ». Онъ остановился у калитки и долго смотрѣлъ во дворъ и на растворенныя окна дома, изъ которыхъ глядѣли горшки съ цвѣтами и несло съ щебетаніемъ канареекъ. Шервудъ разсуждалъ, войти или не войти? Но подъ какимъ предлогомъ и съ какою цѣлю? Причину выдумать нетрудно; мало ли, что можно сказать? «Явился молъ, для пе-

редачи поклона отъ соотечественницы». Ему вспомнилась даже фамилія гувернантки Витвицкихъ, мамзель Шонъ. Но онъ не видѣлъ этой семьи, ничего о нихъ не знаетъ.—«Пустяки... Все такъ ловко можно сплести, представиться подъ чужимъ именемъ, наговорить любезностей и, между тѣмъ, много разнюхать и узнать. Нѣтъ,—сказалъ себѣ, раздумавъ, Шервудъ: много опасностей, да и дѣло такое; у другихъ и впрямь не повернулся бы языкъ... предательство противъ чуждыхъ заговору, постороннихъ женщинъ. Прочь, прочь отъ проклятаго новаго соблазна!»—прибавилъ онъ, уходя: «вонъ изъ этого мертваго Петербурга, отъ этихъ каменныхъ, мопильныхъ громадъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Шервудъ ускорилъ шаги, дошелъ до Литейной, заперся у себя въ комнатѣ на постояломъ и старался заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Его мысли дразнилъ намекъ Аракчеева—еще что-либо провѣдать и разузнать въ Петербургѣ... «Вѣдь можно бы, отчего не попробовать?»

«И въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ: не оттого ли замедлялось и мое отправленіе обратно на югъ. Почему, разбирая все по истинѣ, меня такъ долго не звали ни къ графу ни въ штабъ? почему не снабжали прогонами и послѣдними инструкціями по открытому мною дѣлу? Неужели и по правдѣ могли меня окончательно забыть, мною пренебрегли?»—Данныя ему подѣмныя деньги были давно на исходѣ. Онъ немало потратился на обмундировку, еще болѣе разсорилъ безъ толку, проигравъ на бильярдѣ. Надо однако терпѣть, надо ждать.

И опять начались шатанія по Петербургу.

Шелъ однажды Шервудъ поздно вечеромъ, послѣ долгаго сидѣнія въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ спустилъ, за вкуснымъ обѣдомъ, съ приправой изрядной выпивки, немало изъ послѣднихъ денегъ. Онъ шелъ, нѣхотя, тяжело. Въ головѣ былъ досадный туманъ. Пыльный воздухъ душныхъ улицъ тѣснилъ его дыханіе.

— Иванъ Ивановичъ! отецъ родной! васъ ли имѣю удовольствіе видѣть?—послышался, сзади его, знакомый голосъ.

Шервудъ оглянулся. У его ногъ былъ спускъ въ винный подвалъ. На нижней ступенькѣ спуска стоялъ, съ шапкой въ рукѣ, сѣдой, сгорбленный старикашка, въ синемъ фракѣ, съ потертыми бронзовыми пуговицами. Въ другой рукѣ старика была связка копченой рыбы и еще какихъ-то припасовъ.

Шервуду вспомнилось что-то отдаленное, щемившее его сердце, и онъ вздрогнулъ отъ радости: предъ нимъ былъ, столько благоволившій къ нему, дворецкій Ушаковыхъ, Антипычъ!

— Какими судьбами? спросилъ Шервудъ: вотъ неожиданно... здѣсь?..

Маленькое, гладко выбритое лицо Антипыча, въ длинныхъ пушистыхъ, бѣлыхъ бакенахъ, блаженно улыбалось.

— Вотъ, сударь Иванъ Ивановичъ,—отвѣтили дворцкій, указывая шляпой на навьюченную бричку, стоявшую невдали у перекрестка двухъ улицъ: на своихъ, батюшка, доморослыхъ прибыль... баринъ съ порученіями и за покупками изволилъ присылать изъ деревни. Ну, справившись, запасае въ дорогу харчинками... выпилъ бутылочку пивца, да и еще захотѣлось вотъ на дорогу прихватить; анъ, гляжу, вы и шествуете... батюшка, отецъ родной!

— Очень радъ, Антипычъ: позволь мнѣ тебя на радости угостить!—сказалъ, спускаясь по стоптаннѣмъ ступенькамъ подвала, Шервудъ: вотъ сюда, сюда... иди, поговоримъ, угощу... радъ...

Онъ ввелъ Антипыча въ особую, заднюю горенку погреба, ощущалъ въ карманѣ нѣсколько уцѣлѣвшей мелочи, усадилъ ликующего старика у столика и потребовалъ польскаго пива. Пиво со стойки подали теплое, пѣна брызнула на столъ и на платье Шервуда.

— Не вѣрится!—сказалъ онъ, вглядываясь въ знакомаго ушаковского пріятеля.

Столько дорогихъ сладкихъ воспоминаній зародилось въ его мысляхъ.

— И я, сударь, Иванъ Ивановичъ,—произнесъ Антипычъ, осушивая стаканъ и утираясь клѣтчатымъ, бережно-сложеннымъ платкомъ: смотрю—анъ и правда, вы же; какъ здѣсь? Чай, въ гвардіи, скоро въ офицеры?

— Нѣтъ, еще не въ гвардіи, но есть, понимаешь, вѣрная надежда перейти... А ты, старина, ну-ка, расскажи о вашихъ... что барышня? охъ, наболѣло сердце... ты вѣдь знаешь.

— Какъ, сударь, не знать! Изошли горемъ и мы всѣ по васъ съ нею... было барышнѣ отъ тятенькѣ такого, что Боже помилуй и упаси... натерпѣлась, сердечная!

Шервудъ молча и мрачно слушалъ. Онъ кое-что уже зналъ о роковой развязкѣ съ соблазненной имъ дѣвушкой, о гоненіяхъ, перенесенныхъ ею, о ея мукахъ и отчаяніи. Слова Антипыча били по немъ, какъ раскаленное желѣзо.

— Проклятая судьба, — вскрикнулъ онъ, стукнувъ рукой по столу:—чѣмъ поправить дѣло, какъ его повернуть? скажи, гдѣ она теперь?

— Дома-съ... гдѣ же барышнѣ и быть? Въ ту пору увозили ихъ къ тетускѣ въ Москву, теперь на зиму собируются сюда, въ Питеръ. Я и квартиру барину нанялъ, въ Коломнѣ, если знаете, у Сухарнаго моста. Дяденька ихъ тутъ по близости на службѣ, въ моряхахъ генераломъ. Думаютъ барышню вывозить, замужъ выдать; есть и женихи,—прибавилъ Антипычъ, хмѣля.

Лицо Шервуда покрылось багровыми пятнами.

— Пей, голубчикъ, пей,—шепталъ онъ, слушая и подливая Антипычу.

Тотъ не отказывался и безъ умолку говорилъ. За бутылкой подали еще пару, и еще. Когда знакомцы вышли изъ погреба, было уже совсѣмъ темно. Нагруженная бричка Антипыча чуть виднѣлась въ глубинѣ улицы, со спавшимъ на козлахъ конюхомъ.

— Кланяйся барышнѣ, скажи ей, — проговорилъ Шервудъ и смолкъ: — скажи, перадостно, плохо пока и мнѣ...

Злоба и бѣшенство душили его.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... благодаримъ за угощеніе, — раскланивался Антипычъ, сѣвъ въ бричку и оттуда помахивая шляпой: — оченно по васъ скучаютъ... и все ждутъ... скоро ли будете?

— Скоро, — крикнулъ Шервудъ, вслѣдъ за бричкой, загремѣвшей по опустѣлой улицѣ: — теперь ужъ скоро... такъ и скажи.

Антипычъ что-то отвѣтилъ, высунувшись изъ-подъ низкаго кузова и даже стукнувшись о него головой, но его голоса уже не было слышно.

«Такъ вотъ оно что» — сказалъ себѣ Шервудъ, оставшись на тротуарѣ: «сюда переѣзжаютъ, дядя сулитъ жениховъ... А я съ моими ожиданіями, замыслами, борьбой? Неужели же все кончено и я, какъ глупый камень, иду ко дну? Нѣтъ, не поддамся, не быть ей за другимъ. Помѣряемся еще съ судьбой...»

Иванъ Ивановичъ помедлилъ, какъ бы что-то соображая, разглядѣлъ мѣсто, гдѣ стоялъ, освѣдомился у прохожаго, озабоченнаго чиновника, который часъ, и повернулъ прямо къ недалежней Мойкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова стоялъ у двора, съ садомъ и рѣшетчатой оградой, и взшелъ на крыльцо магазина модъ. Шервудъ позвонилъ, вышла горничная.

— Вамъ кого? — спросила она.

— Мадамъ Полинъ.

— Отъ кого вы?

— Изъ Малороссіи; скажите, съ поклономъ отъ знакомой пріятельницы вашей хозяйки.

Горничная скрылась. Въ окнѣ, ближнемъ къ крыльцу, поднялась занавѣска; окно открылось. Изъ него, со свѣчей въ рукѣ, выплынула красивая, высокая и смуглая особа, съ живыми плутовскими черными глазами и съ черными усиками, лѣтъ двадцати пяти, въ нарядномъ ченчикѣ и модномъ бѣломъ капотѣ.

— Отъ кого? — спросила она по-русски, съ иностраннымъ выговоромъ.

— Отъ вашего друга, мамзель Шонъ, — отвѣтилъ, то же раскланиваясь и старательно отчеканивая слова, Шервудъ: я случайно въ Петербургѣ, мнѣ поручено передать вамъ поклонъ... и я съ особымъ удовольствіемъ...

— Прощу, войдите, — сказала хозяйка.

Шервудъ, не задумываясь, вошелъ. Мадамъ Полинъ передъ тѣмъ хлопотала у чайнаго стола.

— Какъ и гдѣ вы видѣли Элизъ Шонъ?—спросила она, поглядывая на гостя.

Шервудъ въ общихъ словахъ легко и весело передалъ ей цѣлую легенду о томъ, какъ онъ будто бы ѣхалъ по службѣ изъ Кіева въ Петербургъ, какъ у его телѣжки сломалась ось и какъ онъ, совершенно случайно попавъ въ деревню Витвицкихъ, засталъ у нихъ своего сослуживца Бестужева-Рюмина и прогостилъ тамъ цѣлыя сутки, причемъ познакомился съ невѣстой Бестужева и съ ея гувернанткой, мамзель Шонъ.—«Боже, какъ вру!» думалъ онъ, сыпля этими увѣреніями.

— Да, Витвицкая сговорена и скоро ихъ свадьба,—сказала Полинъ, наливая гостю чай:—вы отъ Элизъ вѣрно знаете, и я выхожу замужъ.

— Слышалъ и отъ души поздравляю,—произнесъ, вѣжливо кланаясь, гость.

— Вы сейчасъ, вѣроятно, увидите и моего жениха,—съ гордою радостью объявила хозяйка.

Шервудъ помертвѣлъ. Онъ не ожидалъ возможности встрѣтить здѣсь самого Анненкова; притомъ, съ ужасомъ, онъ сталъ замѣчать, что пиво, распитое съ Антипычемъ, начинало сильно въ немъ отзываться. Его голова кружилась, въ глазахъ прыгали огоньки. Веселая уютная комната колыхалась передъ нимъ и голосъ милой, болтливой хозяйки звучалъ гдѣ-то не здѣсь, далеко. Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, близъ котораго сидѣлъ: его лицо было блѣдно, волосы въ беспорядкѣ. Онъ съ улыбкой сталъ разглаживать себѣ виски, стараясь сидѣть прямо и не потерять сознанія.

— Что же тамъ на югѣ лучше, чѣмъ здѣсь? не правда ли, тамъ теплѣе?—спросила Полинъ: Элизъ пишетъ мнѣ, что тамошнія мѣста напоминаютъ нашу Францію... Я, москѣ, изъ Нанси,—лепетала разговорчивая француженка: мой отецъ былъ полковникъ старой гвардіи, убитъ въ Испаніи, въ войнѣ съ гверильясами, когда мнѣ пошелъ четвертый годъ... онъ былъ храбрый, красивый офицеръ... И я помню моего отца... Такихъ храбрецовъ мало на свѣтѣ. Послѣ него мы обѣднѣли, я стала учиться шить, попала въ Россію, и въ Москвѣ поступила первою мастерицей въ магазинъ модъ Дюмонси, на Кузнецкомъ мосту...

Шервудъ, глядя въ черные, сверкавшіе передъ нимъ глаза и красивые усики Полинъ, дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы слушать ее и не задремать.—«Кузнецкій мостъ, гверильясы... усики!»—вертѣлось въ его умѣ.

— О, я все это знаю!—вдругъ сказалъ онъ, странно улыбаясь: знаменитая гвардія, великій императоръ, храбрые патріоты... Вамъ, вѣроятно, скучно здѣсь? такая дикая, холодная страна... ледъ, даже пиво здѣсь... теплое... право...

Гдѣ-то ему послышался звонкій, раскатистый хохотъ. Шервудъ

въ удивленіи очнулся и раскрылъ глаза. Передъ нимъ, откинувшись на стулъ, заливалась смѣхомъ Полинъ.

— О, мой Богъ!—хохотала она: вы устали, у васъ вѣрно было много хлопотъ?

— Нѣтъ, ничего... напротивъ... Но позвольте, гдѣ вы познакомились съ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ?

— Онъ былъ въ Москвѣ, за ремонтомъ... не хотите ли чаю? я бы послала за извозчикомъ,—произнесла Полинъ, подавляя смѣхъ и стараясь ободрить растерявшагося гостя: о, какая я несносная, смѣшная...

Шервудъ всталъ.—«Скорѣе отсюда, скорѣе!»—думалъ онъ: «еще придетъ этотъ ея женихъ, догадается, уличить».

— Порученій какихъ не будетъ ли?—спросилъ онъ, вѣжливо раскланиваясь.

— Развѣ москѣ скоро ѣдетъ?

— Завтра же... экстренно... на фельдъегерскихъ.

— И вы опять будете тамъ, у Витвицкихъ?

— Сочту, сударыня, священнымъ долгомъ заѣхать.

Отъ природы добрая Полинъ съ участіемъ смотрѣла на статнаго, утомленнаго и, какъ она угадывала, нѣсколько охмѣлѣвшаго, молодаго воина.

Почему-то ей припомнился ея отецъ, также когда-то, какъ она слышала, особенно въ походахъ, любившій водить компанію и выпить съ друзьями.

— Зайдите завтра,—сказала она, подавъ руку гостю: я приготовлю къ Элизѣ письмо.

Шервудъ ловко шаркнулъ, даже поцѣловалъ протянутую ему руку и вышелъ. Отъ воротъ ему на встрѣчу показались двое, статскій и офицеръ; они сошлись у угла полисадника. Свѣтъ отъ крылечнаго фонаря далъ имъ возможность нѣсколько разглядѣть другъ друга. Ночной воздухъ быстро освѣжилъ Шервуда. Увидѣвъ офицера, онъ снялъ фуражку и въ поворотѣ сталъ во фронтъ.—«Не Анненковъ»—подумалъ онъ, узнавъ въ офицерѣ того преображенскаго полковника, князя Трубецкаго, котораго встрѣтилъ, въ памятный вечеръ, на лѣстницѣ зимняго дворца и о которомъ ему сказалъ дворцовый сторожъ.

— Иванъ Александровичъ здѣсь?—спросилъ, отдавая честь, Трубецкой, видѣвшій, что стоявшій передъ нимъ унтеръ-офицеръ вышелъ съ крыльца Полинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... ихъ ожидаютъ.

— Et vous, cher, vous attendrez?—проходя къ двери, спросилъ спутника князь Трубецкой.

— Могу, если недолго,—отвѣтилъ тотъ также по-французски: впрочемъ, вѣдь здѣсь я сосѣдь...

«Кто этотъ второй?»—продолжалъ разсуждать о статскомъ Шер-

вудь: ужели оба они, какъ и Анненковъ, члены тайнаго общества, заговорщики? И этого преображенца допускають во дворецъ! Какаа неосторожность! но штатскій? Трубецкой тогда во дворецъ тоже шель съ штатскимъ... этотъ моложе, чернявый; тотъ былъ лысый и въ звѣздѣ... Есть ли ихъ имена въ моемъ спискѣ? какъ узнать, кого спросить?»

Шервудъ перешель на другую сторону Мойки и сталъ бродить по набережной, отъ Синяго моста до Гороховой, поглядывая на оставленный домъ. Прошелъ часъ, другой. Мѣсяцъ взомель давно, но былъ въ облакахъ. Улицы болѣе и болѣе стихали; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ. Изрѣдка доносился грохотъ колесъ съ Невского Проспекта.

Вдругъ стукнула калитка. Изъ наблюдаемаго двора вышли три фигуры. Шервуду черезъ рѣку было видно, что двое изъ вышедшихъ были въ военныхъ шинеляхъ — третій въ гражданской бекешѣ; одинъ изъ военныхъ направился вправо къ Гороховой, другой военный, въ сопровожденіи статскаго, пошелъ влѣво къ Синему мосту. — «Теперь узнаю» — рѣшилъ Шервудъ.

Онъ, съ забившимся сердцемъ, направился за послѣдними путниками и въ одномъ изъ нихъ опять разглядѣлъ Трубецкаго. Они миновали, за Синимъ мостомъ, первый домъ отъ угла по набережной и у подъѣзда втораго дома остановились. Военный пошелъ далѣе, а статскій вошелъ въ дверь подъѣзда, надъ которымъ была вывѣска: «Россійско-американская компанія».

До слуха Шервуда донеслись лишь нѣкоторыя выраженія изъ разговора этихъ двухъ лицъ. — «Такъ онъ ѣдетъ?» спросилъ статскій. — «Уже уѣхалъ» — отвѣтилъ военный. «И Діонисіево ухо?» — «И онъ... вторыя сутки уже въ деревнѣ; но, вѣроятно, увидятся; тотъ заѣдетъ по пути» — «Надо разузнать фамилію штатскаго» — рѣшилъ Шервудъ, увидя дворника, подметавшаго у крыльца набережную.

— Скажи, любезный, какъ отсюда пройти въ Коломну? — спросилъ онъ.

Дворникъ объяснилъ. Шервудъ вынулъ изъ кармана и далъ ему мѣдный пятакъ.

— Благодарствую... не здѣшніе? — спросилъ, кланяясь, дворникъ.

— На побывку, изъ лагеря, — отвѣтилъ Шервудъ: дяденька тутъ у Сухарнаго моста... а кто этотъ баринъ?

— Какой?

— Что вошелъ сейчасъ на подъѣздъ.

— Вамъ на что?

Шервудъ смѣшался, но, принявъ добродушный видъ, даже поднять съ мостовой какую-то соринку и сталъ ее разсматривать.

— Такъ, — отвѣтилъ онъ: — его тоже хотѣлъ спросить про дорогу, да не посмѣлъ.

— Чего не смѣть?.. да-а-брѣющая душа! секретарь нашъ... Ры-

лѣвъ баринъ — проговорилъ дворникъ, подбрасывая на ладони пятакъ.

Шервудъ при этомъ имени чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ вспомнилъ слова Аракчеева. Точно пукъ яркихъ лучей вдругъ вспыхнулъ передъ нимъ. Радужные горизонты, одинъ другаго ярче и заманчивѣе, мгновенно встали, заволновались передъ его воображеніемъ. — «Наконецъ-то еще, и какое открытіе, какое!» — сказалъ онъ себѣ: «связь ясна... вотъ мѣсто ихъ схода, — всѣ, и сатирикъ, и будущій диктаторъ. Теперь окончательно меня выслушаютъ и рѣшатъ!»

— Ты говоришь Рылѣвъ? — спросилъ онъ дворника.

— Такъ точно.

— А имя?

— Кондратій Ѳеодоровичъ... тутошный, питербургскій, изъ деревни Батова, что возлѣ Рождествина. Матушка у него тамъ, а онъ тутъ служить.

— Женатъ?

— Съ женою и махонькою дочкою.

— И баринъ хорошій? можно, коли надо, просить?

— Приди, увидишь... всякому помогаетъ, нищему, по дѣлу и такъ... Да-а-брѣющая душа...

Шервудъ далъ дворнику еще пятакъ и сперва тихо, потомъ шибче пошелъ къ Поцѣлуеву мосту, обогнулъ уголъ, пустился бѣгомъ, добрался до Офицерской, крикнулъ встрѣченному извозчику: «на Литейную, будетъ на водку!» — сѣлъ и помчался, полный радостныхъ надеждъ.

Сунувъ извозчику полтинникъ, — послѣдній и окончательно послѣдній, какъ онъ рассчиталъ въ умѣ, — Шервудъ вбѣжалъ въ свой номеръ, не зажигая свѣчи, наскоро раздѣлся и легъ на жесткій, продавленный диванъ, служившій ему постелью. Его мучила жажда. Онъ всталъ, ища воды, замѣтилъ какую-то бутылку и жадно изъ нее потянулъ. Ему обожгло горло. Въ бутылкѣ былъ остатокъ рома отъ пунша, которымъ онъ изрѣдка себя угощалъ. — «А, чортъ!» — подумалъ онъ и, еще вдоволь потянувъ изъ бутылки, опять легъ. Комната весь день не освѣжалась и воздухъ въ ней, отъ недалекой кухни и смежнаго корридора, полного заѣзжей прислуги, былъ спертый, душный. Шервудъ этого не замѣтилъ. Хмѣль туманилъ его отяжелѣвшую голову; въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ жаръ, а стиснутые зубы постукивали въ нервномъ ознобѣ, несмотря на давящее комнатное тепло.

Мѣсяцъ вышелъ изъ облаковъ. За тусклымъ, испачканнымъ мухами, окномъ виднѣлся трактирный дворъ, запруженный телѣгами, лошадьми у коновязей и всякимъ хламомъ.

Подъ окномъ торчала старая, съ обломанными вѣтвями береза. Сквозь ея тощую, покрытую слоемъ пыли, листву, въ комнату наискось свѣтили блѣдные лунные лучи.

Шервудъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ съ злобною досадою слѣдилъ, какъ билась кровь въ его вискахъ и какъ тяжелое, мучительное содроганіе ледящимъ гнетомъ пробѣгало по немъ съ головы до пятъ.

— «Все кончено, все открыл! провѣрилъ, уличил!» радостно думалъ онъ, съ трудомъ сдерживая трясущійся подбородокъ:— «и, вѣдь, какъ успѣшно, безъ запинокъ, на чистоту! Имъ хотѣлось Сперанскаго, вотъ онъ; Трубецкой, съ этимъ Сперанскимъ, удостоился въ тотъ вечеръ быть во дворцѣ, а сегодня этотъ же Трубецкой у Полины, то-есть у Анненкова... Графъ золь на Рылѣва за пасквиль... и этотъ попался здѣсь же... все свое... Ха, ха! вожаки, будущіе республиканскіе министры, Мараты, Робеспьеры... ха ха!»

Шервудъ отрывисто и громко разсмѣялся, но вдругъ поднялся на диванѣ и сѣлъ.— «Вспомнилъ, вотъ когда вспомнилъ, о чемъ надо было тогда сообщить государю!» сказалъ онъ себѣ съ досадой:— «этого самого Трубецкаго, да! именно его прочли въ Каменкѣ, на случай бунта войскъ, въ диктаторы... Пестель такъ именно и говорилъ. И его-то я тогда встрѣтилъ на лѣстницѣ! Завтра же, пораньше, чуть свѣтъ, все запишу и къ графу... Вотъ открытіе, вотъ сцѣпленіе счастливыхъ, рѣдкихъ обстоятельствъ... Только нѣтъ, кажется, бумаги и чернилъ, всѣ вышли... Придется будить этихъ олуховъ; пойдутъ въ контору, поднимутъ изъ-за такой мелочи хозяина, а я ему задолжалъ за комнату и харчи... Чернилница, впрочемъ, есть, но окончательно высохла; ткнешь перо, а оно сухое, только муха окаянная вылетитъ и жужжитъ проклятая такъ противно... Тьфу, сколько мухъ!»—мыслилъ Шервудъ, плюя и гадливо прислушиваясь къ шороху и неугомонной вознѣ мухъ, по обычаю толкавшихся въ духотѣ, у окна и подъ потолкомъ.

На секунду ему показалось, что онъ успокоился и заснулъ. Настала такая отрадная, ласкающая тишина. Мухи и собственные назойливыя мысли исчезли.

Озаренная мѣсяцемъ комната, съ огромною изразцовою печью, комодъ, гдѣ торчало зеркальцо и допитая бутылка съ ромомъ, расшатанный стулъ, у двери, съ брошенною на него солдатскою шинелью, все это также будто застлалось туманомъ и куда-то скрылось. Шервудъ почувствовалъ, какъ выступилъ на его лицѣ потъ, медленно скатываясь крупными каплями по носу и щекамъ. Онъ подумалъ: «Такъ капаетъ теплая, свѣжая кровь».

И ему вдругъ представилось страшное зрѣлище казни, видѣнной имъ весною, въ бытность въ Новомиргородѣ...

Военный полевой судъ осудилъ тогда пойманнаго дезертира—поляка. Это былъ еще молодой, бѣлокурый и простодушный съ

виду рекрутокъ. Его схватили гдѣ-то на границѣ съ Австріей и возвратили, для суда и наказанія, въ полкъ. Приговоръ аудиторіата къ разстрѣлинію былъ замѣненъ прогнаніемъ сквозь двѣ тысячи человѣкъ. Съ хмурыми, строго-понуренными лицами, солдаты молча взмахивали рукой. Свѣжія, съ зелеными почками, прутья лозы, нарѣзанной въ ближнихъ плавняхъ, притонахъ голосистыхъ иволгъ и соловьевъ, страшно взвизгивали въ тепломъ, пахучемъ воздухѣ. Рекрутъ уже не шелъ. Его полумертваго, съ блѣднымъ, кротко-покорнымъ лицомъ и слипшимися, отросшими въ тюрьмѣ волосами, везли между рядовъ на какой-то двухколесной дыбѣ. Удары падали.

«Стой!»—вдругъ раздался чей-то властный, громкій голосъ: «не такъ бьете! артиллерію, пушки сюда, картечь!»—Толпа разступилась. Шервудъ понялъ, что это скомандовалъ онъ самъ, и увидѣлъ на себѣ офицерскій мундиръ и красивыя, торчавшія крыльями эполеты. Выдвинулись откуда-то двѣ полевые пушечки. Испуганные артиллеристы стали съ зажженными фитилями. Рекрута болѣе не было видно. На его мѣстѣ была кучка офицеровъ разнаго оружія, капитаны, полковники, интенданты, генералы. Они въ разстегнутыхъ мундирахъ, безъ шпагъ и шляпъ, обнимались, что-то говорили другъ другу и что-то кричали удивленнымъ солдатамъ. Шервудъ узналъ между ними Муравьевыхъ, Вадковскаго, Пестеля и Бестужева.—«Предатель! вотъ онъ, измѣнникъ!» закричалъ изъ толпы, указывая на него товарищамъ, Вадковскій: «чрезъ него мы гибнемъ!» Шервудъ оглянулся на пушки и махнулъ рукой. Раздался визгъ картечи. Въ толпѣ офицеровъ упало нѣсколько человѣкъ. Чѣмъ-то теплымъ брызнуло въ глаза и на щеки Шервуда...

Онъ очнулся, хотѣлъ встать, раскрыть глаза и не могъ пошевелиться.—«Боже, хоть бы каплю воды!» мучительно подумалъ онъ, томимый жаждой, будучи не въ силахъ отереть мокраго, потнаго лица. Съ усиленіемъ онъ оглянулся по комнатамъ и не узналъ ее. Что-то странное, новое на мгновеніе обрисовалось передъ нимъ и опять исчезло.

Та же ночь. Но гдѣ это?.. Шервудъ увидѣлъ, что онъ лежитъ въ пріятно-сырой, росистой травѣ, между деревьевъ. Сквозь нависшія вѣтви чуть свѣтиль мѣсяцъ. Пахло болотомъ, слышалось журчаніе студенаго лѣснаго ключа. Шервуду и пить страшно хотѣлось, и онъ кого-то, съ замираніемъ сердца, какъ бы ожидалъ. Сюда въ лѣсную глушь должна была къ нему прійти Зина Ушакова.—«Еще успѣю» мыслить онъ, съ страстнымъ содроганіемъ: «а теперь хоть бы глоточекъ...» Онъ бросился сквозь чащу деревъ и очутился на круглой, чуть освѣщенной полянкѣ. Сверкала свинцовою зыбью одна поверхность ключа, обросшаго сочными, длин-

ными травами и камышомъ. Онъ присѣлъ на корточки, ухватился за траву, жадно припалъ ртомъ къ водѣ и увидѣлъ нѣчто ужасное, необъяснимое.

По зыбкой глади воды суетливо бѣгали какіе-то, съ мохнатыми лапами и брюхами, сѣрые проворные пауки. Они шныряли въ одну сторону; имъ на встрѣчу и наискось, шевелясь, скользили другіе. Шервудъ вспомнилъ, какъ солдаты на постой у крестьянъ пьютъ квасъ съ тараканами. Онъ, усмѣхнувшись, подулъ на пауковъ: тѣ разбѣжались. Онъ еще ниже склонился къ ручью и въ ужасѣ замеръ.

То, что онъ принималъ за воду, оказалось не водою, а сплошнымъ комомъ гадовъ, которыхъ онъ отъ рожденія такъ всегда боялся. Клубни сѣрыхъ, большихъ и малыхъ змѣй шевелились круглыми, лоснящимися спинами. Нѣкоторые змѣи высовывались плоскими головками изъ кучи другихъ и шипѣли. Шервуду въ то же время слышался за деревьями голосъ Зины: «сюда, сюда! да гдѣ же ты?» Онъ рванулся, выпутался изъ травы и, въ дикомъ страхѣ, бросился бѣжать, но попалъ, очевидно, не туда. Деревья преграждали ему путь. Онъ продирался сквозь ихъ цѣпкія вѣтви, явственно слыша настигавшій его, противный шелестъ гадовъ. Плоскія головки мелькали въ листьяхъ, хрустѣли подъ ногами Шервуда; онъ съ бѣшенствомъ ихъ давилъ. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ вырвался на опушку темнаго лѣса.

Разсвѣтъ еще не начинался. Надъ болотистымъ полемъ кое-гдѣ висѣлъ туманъ. Шервудъ побѣжалъ—трусливымъ зайцемъ, какъ онъ самъ подумалъ въ это мгновеніе. Вода шлепала и брызгала изъ-подъ его ногъ. Ступни вязли въ тинѣ. Онъ завидѣлъ домъ Ушаковыхъ, домчался до лѣстницы, вскочилъ въ комнату; но не-гдѣ дѣться. Весь полъ укрытъ змѣями, по стѣнамъ ползаютъ пауки. Онъ взобрался на диванъ, поджалъ подъ себя мокрыя, испачканные грязью, ноги и накрылся съ головой шинелью, даже для удобства прихватилъ край шинели зубами. Шелестъ гадинъ не прерывался.

«Въ корридоръ, на чердакъ!» подумалъ онъ: — «тамъ у кухни лѣстница; заберусь на самый верхъ». Онъ бѣгалъ въ потьмахъ по чердаку, ощупью забился въ уголъ, подъ печную трубу, и въ трепетѣ притаился. На чердакѣ была тьма. И вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ его рубашку вползаетъ что-то холодное, скользкое и, расправляясь, шевелится по его спинѣ. На плечи ему упала какая-то безобразная, мертвящая тяжесть...

Шервудъ отчаянно, дико вскрикнулъ и проснулся. Начиналось утро. Передъ диваномъ стоялъ съ разносной книгой будочникъ, теребя Шервуда за плечо.

— «Пакетъ вамъ» — произнесъ босой, въ одномъ бѣлѣ, заспанный половой, стоя возлѣ будочника.

Шервудъ опомнился, всталъ, протеръ глаза и поднесъ пакетъ къ окну. То была повѣстка изъ штаба—явиться въ тотъ же день за полученіемъ дорожной и «экстраординарной суммы» на немедленный отъѣздъ.

Росписавшись въ книгѣ, Шервудъ отпустилъ будочника, прошелся по комнатѣ, надѣлъ шинель и взглянулъ на полового. Усталость и хмѣльный бредъ мигомъ бросили его.

— Видишь, братъ? будутъ деньги и большія!—сказалъ онъ, тормоша озадаченнаго полового и смѣясь торжествующею, гордою улыбкой:—самоваръ, пуншику... бриться, мыться... мигомъ!

Въ чистомъ бѣльѣ и въ новой парѣ, Шервудъ щеголемъ, къ началу присутствія, явился въ штабъ, получилъ заготовленные бумаги, пересчиталъ пачку врученныхъ ему ассигнацій, росписался въ ихъ полученіи и съ легкимъ сердцемъ вышелъ въ переднюю, наполненную просителями и сторожами.

«Нѣтъ, шутишь, сразу не выѣду!»—думалъ онъ, тыча деньги въ карманъ:—«теперь прежде всего закусочка; ловится лососина; солёночку съ перцемъ и огурцами, изъ селедки форшмакъ... На углу Караванной вкусно дѣлають, да рюмочку-другую полынной, да бальзамцу... а тамъ и къ графу съ новымъ, дорогимъ для него открытіемъ».

Въ кучкѣ сторожей-инвалидовъ въ передней штаба шелъ разговоръ:

— Позавчера онъ сердечный былъ—именинникъ, а нынче уже и въ путь.

— Кто именинникъ?—надѣвая перчатки и рисуясь въ перетянутомъ мундирчикѣ, шутливо и весело спросилъ Шервудъ:—можеть и я именинникъ, угощу.

Инвалиды молча и недовѣрчиво на него поглядѣли.

— Да кто же, братцы, именинникъ?—повторилъ Шервудъ, чувствуя, что ему особенно весело, и желая, чтобы также весело было и другимъ.

— Тезоименитство его величества было третьяго дня,—отвѣтилъ старшій, въ сѣдыхъ бакенахъ, инвалидъ, вставая передъ молодцоватымъ унтеромъ:—да вотъ ребята маракуютъ, ѣдетъ уже нынче его величество.

— Куда?—удивился Шервудъ.

— Въ Таганрогъ.

— И это вѣрно?

— Второй день подстава готова до самого Новгорода; сказывали намереніи фельдъегеря, что къ графу заѣдетъ...

— Развѣ графъ не въ городѣ?

— Въ Грузинѣ. Со вчерашняго дня ему туда всѣ бумаги шлютъ.

— А его величество?

— Должно быть, въ Царскомъ.

Шервудъ вышелъ. Забывъ о закускѣ, онъ бросился на постоянный дворъ, расплатился съ хозяиномъ, уложилъ свои вещи, послалъ за тройкой, сѣлъ въ телѣгу и помчался, кратчайшимъ проселкомъ въ Царское Село.

«Безпосредственный корреспондентъ его величества, такъ имъ и скажу!»—разсуждалъ онъ, подпрыгивая на телѣгѣ:—«самъ государь соизволилъ,—должны допустить»...

Въ концѣ августа, въ Петербургѣ знали, что государь Александръ Павловичъ уѣзжаетъ съ больною императрицей на осень, въ Таганрогъ.

Подъ вліяніемъ вѣсти о болѣзни государыни, по городу ходило немало тревожныхъ толковъ. Многихъ смутилъ недавній пожаръ, истребившій церковь Спаса-Преображенія. На небѣ явились, одна вслѣдъ за другой, двигаясь съ сѣвера на югъ, двѣ кометы. Первая вскорѣ угасла. Въ этомъ увидѣли дурное предзнаменованіе.

Послѣдніе дни августа стояли, между тѣмъ, ясные, теплые. Въ Царскомъ Селѣ все было давно готово къ отъѣзду; но государь почему-то медлилъ. Ему какъ-то не хотѣлось разставаться съ любимымъ царскосельскимъ дворцомъ, съ свѣтлыми прудами, тѣнистыми садами и рощами. Онъ кончалъ неотложныя дѣла, принималъ прощальные доклады министровъ и, переписываясь съ родными въ чужихъ краяхъ, былъ особенно пасмуренъ и неразговорчивъ.

Тридцать перваго августа, наканунѣ отъѣзда, государь всталъ рано, прошелся по ближнимъ аллеямъ, постоялъ у озера, подъ дубомъ, гдѣ любила отдыхать и читать его бабка Екатерина, бросилъ корму рыбамъ, полюбовался лебедями, сказалъ нѣсколько словъ старому садовнику, Никитичу, и на докладъ камердинера Федора: «кофій готовъ, пожалуйста» — нѣхотя и медленно возвратился во дворецъ.

Послѣ кофе, государь, по обычаю, заперся въ кабинетѣ, сѣлъ за письменный столъ и вынулъ изъ особой обложки пачку бумагъ. Онъ надъ ними задумался.

Изъ оконъ былъ видѣнъ край синяго неба, часть озера и развѣсистый старый дубъ, гдѣ государь только-что стоялъ, были видны одѣтыя красками осени, хотя еще въ листьяхъ, но уже кое-гдѣ тронутыя золотомъ и пурпуромъ, деревья сада.

Государь не смотрѣлъ ни на небо, ни на деревья и озеро. Онъ сталъ просматривать верхнюю изъ лежавшей передъ нимъ пачки бумагъ. То былъ роковой списокъ заговорщиковъ, привезенный Шервудомъ. Прочтя списокъ и дополнительные замѣтки Аракчеева, государь взялъ перо и листъ бумаги и началъ писать.

Неразлучная съ нимъ датская собака, Лордъ, дремала у его

ногъ. Исписавъ страницу, Александръ вздохнулъ и остановился. Перо падало изъ его рукъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что почему-то видить плохо: слова, которыя онъ набрасывалъ, сливались передъ нимъ и путались. Онъ поднялъ голову.

Внезапно нашедшія тучи закрывали весь небосклонъ. Государь позвонилъ.

— Огня, — сказалъ онъ вошедшему слугѣ, снова принимаясь писать.

Слуга ушелъ, но медлилъ возвращеніемъ. Александръ нетерпѣливо позвонилъ опять. Были принесены двѣ зажженные восковыя свѣчи.

«Вотъ она сѣверная природа и сѣверные порядки!» подумалъ Александръ, съ досадой продолжая писать и мысленно уносясь къ югу: «осень въ началѣ, завтра только первое сентября, а здѣсь уже темно, какъ зимой. И ѣхать за тепломъ, за свѣтомъ въ такую даль! Великая ошибка Петра... Отчего не быть столицѣ въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Крыму?»

Облака между тѣмъ разсѣялись. Солнце снова явилось и весело глядѣло въ окна. Александръ не видѣлъ солнца. Его рука скользила по листу.

Лежавшій у стола Лордъ сердито, какъ бы сквозь сонъ, зарычалъ. Государь оглянулся и увидѣлъ, что вошедшій въ кабинетъ слуга осторожно изъ-за него убиралъ свѣчи со стола.

— Что это ты дѣлаешь, Ѳеодоръ?—спросилъ Александръ.

— Такъ слѣдуетъ, ваше величество.

— Но ты, по крайней мѣрѣ, хотъ бы подождать, пока кончу писать... мѣшаешь,—опять могутъ найти тучи...

— Негодится днемъ, ваше величество, зажигать свѣчей.

— Право? а я и не зналъ. Почему?

— Днемъ зажигаютъ свѣчи только надъ покойниками.

Слуга ушелъ. Александръ сидѣлъ неподвижно. Очнувшись, онъ изорвалъ написанное, вложилъ заботившія его бумаги, безъ всякой резолюціи, въ пакетъ, сунулъ его въ портфель, приготовленный для пути въ Таганрогъ, и снова вышелъ къ озеру, къ развѣсистому дубу. Ни въ Грузинѣ, ни въ Таганрогѣ Александръ болѣе не касался роковаго пакета. Онъ былъ найденъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, безъ его помѣты, уже послѣ его кончины...

Часу въ третьемъ пополудни, перваго сентября, Шервудъ подѣхалъ къ Царскому Селу. Оставивъ извозчика съ чемоданомъ, онъ направился ко дворцу. У воротъ его остановили.

— Куда?—спросилъ часовой.

— Къ самому государю... дѣло важное...

— Нельзя.

— Почему?

— Спроси начальство.

Шервудъ увидѣлъ толстаго, гусарскаго поручика, сидѣвшаго на крылечкѣ гауптвахты. Поручикъ удивилъ Шервуда: онъ былъ въ полотняномъ, на распахку, кителѣ, курилъ изъ вѣтаго, въ бисерномъ чахлѣ, чубука и беззаботно забавлялся съ стоявшею передъ нимъ на заднихъ лапахъ, рыжею, лохматою и безхвостою собачонкой.

— Ваше благородіе,—громко сказалъ, подойдя къ поручику и снимая фуражку, Шервудъ:—важное дѣло—безпосредственный его величества корреспондентъ...

— Что-о?—разсмѣялся офицеръ, выпустивъ изо-рта клубъ дыма и весело закашливаясь.

Шервудъ повторилъ свои слова.

— Ну, соколикъ, опоздалъ,—произнесъ поручикъ, принимаясь опять посасывать изъ чубука:—государь еще съ вечера уѣхалъ въ Петербургъ; а теперь ужъ чай и подъ Новгородомъ... А чтобъ безо... тѣфу!.. не выговоришь... безо... средственному тебѣ, или какъ ты тамъ себя называешь, не наплести съ пьяну еще какой чепухи,—ну-ка, Кузьковъ, на покой его прохладиться!—крикнулъ поручикъ, полуобернувшись жирною, бѣлою шеей въ сѣни кордегардіи, откуда уже выглядывалъ усатый и черный, въ сажень ростомъ, гусарскій фельдфебель.

— Да я, ваше благородіе... тутъ вещи, важныя бумаги, помнителите...

— Ну, тамъ уже рѣшать,—заклучилъ поручикъ, опять подывая рыжую, лохматую собачонку, которая тѣмъ временемъ вѣжливо ушла было въ сторонѣ.

Къ ночи, осмотрѣвъ бумаги Шервуда, дѣло разобрали, подумали и отпустили его. Онъ уже не возвращался въ Петербургъ, а выѣхалъ на югъ прямо изъ Царскаго. Государь, на пути изъ Петербурга, заѣхалъ въ Невскую Лавру. Отслуживъ здѣсь панихиду, онъ навѣстилъ лаврскаго схимника, постелью для котораго служилъ обитый чернымъ, съ атрибутами смерти, гробъ.

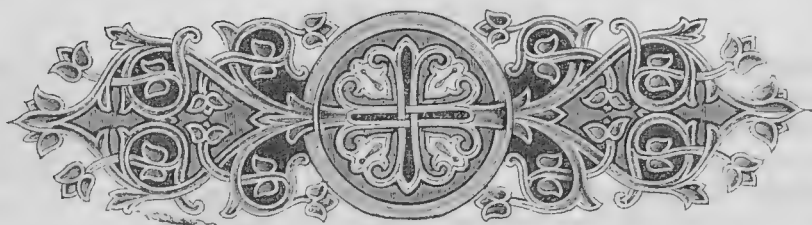
«Послушались бы меня, было бы иначе!» мыслилъ Шервудъ, ближе и ближе подвигаясь къ югу. — «Успѣютъ ли прослѣдить, выловить виновныхъ?»

Пошли степи. Вотъ рѣка Сеймъ, города Харьковъ, Богодуховъ, Новомиргородъ. Вездѣ было тихо, жизнь катилась, повидимому, мирно, безъ заботъ.

— «Эхъ, земляца; страна!»—злбно сказалъ себѣ Шервудъ, завидя длинные, знакомые заборы, пустынные улицы и крышу полковаго двора: «и этакой услуги, такого открытія не оцѣнить!»

Осенью, 1825 года, изъ Таганрога разнеслась печальная вѣсть о тяжелой болѣзни императора Александра Павловича. Девятнадцатаго ноября того же года онъ скончался. О доносѣ Шервуда заговорили—уже послѣ четырнадцатаго декабря...

Г. Данилевскій.



ИСТОРИЯ МОЕГО ДЯДИ.¹⁾

XL.

ОСТАЕТСЯ досказать уже немногое. Но я, все-таки, должен оговориться еще об одномъ обстоятельстве, касающемся собственно моего рассказа.

О дядѣ моемъ Іоасафѣ Николаевичѣ я рассказываю только по домашнимъ преданіямъ, на основаніи того, что слышалъ я отъ лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ нему, имѣвшихъ возможность не формально, а очень интимно наблюдать за событіями печальной его исторіи, а потому глядѣвшихъ на нее съ различныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ разнообразныхъ чувствъ и впечатлѣній. Довольно рано успѣлъ я разобраться въ подробностяхъ всего рассказаннаго мнѣ, даже весь смыслъ исторіи для меня уяснился, и уже поэтому я могъ не заглядывать въ официальное «Дѣло о дворянинѣ 14-го класса Іоасафѣ Николаевѣ сынѣ, П—вѣ».

А не разъ хотѣлось мнѣ просмотрѣть объемистое «дѣло», сдѣлать изъ него выписки, повѣрить по немъ рассказанные мнѣ факты, но, въ концѣ-концовъ, чувство непреодолимаго отвращенія не допускало меня до этого. И очень жалѣю о томъ: изъ «дѣла» я увидалъ бы и могъ бы другимъ показать, какъ судили и засудили бѣднаго моего дядю тогдашніе судьи; да и вообще, тогда я рассказывалъ бы про все, можетъ быть, гораздо точнѣе по отношенію къ формальной сторонѣ дѣла. Но повторяю: непреодолимое отвращеніе не допустило меня погрузиться въ затхлый ворохъ бумагъ, заклю-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XII, стр. 566.

чавшихъ въ себѣ приговоръ человѣку, въ глазахъ моихъ чрезвычайно несчастному и отнюдь не преступному.

Конечно, въ слѣдственномъ дѣлѣ я не нашелъ бы разъясненія, ни даже намекъ насчетъ того, какія именно причины побудили Іоасафа Николаевича П—ва возвратиться въ опустѣлый михѣвскій его домъ. Но и семейныя преданія не разъяснили мнѣ этого. А очень странно, какъ онъ могъ рѣшиться на возвращеніе, за которыми, про чтò, вѣроятно, и ему хорошо было извѣстно, должны были немедленно послѣдовать въ высшей степени непріятныя сношенія съ разными уѣздными чиновниками, людьми для него всегда антипатичными, которыхъ, можетъ быть, вслѣдствіе воспоминаній объ отцѣ своемъ, онъ даже боялся. Между тѣмъ, уклонившись, въ теченіи нѣкотораго времени, отъ чиновничьихъ придирокъ и преслѣдованій, переждавъ, гдѣ нибудь внѣ дома, пока скандальное дѣло, собственно о какомъ-то будто бы сообществѣ съ бѣглыми солдатами, позатихнетъ, можно было бы навѣрное надѣяться, что дѣло это окончится рѣшительно ничѣмъ, какъ и многія скандальныя дѣла оканчивались тогда такимъ же образомъ; про все это много говорилъ брату Михайло Николаичъ Г—въ, для того-то и увозилъ онъ его изъ хижины Степовички и изъ города Коломны.

Да и это ли одно должно было бы отклонять Іоасафа Николаевича отъ возвращенія въ Михѣво? Дѣйствительно, по всѣмъ причинамъ, ему тамъ нечего было дѣлать, особенно же въ позднюю, глухую, осеннюю пору; притомъ, слишкомъ печальныя воспоминанія должны были тѣсно обступать его, при первомъ же вступленіи на порогъ родительскаго стараго дома и безъ того давнымъ-давно постоянно мрачнаго и непривѣтнаго. А вотъ, онъ, все-таки, рѣшился возвратиться въ этотъ домъ, ради того отвергнувъ, съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, и братнюю помощь, и то нѣжное, пылко-страстное чувство къ любимой женщинѣ, изъ-за котораго, еще такъ недавно, онъ готовъ былъ всѣмъ, всѣмъ пожертвовать!

При прощаніи съ братомъ Г—вымъ, жесткой волѣ котораго онъ такъ беззащитно всегда предавался и, казалось, такъ уже привыкъ покоряться, онъ высказалъ, что «умирать собрался», что «пора ему къ роду-племени». Но мало-ль чтò говорится въ минуты сильной душевной скорби? Да и не умеръ же онъ скоро по возвращеніи въ Михѣво и судьба его порѣшилась смертью не тамъ. Онъ проживалъ тогда въ своемъ домѣ, относительно говоря, гораздо спокойнѣе, чѣмъ прежде (какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго короткаго моего разсказа) и во всѣхъ тогдашнихъ его дѣйствіяхъ ни почему незамѣтно, чтобы онъ думалъ о самоубійствѣ, чтобы онъ старался избыть постылую, одинокую и тяжкую жизнь.

Стало быть, нѣчто иное побудило Іоасафа Николаевича разстаться съ братомъ Г—вымъ и съ Мариною, и возвратиться домой,

несмотря на ожидавшія его тамъ многія испытанія. Хотѣлось бы мнѣ уяснить тогдашнее состояніе этого глубоко-разстроеннаго, напряженно-мѣтущагося духа, хотѣлось бы разгадать, какія чувства и мысли кипѣли тогда въ немъ.

Не внушено ли было бѣдному дядѣ такое рѣшеніе внезапно проснувшимся въ его душѣ и чрезвычайно яркимъ воспоминаніемъ о матери, о родной семьѣ, о родныхъ мѣстахъ и о тѣхъ поступкахъ, въ которыхъ выразилось съ его стороны столько блаженной нерассудительности и безхарактерности, столько безтолковаго, недостойнаго подчиненія чужой волѣ и даже всякимъ случайностямъ?

Думается, что такъ и было, что именно это самостоятельное воспоминаніе, а не мысль о близкой смерти, ни даже свиданіе съ макшеевскимъ священникомъ, подвинуло его къ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами, что оттого-то и жилъ онъ тогда, въ теченіи довольно долгаго времени, спокойно занимаясь устройствомъ семейныхъ дѣлъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и защищаясь отъ чиновниковъ. Пошелъ ли бы онъ дальше и дальше по пути нравственнаго возрожденія, подавилъ ли бы онъ въ себѣ наклонность къ мрачной мечтательности, окрѣпла ли бы воля его, образовался ли бы въ немъ хоть сколько нибудь самостоятельный характеръ? Не знаю; для отвѣта на эти вопросы нѣтъ уже ни малѣйшихъ указаній; а впрочемъ, для возрожденія въ опредѣленномъ смыслѣ и времени не достало, да и всему помѣшали роковыя обстоятельства, опять неожиданно-негаданно обступившія несчастнаго моего дядю и окончательно его убившія.

Сначала же все шло такъ ладно.

Пріѣхавъ въ Михѣево, Іоасафъ Николаевичъ нашелъ свой домъ не столь мрачнымъ, какъ можно было бы ожидать. Тутъ поусердствовалъ умный староста Павелъ Селифонтовъ. Послѣ переговоровъ съ отцомъ Осипомъ насчетъ средствъ къ розысканію Іоасафа Николаевича, онъ твердо обнадежился, что баринъ скоро возвратится домой, и потому настойчиво присовѣтовалъ дворовымъ, опять собравшимся въ дворню почти полную, чтобы они домъ отапливали ежедневно и держали бы его въ порядкѣ къ пріѣзду барина. Такъ и было сдѣлано; мало того, многое и въ усадьбѣ успѣли исправить.

Въ домѣ, въ усадьбѣ, съ наружной, собственно, стороны, стало даже лучше, поприглянѣе прежняго, по крайней мѣрѣ, чѣмъ было за послѣднее время. Но со стороны внутренней, рѣзко выразилась одна разительная перемѣна: недавно, полный людьми, михѣевскій домъ былъ пустъ совершенно, покинули-то его, правда, немногія, зато все такія лица, которыя придавали ему постоянное оживленіе; оттого, должно быть, и дворовые, убравшіе въ комнатахъ, всегда робѣли, спѣшили уйти и, ходя по усадьбѣ, какъ-то сторонились отъ барскаго дома.

Замѣтилъ ли Іоасафъ Николаевичъ и внѣшнюю прибранность, и внутреннее запустѣніе своего стараго родоваго гнѣзда? По всей вѣроятности, последнее очень замѣтилъ и почувствовалъ, хотя никто о томъ мнѣ ничего не рассказывалъ, и, конечно, потому, что всѣ домашніе увидали его, на первыхъ же порахъ по возвращеніи, довольно спокойнымъ.

Внѣдренію, поддержанію въ немъ душевнаго спокойствія много и больше всего поспособствовалъ макшеевскій священникъ. Онъ, съ перваго же дня, не покинулъ молодаго человѣка, которому предстояла такая тяжкая борьба и съ трудными обстоятельствами, и съ самимъ собой: посѣщалъ онъ его очень часто, чуть не ежедневно, оставался съ нимъ, болѣею частью, по-долгу и бесѣдовалъ тихо, серьезно. Рѣчи его, несмотря на тяжеловатый, семинарскій складъ ихъ, были теплы и полны искренней участливостью, а потому и дѣйствовали всегда успокоительно на Іоасафа Николаевича. Дворовые очень скоро подмѣтили это и, бывало, ожидали посѣщенія отца Осипа съ нетерпѣніемъ. Когда же приходилъ или прѣзжалъ онъ, домочадцы михѣевскіе, нерѣдко въ немаломъ числѣ, собирались потихоньку по обѣ стороны дверей той комнаты, гдѣ сидѣли баринъ и добрый батюшка, чтобы послушать о чемъ они бесѣдуютъ, и то было не изъ пустаго любопытства. О такихъ бесѣдахъ долго сохранилось воспоминаніе у домочадцевъ, и, по ихъ рассказамъ, мнѣ самому памятна тутъ одна подробность, довольно ясно намекающая на душевное состояніе Іоасафа Николаевича, въ первое время по возвращеніи его домой. Тогда, какъ твердо о томъ запомнили домашніе, отецъ Осипъ часто упоминалъ о «Единомъ, Безгрѣшномъ», и все говорилъ, что отнюдь не подобаетъ предаваться унынію и отчаянію, и, конечно, говорилъ онъ такъ, ради успокоенія мятущейся совѣсти несчастнаго молодаго человѣка.

Но участіе почтеннаго макшеевскаго священника не ограничивалось однимъ лишь нравственнымъ утѣшеніемъ. Онъ помогалъ Іоасафу Николаевичу отдѣлываться по возможности отъ обвиненія насчетъ прикосновенности будто бы къ дѣлу о бѣглыхъ солдатахъ. У отца Осипа были родственники, служившіе въ егорьевскихъ судахъ, уѣздномъ и земскомъ, чиновники мелкотравчатые, но настолько наторѣлые въ тогдашнемъ уголовномъ судопроизводствѣ, или, лучше сказать, въ тогдашнихъ «приказныхъ» порядкахъ, что очень могли дать полезный совѣтъ относительно отвѣтовъ на «вопросные пункты», которые скорѣхонько были предложены Іоасафу Николаевичу. И въ самомъ дѣлѣ, совѣты этихъ мелкотравчатыхъ, за-благовременно преподанные, много облегчили моему дядѣ первоначальныя его объясненія по дѣлу, и до такой степени, что все обошлось тогда благополучно. Разумѣется, отчасти могло это зависѣть и оттого, что сочинитель вопросныхъ пунктовъ, какой-то дѣлецъ-секретарь, кажется, былъ обнадеженъ заранѣе насчетъ при-

личной ему «благодарности» со стороны «прикосновеннаго къ дѣлу». А, впрочемъ, благопріятному тогда для Іоасафа Николаевича направленію этого дѣйствительно опаснаго дѣла посодѣйствовали тоже и особыя обстоятельства.

Во первыхъ, возвращеніе Іоасафа Николаевича въ Михѣево, повліяло хорошо на чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находилось слѣдствіе, ибо нельзя же было имъ не заключить, что человѣкъ, добровольно являющійся для дачи показаній и объясненій по опасному для него дѣлу, конечно, очень надѣется на полное свое оправданіе. При томъ же, и отецъ Осипъ успѣшилъ сообщить, въ краткихъ, но яркихъ чертахъ, помѣщикамъ своего прихода: «въ какомъ глубоко-сокрушенномъ настроеніи духа нашелъ онъ михѣевского ихъ сосѣда, когда передавалъ ему о кончинѣ Надежды Ивановны, съ какимъ очевиднымъ раскаяніемъ созналъ сей злополучный молодой человѣкъ всю грѣховность и зазорность прежняго своего житія, и съ какою тихою покорностью ожидаетъ теперь себѣ конца смертнаго, дѣйствительно для него весьма и весьма близкаго». Съ большимъ участіемъ выслушали про все это близкіе къ михѣевскому сосѣду помѣщики, въ свою очередь сообщили слѣпно о томъ же другимъ помѣщикамъ, и, такимъ образомъ, все дворянство егорьевское въ то время рѣшительно стало на сторону Іоасафа Николаевича, что дошло немедленно до егорьевскаго чиновничества и подняло-таки немало излишнее его рвеніе къ «открытію, во чтобы ни стало, сообщничества дворянина П—ва съ дезертирами, заподозрѣнными въ грабежахъ и разбояхъ», съ дезертирами, впрочемъ, тогда еще мнѣнческими, такъ какъ они были не пойманы. Но въ помощь къ «общественному мнѣнію» мѣстнаго дворянства явилось и постороннее вліяніе, уже гораздо сильнѣе подѣйствовавшее на тогдашній ходъ дѣла.

Михайло Николаевичъ Г—въ укрывъ своего брата да и самъ укрывся отъ преслѣдованій егорьевскаго чиновничества у дальняго родственника П—вымъ, Алексѣя Саввича Т—ва, незадолго передъ тѣмъ женившася надовѣ помѣщицѣ изъ знаменитаго рода Л—выхъ. Этотъ бракъ доставилъ Алексѣю Саввичу значеніе въ самомъ губернскомъ городѣ. Т—въ былъ человѣкъ очень добрый, притомъ признававшій родство даже въ дальнихъ степеняхъ. Откровенно разсказалъ ему Г—въ всю исторію блажнаго своего брата—и Алексѣй Саввичъ, не безъ удовольствія вошедши въ роль старшаго родственника, какъ-бы родоначальника, сильно побранилъ Іоасафа Николаевича за его «безпутное» поведеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ охотно согласился укрывать въ имѣніи жены своей явившихся подъ его защиту обонхъ братьевъ, пока найдутся средства избавить ихъ отъ «приказническихъ каверзъ». Впрочемъ, врядъ ли скоро подыскалъ бы Алексѣй Саввичъ такія средства уже потому, что онъ былъ очень лѣнивъ на всякія дѣловыя занятія и энергически пре-

давался только псовой охотѣ, еслибъ не подвинулъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ «безумный» поступокъ Іоасафа Николаевича, преждевременнымъ возвращеніемъ своимъ домой выдававшего себя на жертву чиновникамъ, и такимъ образомъ подвергавшаго все свое родство опасности безчестья. И вотъ, Алексѣй Саввичъ прибѣгнулъ къ заступничеству своего уѣзднаго предводителя, а тотъ, по стариннымъ дружескимъ отношеніямъ къ роду Л—выхъ, тотчасъ же написалъ егорьевскому предводителю «объ оказаніи всяческой защиты молодому дворянину П—ву, неповинно привлеченному къ кляузному дѣлу». Въ то время, подобныя заступничества и ходатайства имѣли весьма большую силу и, при посредствѣ ихъ, многія дѣла, гораздо поважнѣе дѣла моего дяди, прекращались немедленно и безъ всякихъ послѣдствій.

Итакъ, егорьевскіе чиновники были «взнузданы» по дѣлу Іоасафа Николаевича П—ва, чему егорьевскіе дворяне очень радовались теперь, непослѣдовательно забывъ, что еще такъ недавно они же до нѣкоторой степени сочувствовали чиновничьимъ «видамъ» на пожизну отъ дѣла; а такъ какъ «взнузданіе» это произошло всего скорѣе «по милости чужаго предводителя», то дворяне-егорьевцы «поставили на счетъ» этотъ непріятный казусъ своему предводителю. Впрочемъ, всѣ дворяне вполне искренно радовались тому, что взведенное на Іоасафа П—ва обвиненіе въ сообщничествѣ съ бѣглыми солдатами должно загаснуть въ уѣздномъ же судѣ. Несомнѣннымъ казалось всѣмъ, что и другое дѣло, по жалобѣ Надежды Ивановны, должно было окончиться въ совѣстномъ судѣ рѣшительно ничѣмъ, ибо многіе свидѣтели могли подтвердить, что мать, передъ смертью своею, простила сына, при томъ, даже себя самою признавала виноватою въ столкновеніи съ сыномъ—и только не успѣла заявить официально о желаніи своемъ, чтобы начатое ею дѣло было прекращено.

Такое направленіе всей «михѣвской исторіи» должно было бы окончательно успокоивать Іоасафа Николаевича; но состояніе его духа выражалось тогда какъ-то двойственно. Повидимому, онъ былъ совершенно спокоенъ и уже ровно никакихъ чудачествъ въ поступкахъ его, въ образѣ его жизни, не проявлялось. Онъ даже самъ началъ хлопотать о раздѣлѣ имѣнія съ сестрами, причемъ, обѣимъ сестрамъ выдѣлить не четырнадцатую, по закону о наслѣдствѣ, часть, а части почти равныя его собственной. А все-таки, прежняя мрачная его нелюдимость была черезъ-чуръ замѣтна. Такъ, никого изъ сосѣдей онъ не посѣщалъ, а отецъ Осипъ не смогъ уговорить его къ тому, даже въ приходскую свою церковь онъ не ѣздилъ къ обѣднѣ по праздничныхъ и воскреснымъ днямъ, а отправлялся всегда въ церковь села Маливы, что явно дѣлалось имъ во избѣжаніе встрѣчи съ сосѣдями-помѣщиками. Снисходя къ его нелюдимству, а болѣе считая, что тутъ причиною печаль вслѣдствіе семейныхъ

несчастій, ближайшіе сосѣди наши нужнымъ сами сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Іоасафомъ Николаевичемъ; присылали узнавать о его здоровьѣ, даже настойчиво приглашали къ себѣ; но онъ на-отрѣзъ отказывался отъ этихъ приглашеній то по болѣзни, то за недосугами.

Въ концѣ концовъ, такая упорная уклончивость отъ «добраго знакомства» крайне не понравилась сосѣдямъ, и мало-по-малу общественное чувство опять стало настраиваться очень не въ пользу Іоасафу Николаевичу. Это отчужденіе его отъ добрыхъ людей истолковывалось, вообще, не хорошо. «На душѣ у этаго человѣка есть что-то, есть, и того гляди, покажетъ онъ себя...» такъ говорили объ немъ всѣ. А тутъ два распоряженія Іоасафа Николаевича еще усилили общее къ нему нерасположеніе, хотя, казалось бы, распоряженіями этими онъ отнюдь никого не задѣвалъ, ибо они касались только собственныхъ его дѣлъ.

Тотчасъ по окончаніи раздѣла съ сестрами, Іоасафъ Николаевичъ, побуждаемый, вѣроятно, какой-нибудь печальной думою о своемъ будущемъ, официально заявилъ гдѣ надо было о желаніи пожертвовать всю свою часть имѣнія на сооруженіе храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Вотъ, къ этому-то распоряженію отнеслись сосѣди помѣщики очень несочувственно. Всѣ находили, что это просто-на-просто—нелѣпая выходка со стороны малоимущаго дворянина, выходка, затѣянная имъ, во-первыхъ, въ явную обиду своимъ сестеръ, особенно же младшей (которая не даромъ, дескать, не хочетъ теперь жить въ родительскомъ дому), а во вторыхъ, даже въ нѣкоторый покоръ всему мѣстному дворянству. Я отнюдь не думаю, чтобы въ осужденіи Іоасафа Николаевича за такой поступокъ выражалось несочувствіе егорьевскихъ дворянъ къ самой мысли о воздвиженіи храма въ возблагодареніе Бога за спасеніе Россіи отъ наполеоновскаго нашествія; кажется, тутъ выразилось неудовольствіе на своего брата-дворянина только за тотъ способъ, посредствомъ котораго онъ, вдругъ и самопроизвольно, захотѣлъ выйти изъ владѣльцевъ крестьянъ: дѣйствительно, говорятъ, допущеніе, сначала, пожертвованій на храмъ Спасителя населенными имѣніями многимъ тогда не нравилось, ибо въ этомъ все-таки видѣли мѣру, ведущую если не къ полному уничтоженію, то къ косвенному ослабленію силы крѣпостнаго права. Иначе я не могу объяснить себѣ это неудовольствіе сосѣдей на моего дядю, оставшееся даже и послѣ того какъ его попытка не удалась (онъ опоздалъ, въ то время уже прекращенъ былъ пріемъ населенныхъ имѣній на великое дѣло, совершившееся только въ наши дни).

Но второе распоряженіе бѣднаго дяди уже окончательно раздражило противъ него егорьевское дворянство.

Когда не удалось ему пожертвовать свое имѣніе на храмъ Спасителя, онъ рѣшился мало-по-малу отпустить михѣевскихъ крестьянъ

на волю и сталъ дѣлать не такъ, какъ дѣлалось это окольными помѣщиками. Такъ, онъ отпустилъ самую зажиточную въ Михѣевѣ и большую семью Шибаетыхъ только за тысячу рублей ассигнаціями, предоставивъ притомъ, вольноотпущеннымъ всю ихъ обширную усадьбу и, кромѣ того, слишкомъ десять десятинъ полевой и луговой земли; выходило, стало-быть, что онъ собственно продалъ Шибаетымъ землю, да и то очень дешево.

— Этотъ молокососъ П—въ, разсуждалъ сосѣди-помѣщики, только и дѣлаетъ, что придумываетъ глупѣйшіе способы размытарить родовое свое имѣніе, да и какъ еще размытарить? какъ бы съ нарочною цѣлію насолить всему дворянству! Вѣдь, отпускъ на волю Шибаетыхъ непременно послужитъ теперь сквернымъ примѣромъ для окольного мужичья: всякъ ужъ захочетъ выкупаться не иначе какъ съ землею, ну, и вознесъ тутъ... Вотъ, полоумный, по своей охотѣ, завелъ волчье гнѣздо и у себя, и у сестеръ въ имѣніи, просто-на-просто испортилъ его навсегда... И какъ онъ смѣлъ сдѣлать это, ни съ кѣмъ не посоветовавшись! Въ опеку надо взять его!.. А тутъ и нашъ Андрей Ивановичъ крутомъ выповатъ: ожирѣлъ и знать ничего не хочетъ... Нѣтъ! изъ П—ва не будетъ пути, ужъ такъ добьется онъ до конца края, оно и видно, что къ тому идетъ.

Рядъ случайностей, скоро затѣмъ послѣдовавшій, довольно оправдалъ сосѣдское предсказаніе. Мало по малу все сложилось такъ, что даже и отпускъ на волю семьи Шибаетыхъ какъ будто послужилъ ко вреду для несчастнаго моего дяди.

XLI.

Надо сказать, что, между тѣмъ, прошло года полтора, и въ это время само собою образовались перемѣны въ обстановкѣ Іоасафа Николаевича, тоже не мало повліявшія на его судьбу.

Во-первыхъ, многократныя его поѣздки въ Егорьевскъ и продолжительное иногда житіе тамъ, какъ для дачи отвѣтовъ на запросные пункты, такъ и для хлопотъ по раздѣлу имѣнія, по заявленію о желаніи пожертвовать свою изъ имѣнія часть на храмъ Спасителя и, наконецъ, по совершенію отпускной и дарственной записи на землю Шибаетымъ, что, все вмѣстѣ, протянулось, съ перерывами, на нѣсколько мѣсяцевъ, отдалили отъ михѣевской усадьбы макшеевскаго священника и это повело неминуемо къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Вообще, больной душою съ раннихъ поръ, а въ послѣдніе два года вовсе разстроенный, чрезвычайно слабый волею, безхарактерный, и при всемъ этомъ, безъ малѣйшаго опыта въ жизненныхъ отношеніяхъ, Іоасафъ Николаевичъ лишился такимъ образомъ единственнаго человѣка, который могъ посоветовать ему полезное во многомъ, который могъ даже руководить его по-

ступками. Правда, отецъ Осипъ являлся въ Михѣево тотчасъ же по возвращеніи его домой, но та нравственная связь, которая образовалась было между ними и была такъ благотѣльна для несчастнаго молодого человѣка, какъ-то вдругъ ослабла и, скоро затѣмъ, совсѣмъ порвалась. И несомнѣнно, что тому виною былъ самъ Іоасафъ Николаевичъ.

Почувствовалъ ли онъ въ себѣ неодолимое стремленіе къ самостоятельности, отнюдь не допускающее никакихъ правоучительныхъ внушеній; подѣйствовало ли тутъ, напротивъ того, вліяніе дѣловыхъ сношеній съ егорьевскими чиновниками, причемъ онъ увидалъ со стороны этихъ людей не придирки злостнаго свойства, а полную готовность всячески облегчить для него объясненія по уголовному дѣлу, а это вліяніе пробудило ли въ немъ горделивую самонадѣянность (какъ и предполагалъ о томъ отецъ Осипъ), какъ бы тамъ ни было, но дѣло въ томъ, что онъ сталъ выказывать къ доброму священнику какую-то холодность и, послѣ каждой поѣздки, становился съ нимъ все несообщительнѣе.

Впрочемъ, эта несообщительность не была чѣмъ-то новымъ съ его стороны. Несообщительнымъ онъ былъ и прежде, даже со всѣми. Изъ-за этого многіе и сама мать считали его чрезвычайно горделивымъ человѣкомъ. А врядъ ли такое предположеніе основательно; кажется, тутъ была иная причина, и скорѣе тутъ дѣйствовало смутное и подавляющее сознаніе своей слабости, мѣшавшей ему составлять хоть сколько нибудь твердыя понятія о жизни, о людяхъ, объ окружающихъ его обстоятельствахъ. Но этотъ несчастный характеръ былъ, вообще, сложенъ и неочень-то легко разобрать всѣ его оттѣнки.

А вотъ что было ново.

Въ прежнее время, Іоасафъ Николаевичъ всегда и на самомъ дѣлѣ выказывалъ себя отнюдь не трусомъ. Такъ, съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ любилъ бродить, въ ночное время, по пустыннымъ мѣстамъ. Фантастическія представленія, являвшіяся ему тогда, раздражали, волновали его, но не пугали. А съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Осипъ сталъ прекращать свои посѣщенія, въ дядѣ моемъ произошла и въ этомъ отношеніи разительная перемѣна. Онъ сталъ бояться чего-то. Это было очень замѣтно его домашнимъ. Какъ только наступали сумерки, онъ тревожно приказывалъ, чтобы скорѣе зажгли вездѣ лампы передъ образами и подавали въ главныя комнаты свѣчи, а затѣмъ, созывались въ домъ взрослые мужчины дворовые и еще нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ. Весь этотъ людъ, кое-какъ размѣщался въ переднихъ и вплоть до утра охранялъ барина, а самъ баринъ оставался одинъ въ своей комнатѣ; но нѣсколько разъ въ теченіи каждой ночи, онъ выбѣгалъ къ соборнымъ людямъ чрезмѣрно взволнованный, страшно блѣдный, дрожащій, какъ бы отъ сильнѣйшаго внезапнаго перепуга.

Странные поступки эти, проявившіеся въ послѣдніе полгода жизни Іоасафа Николаевича въ Михѣевѣ, очень тревожили и пугали его домочадцевъ и были бы для нихъ исполнѣ невыносимы, еслибъ блажной этотъ баринъ оставался подолгу дома; но, къ счастью ихъ и на бѣду себѣ, онъ сталъ часто покидать свою усадьбу.

Онъ ѣздилъ только въ Егорьевскъ. И въ каждую поѣздку онъ все больше привыкалъ къ этому, тогда, ничтожному, старообразному, мрачному городку, такъ что пребываніе его тамъ длилось иногда уже по цѣлымъ недѣлямъ. Что привлекало его туда, что могло бы казаться ему тамъ пріятнымъ или интереснымъ? Уже конечно, не удобства, не развлеченія городской жизни. Въ отношеніи удобствъ, для помѣщика, привыкшаго у себя въ имѣніи къ простору и къ нѣкоторому порядку въ домашнемъ обиходѣ, Егорьевскъ, въ тогдашнемъ его положеніи, рѣшительно не представлялъ ничего сноснаго: помѣщеніе въ постоянныхъ дворахъ городка было изъ рукъ вонъ плохое во всѣхъ статьяхъ; насчетъ и пищи приходилось кое-какъ перебиваться, продовольствуясь перѣдко какой нибудь солянкой самаго сомнительнаго свойства. Въ отношеніи же развлеченій, Егорьевскъ не даромъ былъ городомъ старообрядцевъ: такъ, даже въ единственномъ его трактирѣ, содержимомъ тоже старообрядцемъ Шведовымъ, билліарда не имѣлось, посѣтителей ничѣмъ тамъ не тѣшили, и двери для всѣхъ запирались часамъ къ десяти ночи, а подъ праздники, особенно чтимые старообрядцами, чинный трактиръ и вовсе не торговалъ.

Макарушка, всегда въ поѣздкахъ сопровождавшій барина, много, дивился времяпровожденію его въ Егорьевскѣ. И въ самомъ дѣлѣ оно было довольно странно. Іоасафъ Николаевичъ проживалъ въ Егорьевскѣ по своему, по-михѣевски: если случалось ему по дѣламъ хлопотать и заниматься, то все это происходило у него, на постояломъ дворѣ; тутъ прошенія и всякія бумаги писались, тутъ, съ ранняго утра до начала «присутствія» въ судахъ, а потомъ, съ вечерень и часовъ до девяти ночи, толкались столоначальники, секретари, засѣдатели изъ «присутственныхъ мѣстъ», тутъ эти господа между дѣломъ пили и ѣли, разсуждали и разсказывали; а самъ гостепріимный ихъ хозяинъ покидалъ свою квартиру только для подачи прошеній и бумагъ, да и то не всегда. Надо, притомъ замѣтить, что онъ бывалъ неразговорчивъ и съ чиновниками, въ подпитіи съ ними отнюдь не участвовалъ и, несмотря на усердныя ихъ приглашенія, никогда не ходилъ къ нимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не уклонялся отъ ихъ общества, напротивъ,—какъ-будто любилъ и искалъ его: такъ, въ то время, когда перемежались хлопоты по дѣламъ, онъ все-таки охотно принималъ къ себѣ егорьевскихъ своихъ знакомцевъ и даже зазывалъ ихъ къ себѣ,—и ужъ Богъ-вѣсть какъ онъ тутъ пересиливалъ свою нелюдимость, отклонявшую его постоянно отъ сосѣдей-помѣщиковъ.—

Впрочемъ, проживая въ Егорьевскѣ, онъ, и безъ общества словоохотливыхъ чиновниковъ, не выказывалъ вовсе того безпокойства, какое мучило его въ Михѣевѣ: оставаясь одинъ въ своемъ «нумерѣ», онъ по большей части читалъ старыя книги, которыя привозилъ съ собою изъ дому.

— Макарушка!—неразъ проговаривалъ онъ:—а тутъ какъ-то лучше, чѣмъ у насъ,—тутъ мнѣ не жутко...

Послѣднія слова подкашивали всякое возраженіе со стороны Макарушки: онъ внутренно соглашался съ бариномъ, что, и точно, ему, барину, въ Егорьевскѣ гораздо лучше, чѣмъ дома, ибо тутъ ниразу не проявился странный, ребяческій его страхъ; при томъ, вѣрный служитель находилъ, что баринъ его въ Егорьевскѣ все дѣломъ занимается:—съ чиновниками водится «по бумагамъ», а безъ чиновниковъ книжки читаетъ (онъ и чтеніе книжекъ считалъ за очень дѣловое занятіе).

Однажды, онъ рѣшился предложить барину даже совсѣмъ основаться для житія въ Егорьевскѣ: «что-жь, молъ, такое, почему бы намъ и здѣсь не проживать? Вотъ, только надо бы фатеру нанять да изъ-подъ-руки хозяйствомъ обзавестись: не-въ-примѣръ, такъ-то было бы повыгоднѣе для кармана,—а на постоянныхъ дворахъ подолгу оставаться,—воля ваша, сударь,—ка-быть и непристойно для вашей милости»...

— Ну, а какъ-же насчетъ нашего Михѣева?—спросилъ Іоасафъ Николаевичъ, видимо заинтересованный предложеніемъ.

— Насчетъ Михѣева нечего безпокоиться,—отвѣчалъ развязно Макарушка:—тамъ и всего-то дѣла только изъ-за луговъ,—для отдачи луговъ и на покосъ наѣзжать можно будетъ...

— Наѣзжать,—хоть-бы одинъ только разъ въ годъ... но, вѣдь, это все равно...—послѣ нѣкотораго раздумья, возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—нѣтъ! такъ негодится,—не могу на постоянное житіе сюда... Меня все-таки тянетъ и тянетъ...

Въ этомъ было что-то роковое.

Разъ, Іоасафъ Николаевичъ задумалъ побывать непременно въ Михѣевѣ—и, однако, дня три на рѣшался на эту поѣздку, предлаговъ на задержку не было никакихъ, а онъ все откладывалъ и откладывалъ. Наконецъ, онъ объявилъ Макарушкѣ, что надо будетъ выѣхать какъ-разъ за полночь.—«Такимъ образомъ,—говорилъ онъ:—весь путь отъ города до насъ мы сдѣлаемъ ночью, и можетъ быть, дорогою я сосну спокойно; къ развѣту же мы будемъ въ Михѣевѣ, а оттуда пустимся тотчасъ послѣ обѣдовъ и вернемся въ Егорьевскъ еще засвѣтло... Въ нынѣшній разъ, мнѣ не хотѣлось бы ночевать дома»...

Макарушкѣ очень не понравилось ночное путешествіе—и не безъ основанія: отъ Егорьевска до Михѣева было до тридцати верстъ; тутъ приходилось ѣхать хоть по столбовой, болѣею частью,

дорогѣ, но все почти лѣсомъ и лѣсомъ; особенно густы и мрачны были лѣса въ трехъ мѣстностяхъ: начиная чуть не отъ самаго города и вплоть до деревни Михалей (всего на верстахъ восьми-девяти), потомъ, около Сергіевского погоста, и наконецъ, за селомъ Троицею, на разстояніи четырехъ-пяти верстъ; и во всѣхъ трехъ выше названныхъ пунктахъ, наиболѣе же въ послѣднемъ, примыкающемъ, съ одной стороны, къ знаменитому тогда по худой молвѣ Чанскому лѣсу, случались нерѣдко большія происшествія: грабежи и даже убійства. Вообще, по сѣздѣ со столбовой дороги на проселочную (верстъ шесть-семь до Михѣева) путь становился безопаснымъ вслѣдствіе того, что тутъ не было уже большихъ лѣсовъ да и деревни шли частыя, но зато тутъ же были дурные переѣзды черезъ топкіе ручьи и какія-то ямины съ всякою грязью.

Макарушка, привыкшій къ свободному обращенію со своимъ баринномъ, пустился было въ возраженія противъ выѣзда въ ночную пору, но баринъ упорно держался за свою мысль.

— Вотъ, пристаешь съ этими страхами своими!—перерывалъ онъ малаго:—но больше не говори: я порѣшилъ, такъ тому дѣлу и быть... Впрочемъ, ты не очень сомнѣвайся, то разсуди: ѣхать отъ Егорьевска до насъ, днемъ ли, ночью ли,—все равно: проѣзжихъ почти никогда не встрѣчается, стало быть, и днемъ могутъ напасть... Да и чему быть, того не миновать.

Пожалуй, что и не даромъ закончилъ дядя свою рѣчь этой простой пословицею фаталистическаго свойства: можетъ быть, тѣмъ безсознательно объяснялось то видимое его спокойствіе, въ которое впадалъ онъ какъ-то періодически.

Въ прекрасную, лѣтнюю ночь выѣхали изъ Егорьевска. Мѣсяцъ, еще только въ началѣ своего ущерба, высоко стоялъ на безоблачномъ, синемъ небѣ и нѣсколько слѣва освѣщалъ прямолинейную, ровную дорогу, съ обѣихъ сторонъ тѣсно обставленную хвойнымъ лѣсомъ. На бѣломъ песку дороги тѣни отъ большихъ сосенъ, елей и кудрявыхъ березъ въ ивовыхъ корзинахъ (административное изобрѣтеніе генераль-губернатора Балашова) кой-гдѣ пролегали такими красивыми узорами. Глубокая тишина почти совсѣмъ не нарушалась тихой рысью миѣшевской тройки.—Іоасафъ Николаевичъ спокойно и даже весело посвистывалъ да поглядывалъ по сторонамъ,—и, должно быть, совсѣмъ онъ забылъ о снѣ, о которомъ задумывалъ передъ поѣздкою.

И всю столбовую дорогу проѣхали безъ всякихъ приключеній. Между тѣмъ, сіяніе мѣсяца много поубавилось, сквозь предразсвѣтный туманъ оно уже придавало предметамъ тускло-скользящее, обманчивое освѣщеніе. Оттого, при сѣздѣ на проселочную дорогу, Макарушка не хорошо переѣхалъ рытвину—и что-то вдругъ хрустнуло въ тѣлѣжкѣ, въ которой обыкновенно разѣзжалъ Іоасафъ Николаевичъ.

А скоро затѣмъ, подошла рытвина, еще похуже первой,—и дѣло вышло очень плохое: сломалась совсѣмъ таки передняя ось.

«Ось ли, колесо ли ломается,—хозяинъ умудряется», говоритъ пословица; но тутъ хозяинъ-то былъ баринъ, вовсе немудрящій человекъ при всяческихъ случайностяхъ, да и Макарушка,—недаромъ—дворовый, а не простой мужикъ,—тоже не зналъ какъ быть и что дѣлать. Впрочемъ, про запасъ не было захвачено въ дорогу ни топора, ни большого ножа.

Не оставаться же было въ рытвинѣ до бѣла дня. Баринъ и Макарушка стали такъ смекать, что надо, молъ, сейчасъ же отправиться на пристяжной за осью или въ деревню Русилову или въ Угорную-Слободку, которыя были близѣхонько; вопросъ только въ томъ состоялъ: кому ѣхать, барину или кучеру? Но вдругъ, неожиданно-негаданно явилась помощь на самомъ мѣстѣ пропешествія; изъ осиновой рощи, что была съ лѣвой стороны, вышелъ и къ бѣдующимъ подошелъ человекъ, которому, взглянувшему въ него, нелзя было обрадоваться.

Оба сразу узнали его. То былъ бѣглый солдатъ Шохинъ.

Онъ подошелъ, однако, чинно: держа въ обѣихъ рукахъ огромную свою шапку, какъ бы для того, чтобы показать, что нѣтъ у него ничего для нападенія; при томъ, тихимъ такимъ голосомъ спросилъ онъ:—«А что, молъ, ваше благородіе, никакъ бѣдете тутъ,—колесо, либо ось поломался?»

— Вишь, ось пополамъ, пусто-бъ ей было!..—сквозь зубы отвѣтилъ Макарушка.

— Бѣда не изъ пущихъ,—ухмыльнувшись, замѣтилъ Шохинъ:— чай, есть же съ вами топорикъ, а слегу можно вырубить: лѣсокъ-то по-близости.

— Топора онъ не захватилъ,—сказалъ Іоасафъ Николаевичъ, и при этихъ словахъ сильно ёкнуло сердце у Макарушки.—«Ахъ Господи! ну, какъ же можно говорить объ этомъ настоящему, какъ-есть, разбойнику»!..—подумалъ онъ.

— Вотъ, и хорошо, что я тутъ очутился,—продолжалъ бѣглый солдатъ:—у меня топорикъ, тутъ неподалечку, припрятанъ, мигомъ деревцо подходящее вырублю... Нашъ братъ, вѣдь, на всѣ руки годенъ.—А есть ли у васъ чѣмъ слегу подвязать?

Услыхавъ про топорикъ шохинскій, Макарушка тоскливо посмотрѣлъ на барина и бросился было отпрягать пристяжную. Іоасафъ Николаевичъ понялъ и выразительный взглядъ, и торопливое движеніе своего служителя.

— Полно тебѣ мыкаться безъ толку,—строго сказалъ онъ ему—и, тотчасъ обратясь къ Шохину, добавилъ:—Ступай! ладь тамъ что нужно. Я здѣсь подожду.

— Слушаю, ваше благородіе!—отвѣчалъ бѣглый и проворно пошелъ къ осиновой рощѣ.

— Батюшка! Есафъ Николаичъ!—взмолился Макарушка:—помогите и вы другую отпрячь... Авось успѣемъ ускакать!..

— Вѣдь, глупо же это до крайности!—возразилъ Іоасафъ Николаевичъ:—да вѣдь ты слышалъ,—я сказалъ тому человѣку, что подожду здѣсь,—ну, и буду ждать... А впрочемъ, коли такъ боишься,—отпрягай себѣ лошадь и скачи. Я одинъ доѣду домой.—Только смотри, не болтай тамъ ни слова и никому объ этой встрѣчѣ...

Баринъ устыдилъ таки Макарушку,—бѣдный малый остался, хотя страхъ его нѣсколько не унялся. Озираясь безпрестанно по сторонамъ, все отыскивая, должно быть, помощи или средства для обороны и рѣшительно не находя ничего такого, онъ вслухъ бормоталъ какія то молитвы, и въ трепещущемъ голосѣ его слышалось, что, вотъ-вотъ, и расплачется онъ, какъ малый ребенокъ.—А баринъ, какъ бы нарочно отвернувшись отъ рощи, крѣпко о чемъ-то задумался.

Между тѣмъ, слышно было, что Шохинъ рубить въ рощѣ,—и скоро онъ явился оттуда, съ жердиной на плечѣ, обчищенной отъ вѣтвей и обрубленной на концахъ.

— Готово, ваше благородіе, теперича какъ-разъ приладимъ,—сказалъ онъ. А ты сарафаниникъ,—промолвилъ онъ вполголоса Макарушкѣ: ужь не трусь, пожалуста, вишь топора-то со мною вѣту... Ну, давай же веревку подвязать слегу.

Но веревки не оказалось. За эту оплошность солдатъ, молча, погрозился кулакомъ на двороваго малаго; потомъ, отпрягъ коренную лошадь и вывелъ ее изъ оглоблей, да развязавъ хорошій красный кушакъ, которымъ былъ подпоясанъ его рваный мужичій кафтаникъ, кушакъ-то, можетъ быть, былъ снятъ съ какого нибудь купца или мѣщанина, сталъ прилаживать слегу подъ сломанную ось. Онъ дѣлалъ все это одинъ, и очень проворно и ловко.

— Готово и тутъ!—проговорилъ онъ, попробовавъ крѣпко ли подвязана жердина: кажись, можно будетъ доѣхать, знамо полегоньку. Вишь, кушакъ-то пригодился,—а онъ и мнѣ нуженъ про всякъ случай... Ваше благородіе! сдѣлайте божескую милость, слѣзьте съ тѣлѣжки,—покуда кучерёнокъ-то запрягать будетъ, надобно мнѣ съ вами словечкомъ перекинуться кое о чёмъ...

Отведя Іоасафа Николаевича почти къ самой рощѣ, онъ тихо и на спѣхъ сказалъ ему что-то, должно быть, очень важное.

— Какъ!..—вдругъ вскричалъ дядя въ величайшемъ волненіи: но... ради самого Господа!.. Да тутъ же, тутъ мнѣ скажи...

— Нельзя, не годится!..—возразилъ Шохинъ рѣзко и громко, такъ что Макарушка могъ уже слышать его слова: вонъ, прогнулись, гонять скотину, народъ тотчасъ вездѣ повалить, отсюда, тамъ, за рощей, ползкомъ придется ползти... Нашенское дѣло такое... Ночью, ваше благородіе, у васъ, на Облонѣ...

И онъ быстро юркнулъ въ глубь осинової рощи.

Въ двухъ, близкихъ къ дорогѣ, деревняхъ, теперь, при свѣтѣ утренней зари, хорошо видныхъ, точно уже проснулись простые рабочіе люди: скрипѣли ворота во многихъ дворахъ, слышались голоса перекликающіеся о чемъ-то; а еще слышнѣе раздавались мычанье скота въ двухъ стадахъ, хлопанье длинныхъ кнутовъ подпасковъ и веселые звуки двухъ пастушьихъ рожковъ. Стало быть, бѣглый солдатъ въ самую пору убрался куда-то, въ темную нору.

Іоасафъ Николаевичъ кое-какъ дотащился до своего Михѣва, но уже когда солнце довольно высоко стояло на небѣ.

XIII.

И не только что ночь, но и день этотъ прошелъ въ Михѣвѣ неспокойно. Причиною все былъ баринъ. День-денской онъ волновался, былъ «самъ не свой», приказывалъ, отвѣчалъ, требовалъ, сердился безъ толку. Чтò и подумать объ этомъ не знали дворовые, кромѣ одного лишь Макарушки, который нѣсколько догадывался съ чего такого баринъ волнуется.

Къ ночи, волненіе это очень усилилось.

Неожиданно баринъ пожаловалъ въ главную людскую избу и, съ дикими какими-то окриками, приказалъ, чтобы никто не приходилъ къ нему въ домъ, а всѣ тотчасъ ложились бы спать; затѣмъ, караульныхъ мужиковъ съ деревни отпустилъ домой, и только Макарушкѣ велѣлъ лечь на заднемъ крыльцѣ, да и строго наблюдать, чтобы ни подь какимъ предлогомъ не расхаживали по двору и отнюдь тѣмъ не беспокоили.

Разумѣется, барскія распоряженія показались дворовому люду диковинными и въ одномъ отношеніи барская воля была рѣшительно нарушена: приказано было спозаранку ложиться спать, но никто изъ взрослыхъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Любопытство было возбуждено въ высшей степени. Ну, и какъ же, въ самомъ дѣлѣ: «вотъ, ужъ сколько времени, на ночь, бывало, баринъ стоняетъ въ домъ много-много народу, а теперь, одинъ-одеңхонекъ остался въ цѣломъ домѣ! Что же онъ тамъ дѣлать-то хочетъ тайкомъ? Ужъ не поджидаетъ ли кого къ себѣ. А не приведи Богъ, это—Маринку!..»

Хотѣли было пройти къ Макаркѣ и пораспросить его, можетъ, что знаетъ. Но раздумали: баринъ не велѣлъ закрывать окна дома ставнями со стороны задняго крыльца, и, конечно, это недаромъ: знать, хочетъ и самъ понаблюсти, чтобы никто за нимъ не подсматривалъ; какъ же тутъ подойдешь къ Макаркѣ и пустишься въ разспросы?

Хотѣлось было многимъ вылѣзть въ окно людской съ той именно стороны, чтò на дорогу изъ деревни Андреевки, да оттуда и про-

браться ползкомъ въ садъ: «авось, молъ, тамъ откроется какая нибудь возможность узнать, что такое позатѣяно бариномъ и ради чего онъ прячется отъ домашнихъ въ какомъ-то дѣлѣ?»—но опять-таки и на это никто не рѣшился изъ-за опасенія попасться на глаза барину, благо ночь такъ свѣтла, всюду виднѣхонько, и онъ же съ ружьемъ иногда ходитъ, пожалуй, возьметъ да и всадитъ пулю...

Такія же опасенія были и у Макарушки. И онъ не рѣшился на подсматриванье за бариномъ вблизи, а, скрѣпя сердце, ограничивался только тѣмъ, что напряженно вслушивался во всякое движеніе и въ домѣ, и въ саду.

И вотъ, услыхалъ онъ, что старая тяжелая дверь на переднее крыльцо заскрипѣла, значить Іоасафъ Николаевичъ вышелъ изъ дому, и, должно быть, въ садъ; точно: въ главной аллеѣ послышались быстрые, все болѣе и болѣе удаляющіеся шаги.

Макарушка догадался: это баринъ пошелъ на Облонье, уже давно имъ покинутое, куда теперь придетъ къ нему Шохинъ...

«Охъ, какъ бы бѣды не вышло!—думалось малому:—у барина есть теперь деньги, что получилъ отъ Шпабевыхъ, да и луговья тоже, не узналъ ли про то разбойникъ?.. Но что тутъ подѣлаешь? баринъ строго-на-строго приказалъ никому не говорить о встрѣчѣ съ Шохинымъ, ну, и какъ сказать во дворѣ, что баринъ пошелъ на опасное свиданіе... А не побѣжать ли на Облонье, ради помощи? да вѣдь и это строжайше воспрещено, притомъ, какъ туда бѣжать съ пустыми руками?..»

Скоро и опять послышалось, что спѣшно кто-то бѣжитъ по аллеѣ къ дому, шибко на крыльцо вошелъ, по комнатамъ шибко пробѣжалъ, затѣмъ, опять вышелъ изъ дому—и въ садъ, и должно быть, на Облонье. «Баринъ, что-ль, это? да зачѣмъ бы?.. Господи! уже не покончилъ ли тамъ съ бариномъ Шохинъ, и не прибѣгалъ ли, чтобы деньги заграбить?..»

Макарушка до того утратилъ всю свою молодую силу отъ убывшаго его страха, что не могъ даже шевельнуться на мѣстѣ, хотя смутно и представлялось ему, что надо бы тотчасъ бѣжать да звать всѣхъ дворовыхъ на помощь. И вдругъ, возлѣ него, на крыльцѣ, очутился баринъ, возвращенія котораго домой онъ теперь и не слыхалъ.

При лунномъ свѣтѣ, блѣдность лица Іоасафа Николаевича была поразительна.

— Приходилъ... проговорилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ: и ушелъ опять къ ней... Она присылала... О! что поразказалъ!.. и все на спѣхъ, на спѣхъ... Можетъ, дня черезъ три, вернется... Ни слова, ни слова никому!.. Помилуй Богъ! а то...

И, не докончивъ, онъ ушелъ въ домъ.

По утру, дворян много приставала къ Макарушкѣ насчетъ того:

«что, молъ, дѣлалъ баринъ ночью? ты былъ близко, молъ, отъ него—цельзя, чтобы не подмѣтилъ». Но Макарушка отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, а должно быть, баринъ изволилъ чтеніемъ книжекъ заниматься, какъ заведено это имъ, съ того времени, какъ сталъ ѣздить въ Егорьевскъ.

Томительно прошли для всѣхъ три послѣдующіе дни и ночи.

Іоасафъ Николаевичъ и днемъ почти никому не показывался, все сидѣлъ, затворившись въ своей комнаткѣ. Къ ночи же, онъ опять приказывалъ всей дворнѣ ложиться спать какъ можно раньше и отнюдь по двору не расхаживать. Но во вторую же ночь приказаніе это не было выполнено. Явился ослушникъ, бывшій кучеръ старой барыни, Петръ Леонтьевъ-младшій.

Онъ три ночи сряду выслѣживалъ—и таки-выслѣдилъ.

Въ первыя двѣ ночи, онъ открылъ, что баринъ все поджидаетъ кого-то на Облонѣ, именно поджидаетъ, какъ это было замѣтно по всему. Но ожиданія, вплоть до бѣла-свѣта были напрасны: никто другой на Облонѣ не приходилъ. А въ третью ночь, наконецъ, явился и этотъ другой, столь жданный человѣкъ, совсѣмъ неизвѣстный Леонтьичу-младшему, по одѣжѣ — словно нищій, по лицу и по ухваткамъ—какъ есть разбойникъ.

Онъ пришелъ отъ деревни Андреевки, а придя, опасливо осмотрѣлся во всѣ стороны, и Леонтьичу, залегшему въ кустахъ, черезъ которые онъ ползкомъ пробрался къ луговинѣ Облонья, куда какъ жутко стало отъ осмотра. Но человѣкъ этотъ не пошелъ по кустамъ. Онъ отвелъ Іоасафа Николаевича къ самому пруду, и оттого нельзя уже было разслушать: о чемъ рѣчь шла между ними.

Разговаривали не мало. Говорилъ же больше неизвѣстный человѣкъ, а баринъ все только ахалъ да вскрикивалъ.

— Хорошо... Сейчас...—сказалъ Іоасафъ Николаевичъ, отойдя съ неизвѣстнымъ отъ пруда къ кустамъ: пожалуй, подожди здѣсь, я скоро вернусь. А впрочемъ, пойдемъ со мной, въ саду отдамъ, а оттуда тебѣ поближе и удобнѣе будетъ пройти къ Андреевкѣ...

— Какъ бы на глаза кому не попасть?—возразилъ неизвѣстный.

— Всѣ улеглись... Никто не встрѣнется. Да я-жъ провожу, чтобъ собаки не залаяли...

И, затѣмъ, оба прошли такъ близко отъ Леонтьича, что онъ чуть не умеръ отъ страха?

Леонтьичъ не потаилъ отъ дворни обо всемъ, что довелось ему увидать на Облонѣ. Онъ рассказывалъ и на деревнѣ. Всѣ узнали въ Михѣевѣ именно черезъ младшаго Леонтьича,—всѣ, кромѣ Макарушки, съ которымъ, по общему согласію, береглись о томъ говорить.

Кстати: младшій Леонтьичъ былъ тупъ смысломъ, притомъ, крайне обидчиваго и сердитаго нрава (такъ, если кто нибудь осмѣливался въ шутку, назвать его «Малѣмъ», прозвищемъ по-

чему-то и кѣмъ-то ему даннымъ, тотъ могъ поплатиться за это жестоко). Онъ не забылъ про оскорбленіе, нанесенное ему во время поѣздки къ генералу Измайлову, и вотъ, не безъ особенной злобности, даже не безъ злонамѣренности, передавалъ онъ теперь встрѣчному и поперечному о тайныхъ свиданіяхъ барина съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ, по виду, съ разбойникомъ! Разумѣется, смѣлость Леонтыча-младшаго въ такихъ разговорахъ про барина зависѣла не отъ одной его злобы, но и отъ неуваженія къ барину за его явную безхарактерность.

Скоро обо всемъ спровѣдали и въ сосѣдствѣ. Нашлось и готовое объясненіе для новой тайны въ поведеніи михѣвскаго помѣщика: вспомнили о всякихъ слухахъ насчетъ сношеній его съ бѣглыми солдатами, проживавшими неподалеку отъ деревни Поповки, у угольщиковъ.

А тутъ, какъ на грѣхъ, пошла молва, что тамъ-то и тамъ-то видали какого-то бродягу, можетъ, самого Шохина (прозвище этаго человѣка хорошо было извѣстно во всемъ околоткѣ); говорили еще, что бродяга этотъ, будто бы, и ограбилъ уже кой-кого гдѣ-то; что, однажды, въ деревнѣ Волковой, онъ цѣлую ночь пропьянствовалъ въ кабацѣ,—значитъ, до того сталъ смѣль, что не боятся показываться уже и вездѣ.

«Михѣвская исторія» опять разыгрывалась именно въ томъ, что касалось до «сношеній» михѣвскаго помѣщика съ бѣглыми солдатами. Шохинъ появился, Шохинъ разбойничаетъ и дерзко показывается, стало быть, шайка у него есть, на выручку или отместку которой онъ надѣется, чѣмъ и пугаетъ простой народъ, стало быть, и пристанодержатели для него есть; а тутъ, и ночныя свиданія Шохина съ этимъ неутомимымъ Іоасафомъ II—вымъ; въ свиданіяхъ же этихъ никто не сомнѣвался, такъ какъ о нихъ вездѣ говорили. Таковы были непрерывные толки во всемъ околоткѣ, который разволновался тогда чуть ли не больше прежняго, и они скорѣхонько дошли до егорьевскаго чиновнаго и приказническаго люда.

Впрочемъ, можетъ быть, толки и остались бы толками: посудили бы, порядили, на томъ бы и кончилось. Вліяніе посторонняго ходатайства за Іоасафа Николаевича все еще было дѣйствительно. Самая помка Шохина, вѣроятно, не имѣла бы особенно вредныхъ послѣдствій для бѣдняго моего дяди. Но случились происшествія, которыя докончили-таки его.

Косвенной, но большой причиною для этаго были именно деньги, полученныя дядею отъ Шибаетыхъ.

Какъ послѣ оказалось, Шохинъ провѣдалъ, что у михѣвскаго барина завелись деньги, тысяча рублей ассигнаціями (сумма тогда немалая) и задумалъ онъ повыманить ихъ. Вѣрное средство на то было у него подъ рукою. Какими-то розказнями о сестрѣ своей, Маринѣ,

онъ легко возбудилъ въ Іоасафѣ Николаевичѣ великую жалость къ бывшей его любовницѣ, которую несчастный, по всей вѣроятности, все еще пылко любилъ, хотя съ чувствомъ его къ ней сталкивались теперь и другія сильныя чувства. И несомнѣнно, что Шохинъ выманилъ много денегъ у сердечнаго барина; послѣ двухъ описанныхъ свиданій на Облонь, онъ и еще нѣсколько разъ видѣлся тамъ же съ Іоасафомъ Николаевичемъ, и, конечно, все для выманиванія денегъ на помощь сестрѣ своей. Кстати: свиданія эти, происходившія довольно часто, продолжались, кажется, больше мѣсяца, и только въ началѣ августа прекратились они по неожиданному и странному поводу, къ которому тоже примѣшалось нѣчто роковое.

Въ промежутки между свиданіями съ Шохинымъ, Іоасафъ Николаевичъ три раза ѣздилъ въ Егорьевскъ, и вѣроятно не для развлеченія умными рѣчами тамошнихъ дѣльцовъ, а можетъ быть, потому именно, что кто нибудь изъ дѣльцовъ же этихъ сообщалъ ему, что чиновный людъ опять начинаетъ воззриваться въ его прикосновенность къ дѣлу о бѣглыхъ солдатахъ. Впрочемъ, въ городѣ онъ оставался ненадолго и все спѣшилъ домой.

Четвертая поѣздка была для него роковая.

На бѣду, пришлось ему ѣхать не съ Макарушкою, съ которымъ обыкновенно онъ ѣзжалъ, а съ Леонтьичемъ-младшимъ, потому что Макарушка, послѣ купанья на озерѣ, заболѣлъ жестокой лихорадкою. Іоасафу Николаевичу очень не хотѣлось брать съ собою Леонтьича, но, видно, нельзя было ему и отсрочить поѣздку хоть на малое время, и онъ поѣхалъ.

Все сложилось, какъ на грѣхъ. Сборы въ дорогу начались съ утра, а за разными хлопотами, всего же болѣе за справками о томъ: не сможетъ ли Макарушка собраться съ силами, чтобы ѣхать хоть не за кучера, а за лакея, протянулись далеко за полднъ; такимъ образомъ выбрались изъ Михѣева незадолго до сумерокъ, которыя и захватили какъ разъ передъ стѣздомъ съ проселочной дороги на большую, столбовую. А ночь приближалась безлунная, довольно темная, уже августовская ночь.

И опять на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ была первая встрѣча съ Шохинымъ, бѣглый солдатъ этотъ, словно нарочно поджидаль онъ проѣзда михѣевского барина, вдругъ выдвинулся изъ той же основной рощи.

— Ваше благородіе! стойте-ко, обождите!.. во все горло закричалъ онъ, какъ видно, на этотъ разъ, уже ни отъ кого не оберегающись.

Іоасафъ Николаевичъ приказалъ остановиться. Шохинъ подошелъ, замѣтно покачиваясь: онъ былъ крѣпко пьянъ.

— Ваше благородіе! началъ онъ:—окажите божескую милость, подвезите меня... Ну и чтожь подѣлаешь, вишь, выпимши поряд-

комъ... а тутъ, того гляди, здѣшніе черти-галманы схапають по злобѣ... Мнѣ всего-то неподалечку, версть пятокъ, что ли, а идти пѣшкуркомъ не въ моготу, ноженъки такъ и гудуть...

Іоасафъ Николаевичъ позадумался. Должно быть, не очень хотѣлось ему имѣть такого путевого товарища. Но нерѣшимость продолжалась не долго.

— Если только на пять версть... сказалъ онъ:—дѣлать нечего, садись съ кучеромъ рядомъ.

Леонтычъ крѣпко нахмурился, но отговариваться не посмѣлъ: онъ живо помнилъ какъ досталось ему, однажды, за противорѣчіе волѣ барина.

Вскарабкавшись кое-какъ на облучекъ, бѣглый тотчасъ же пустился въ разговоръ съ Леонтычемъ.

— Ты, дядишка, началъ онъ:—ты зачѣмъ таково лихо на меня поглядываешь? Аль съѣсть меня хочешь?.. Да нѣтъ, братецъ ты мой! костистъ я, пожалуй, подавишься... Ваше благородіе! а онъ у васъ, лихъ человекъ, право-слово: мнѣ про него многоныко сказывали, знаю тоже какъ дразнить его... Дядишка! а дядишка! вѣдь, Малѣемъ тебя добрые люди прозываютъ?.. Такъ аль нѣтъ?.. Что-жъ ты головой-то вертишь, а не отвѣчаешь... Эхъ ты Малѣй-Малѣище!

Леонтычъ не вытерпѣлъ.

— Есафъ Николаичъ! забормоталъ онъ, оборачиваясь къ барину:—ну, и что-жъ такъ-то лаяться будетъ, всякъ эдакой, прости Господи!.. А я... да съ какой онъ стати...

Но, къ пущему своему озлобленію, Леонтычъ-Малѣй увидалъ, что и баринъ надъ нимъ смѣется: въ самомъ дѣлѣ, Іоасафу Николаевичу забавны показались пьяныя, задирательныя рѣчи Шохина, и онъ невольно улыбался. Впрочемъ, онъ все-таки счелъ нужнымъ прекратить потѣху бродяги, а вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоить и своего кучера.

— Полно вамъ! прикрикнулъ онъ на обоихъ:—и ты, Петръ, глупо разсердился; развѣ не видишь, подгулялъ человекъ, съ того и болтаетъ вздоръ... Ну, и ты, молодецъ, если ты хочешь, чтобы тебя лихомъ не поминали, сиди-ко помирнѣй... Знаешь пословицу: на чьемъ возу сидишь, тому пѣсенку пой... А есть и другая: съ чужаго коня среди грязи долой.

— Такъ-то оно! протянулъ бѣглый въ отвѣтъ: съ чужаго коня среди грязи долой... такъ-то!.. А мнѣ что: чужіе эти ваши кони... Вишь: двое на одного... Охъ, головушка бѣдная! шумитъ-то, шумитъ, а то бы я... Эхъ-ма! ка-бы денегъ тѣма, купилъ бы овинъ да жилъ одинъ!..

Затѣмъ, онъ-таки поунылся, по крайней мѣрѣ, пересталъ дразнить Леонтыча и все ворчалъ что-то сердито, размахивая руками. И, должно быть разсчитывая, что, при такомъ размахиваньи, пьяный бродяга можетъ свалиться съ облучка, Леонтычъ поѣхалъ

было очень шибко. Но подошелъ глубокий логъ, съ длиннымъ и узкимъ мостомъ черезъ него, мѣсто слывшее очень опаснымъ для проѣзжающихъ, вслѣдствіе нерѣдко случавшихся тутъ грабежей, и кучеръ разомъ остановилъ лошадей.

— Баринъ! а баринъ! заговорилъ онъ испуганно:—гляньте-ко: тамъ на мосту, неладно... что-то положено... аль недобрый человѣкъ нарочно...

Іоасафъ Николаевичъ привсталъ въ тѣлѣжкѣ и посмотрѣлъ внимательно. Точно: на мосту, поперекъ мостовинъ, лежало что-то темное, довольно большое, можетъ быть, человѣкъ. Проѣхать, не заѣвши того предмета, рѣшительно было нельзя. Да и какъ ѣхать не удостовѣрившись досконально: нѣтъ ли тутъ, и въ самомъ дѣлѣ, засады?

— Надо тамъ посмотрѣть, сказалъ дядя мой вполголоса кучеру:—слѣзай-ко да подойди осторожно. Ну, не бойся же: вѣдь, мы на тройкѣ,—я тебя не выдамъ.

Леонтычъ медленно спустился съ облучка, возжи не отдалъ Шохину, который все кивалъ головою изъ стороны въ сторону, какъ будто совсѣмъ раздремался, а медленно прикрѣпилъ ихъ къ желѣзному круту, отдѣлявшему кучерское сидѣнье отъ задняго, потомъ, прекрестившись нѣсколько разъ, пошелъ было по спуску, но вдругъ быстро вернулся назадъ.

— А воля ваша... пробормоталъ онъ, дрожа и запкаясь:—а мочушки моей нѣту, воля ваша... не могу... Батюшка! вернемся домой... Завтресь днемъ поѣдемъ...

— Полно вратъ!.. Ну, да я съ тобой пойду...

Іоасафъ Николаевичъ тоже сошелъ съ тѣлѣжки. Въ сопровожденіи Леонтыча, онъ, безъ дальней думы, направился на мостъ. Недалеко уже было до лежавшаго на мостовыхъ подозрительнаго предмета, однако, не пришлось взглянуть въ него вблизи.

Бродяга Шохинъ, какъ видно, притворялся спящимъ: подобравъ возжи, онъ круто повернулъ лошадей назадъ, и стремглавъ поскакалъ по направленію къ селу Маливѣ. Что-то съ угрозою крикнулъ онъ покидаемымъ имъ, но тѣ, ошеломленные неожиданностью, не разобрали его словъ.

XLIII.

Хоть и ошеломленные, дядя и кучеръ его, разомъ, словно впуски, кинулись въ догонку за Шохинымъ. Во весь духъ пробѣжали они съ полверсты и, разумѣется, совершенно напрасно: гдѣ ужъ было догнать дерзостнаго похитителя тройки? Скорѣхонько онъ исчезъ изъ виду, скоро и шумливое гарканье его на лошадей замерло за большимъ лѣсомъ, съ правой стороны, считая отъ Егорьевска, вплоть подходившимъ къ столбовой дорогѣ и сливавшимся съ

огромнымъ Чапскимъ лѣсомъ. Впрочемъ, невольное движеніе, побудившее Іоасафа Николаевича и Леонтыча кинуться въ догонку, можетъ быть, спасло ихъ отъ какой нибудь опасности, ожидавшей на мосту.

Но и теперь, собственно въ настоящую минуту, положеніе ихъ было очень небезопасно. Измученные погоней, перепуганные, притомъ, пѣшіе и съ пустыми руками, что могли бы они подѣлать при нападеніи на нихъ даже одного разбойника? Оборониться было нечѣмъ, уже вовсе не подѣ сплу. Тутой смысломъ Леонтычъ, на ту пору, нашелся гораздо скорѣе своего барина, и подаль ему совѣтъ, несомнѣнно дѣльный: сойдти съ большой дороги въ мелкоколѣсье, примыкавшее къ ней съ лѣвой стороны, и тамъ, сквозь кустарникъ, пробираться по неволѣ домой, да такъ оно и надо было по тому направленію.

Іоасафъ Николаевичъ послушался безъ малѣйшихъ возраженій, или собственныхъ какихъ-либо соображеній; врядъ ли и способенъ былъ онъ тогда придумать что-либо особенное. А притомъ, общимъ было отношеніе не до разговоровъ.

Итакъ, пошли назадъ, къ Михѣеву, но не всегда въ полной увѣренности, что идутъ именно туда, что не сбиваются съ принятаго направленія: темно было въ частомъ ельникѣ и березникѣ, особенно же, когда попадались широко разросшіеся кусты орѣшнику. Шли все время, боясь перемолвиться даже шепотомъ. И нерѣдко оторопь большая охватывала бѣдныхъ путниковъ. Казалось имъ иногда, что вотъ чуть не рядомъ съ ними пробирается кто-то чрезъ кусты, запоздалый ли то и, какъ они, изъ-за страха сошедшій съ большой дороги пѣшеходъ, или же хищный звѣрь какой. Звуковъ было такъ много въ чащѣ мелкоколѣсья: трещали и гулко ломались раздвигаемыя вѣтви, подъ ногами шуршали, тоже слишкомъ гулко, опавшіе листья, мелкій, изсохшій валежникъ; а то еще больше шума производили внезапные скачки спугнутыхъ зайцевъ и перелеты птицъ. Хорошо, что вѣтеръ нисколько не зашумѣлъ въ чащу, такъ что и листва осинъ не трепетала. Но одинъ разъ Іоасафъ Николаевичъ и Леонтычъ перепугались до того, что тотчасъ прилегли къ землѣ: гдѣ-то, вдали, съ правой ли, съ лѣвой ли стороны, того они не разобрали, вдругъ раздался глухой, протяжный ревъ, должно быть, большого страшнаго звѣря.

Долго они пролежали, и только поуспокоившись тѣмъ, что ужаснувшій ихъ ревъ не повторяется, что вездѣ какъ-то совсѣмъ позатихло, встали они и опять пустились въ путь, теперь выйдя почти на столбовую дорогу, такъ какъ, по предположенію Леонтыча, было уже очень недалеко до поворота на проселокъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сквозь порѣдѣвшее тутъ мелкоколѣсье, при предразсвѣтномъ мерцаніи звѣздъ безоблачнаго неба, довольно яственно обозначилась, въ разстояніи не больше какъ съ версту,

столь памятная Иоасафу Николаевичу и его кучеру осиновая роща. Но, вмѣсто того, чтобы поспѣшить къ желанному повороту на проселокъ, оба путника разомъ пріостановились, на обоихъ внезапно напало тяжелое раздумье.

Ужъ Богъ-вѣсть о чемъ раздумался Иоасафъ Николаевичъ, а Леонтьичу живо и ярко вспомнилось самое начало ихъ ночнаго похода, то именно, какъ у осиновой рощи встрѣтили ихъ бродяга, ругатель и воръ конокрадъ, и Леонтьичъ, хотя очень не любилъ разговаривать съ молодымъ баринномъ-обидчикомъ, не вытерпѣлъ, первый заговорилъ:

— Баринъ! а, баринъ!.. вонъ и роща виднехонька. Слава тебѣ, Господи! и до дому теперича не такъ-то далеко... Только, какъ бы опять не встрѣтить того разбойника...

— Да! ты объ этомъ... отвѣтилъ баринъ:—и точно, надо подумать... Но, разумѣется, теперь мы не встрѣтимъ его... Надо подумать о другомъ... Мы вернемся на глазахъ у всѣхъ, увидятъ, что пѣшіе—диву дадутся... Тутъ вотъ что!

— А какъ же! знамо... Всякъ пойметъ: лошади-то какія, хоша и стареньки! да и упряжь, да и тѣлѣжка... И все прахомъ пошло, нищи-свищи!..

— Пстой! перервалъ баринъ:—я и не подумалъ бы о томъ, у меня инныя думы, только двѣ и есть, но... Да, да! изъ-за нихъ для меня другое-прочее, это все равно... Слушай! пропажа лошадей можетъ сдѣлать много, много помѣхи... Вотъ что и важно!.. Ну, и какъ бы сдѣлать, чтобы болтовни разной не было?.. По крайней мѣрѣ, ты-то не болтай!

— А мнѣ что! Мое дѣло таковское: какъ прикажете, такъ и говорить стану — соврать-то всякъ гораздъ. И мало-ль что можно придумать? на дорогѣ, мошь, охотничекъ-купецъ на лошадей подвернулся, ну, и продали съ выгодою... а то разбойники, мошь, напали, самихъ не тронули, только лошадей угнали... Да такъ оно и было дѣло.

— Вѣдь, какъ все глупо! сердито возразилъ Иоасафъ Николаевичъ: — развѣ я прикажу тебѣ лгать? Ты у меня не ври! не смѣй придумывать этого хамскаго вранья! Слышишь? строго приказываю... Просто-на-просто — не болтай! уклоняйся отъ отвѣтовъ на всякіе вопросы, какъ будто ты и не былъ... Эдакъ-то и лучше, а тамъ, что будетъ, то будетъ...

Вертѣлось-было на умѣ Леонтьича замѣчаніе на послѣднюю сердитую рѣчь барина, именно то замѣчаніе: «а что, мошь, какъ чиновники станутъ допытываться, разспрашивать, тутъ-то какъ быть?..» но объ этомъ онъ уже не посмѣлъ высказаться.

Затѣмъ, опять тронулся въ путь.

Несмотря на душевное и тѣлесное утомленіе отъ впечатлѣнія, произведеннаго наглою выходкой Шохина, отъ путешествія по

мелколѣсью, шлп, однако, скоро и добрались до Михѣева еще передъ восходомъ солнца, когда на деревнѣ только-что начали просыпаться. Но въ господской усадьбѣ двое ночныхъ сторожей такъ видѣли, какъ баринъ и кучеръ не прѣхали, а пѣшкомъ припожаловали домой.

Конечно, въ Михѣевѣ чрезвычайно удивились и не знали что подумать насчетъ такого внезапнаго и страннаго возвращенія. За разъясненіемъ дѣла всѣ обратились къ Леонтычу-младшему; при-ставаньямъ съ разпросами не было конца. Но Леонтычъ былъ не податливъ на удовлетворенія общаго любопытства: даже старшему своему брату ничего не высказалъ, хотя, при всякомъ разспрашиваніи, значительно покачивалъ головою, разводилъ руками и, нахмурия брови, поглядывалъ на барскія хоромы—изъ чего само собою выходило: «знаю-то, молъ, я многое, да боюсь рассказывать, а дѣло, молъ, больно-плохо»!...

Впрочемъ, дня три-четыре, только темные слухи распространялись по сосѣдству, что въ Михѣевѣ опять что-то не ладно: «подъ-вечеръ, баринъ поѣхалъ въ городъ на тройкѣ, и скорехонько домой вернулся пѣшкомъ»... Но, вотъ, еще случилась оказія—и на бѣду въ отсутствіе Іосафа Николаевича, который только-что уѣхалъ въ Егорьевскъ, взявъ съ собою за лакея полубольнаго Макарушку, а за кучера деревенскаго мужика, чѣмъ Леонтычъ-младшій былъ очень разобиженъ.

Сосѣдніе, кажется малиновскіе крестьяне, гдѣ то въ лѣсной опушкѣ, около столбовой дороги, нашли брошенную и поломанную тележку и почему-то опознали, что она принадлежитъ михѣевскому барину; изъ-за того одинъ изъ нашедшихъ тележку явился въ Михѣево для оповѣщенія о находкѣ.

Оповѣститель, пришедшій сначала къ знакомому своему михѣевцу, рассказалъ тоже не маловажную новость: что недавно въ ихнихъ мѣстахъ опять проявился Шохинъ, и что кто то разъ подсмотрѣлъ, какъ онъ Шохинъ по малой лѣсной стежкѣ пробирался верхомъ на лошади словно съ михѣевской барской конюшни. Рассказавъ это оповѣститель спрашивалъ: «не случилось ли грѣшнымъ дѣломъ бѣды у васъ на Михѣевѣ, не свели ли барскихъ лошадей конокрады?»

Такимъ образомъ возвращеніе Іосафа Николаевича и Леонтыча-младшаго пѣшкомъ, вскорѣ послѣ отъѣзда ихъ на тройкѣ, теперь очень поразянялось для михѣевцевъ, и хотя они люди смѣтливые, не пустились въ большіе разговоры съ оповѣстителемъ, чужимъ человѣкомъ, и скорехонько выпроводили его отъ себя съ наказомъ, чтобы пришелъ, когда баринъ воротится изъ Егорьевска, однако, оставшись одни, порѣшили, что надо безпремѣнно добиться отъ кучера Леонтыча всякихъ подробностей насчетъ того, какъ тройка баринова пропала. На этотъ разъ, при новыхъ усиленныхъ разспросахъ, въ виду и новостей, принесенныхъ чужимъ человѣкомъ

Леонтьичъ не вытерпѣлъ, и то тому, то другому поразсказалъ уже про все, конечно, обязывая слушателей клятвою, чтобы не выдавали никому о такихъ не хорошихъ дѣлахъ, «въ которыхъ и самъ баринъ-то не безъ причины».

А тутъ и новая оказія.

Черезъ мѣсяцъ похищенія михѣевскихъ лошадей, въ одно осеннее утро, у воротъ михѣевской усадьбы, оказалась пара совершенныхъ клячъ, но то были несомнѣнно похищенные Шохинымъ лошади, какъ видно, много потерпѣвшія отъ безкормицы и худаго содержанія. Кѣмъ они были приведены въ Михѣево—слѣдовъ не осталось; никто ничего не видалъ и не слыхалъ, и не мудрено: ночь, въ которую клячъ привели, была темна и бурна. Кстати надо сказать: пригнанные лошади были пристяжныя, а лучшая въ тройкѣ, коренникъ, осталась у похитителя.

На ту пору, Иоасафъ Николаевичъ тоже отсутствовалъ изъ дому и уже нѣсколько дней находился въ Егорьевскѣ, гдѣ ему, бѣдному, было труднѣхонько, такъ какъ чиновники тамошніе уже заводили съ нимъ рѣчь о послѣднихъ происшествіяхъ. А это отсутствіе, разумѣется, облегчило распространеніе по всему околотку извѣстія о приводѣ кѣмъ-то въ Михѣево двухъ лошадей изъ похищенной тройки. Извѣстіе было чрезвычайно интересно для всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ, впрочемъ, уже давно привыкшихъ смотрѣть на Михѣево, какъ на гнѣздо какихъ-то загадочныхъ происшествій.

И странно: какъ-то ускользнуло отъ общаго вниманія, а можетъ быть, и не хотѣли принять во вниманіе, что приведенныя лошади были совсѣмъ-таки замученныя клячи; изъ самаго факта привода ихъ было выведено злостное заключеніе: «не были ли, дескать, михѣевскія лошади добровольно отданы Иоасафомъ II—вымъ для какого либо дальняго разбойничьяго похождения?» И заключеніе это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что, по справкамъ подъ рукою, михѣевскій помѣщикъ не заявлялъ еще до сихъ поръ ни объ отнятіи у него лошадей, если именно такъ дѣло было, ни о простой пропажѣ ихъ.

«Михѣевская исторія» еще разъ позапуталась, осложнилась самымъ неблагопріятнымъ образомъ для моего дяди. Но все-таки, могло и то стать, что она и не окончилась бы для него гибельно, если бы не подошло обстоятельство, котораго, впрочемъ, рано или поздно, надо было ожидать.

Подъ исходъ той же осени, Шохинъ, полюбившій кочевать по егорьевскому уѣзду, плп кочевавшій поневолѣ, для избѣжанія поимки, наконецъ, былъ пойманъ въ деревнѣ Волковой. Поимка произошла просто: холодно и жутко стало держаться въ лѣсахъ; Шохинъ принужденъ былъ искать себѣ пріюта въ мѣстахъ жилищъ, но видно, постояннаго, вѣрнаго притона у него не было, и, вотъ, однажды, забрался онъ опять въ волковскій кабакъ, гдѣ

какъ-то удалось ему, прогулять цѣлую ночь, тамъ-то онъ и былъ пойманъ.

Это повернуло «михѣвскую исторію» къ рѣшительному пеходу. Въ рукахъ у чиновниковъ очутилась нить, распутывавшая все дѣло.

И какъ усердно принялись они за него!

Но и легко было чиновникамъ усердствовать: ужъ очень горюливъ оказался попавшійся имъ бродяга, ужъ очень помогали при окончаніи слѣдствія посторонніе люди сообщеніемъ разныхъ слуховъ, толковъ, а также тонкихъ соображеній и предположеній.

Не знаю, навѣрное, употребилъ ли Шохинъ извѣстную хорошо и тогда между арестантами уловку для сокрытія своего настоящаго званія и попытался ли назваться Иваномъ-Непомнящимъ; но, должно быть, онъ скрывалъ, что онъ бѣглый солдатъ и про то также: какимъ путемъ пробрался въ егорьевскія мѣста; по крайней мѣрѣ, я слышалъ, что только впоследствии открылось — откуда онъ родомъ. Кажется, никого не оговорилъ онъ ни въ сообщничествѣ съ нимъ, ни въ пристанодержательствѣ, и насчетъ этого чиновники не добились у него признаній. За то, о бродяжничествѣ своемъ, о добываніи себѣ при этомъ средствъ на прокормъ, на одѣжу, на потѣшеніе съ горя, онъ былъ разговорчивъ; дѣлъ за нимъ было не мало: «какъ же, молъ, быть-то, не помрать же съ голоду и съ холоду, приходилось, молъ, протягивать и просовывать руки туда и сюда, такъ и эдакъ, чего-чего не случалось, только убивать—не убивалъ, поджоговъ не дѣлалъ, разбоемъ ни накого не напускался»...

Разказы Шохина были глумливаго, забавнаго свойства, съ шуточками и прибаутками; при вопросахъ его, чиновники не скучали, даже тѣшились, хотя, не разъ, показанія его о томъ: будто бы тамъ-то обокралъ онъ, со взломомъ даже, клѣтъ богатаго мужика, или тамъ-то видѣлъ онъ притонъ шайки разбойниковъ въ лѣсу, оказывались совершенно ложными. Вообще, чиновникамъ егорьевскимъ пришлось частенько забавляться передопросами Шохина и, вотъ, какъ-то случилось, что, при одномъ изъ такихъ допросовъ, онъ поразговорился о моемъ бѣдномъ дядѣ.

Пожалуй, онъ и не лгалъ, рассказывая про то, что въ самомъ дѣлѣ было: то есть, что михѣвскій баринъ, нѣсколько разъ впадалъ его у веселой, молодой бабѣнки-солдатки, къ которой онъ-то, бродяга, заживалъ «такъ лишь, по малому знакомству, водицы испить да и перемолвиться словечкомъ по забавѣй»; что онъ бродяга, опять-таки, однажды, видѣлся съ михѣвскимъ баринкомъ, у старухи-ворожейки, куда онъ-то заходилъ «такъ себѣ, погадать да узнать про свою судьбу-долю», и идѣ баринъ проживалъ, на ту пору, возлѣ своей полюбовницы хворой, той бабѣнки-солдатки; что и послѣ того, въ недавнее время, онъ, бродяга, видѣлся съ михѣвскимъ баринкомъ, у него въ имѣніи, и баринъ, по милости своей, давалъ-таки ему деньжонокъ; что, наконецъ, «грѣха, молъ, таить

нечего—когда, разъ, миѣвскій баринъ подвозилъ его, бродягу, а онъ, побранившись дорогою съ кучеромъ Малѣемъ и сочтя, что баринъ кучеру потакаетъ, разсердился и, какъ они сошли съ тѣлѣжки посмотрѣть что-то на мосту, угналъ ихъ тройку, изъ которой двухъ лошадей возвратилъ, а третья такъ и пропала въ лѣсу.»

Но во всей этой «правдѣ истинной» было много чего-то злобнаго, беспощадно жестокаго. Шохинъ уже не шутилъ, не забавлялся, показывая на моего дядю: выходило, что, какъ будто, еще напередъ задумалъ онъ припутать къ дѣлу и погубить миѣвскаго барина своими показаніями, недаромъ онъ такъ настойчиво утверждалъ, что баринъ этотъ хорошо зналъ и вѣдалъ «съ какой птицей онъ знается и чѣмъ такимъ та птица промышляетъ».

И вотъ что еще странно: все время Шохинъ всячески выпоразживалъ Михаила Николаевича Г—ва, постоянно и твердо отговариваясь, что онъ съ Г—вымъ никакихъ сношеній не имѣлъ, что отъ Г—ва онъ прятался, сильно побаиваясь его. Конечно, такъ оно и было, но на этотъ же счетъ носились и иные темные слухи...—Впрочемъ, кажется въ слѣдственномъ дѣлѣ и имя побочнаго брата миѣвскаго помѣщика не упоминается.

Интеллигенція егорьевскаго уѣзда (я уже говорилъ изъ кого она тогда состояла) напряженно слѣдила за ходомъ слѣдствія по «миѣвской исторіи», ходомъ быстрымъ и оживленнымъ со времени поймки Шохина. Слѣдя же такъ, интеллигенція по прежнему и вмѣшивалась въ дѣло, внося въ него дразги всяческихъ сплетень. И такъ легко было ей это, потому что старшіе чиновники въ Егорьевскѣ были все свои люди... Но объ этомъ я не хочу продолжать, было бы тяжело входить тутъ въ какія либо подробности.

Слѣдствіе по «миѣвской исторіи» протянулось все-таки нѣсколько мѣсяцевъ, и, конечно, даже изъ-за того много лишнихъ мученій вынесъ Іоасафъ Николаевичъ. Въ теченіи болѣе полугода, онъ мучился безъ отдыха.

За допросы ему, вслѣдствіе показаній Шохина, почему-то, припались нескоро; но онъ тотчасъ же узналъ, что бродяга очень старается запутать его въ дѣло. Разумѣется, сообщали объ этомъ чиновники изъ второстепенныхъ, то есть, секретари, столоначальники, писмоводители. Весь этотъ приказный людъ, разумѣется, тоже не даромъ, по своему «доброжелательствовалъ» дядѣ: предупреждалъ, совѣтовалъ, настаивалъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно путалъ его собственныя мысли и соображенія. Въ концѣ-концовъ, Іоасафъ Николаевичъ очутился въ какомъ-то чаду и явился къ отвѣту безъ малѣйшаго понятія насчетъ того, какъ надо ему отвѣчать, чѣмъ оправдываться. Онъ былъ въ недоумѣніи до того, что вначалѣ даже не отвѣчалъ на вопросные пункты, отзываясь болѣзненно.

И то было ему очень не на пользу. Насчетъ исхода дѣла спозаранку уже не сомнѣвались.

Но еслибъ и были ожиданія иного исхода для михѣвской исторіи, они должны были бы скоро разсѣяться въ виду поведенія Іоасафа Николаевича на слѣдствіи. Онъ только при первомъ допросѣ уклонился отъ разясненій или опроверженій по показаніямъ Шохина, а затѣмъ добровольно выдалъ самого себя обѣими руками, выдалъ несмотря на то, что доброжелательствовавшіе чиновники усердно подсказывали ему довольно ловкіе извороты.

И сталося это такъ просто.

Михѣвцы, дворовые и крестьяне, были притянуты къ слѣдствію не для уличенія ихъ помѣщика, какъ говорили чиновники, твердо помнившіе, что по тогдашнему уголовному процессу не допускаются извѣты крѣпостныхъ на своего владѣльца, а собственно для повѣрки оговоровъ бродяги. Для допросовъ таскали въ Егорьевскъ чуть ли не всѣхъ поголовно и, разумѣется, Макарушку и Петра Леонтьева-младшаго. Не легки были допросы для михѣвцевъ и они путались немало. Особенно Макарушка, даже вопреки приказаній барина, чтобы говорилъ одну правду, сбивался въ показаніяхъ на каждомъ шагу и много потѣшился надъ нимъ Шохинъ при очныхъ ставкахъ. За то Леонтычъ-малый не сбивался, говорилъ твердо, «такъ и рѣзалъ барина»; по мнѣнію чиновниковъ, онъ явился, послѣ Шохина, главнымъ «доказателемъ» противъ Іоасафа Николаевича.

Надо сказать, что Іоасафъ Николаевичъ, со времени оговора его Шохинымъ, находился уже на порукахъ и жилъ безвыѣздно въ Егорьевскѣ; поэтому, тотчасъ же доходило до него, со всѣми подробностями, что показывали Михѣвцы, и все это, какъ вскорѣ оказалось, произвело на него совсѣмъ иное дѣйствіе, чѣмъ ожидали, вѣроятно, доброжелатели-чиновники.

Іоасафъ Николаевичъ «самъ признался во всемъ». Такъ рассказывали мнѣ, не объясняя, однако, въ чемъ именно онъ признался. Одно несомнѣнно — изъ признаній его ясно выходило, что ему было извѣстно кто такой Шохинъ, съ которымъ онъ точно имѣлъ сношенія. Кажется тоже, что и онъ, въ свою очередь, явился противъ Шохина обличителемъ, по крайней мѣрѣ, послѣ его показаній, окончательно обнаружилось, что бродяга, пойманный въ волковскомъ кабацѣ, именно Шохинъ, что онъ бѣглый солдатъ и родной братъ солдатки Марины Прокофьевой, проживавшій одно время въ своей хаткѣ, на самой границѣ уѣздовъ Коломенскаго и Егорьевскаго. Не знаю, впрочемъ, говорилъ ли что нибудь несчастный дядя объ отношеніяхъ своихъ къ Маринѣ, выдалъ ли какъ возникла смута въ душѣ его изъ-за любви къ этой женщинѣ, и, конечно, о томъ не узналъ бы я, прочитавъ слѣдственное дѣло.

Не узналъ бы я изъ этого дѣла, какъ не знаю и изъ устныхъ

разсказовъ, что побудило вдругъ дядю къ полному сразу сознанію въ неоднократныхъ сношеніяхъ съ бѣглымъ солдатомъ, воромъ и грабителемъ: честь ли и твердое желаніе отнюдь не нарушить правды, или же какое-то непреодолимое стремленіе къ гибели. Могло быть и послѣднее: недаромъ, какъ говорили мнѣ, находясь на порукахъ, онъ предавался иногда бѣшену и чрезвычайно мрачному разгулу, которымъ отпугивалъ отъ себя всѣхъ, даже своихъ доброжелателей, непугливыхъ чиновниковъ; недаромъ тоже онъ ничего не говорилъ въ свою защиту, ничѣмъ не хотѣлъ оправдываться.

По полученіи изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, официально подтвердившихъ происхожденіе Шохина и побѣгъ его изъ полка, помѣщикъ Іоасафъ, Николаевъ сынъ, П—въ былъ взятъ съ поруки и посаженъ въ егорьевскій острогъ.

О, я помню этотъ егорьевскій острогъ, помню съ какимъ чувствомъ входилъ въ него, при губернаторскихъ ревизіяхъ, и, послѣ, по обязанностямъ службы...

Въ Рязанской губерніи, по числу городовъ въ ней, двѣнадцать остроговъ. Всѣ они такъ устроены, а особенно такъ приспособлены къ содержанію заключенныхъ, что наводятъ ужасъ, впрочемъ, объ этомъ общеизвѣстно, и, все-таки, о двухъ изъ рязанскихъ остроговъ: губернскомъ и егорьевскомъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ, потому что въ нихъ обоихъ побывалъ мой дядя.

И прежде о рязанскомъ, губернскомъ. Это не по порядку, но, такъ сказать, по чину. Тутъ не острогъ, а «тюремный замокъ». И въ самомъ дѣлѣ замокъ: большое, каменное зданіе, на нѣсколько сотъ человѣкъ, окруженное высокими стѣнами, съ башнями по угламъ, съ тяжелыми, желѣзными воротами; жаль, что недостаетъ рва и подъемнаго моста. Оно построено при генералъ-губернаторѣ Балашовѣ. О постройкѣ его сохранилось любопытное преданіе.

Разсказываютъ, что, однажды, когда тюремный замокъ уже былъ готовъ вчернѣ, генералъ Балашовъ, переодѣтый мѣщаниномъ, замѣшался въ толпу народа, собравшуюся поглазѣть на затѣйливое зданіе, и завелъ разговоръ о немъ съ «простымъ человѣкомъ».

— Вишь, малый, сказалъ онъ довольно не осторожно: — вишь, какія важныя хоромы построили для вашего брата.

— Ну, любезный отвѣчалъ простой, но, должно быть, догадливый человѣкъ: — для нашего-то брата такія хоромы черезъ-чуръ хороши, намъ нужны гораздо попроще, а вотъ для тебя, и такихъ же, какъ ты, чай они какъ разъ въ пору...

Вся часть рязанскаго тюремнаго замка, въ которой содержались «простые» арестанты, была, однимъ словомъ, очень мрачна, какъ и вездѣ; но двѣ камеры, отведенныя для помѣщенія «дворянъ», видномъ своимъ не внушали непріятнаго впечатлѣнія. Говорю объ этомъ мелькомъ, собственно ради точности. Но вотъ что за-

мѣчательно и до нѣкоторой степени составляетъ какъ бы особен- ность рязанскаго тюремнаго замка: во-первыхъ, назадъ тому двад- цать пять лѣтъ, грозныя его башни пригодились-таки для фабри- каціи фальшивыхъ денегъ (четвертаковъ и другой мелочи), а во- вторыхъ, высокія стѣны и тяжелые желѣзные затворы далеко не предотвращали арестантскихъ побѣговъ. О послѣднемъ обстоятель- ствѣ замѣчено здѣсь недаромъ.

Острогъ въ Егорьевскѣ былъ (теперь, можетъ быть, тамъ уже новый построенъ) совсѣмъ иного вида, или, лучше сказать, иного типа. Онъ напоминалъ собою вполне тюрьмы временъ очень дав- ниннихъ, пожалуй еще до-петровскихъ: его окружалъ высокій частоколъ, связанный вверху и внизу желѣзными скобами; аре- станты помѣщались въ двухъ-трехъ избахъ, съ низкими, обвис- шими потолками, избахъ тѣсныхъ, душныхъ, закоптѣлыхъ, гряз- ныхъ и темныхъ чрезвычайно, и, сколько помню, тутъ не было особаго помѣщенія для лицъ привилегированныхъ сословій. И опять-таки кстати скажу: егорьевскій острогъ гораздо болѣе, чѣмъ рязанскій тюремный замокъ, былъ недоступенъ для побѣговъ аре- стантовъ; помѣхою служилъ именно этотъ частоколъ, высокій, крѣпкій, съ заостренными вверху концами бревень.

XLIV.

Посаженіе Гоасафа Николаевича въ острогъ произвело громадное впечатлѣніе на егорьевское дворянство. Всѣ были изумлены, пора- жены, даже напуганы какъ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ. И въ этомъ со стороны егорьевской интеллигенціи не было ни- чего непослѣдовательнаго: въ случаяхъ чрезвычайныхъ, интелли- гентные люди, какъ и самые простые, находятся подъ вліяніемъ единственно чувствъ или страстей, въ ту или другую сторону на- правленныхъ общимъ жизненнымъ развитіемъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость помѣщикамъ-сосѣдямъ Гоасафа Николаевича, они пожалѣли-таки его, и до такой степени, что считали и себя нѣсколько задѣтыми тѣмъ, что ихъ братъ-дворянинъ, конечно, очень провинившійся своимъ безразсуднымъ поведеніемъ, посаженъ въ этотъ мерзостный егорьевскій острогъ, по всему устройству своему только и достойный для помѣщенія въ своихъ черныхъ стѣнахъ простыхъ мужиковъ да мѣщанъ-раскольниковъ г. Егорь- евска.

Но искренно, отъ всего сердца, во всю силу простаго, добраго разумія, жалѣли объ Гоасафѣ Николаевичѣ его крѣпостные Ми- хѣевцы, и крестьяне, и дворовые; даже тупой смысломъ и злопа- мятный Петръ Леонтьевъ-младшій очень жалѣлъ и долго совѣ- щался «въ глаза глянуть своему человѣку», когда затѣвался ка-

кой побудь разговоръ о баринѣ. А вѣрный Макарушка просто «съ ума сойти» отъ того, что подѣялось съ Іоасафомъ Николаевичемъ. Горесть, отчаяніе его были въ высшей степени сильны, и тѣмъ болѣе, что къ нимъ примѣшивалось озлобленіе не только противъ Леонтьича-младшаго, но и противъ цѣлой дворни. На Леонтьича же онъ былъ такъ золъ, что ругалъ его за барина, чуть не при всякой встрѣчѣ, и даже нѣсколько разъ подрался съ нимъ, причемъ оба немало пострадали.

И замѣчательно, во всемъ Михѣевѣ, кромѣ одного развѣ прикащика, впрочемъ, смирнаго и неспособнаго унимать «своевольства», никто не осуждалъ Макарушку за эту злобу его на пожилаго, семейнаго кучера Леонтьича. Чувство этихъ простыхъ людей и допускало и оправдывало яростное ожесточеніе молодого малаго противъ человѣка, безтолково вредившаго барину.

Время шло, и вражда между Макарушкой и младшимъ Леонтьичемъ усиливалась, такъ что Михѣевцы начинали уже тревожиться изъ-за того. Но вдругъ все пришло въ порядокъ.

Это было за два дня до праздника Казанской Божіей Матери (8-го іюля), чтимаго въ нашей сторонѣ, особенно же въ селѣ Дѣдновѣ, гдѣ и собирается тогда довольно большая ярмарка. Въ Михѣево пріѣхалъ изъ Коломны ящикъ Егорка, верхомъ и съ запасной лошадыю въ поводу; онъ объявилъ прикащику, съ которымъ на тотъ разъ толковалъ о чемъ-то братъ его, кучеръ, что Михайло Николаичъ Г—въ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Коломну, требуетъ къ себѣ немедленно двороваго человѣка Макарку.

Прикащикъ усумнился; братъ же его тотчасъ крикнулъ:

— А не пускай! Что тамъ за нужда такая!

— И точно, сказали прикащикъ: — ну, на что бы это понадобилось? Мало-ль что онъ приказываетъ и требуетъ? Не больно-то онъ властенъ здѣсь. Да у насъ, на Михѣевѣ, теперича и не разберешь кого слушаться... И въ томъ у меня сумлѣніе есть: Макарку, пожалуй, и въ ино мѣсто потребуютъ, вишь, тутъ бѣда какая... По крайности, хоша бы извѣстно было по что понадобился малый въ Коломну?

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ сначала ящикъ, а потомъ добавилъ: — можетъ Михайло Николаичъ задумалъ на Казанскую побывать въ Дѣдновѣ, для того и зоветъ.

— До Казанской недалеко. Тогда Макарку и я могу взять съ собою въ Дѣдново; изъ Михѣева, почитай, всѣ туда поѣдутъ; ну, и тотъ господинъ пуцай пріѣзжаетъ, разсудилъ прикащикъ и наотрѣзъ объявилъ, что Макарку онъ не пуститъ въ Коломну.

На эти переговоры, одинъ по одному, собрались дворовые и кое-кто изъ деревенскихъ мужиковъ, въ числѣ первыхъ — Макарушка, а въ числѣ послѣднихъ — и староста.

Макарушка, какъ услыхалъ, что староста его не пускаетъ, сильно заспорилъ, со своей стороны Леонтычъ-младшій во весь голосъ сталъ поддерживать братино распоряженіе, завязалась брань и чуть не дошло дѣло опять до драки; но староста съумѣлъ-таки прекратить сумятицу: по настойчивому совѣту его, прикащикъ отпустилъ, наконецъ, Макарушку, но со строгимъ наказомъ, чтобы непременно воротился домой завтра же, и какъ можно раньше.

— Ладно! промолвилъ малый, быстро вскочивъ на приведенную ямщикомъ запасную лошадь и первымъ съѣхалъ со двора, сразу пустившись вкачь.

Дорогою же, и ямщикъ, и Макарушка, очень не спѣшили, отъ Маливскаго-Бора ѣхали рѣшительно шагомъ: первый, должно было, по приказанію отъ того, кѣмъ былъ посланъ; а послѣдній все добивался на разные лады узнать о Михайлѣ Николаевичѣ: «и чтѣ и какъ онъ? Но Егорка,—приказано ли было такъ ему, отвѣчалъ недомолвками, изъ которыхъ только одно можно было вывести: «вотъ, пріѣдемъ, самъ увидишь и услышишь...»

Въ Коломну пріѣхали, когда уже совсѣмъ смерклось, и у воротъ семкинскаго двора встрѣтилъ самъ Михайло Николаевичъ.

Сразу бросилась въ глаза Макарушкѣ большая перемена въ этомъ бойкомъ, рьяномъ, во всемъ «видномъ» человѣкѣ.

Во-первыхъ, онъ былъ одѣтъ ужъ слишкомъ запросто, непо-городски, не по веселой порѣ уборки луговъ, въ нанковой синяго цвѣта поддевкѣ, замазанной, истасканной, больно-короткой и какъ-бы съ чужаго плеча; на головѣ—старая шляпа грешневиномъ, надвинутая такъ низко, что изъ-подъ ней лба нисколько не было видно; на ногахъ, огромные мужичьи сапоги съ голенищами въ сборяхъ; самый этотъ костюмъ показывалъ, что господинъ Г—въ словно и одѣжой своей хочетъ отвести отъ чего-то глаза людямъ, такъ сообразилъ, по крайней мѣрѣ, Макарушка. А притомъ, выраженіе лица Г—ва, всѣ его движенія, рѣчь его тоже поразила малаго. По всему, и на первыхъ же порахъ, стало ему замѣтно, что Г—въ самъ не свой: лицо, прежде полное и румяное, теперь было чрезвычайно блѣдно и искажено; руками онъ безпрестанно разводилъ и размахивалъ и онѣ даже дрожали, какъ у дряхлаго старика; а прежняя твердая, повелительная рѣчь ни чуть уже не слышалась; онъ былъ гораздо словоохотливѣе прежняго, но рѣчи-то его текли такъ неровно и не хорошо, то путанной скороговоркой, то медленнымъ и невнятнымъ шопотомъ, то и совсѣмъ неразборчивымъ бормотаньемъ. Впрочемъ, замѣтно было очень и то, что онъ крѣпко, крѣпко подвыпилъ, только врядъ ли подъ веселую руку.

Приказавъ ямщику Егоркѣ убрать обѣихъ лошадей, Михайло Николаевичъ отвелъ Макарушку одалъ отъ семкинскаго двора и хотя улица, на ту пору, была уже совершенно пустынна, сталъ разспрашивать съ особенными предосторожностями.

— Ну, какъ же, какъ тамъ?.. шепталъ онъ на ухо дворовому михѣеву: Есафъ-то?.. а?.. Но ты потише, потише, по моему...

Исполняя, хоть не во всей точности, это приказаніе, Макарушка тоже шопотомъ, только не на ухо, началъ отвѣчать отрывистыми выраженіями, что, дескать, бѣда страшная стряслась надъ баринномъ, въ острогъ посадили, и все это отъ проклятаго разбойника Шохина, который, Богъ вѣсть, за что, про что, оговорилъ, запуталъ барина, и выдалъ тутъ еще «свой человѣкъ», кучеръ барынинъ Петруха, съ дуру нагородилъ много во вредъ... На томъ и надо бы кончить отвѣтъ, но неволью малый добавилъ: «надо быть, да и вѣрно что такъ, злые люди, распроклятые пуще самого разбойника Шохина, захотѣли погубить барина, а онъ то, какъ есть, ни въ чемъ неповиненъ и терпитъ такую бѣду за доброту свою, за свое смиренство»...

Сначала, при разсказѣ о бѣдѣ съ Іоасафомъ Николаевичемъ, Макарушка чуть было не расплакался на взрыдъ, а какъ только упомянулъ о Шохинѣ, о «своемъ человѣкѣ» Леонтычѣ-младшемъ и особенно о захотѣвшихъ сгубить барина злыхъ людяхъ, въ числѣ которыхъ смутно ставилъ онъ и самого «петербургскаго оборотня», злость великая закипѣла у него на сердцѣ, и послѣднія слова его вырвались съ сильнѣйшимъ раздраженіемъ, въ громкихъ на всю улицу возгласахъ.

Но Г—въ не остановилъ его, не приказалъ опять говорить потише. Онъ вдругъ какъ будто оторопѣлъ, вдругъ взметался съ необычной для него тревогою, и всѣ движенія его, эта безцѣльная ходьба, или лучше сказать, бѣготня взадъ и впередъ, это размахиванье и всплескиванье рукъ, были такъ странны и нелѣпы; а его непрерывную, теперь уже шумную болтовню почти нельзя было разобрать.

И долго онъ мыкался такимъ образомъ по улицѣ, и много говоририлъ, все съ увеличивавшимся бормотаньемъ.

Впрочемъ, Макарушка кое-что и понялъ изъ этого бормотанья. Очень неясно, а все-таки выходило, что Г—въ на кого-то жалуется, кого-то проклинаятъ, кому-то грозитъ. Но не замѣтилъ вѣрный слуга Іоасафа Николаевича, чтобы этотъ, страшно взволнованный человѣкъ, у котораго тогда должно было быть и на языкѣ то же, что на умѣ, пожалѣлъ бы его барина, а своего роднаго брата, погоревалъ бы объ его горемычной долѣ. И опять такое зло взяло Макарушку, что не разъ правая рука его судорожно сжималась, и будь въ ней на ту пору ножъ, не одобровать бы Михайлѣ Николаевичѣ Г—ву...

Но Г—въ, наконецъ, таки умыкался, ослабѣлъ внезапно до такой степени, что Макарушка долженъ былъ отвести его въ домъ Семкина. И опять поразила здѣсь малого странность. Горница Михайлы Николаевича была уже не въ прежнемъ ея видѣ: столы,

обитые кожею стулья, а также и ковры куда-то подѣвались, вмѣсто постели, «по господски» убранной, составлены были двѣ, ничѣмъ непокрытыя, скамьи и на нихъ, въ изголовьѣ, лежала только одна подушка въ старенькой, ситцевой наволочкѣ. «Что-жъ это такъ-то? подивился и подумалъ Макарушка: аль этотъ темный плутъ Семкинъ совсѣмъ пересталъ уважать нашего петербургскаго оборотня и ни во чтѣ его теперича ставить?»

И похоже было на это.

Когда Г—въ, допивъ сразу бутылку съ какимъ-то виномъ, повалился, въ одѣжѣ и обуви, на свою новую постель, Макарушка пошелъ съ хозяиномъ ужинать и тутъ услышалъ отъ него цѣлудныя рѣчи о Михайлѣ Николаевичѣ.

— И ужъ понадоѣлъ онъ въ этотъ-то прїѣздъ! сердито говорилъ хозяинъ: вотъ, четвертыя сутки идуть, какъ сюда приножаловалъ, и сразу такъ началъ пить, да пить, пить словно оглашенный! А допрежъ, такъ-то не бывало, хоша и очень любилъ кутнуть, позабавиться... И чего-чего съ пьяну не придумываетъ! Вонъ, горницу свою всю пустехоньку сдѣлалъ, иные стулья такъ выкинулъ, а иные инда переломалъ... на голыхъ скамьяхъ тоже захотѣлъ спать, словно спасается, грѣшнымъ тѣлесамъ покоя не даетъ. Да и не спитъ же путемъ, уснетъ часокъ—и зачнетъ куролѣситься!

— Съ чего бы такъ-то, осторожно спросилъ малый.

— А ни вѣсть съ чего. Думалось было сначала: не съ того ли, что дѣлишки въ Питерѣ по прежнему дурно пошли? да нѣтъ, кажись: деньгами сорить по прежнему... А и то: и допрежъ, колобродилъ, хоша на яну стать. Что-жъ! дворянскаго помету, и видать было завсегда, что гнетъ больше все въ ту сторону. Эхъ! нешто онъ заправскій купецъ!

Въ эту ночь Г—въ, однако, не колобродилъ, по крайней мѣрѣ, въ горницѣ его было тихо, какъ въ кельѣ стараго монаха. А ранымъ рано, онъ разбудилъ Макарушку, сказалъ ему, что сейчасъ уѣзжаетъ «по михѣвскому» дѣлу и скоро воротится и приказалъ непремѣнно его дожидаться.

На памяти у Макарушки было и другое приказаніе, данное ему въ Михѣвѣ, но онъ рѣшился дожидаться возвращенія Михайлы Николаевича, хотя и не очень-то вѣрилъ, чтобы изъ тепершней его поѣздки, по прежнему, будто-бы секретной, вышла какая-нибудь польза для Іосафа Николаевича.

XLV.

Михайло Николаевичъ возвратился въ Коломну гораздо раньше, чѣмъ полагалъ хозяинъ Семкинъ, въ тотъ же день, какъ выѣхалъ, даже и засвѣтло. Шибко влетѣлъ ямщикъ Егорка на свой дворъ,

но замѣтно было, что онъ очень не въ духѣ, можетъ, оттого, что дорогою досталось-таки ему отъ блажнаго сѣдока (недаромъ и лошади были такъ взмылены). Да и самъ господинъ Г—въ, отправлявшійся въ поѣздку во всемъ своемъ питерскомъ нарядѣ, молодецъ молодцомъ, смотрѣлъ тоже что-то небойко и невесело.

— Воротились-то, несолоно хлѣбавши, успѣлъ шепнуть сметливый хозяинъ Макарушкѣ, выходя съ нимъ на встрѣчу пріѣхавшему.

Г—въ, прямо съ телѣги, не пошелъ въ домъ, а, поманивъ за собою михѣвца, направился на конецъ города, къ Митяевой слободѣ. Онъ шелъ тихо, опушта голову, не оглядываясь и по сторонамъ не глядя, словно все собирался мыслями. Но какъ только миновали послѣдній мѣщанскій домишко на послѣдней глухой улицѣ, онъ вдругъ остановился и, крѣпко схвативъ Макарушку за плечо, отчего тотъ чуть не закричалъ, сказалъ ему громко и грозно:

— Да, малый, дѣло, какъ есть, пропащее!

— Охъ, и пропащее же дѣло! повторилъ онъ уже жалобно: и пропадать-то приходится такому человѣку... Нешто онъ сладитъ съ горемъ-бѣдою? нешто есть у него сила да воля?.. А вѣдь тутъ надо бы размахнуться во всю силу!.. А?.. Вѣдь, такъ? такъ?.. Ты что-жъ ни словечка не молвишь?.. Можетъ, вы тамъ, аль хоша и ты одинъ, ну, какъ-же ты-то смекаешь?

Макарушка не понялъ о чемъ собственно спрашиваетъ его этотъ человѣкъ, отъ котораго ему было теперь и больно и какъ-то жутко, но все-таки отвѣтилъ, высказавъ что лежало у него на сердцѣ.

— А я лишь то знаю, отвѣтилъ онъ: то одно, что Есафъ Николаичъ пропадаетъ отъ злыхъ людей... Да и всѣ у насъ, на Михѣевѣ, также, окромя только собаки Малѣя... И я съ нимъ зато... Что-жъ! и Богъ мнѣ проститъ... Такъ-то!

— Постой!..—тревожно перервалъ Г—въ:—Да! вы тамъ все свое, о злыхъ людяхъ... А ихъ-то, пожалуй, и въ счетъ нельзя брать, вѣдь, всякъ трется промежъ всякихъ людей, ну, и промежъ злыхъ тоже. Нѣтъ! не тутъ та бѣда!.. Смекаешь ли ты: что такое значитъ потакать самому себѣ?.. Я, вотъ, объ этотъ-то, иной разъ, крѣпко подумывалъ...

Онъ замолчалъ, отнялъ свою тяжелую руку отъ плеча Макарушки, быстро пошелъ по дорогѣ къ Митяевой слободѣ и опять, какъ по командѣ, вдругъ остановился.

— Вотъ, я съѣздили, заговорилъ онъ: съѣздили къ толсто-рожему тому сроднику, что теперича сталъ большимъ баринномъ, хотѣлъ черезъ него защиту найти, а онъ на насъ же вздумалъ кричать, что, молъ, всю родню осрамили... Ну, я плюнулъ ему въ глаза, такъ-таки и плюнулъ, не побоялся его лакеевъ... Да нѣтъ! не объ томъ я хотѣлъ... Что-жъ теперича дѣлать-то? что дѣлать?..

И въ послѣднихъ словахъ его послышалась страшная тоска.

— А я говорилъ же ему... продолжалъ онъ, заикаясь и опять

пачавъ бормотать, какъ было вчера, въ ошьяненіи: да! говорилъ... говорилъ: «поѣдемъ со мной, дѣло найду», и есть дѣло... а хоть бы и пропасть... да то-жъ дѣло... и я... и я вмѣстѣ... Ну и что-жъ теперича?.. Выручать, что-ль, станемъ?.. А?.. Вотъ, объ этомъ-то...

Въ эту самую минуту, слѣва, изъ придорожной канавы, приподнялся, пошатываясь изъ стороны въ сторону, человѣкъ какой-то. Красный, неровный изъ-подъ тучки, отблескъ погорѣвшей зари прямо ударилъ въ него, странно отдѣливъ голову отъ канавы. При скользящемъ этомъ освѣщеніи, Г—въ и Макарушка не разглядѣли, сначала, кто это явился неожиданнымъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Но вдругъ, закатывающееся солнце, прорѣзало тучку и освѣтило уже ярко и ясно всю приподнявшуюся фигуру, ея темноцвѣтное, истомленное лицо, ея глаза, устремленные на солнце и широко-раскрытые, пряди сѣдыхъ, странныхъ волосъ, одѣжу лохмотную.

Лицо это уже можно было узнать, да и голосъ, который тотчасъ же раздался, былъ знакомъ Г—ву и Макарушкѣ: то была Степовичка, явно теперь нищая, что примѣчалось и по лохмотной одѣжѣ и по деревянной чашечкѣ въ лѣвой ея рукѣ.

Можетъ, приподнялась она изъ своей канавы и не потому, что слышала подлѣ разговоръ; можетъ, она только и ждала заката солнечнаго: оттого, не глядя на тѣхъ двухъ человѣкъ, что смотрѣли на нее теперь съ какимъ-то жуткимъ чувствомъ, протянувъ правую руку къ заходящему солнцу, она, дрожащимъ голосомъ, медленно и на распѣвъ говорила:

— Солнушко! солнушко!
Полети до Бога:
Тамъ твои дѣтки
Въ окно выглядѣютъ,—
Медь колунають...

И раза три повторила она простенькую дѣтскую пѣсенку, покуда солнушко совсѣмъ не закатилось.

Тогда только мелькомъ взглянула она на Г—ва и Макарушку. Но, видно, глаза ея еще подъ впечатлѣніемъ закатнаго свѣта не распознали кто это стоитъ передъ нею, и она жалобно затынула:

— Христа-ради!.. нищенкѣ старенькой дайте-подайте!..

— Варварушка!.. бѣдняга ты моя горькая!.. промолвилъ Г—въ, и направился было къ ней.

— А!.. живъ человѣкъ!.. дикимъ голосомъ вскричала старуха: ну, и узнала и вспомнила... Охъ, да и кровопивецъ же ты!.. напился крови моей голубоньки, напѣешься и моей!.. На же тебѣ за это, пригодится!..

Она выбросила изъ своей чашечки старинный мѣдный пятакъ, ловко выбросила, такъ что онъ упалъ прямо къ ногамъ Г—ва, и вдругъ юркнула въ канаву. Съ минуту, было слышно какъ она пробирается тамъ въ сухой, сорной травѣ, а еще черезъ двѣ-три

минуты, уже въ сторонѣ отъ дороги, во ржаномъ полѣ, слышалось, что Степовичка опять поетъ пѣсню, и словно несовѣсть русскую; изъ ней Макарушка могъ разобрать только два слѣдующіе стиха:

... А теперь — я сама,—
И ни кого нема...

На Михаила Николаевича внезапное появленіе Степовички, не многія, но суровыя слова ея, и этотъ подарокъ ему отъ ней, произвели чрезвычайное впечатлѣніе: опустивъ голову, тяжело вздыхая, онъ простоялъ на одномъ мѣстѣ съ добрую четверть часа, какъ ошеломленный. Затѣмъ, поднявъ онъ подаренный пятакъ, перекрестившись, поцаловалъ его и дрожащей рукою опустилъ въ кошелекъ, въ которомъ Макарушка замѣтилъ много золотыхъ денегъ, и назадъ пошелъ къ семкинскому двору, молча, тихо, не твердой поступью.

А тѣмъ временемъ, сумерки уже понакрыли «нижнія» улицы Коломны, но вечеръ былъ свѣтелъ, и довольно людей сидѣло на завалинкахъ подъ окнами и у воротъ. На этотъ разъ, однако, Михайло Николаевичъ не обращалъ вниманія, что рѣчи его могутъ подслушать чужіе.

— А слышалъ ты?.. сказалъ онъ, вдругъ остановившись посреди улицы: напился, вишь, крови ея голубоньки... Значить, Марина... ея ужъ навѣрняка умерла...

Макарушка не отвѣтилъ: жаль-жаль ему было и несчастную Марину Прокофьевну и даже эту старуху, которой онъ прежде боялся, какъ колдуньи.

— Ну, и какъ же теперича быть? продолжалъ Г—въ: выручать ли того... выручать ли, какъ я было задумалъ?.. Да узнаетъ же онъ... первымъ дѣломъ справится, и тогда ему все равно.

Но малый опять не отвѣтилъ.

Г—въ постоялъ еще минуты двѣ, словно все ждалъ отвѣту, потомъ махнулъ рукою и шибко пошелъ къ семкинскому двору. Войдя же въ домъ, онъ велѣлъ принести вина, и когда подали ему нѣсколько бутылокъ, заперся въ своей горницѣ, уже ничего не приказавъ дворовому Михѣевцу насчетъ того: оставаться ли еще въ Коломнѣ, или же отправляться домой.

Но Макарушка ни въ какомъ случаѣ не остался бы. На завтра, еще до свѣту, онъ выбрался съ семкинского двора. У него была своя мысль въ головѣ.

XLVI.

Мысль, недававшая теперь Макарушкѣ покоя ни днемъ, ни ночью, зародилась у него не самостоятельно, но онъ считалъ ее своею и готовъ былъ бы увѣрять въ томъ всенародно. И до такой

степенн обуяла она его, что онъ уже не обращалъ вниманія на выговоры прикащика за долгое пребываніе въ Коломнѣ. Онъ не сообщилъ тоже зачѣмъ требовалъ его Михайло Николаевичъ, за что опять-таки ему досталось, и особенно отъ Леонтыча-младшаго, но и тутъ не отвлекся онъ отъ своей мысли и, въ первую же удобную минуту, отправился въ село Макшеево, съ отцу Осипу, за совѣтами насчетъ всего, что онъ надумалъ для барина.

Но отецъ Осипъ, хотъ и похвалилъ малаго за усердіе къ господину, а ничего-таки не одобрилъ.

— И какъ могъ ты дерзнуть на сіе? говорилъ, даже волнуясь, священникъ: просто удивленія достойна смѣлность твоя малая. Знаешь ли, что неразумнымъ предпріятіемъ весьма возможно причинить конечную гибель твоему господину, и безъ того столь злополучному?.. Нѣтъ! единое остается: съ терпѣніемъ переносить испытаніе да надѣяться на милость Господню, ну, и на праведный тоже судъ. Не могн о семъ и думать больше!

Но Макарушка думалъ и думалъ, и, чувствуя, что безъ совѣта умныхъ людей самъ ничего не подѣлаетъ, обратился къ своему старостѣ, а тотъ разсудилъ иначе, чѣмъ отецъ Осипъ. Староста видѣлъ, что дѣло надуманное малымъ больно трудное и страховитое, ну, а все-таки, молъ, можно попытаться, такъ какъ причина на то большая, да и «на милость образца нѣту». Словомъ, староста одобрилъ планъ Макарушки и даже обѣщалъ на исполненіе его своихъ деньжонокъ дать, да вытянуть сколько-нибудь и отъ старшаго Шпабаева, которому во всемъ можно довѣриться.

Планъ Макарушки былъ очень простъ по замыслу. Мелькомъ сказанныя Г—вымъ слова: «выручать, что-ль, теперича станемъ?» сильно врѣзались въ сердце малаго и на нихъ-то онъ замыслилъ: сначала выручить Іоасафа Николаевича изъ тюрьмы, доставивъ ему средства къ побѣгу, а потомъ свезти его въ Питеръ, гдѣ онъ, чрезъ своего крестнаго Апухтина, долженъ будетъ просить, чтобы послали «большаго генерала» навести по его дѣлу справедливое слѣдствіе. Все это казалось малому возможнымъ, а главное совершенно необходимымъ, дабы не мучился больше баринъ въ тюрьмѣ, дабы не померъ тамъ съ нужи и горя!

Съ помощью старосты, Макарушка безъ труда былъ отпущенъ въ Егорьевскъ спровѣдать барина и узнать: не нужно ли ему чего изъ Михѣева? (объ этомъ, грѣшнымъ дѣломъ, доселѣ какъ-то не надумались). Но въ Егорьевскѣ, какъ въ этотъ разъ, такъ и во всѣ послѣдующіе, вѣрный слуга ничего не могъ сдѣлать, часто-коль острога оказывался переступаемымъ препятствіемъ, да и караулъ былъ очень исправенъ. Къ тому же, вѣроятно, и Іоасафъ Николаевичъ не былъ готовъ тогда къ мысли о побѣгѣ и, можетъ быть, все еще надѣялся на хорошій исходъ дѣла, каковою надеждой соблазнили его, кажется, и чиновники-доброжелатели. Кстати:

Макарушка, всетаки, былъ допускаемъ къ барину и, должно быть, въ одно изъ такихъ свиданій, баринъ передалъ ему немалую часть изъ денегъ только-что полученныхъ имъ за проданное уже имѣніе.

Въ Егорьевскомъ уѣздномъ судѣ дѣло по «михѣвской исторіи» было рѣшено тяжело и, затѣмъ, по порядкамъ судопроизводства, перешло въ уголовную палату. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Іоасафъ Николаевичъ былъ переведенъ въ рязанскій тюремный замокъ.

Тогда, Макарушка, безъ спроса, отлучился изъ Михѣва и уже не возвратился въ него. Онъ ушелъ въ Рязань и тамъ-то устроилъ-таки побѣгъ барина.

Но побѣгъ не удался и будто бы по причинѣ самого Іоасафа Николаевича. Въ рѣшительную минуту, когда двое или трое арестантовъ, товарищей по побѣгу (безъ нихъ нельзя было обойтись) успѣли перелѣзть черезъ стѣну «замка», несчастный дядя мой не захотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру и отдался караулу. Тѣмъ не менѣе, покушеніе на побѣгъ, при обсужденіи дѣла въ палатѣ, было поставлено ему на счетъ.

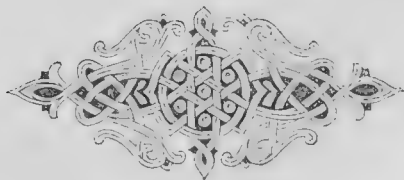
Вскорѣ послѣ того, Макарушка бѣжалъ въ «Адестъ»; а черезъ пять-шесть лѣтъ, пронеслись у насъ слухи, что гдѣ-то въ степяхъ Новороссійскаго Края, во время разъѣздовъ съ какимъ-то товаромъ, онъ былъ убитъ.

Въ палатѣ дѣло рѣшили безпощадно: Іоасафъ, Николаевъ сынъ, П—въ «былъ написанъ въ солдаты, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства». Кажется, такому рѣшенію много поспособствовало и прошеніе Надежды Ивановны П—вой.

Въ 1829 году, послѣ кончины моего отца, товарищъ его по военной службѣ, Василій Васильевичъ Рославлевъ, не скрывъ отъ моей матери, что Іоасафъ Николаевичъ умеръ въ кievскомъ военномъ госпиталѣ отъ злой чахотки.

Такъ окончилась исторія моего дяди. Съ нимъ угасъ старый дворянскій родъ—родъ несчастный, ибо многіе его представители погибли бѣдственно.

С. Славутинскій.





ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

V.

Новѣйшая украинская литература.

НОВОЕ украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣетъ близкія и тѣсныя связи съ прежнимъ украинофильствомъ, отличаясь отъ него лишь болѣею практичностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни. Прежнее украинофильство представляло между своими задачами приготовленіе простаго южнорусскаго народа къ освобожденію отъ крѣпостничества путемъ его образованія. Теперь же, съ прошлаго царствованія, освобожденіе простаго русскаго народа отъ крѣпостной зависимости стало предметомъ заботъ самого правительства и встрѣчало лишь препятствія въ значительной части душевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Поэтому первую насущною потребностью украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа. На этомъ пунктѣ интересы русской и украинской литературъ слились между собою до того, что одни и тѣ же писатели (напр. Марко Вовчокъ) одновременно писали свои повѣсти въ народномъ духѣ и по-украински и по-русски. Когда же, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, освобожденіе простаго народа отъ крѣпостной зависимости стало дѣйствительнымъ фактомъ, тогда явилась свободная нужда въ озна-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» томъ IX, стр. 225.

комленіи и сближеніи привилегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего требовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многообразныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны—возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія. Эти двѣ задачи опять-таки были предметомъ общихъ усилій просвѣщенныхъ людей и на югѣ, и на сѣверѣ Россіи; но въ подробностяхъ эти задачи уже нѣсколько разнились у южанъ и сѣверянъ. Изучая простой украинскій народъ, малороссійская интеллигенція, вслѣдъ за прежними украинофилами, усматривала въ этомъ народѣ особое славянское племя, со своими отличительными особенностями и языкомъ, имѣющее право на свою особую, своеобразную жизнь. Указывались особенности малороссійскаго племени—этнографическія, историческія, лингвистическія и проч. Въ силу этихъ особенностей и преимущественно лингвистическихъ, малорусская интеллигенція стала требовать для образованія украинскаго народа и языка народнаго, т. е. украинскаго. Русскій литературный языкъ и русская литература, по представленію новѣйшихъ украинофиловъ, суть искусственныя, не народныя произведенія, непонятныя простому народу, и потому не могутъ быть орудіемъ народнаго образованія. Отсюда вытекали слѣдующіе выводы: русскій литературный языкъ первоначально самъ долженъ оживиться народными элементами для того, чтобы быть орудіемъ народнаго образованія; а пока онъ не достигъ еще этого, то не обязателенъ для обученія малороссовъ, которые имѣютъ свой языкъ, чисто народный. Органомъ этихъ идей былъ журналъ «Основа», издававшійся въ 1861 и 1862 годахъ. Впослѣдствіи времени, впрочемъ, нашли возможнымъ совмѣстить въ дѣлѣ народнаго образованія въ Малороссіи русскій литературный языкъ съ малорусскимъ и рекомендовали или начинать первоначальное обученіе съ малорусскаго языка и заканчивать литературнымъ русскимъ, или употреблять двухтекстные учебники на обоихъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, обученіе на народномъ малорусскомъ нарѣчій или, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ участіемъ его, составляло особенный предметъ заботливости южнорусскихъ интеллигентныхъ людей въ началѣ прошлаго царствованія. Съ 1857 по 1862 годъ, т. е. въ теченіи шести лѣтъ, явилось не менѣе десяти букварей, граматокъ и учебныхъ пособій на украинскомъ нарѣчій для народнаго обученія, и въ томъ числѣ Кулиша, Шевченка, Шейковского, Гатцука, Деркача, Грещанковского, Дараганъ, Яценка, Мороза, А. Конисскаго и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ издано было значительное число популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія и между ними проповѣди на малорусскомъ нарѣчій Гречулевича, Бабченка и Опатовича, четвероевангеліе и новый завѣтъ и множество народныхъ повѣстей и разсказовъ, перепечатывавшихся изъ «Хаты» Кулиша (1860 годъ), журнала «Основы» и др. Въ послѣдствіи времени эта

популярная малорусская литература стѣснена была въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но все-таки временами проявляла себя изданіемъ популярныхъ брошюръ, касающихся ближайшихъ житейскихъ интересовъ простаго украинскаго народа. Между 1874—1876 и 1881—1882 годами изданъ былъ цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ малорусскихъ брошюръ, сообщающихъ популярныя свѣдѣнія о небѣ и землѣ, земныхъ силахъ, почвѣ, воздухѣ, земледѣліи, звѣряхъ, насѣкомыхъ, болѣзняхъ, мировыхъ судахъ, воинской повинности, дифтеритѣ и проч., каковы напримѣръ, брошюры Горбунова (переводныя), Иванова въ переводахъ Комарова, Менчица, Троцкого, Степовика, Хвидоровскаго и др.

Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтить его опредѣлялась и изящная украинская литература первыхъ годовъ прошлаго царствованія. Большая часть беллетристическихъ произведеній, помѣщавшихся въ журналѣ «Основа» за 1861—1862 годы, имѣетъ характеръ эскизовъ съ натуры и пересказовъ «изъ народныхъ устъ», какъ часто и озаглавливались они. Въ такомъ духѣ прежде всего писала Марко-Вовчокъ, лучшая писательница этого времени: первые эскизы свои она предназначала для «Записокъ о Южной Руси» Кулиша и слѣдовательно первоначально работала, какъ чистый этнографъ. За нею слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей на украинскомъ нарѣчій въ томъ же этнографическомъ и эскизномъ направленіи, каковы напримѣръ: Д. Мордовцевъ въ своихъ малорусскихъ повѣстяхъ, А—ра М. Кулишъ, писавшая подъ псевдонимами Анны Барвинокъ и А. Нечуй-Вітеръ, П. Косменко (подъ именемъ Кузьменка), Данило (псевдонимъ), Забоцень (псевдонимъ), Модестъ Дымскій, Дмитрій Александровичъ (Митро Олельковичъ), М. Н. Александровичъ, М. Т. Симоновъ подъ псевдонимомъ Номисъ, С. Д. Носъ, Ка—па (псевдонимъ), О. Вильшанскій, В. Г—гл—скій, Вс. Каховскій, В. Тищенко, М. Чайка, К. Шохинъ подъ псевдонимомъ Кузьма Шаповала, Павло Шулѣкъ, Л. Яценко, М. Туловъ подъ псевдонимомъ Линейкина и др. ¹⁾ Сюда же нужно отнести и Н. С. Левицкаго (Нечуй) съ его повѣстями и рассказами изъ простонароднаго украинскаго быта.

Въ такомъ направленіи своемъ, по преимуществу протонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣетъ полное право на существованіе и дальнѣйшее

¹⁾ Нѣкоторые псевдонимы раскрыты по указанію «Русскаго Календаря» Суворина на 1881 годъ и кievскихъ газетъ, особенно прекратившагося въ 1876 году «Телеграфа». Изъ позднѣйшихъ украинскихъ писателей, болѣе или менѣе неудачныхъ, извѣстны: Алексѣй Грабина, Прохоръ Данилевскій, Маруся Доброва (Розова, въ Кіевлянинѣ), Н. Короленко, Ф. Левицкій, М. Лобода, Григ. Лядовъ, Маркъ Опукъ, Готфридъ Оссовскій, Очеретяный, П. Савлущинскій (въ «Телеграфѣ» и «Кіевлянинѣ», съ подписью—скій), Нордега подъ псевдонимомъ Стеценко, Цисъ и др.

развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентные классы общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скудную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. То и другое мы и видимъ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Изъ переводчиковъ на украинское нарѣчіе съ другихъ языковъ извѣстны: С. Руданскій (Слово о полку Игоревѣ и Одиссея), В. А. Кендзерскій (Слово о полку Игоревѣ; Кременчугъ, 1875 годъ), Л. Глѣбовъ, Мазюкевичъ и Р. Витавскій со своими переводами басенъ Крылова и др., Мордовцевъ (переводы изъ Гоголя въ «Малорусскомъ литературномъ сборникѣ»; Саратовъ, 1859 года), М. Лобода или Лободовскій («Тарасъ Бульба, изъ Гоголя»; Кіевъ, 1873 года), О. Пчілка («Переклады изъ Гоголя»; Кіевъ, 1881 года), Вл. Александровъ («Малорусьскі Співанки», переводъ Лермонтова на украинское нарѣчіе; Харьковъ, 1880 года), А. Навроцкій (его переводы изъ Мицкевича, Хомякова и Гейне—въ рукописи), Л. Яценко («Пташина Пісня», изъ Андерсена, въ «Основѣ» за 1862 года) и М. П. Старицкій (онъ же и Стариченко), извѣстный своими переводами изъ Крылова, Лермонтова, Гоголя, сербскихъ народныхъ пѣсенъ, Мицкевича, Сырокомли, Шекспира, Байрона, Гейне и сказокъ Андерсена. Кромѣ того, въ послѣднее время г. Кулишъ занимается переводомъ шекспировскихъ пьесъ и намѣренъ издать ихъ въ девяти томахъ. Въ первый томъ войдутъ: «Отелло», «Тропиль и Крессида» и «Комедія ошибокъ». Разумѣется, лучше удались переводы тѣхъ произведеній, которыя ближе и понятнѣе народному сердцу и умственному развитію и потому безъ натяжки могли быть выражены наличнымъ запасомъ малорусскаго словаря. Въ этомъ отношеніи лучшими считаются переводы Глѣбова — басенъ Крылова и Старицкаго—сербскихъ народныхъ пѣсенъ.

Другіе малорусскіе писатели, прозаики и стихотворцы, пытались обогатить украинскую литературу болѣе или менѣе самостоятельными произведеніями на украинскомъ нарѣчій, но они болѣею частію не выходили изъ круга подражанія своимъ и чужимъ образцамъ. Особенно много было подражателей Шевченка или продолжателей его дѣла, изъ коихъ, впрочемъ, никто почти не выдвинулся изъ ряда посредственностей. Къ числу малорусскихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, подражавшихъ Шевченку или воспроизводившихъ украинскія народныя пѣсни, относятся: Білокопитой (псевдонимъ), Бойчукъ, Вешнякъ, Ф. Галузенко, И. Горза, С. В. Куликъ, Павлусъ (псевдонимъ), Тирса, Таволга-Мокрицкій,

помѣщавшіе свои стихотворенія въ «Основѣ»; также: Гриненко, Клейфъ подъ псевдонимомъ Кохнівченка, Н. Константиновичъ, Е. Ластивка, Ф. Левицкій подъ псевдонимомъ графа Биберштейна, К. Маляревскій, Н. Мельникъ, Ив. Подушка, М. Семенюкъ, Старушенко, Н. Шибутко, М. Юркевичъ и др. Но изъ нихъ заслуживаетъ вниманія развѣ только г. Куликъ, бывшій въ Полтавѣ учителемъ († около 1874 года). Изъ другихъ новѣйшихъ украинскимъ писателей, подражавшихъ лучшимъ образцамъ другихъ литературъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія С. Руданскій, слѣдовавшій иногда русскимъ писателямъ Кольцову и Некрасову, и И. С. Левицкій (Нечуй), въ большихъ своихъ повѣстяхъ слѣдовавшій за Тургеневымъ.

Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣчать два существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ въ глубь народнаго міровозрѣнія и сознанія и пишетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ въ ширь, старается раздвинуть тѣсную сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованіями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надежащей жизненности. Въ этомъ заключаются существенные недостатки современной украинской литературы, несмотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдѣльныхъ писателей.

Къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ новѣйшей украинской литературы мы относимъ: Марка-Вовчка, И. С. Левицкаго (Нечуя), Л. И. Глѣбова, С. Руданскаго и М. П. Старицкаго.

I.

Марко-Вовчокъ.

Марко-Вовчокъ есть псевдонимъ, подъ которымъ скрывается М. А. Маркевичъ, урожденная Вилинская, получившая воспитаніе въ Орловскомъ институтѣ. Первые литературные опыты ея относятся приблизительно къ 1857 году, когда явились извѣстные «Записки о Южной Руси» Кулиша, и предназначались для дальнѣйшихъ томовъ этого сборника. «Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссіи для дальнѣйшихъ томовъ «Записокъ о Южной Руси», говоритъ г. Кулишъ, — нѣкто, назвавшій себя Маркомъ Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разсказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ

къ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня недѣлю и другую. Наконецъ, я удосужился и принялся ее читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непорочное, полное свѣжести художественное произведеніе! Было прислано сперва только два небольшихъ разсказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ онѣ написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ насмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разсказовъ, и плодомъ его воспоминаній явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ». Г. Кулишъ издалъ эти разсказы въ 1857 году, подъ заглавіемъ: «Народні оповідання» Марка-Вовчка ¹⁾. И. С. Тургеневъ перевелъ эти «Оповідання» на русскій языкъ, справедливо предполагая, что это—лучшая рекомендація для начинающаго литератора, и этотъ переводъ изданъ былъ въ 1859 году, Кожанчиковымъ, подъ заглавіемъ: «Украинскіе народные разсказы» Марка-Вовчка. Въ томъ же году изданы были въ Москвѣ «Разсказы изъ народнаго русскаго быта» Марка-Вовчка. Такимъ образомъ, съ первыхъ почти годовъ своей литературной дѣятельности, Марко-Вовчокъ писала и на малорусскомъ нарѣчій, и на русскомъ языкѣ, и имѣла успѣхъ въ обѣихъ литературахъ. Разсказы Марка-Вовчка печатались постоянно въ нашихъ лучшихъ журналахъ и затѣмъ нѣсколько разъ издавались отдѣльными небольшими книжками, которыя, въ настоящее время, почти все разошлись и сдѣлались библиографическою рѣдкостью. Т. Г. Шевченко назвалъ Марка-Вовчка своей преемницей на литературномъ поприщѣ и своей нареченной дочерью и до самой смерти своей поддерживалъ дружескія, теплыя отношенія къ этой писательницѣ, которая, съ своей стороны, отвѣчала ему взаимностью ²⁾. Украинскіе патріоты смущались авторствомъ Марка-Вовчка на обоихъ языкахъ, малорусскомъ и русскомъ, и однажды предложили Шевченкѣ такой вопросъ, не слѣдуетъ ли высокоуважаемому имъ писателю, т. е. Марку-Вовчку, ограничиться сочиненіями на одномъ украинскомъ языкѣ. На это Шевченко отвѣчалъ: «да пусть пишетъ хоть по самоѣдекп, лишь бы въ его писаніяхъ была правда» ³⁾. Впослѣдствіи времени Марко-Вовчокъ совершенно оставила украинскую рѣчь, продолжая авторство на русскомъ литературномъ языкѣ и, наконецъ, почти исключительно

¹⁾ Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги «Народні оповідання» Марка-Вовчка, г. Кулиша, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 года, т. XII.

²⁾ Письма ея къ Шевченкѣ, одно въ «Основѣ» за іюнь 1861 года, другое—въ книгѣ г. Чалаго о Шевченкѣ, 1882 года.

³⁾ Значеніе Шевченка для Украйны, въ «Основѣ», за іюнь 1861 года, стр. 6.

обратилась къ переводамъ на русскій языкъ педагогическихъ произведеній съ иностранныхъ языковъ.

Несмотря на важное воспитательное и цивилизующее значеніе переводныхъ трудовъ Марка-Вовчка по педагогикѣ, эти труды не относятся къ области исторіи русской литературы, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сообразно съ своей задачей—слѣдить развитіе украинской литературы и украинскій элементъ въ русскихъ писателяхъ, мы остановимся преимущественно на разсказахъ и повѣстяхъ Марка-Вовчка изъ народнаго украинскаго быта, не отказываясь, для полноты характеристики нашей писательницы, порой заглядывать и въ ея великорусскіе народные разсказы.

Къ малорусскимъ разсказамъ и повѣстямъ Марка-Вовчка относятся слѣдующіе: Сестра, Казачка, Чумахъ, Одарка, Чарп, Сонъ, Горпина (иначе Паньска воля), Выкупъ, Свекровь, Оксана (иначе Знай ляше), Три долі, Не до парп, Два сини, Ледащиця, Відъ себе не втечешъ (иначе Павло Чернокрыль), Институтка, Максимъ Гримачъ, Данило Гручъ, Глухой городокъ, Тюлевая баба, Лемеривна, Пройди Свѣтъ, Кармелюкъ, Невѣльничка, Девять братівъ и десята сестрица Галя и Ведмідь.

Марко-Вовчокъ начала писать свои народные разсказы тогда, когда только-что поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и правахъ простаго, сѣраго народа на самостоятельную, человѣческую жизнь, и одна изъ первыхъ подняла голосъ противъ злоупотребленій помѣщичьей власти и въ защиту человѣческихъ правъ простаго народа. Въ этомъ заступничествѣ за народъ заключалась величайшая заслуга Марка-Вовчка, какъ писательницы, доставившей ей, въ свое время, громадную популярность, независимо отъ внутреннихъ достоинствъ ея произведеній. Разсказы и повѣсти Марка-Вовчка обратили на себя вниманіе лучшихъ малорусскихъ и русскихъ писателей и критиковъ, какъ-то: Кулиша, Н. И. Костомарова, Добролюбова, Скабичевского, и друг., которые посвятили малорусскимъ произведеніямъ Марка-Вовчка болѣе или менѣе подробныя и обстоятельныя рецензіи и критическія статьи ¹⁾.

Въ итогъ всѣхъ этихъ рецензій и критикъ оказывается, что Марко-Вовчокъ своими этюдами изъ народной жизни, хотя и животрепещущими, но не законченными, подавала большія надежды на лучшее и совершеннѣйшее творчество, какія высказывались почти всѣми первыми критиками ея, но не оправдала этихъ надеждъ и остановилась на однихъ лишь этихъ этюдахъ. Но затѣмъ,

¹⁾ См. эти рецензіи и критики: г. Кулиша — въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 года, т. XII, ч. 1-я; въ Альманахѣ «Хата», 1860 года, и въ «Основѣ», за апрѣль 1861 года («Отъ редакціи»); Н. И. Костомарова — въ «Современникѣ», 1859 года, № 5; Добролюбова — тамъ же, 1860 года, т. LXXXIII, и Скабичевского — въ «Отечественныхъ Запискахъ», за іюль 1868 года.

мнѣнія о внутреннемъ достоинствѣ этихъ этюдовъ, независимо отъ содержанія и тенденціи ихъ, разошлись у критиковъ разныхъ поколѣній въ противоположныя стороны. Тогда какъ первые по времени критики признавали народные рассказы Марка-Вовчка, если не вполне округленными и законченными, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе вѣрными дѣйствительности и выражающими народный духъ, позднѣйшій изъ критиковъ, г. Скабичевскій, отнимаетъ у нихъ и это достоинство и находитъ, что народные рассказы Марка-Вовчка мало имѣютъ подъ собою реальной народной почвы, задаются общечеловѣческими интересами и идеалами, и иногда навязываютъ народу то, что въ дѣйствительности не принадлежитъ ему. Для насъ кажется очевиднымъ, что столь противоположныя мнѣнія критики о народныхъ рассказахъ Марка-Вовчка опредѣлялись и вызывались не столько внутренними достоинствами произведеній Марка-Вовчка, сколько впечатлѣніями, полученными отъ этихъ произведеній подъ вліяніемъ стороннихъ обстоятельствъ, именно литературной борьбы противъ крѣпостнаго права и прекращенія этой борьбы съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Первоначально народные рассказы Марка-Вовчка нравились преимущественно за ихъ горячее заступничество за челоуѣческія права простаго народа. Но когда эти права уже были признаны за народомъ, то тѣ же самые рассказы и повѣсти Марка-Вовчка стали казаться для нѣкоторыхъ сентиментальными, романтическими, довольно однообразными и скучными. Поэтому, для того, чтобы объективнѣе судить о народныхъ рассказахъ Марка-Вовчка, нужно прослѣдить самый актъ творчества писательницы и отношеніе ея къ тѣмъ народнымъ матеріаламъ, которыми она пользовалась. Къ счастью, у ней есть нѣсколько такихъ народныхъ рассказовъ и повѣстей, въ которыхъ просвѣчиваетъ строгий матеріаль ихъ. Онѣ могутъ дать ключъ къ оцѣнкѣ и остальныхъ произведеній Марка-Вовчка.

Къ повѣстямъ и рассказамъ Марка-Вовчка, въ которыхъ болѣе другихъ замѣтенъ этнографическій матеріаль, относятся: «Чаря», «Лемеривна», «Данило Гручъ», «Невольница» и особенно «Иванъ Кармелюкъ» и «О девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ». Изъ нихъ послѣднія двѣ имѣютъ наибольшее отношеніе къ памятникамъ украинской народной словесности и представляютъ изъ себя только болѣе или менѣе художественное воспроизведеніе народныхъ сказаній.

Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ одинаково извѣстна и въ сѣверно-русской, и въ украинской народной литературѣ. Нѣсколько варіантовъ ея издано въ «Сборникѣ Рыбникова». Въ свое время она обратила на себя вниманіе А. С. Пушкина и была записана имъ, вѣроятно съ цѣлію подверг-

нѣтъ ея художественной обработкѣ ¹⁾. Эту же сказку, въ малорусской ея редакціи ²⁾, выбрала Марко-Вовчокъ сюжетомъ своей малорусской повѣсти съ тѣмъ же заглавіемъ, распространивъ ея и подвергнувъ лишь незначительной передѣлкѣ въ частностихъ. Марко-Вовчокъ рассказываетъ объ одной бѣдной вдовѣ, жившей близъ Кіева на Подолѣ, которая имѣла девять сыновей и одну дочь. Подрастаю, сыновья отправились на заработки, но вездѣ терпѣли неудачу и наконецъ присягнули дремучему лѣсу, т. е. сдѣлались разбойниками. Долго старушка-мать ожидала возвращенія дѣтей, прислушиваясь къ каждому шороху. Наконецъ, она умерла, не дождавшись сыновей, и дочь Галя осталась одна. Къ окну ея подошелъ однажды незнакомый казакъ. Онъ влюбился въ Галю, женился на ней и попалъ нечаянно къ днѣпровскимъ пещерамъ, гдѣ скрывались Галлины братья разбойники. Они напали на молодыхъ, казака убили, а въ женѣ его узнали свою сестру Галю, которая въ отчаяніи сошла съ ума и утопилась въ Днѣпрѣ. Одинъ критикъ хвалитъ первую половину этой повѣсти Марка-Вовчка и говоритъ о ней слѣдующее: «если бы писательница покончила этимъ (смертью матери) свой рассказъ, или придумала для него другой болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы. Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница пришила на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному разсказу самый нелѣпый и мелодраматическій конецъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ случайностей, ни на чемъ не основанныхъ», и проч. ³⁾. Очевидно, г. критикъ и не подозревалъ народной основы этой повѣсти Марка-Вовчка и ставилъ автору въ вину то, что собственно принадлежало народному пересказу и составляло извѣстную заслугу автора, старавшагося быть вѣрнымъ народному сказанію. Марка-Вовчокъ только округлила народный рассказъ и ввела въ него психологическіе мотивы.

Другая повѣсть Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ «Невильничка», несомнѣнно основана на историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ татарской эпохи. По разсказу Марка-Вовчка, давно когда-то родился въ Овручѣ хлопчикъ Остапъ, который, чуть только началъ приходить къ сознанию, какъ увидѣлъ и понялъ, что плохо жить людямъ въ Овручѣ вслѣдствіе набѣговъ турецкихъ и татарскихъ. Однажды онъ самъ видѣлъ своими глазами, какъ вооруженный турокъ мчалъ на легкомъ конѣ свою плѣнницу-дѣвицу, которая простирала къ Остапу руки съ просьбою о помощи. Эта сцена глубоко

¹⁾ См. объ этомъ «Порядокъ», 1881 года, № 11, и «Кіевлянинъ», 1881 года; № 45: «По поводу черновыхъ набросковъ Пушкина».

²⁾ Малорусскій вариантъ см., между прочимъ, въ «Сборникѣ гражданскихъ пѣсень» А. Гулака-Артемовскаго, изд. въ Кіевѣ въ 1860-хъ годахъ.

³⁾ «Современникъ», 1864 года, т. 100: «Русская литература. Сказки Марка-Вовчка. С.-Петербургъ. 1864».

връзалась въ воспріимчивую душу Остапа, который отселѣ не покидалъ мысли объ освобожденіи своей родины отъ турецкаго и татарскаго ига. Выросши и возмужавъ, онъ собралъ большое войско противъ татаръ и турокъ, но въ сраженіи съ ними былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу. Отсюда онъ выбрался, разломавъ кирпичи въ стѣнѣ, и, при помощи видѣнной имъ въ дѣтствѣ русской полоняночки, возвратился на родину; здѣсь онъ собралъ новое войско, напалъ на турокъ и освободилъ плѣнницу. Подобной пѣсни, въ который бы передавались всѣ подробности изложенной повѣсти Марка-Вовчка, мы не встрѣчали; но частные мотивы повѣсти попадаются въ разныхъ историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ эпохи татарской, одинаково встрѣчающихся и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Изъ малорусскихъ историческихъ пѣсень, болѣе подходит къ содержанію повѣсти пѣсня о Марусѣ Богуславкѣ, хотя Марко-Вовчокъ, по всей вѣроятности, имѣла въ виду какую-либо другую малорусскую историческую пѣсню, для насъ неизвѣстную.

Опредѣленныя источники другой повѣсти Марка-Вовчка, подъ заглавіемъ «Иванъ Кармелюкъ». Этотъ рыцарь-разбойникъ, по разсказу Марка-Вовчка, былъ сынъ вдовы и съ малолѣтства еще отличался красою, разумомъ и удалствомъ. Онъ рано сталъ задумываться надъ неравенствомъ людскаго счастья, надъ горькою участію бѣдняковъ, льнулъ къ нимъ всею душою своею и самъ женился на бѣдной и забытой, но разумной дѣвушкѣ и нашелъ съ нею супружеское счастье. Но его еще болѣе стало мучить людское горе и убожество, и Кармелюкъ рѣшился помочь ему. Для этого онъ оставилъ свою семью, мать, жену и дочь, набралъ себѣ вѣрную дружинну и сталъ нападать на богачей, оставляя имъ жизнь и раздавая деньги убогимъ и бѣднымъ. Слухъ о красавцѣ и милостивомъ къ бѣднякамъ разбойникѣ разнесся далеко и поднялъ на ноги мѣстное начальство, которое всѣми мѣрами старалось поймать его и устроило на него облаву. Однажды Кармелюкъ накрытъ былъ сыщиками у своей жены въ саду, пойманъ и посаженъ въ тюрьму. Его приговорили сослать въ Сибирь; но Кармелюкъ дважды убѣгалъ оттуда и въ послѣдній разъ, взявъ съ собою жену и дочь, безслѣдно исчезъ куда-то. Личность Кармелюка — историческая. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нынѣшней Подольской и Волынской губерніяхъ уже во времена владычества Россіи. Здѣсь сохранились о немъ устные преданія и расцѣвается малорусская пѣсня, приписываемая самому Кармелюку. Въ одной редакціи она приведена въ разныхъ мѣстахъ повѣсти Марка-Вовчка; Въ другомъ спискѣ напечатана она въ сборникѣ Н. Гатцука «Ужинокъ рідного поля». Т. Г. Шевченко невысоко цѣнилъ эту пѣсню о Кармелюкѣ и въ своемъ «Дневникѣ» отзывался о ней такъ: «Сочиненіе этой весьма немудрой пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клеветаютъ на славнаго рыцаря. Это рукодѣлье какого нибудь мизернаго Падур-

ры»¹⁾. Марко-Вовчокъ, взявши эту пѣсню въ основаніе своего разсказа, прибавила къ ней отъ себя романтическій элементъ о женитбѣ Кармелюка и домашней его жизни, вслѣдствіе чего повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: «Кармелюкъ дома» и «Кармелюкъ на разбоѣ». Но эти части не связаны между собою органически и, по замѣчанію критики, рисуютъ своего героя нѣсколько притивоположными чертами.

Разсказъ «Лемеривна» тоже весь основанъ на народныхъ историческихъ пѣсняхъ. По разсказу Марка-Вовчка, молодой козакъ Шкандыбенко полюбилъ дѣвицу Лемеривну и, несмотря на троекратный отказъ ея, послалъ къ ней сватовъ. Мать приневолила Лемеривну выйти замужъ за Шкандыбенка; но послѣ вѣнца Лемеривна попыталась убѣжать отъ своего мужа, и, когда онъ догналъ ее, зарѣзалась. Мать Лемеривны, узнавъ объ этомъ, упала мертвою, а Шкандыбенко куда-то уѣхалъ и уже болѣе не возвращался въ свое село. Эта повѣсть есть не что иное, какъ пересказъ чрезвычайно распространенной и богатой вариантами мнѣсни о Лемеріевѣ, пѣсни, начинающейся съ того, что мать Лемериха пропѣваетъ свою дочку Шкандыбенку, или Синькевичу и т. п., а оканчивающейся тѣмъ, что Лемеріевна убиваетъ себя, говоря:

Кипи, кипи, мое сердце па пожі,
Ніж маеш ти спочивати з нелюбомъ на ложі²⁾.

Подобнаго же содержанія повѣсть Марка-Вовчка, подъ названіемъ «Данило Гручъ».

Кромѣ того, укажемъ еще на повѣсть съ этнографическою подкладкою, «Чарп», разсказанную со словъ старой бабуси.

Всѣ перечисленные повѣсти Марка-Вовчка очень близко держатся историко-этнографическаго матеріала и дѣйствительно могутъ быть названы, въ нѣкоторомъ родѣ, только этнографическими этюдами, за которыми мало остается мѣста творческой самостоятельности автора. Писательница сама знакомилась и знакомитъ насъ съ народомъ не непосредственно, а показываетъ его намъ сквозь призму историческихъ пѣсенъ и вѣковыхъ народныхъ преданій, которые можно воспринять и усвоить и чисто книжнымъ путемъ. Этимъ объясняются достоинства и недостатки повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка съ этнографическою подкладкою: съ одной стороны—эпическій складъ и характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ нашей писательницы, съ другой—поэтическое, идеальное представленіе народной жизни въ радужныхъ краскахъ. На долю писательницы оставались только выборъ мелодраматическихъ сюжетовъ,

¹⁾ Падурра—плохой польско-украинскій стихотворецъ. Извѣстны въ печати его Ріеніа, 1842 года и Українку, 1844 года.

²⁾ «Историч. пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ. 1874 года, стр. 311.

имѣющихъ отношеніе къ народному горю и страданію, округленіе народнаго пересказа и мотивированіе его подробностей психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ.

Другую серію украинскихъ народныхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка составляютъ повѣсти и разсказы бытоваго содержанія и характера, преимущественно касающіяся переходной эпохи, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны рисуется въ нихъ горькое положеніе униженныхъ и оскорбленныхъ крѣпостничествомъ меньшихъ братій нашихъ, съ другой—выставляются на показъ и бичуются дурныя склонности и привычки рабовладѣльческаго и вообще привилегированнаго сословія. Въ герояхъ первой категоріи писательница усматриваетъ свѣтлый человѣческій обликъ, несмотря иногда на невольное паденіе ихъ, тогда какъ, наоборотъ, въ представителяхъ рабовладѣльческаго сословія образъ и подобіе Божіе, по ея представленію, часто заслоняются скотскими и звѣрскими наклонностями и привычками. Такимъ образомъ, само собою создаются у Марка-Вовчка два типа, положительный и отрицательный, которые проходятъ рядомъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ этой писательницы, но иногда почти исключительно завладѣваютъ повѣстью или разсказомъ. Но тогда какъ сфера отрицательныхъ типовъ, какъ болѣе и ближе знакомая писательницѣ по ея происхожденію и общественному положенію, вѣрно и реально изображается ею, другая, чуждая ей сфера крестьянъ и казаковъ, усвоена ею только посредствомъ наблюденія и изученія, основаннаго притомъ на недостаточномъ числѣ фактовъ, которые восполняются у нея извѣстной гуманной тенденціей и теплотою собственнаго чувства, разливающего вокругъ героевъ и героинь какую-то елейность и сообщающаго разсказу сентиментально-элегическій тонъ. Замѣтимъ кстати, что въ лучшую пору своей литературной дѣятельности Марко-Вовчокъ попеременно жила въ Петербургѣ, въ Германіи и Италіи, какъ показываютъ ея письма къ Т. Г. Шевченкѣ, слѣдовательно описывала Малороссію изъ прекраснаго далека.

Къ бытовымъ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка изъ южнорусской жизни относятся: «Два сини», «Не до парн», «Ледащица», «Три долі», «Видъ себе не втечешъ» (иначе «Павло Чернокрыль»), «Институтка», «Сестра», «Козачка», «Чумакъ», «Одарка», «Сонъ», «Горпина» (иначе «Паньска воля»), «Выкупъ», «Свекровъ», «Оксана» (иначе «Знай ляше»), «Максимъ Гримачъ», «Глухой городокъ», «Тюлевая баба», «Пройди-свѣтъ», «Ведмідъ».

Болѣе вѣрными въ бытовомъ отношеніи нужно считать у Марка-Вовчка картины и очерки той жизни, которая естественно болѣе знакома писательницѣ, т. е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Къ такимъ повѣстямъ и разсказамъ относятся: «Тюлевая баба», «Глухой городокъ» и «Институтка». Бабами въ Малороссіи и Польшѣ

называется родъ пасокъ, приготовляемыхъ къ свѣтлому празднику съ большимъ усердіемъ и хлопотами. Верхомъ кулинарнаго искусства въ этомъ отношеніи служитъ такъ называемая «Тюлевая баба», своей поздравительною и нѣжностію напоминающая тюль. Въ уѣздныхъ городахъ и захолустьяхъ печеніе бабъ и доселѣ служитъ предметомъ соревнованія хозяекъ и значительно разнообразитъ и оживляетъ ихъ мертвенную, монотонную жизнь. Предметъ этотъ недавно снова затронутъ молодою кievскою писательницею Марусею Добровою ¹⁾. Марко-Вовчокъ рассказываетъ въ своей повѣсти объ одной барынѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Журбовской, которая слыла на весь околотокъ отличною хозяйкою и лучшею мастерицею печь тюлевья бабы. На бѣду ея, племянникъ ея Алексѣй Петровичъ женился на Глафирѣ Ивановнѣ Турченковой, которая умѣла готовить тюлевую бабу лучшей самой Анны Ѳедоровны. Узнавъ объ этомъ, Журбовская предприняла всѣ мѣры, чтобы одолѣть и превзойти опасную соперницу въ печеніи бабъ; но ея усилія остались напрасными: тюлевая баба Глафиры Ивановны удалась гораздо лучше. Анна Ѳедоровна не выдержала этого удара, подняла, при помощи уѣздныхъ властей, гоненіе на жидовъ, заподозрѣнныхъ ею въ продажѣ Глафирѣ Ивановнѣ лучшей муки, и сдѣлалась заклятымъ врагомъ своей невѣстки. Съ каждымъ годомъ война между ними возрастаетъ и кончается только смертію одной изъ воюющихъ дамъ. Другая повѣсть «Глухой городокъ» изображаетъ обыденную жизнь уѣзднаго города съ его городничимъ Ерастомъ Антоновичемъ Малимоновымъ и женой его Павлою Андреевной, но эта обыденная жизнь нарушена была выходящимъ изъ ряду явленіемъ, именно выходомъ племянницы городничихи, Насти, за мужа за неровню Григорія Гавриловича Крашовку, несмотря на то, что къ Настѣ сватались болѣе подходящіе по общественному положенію женихи и между ними Данило Павловичъ Копыта. Къ довершенію необычайности этой свадьбы, Григорій Гавриловичъ обманываетъ городничаго, несогласавшагося на этотъ бракъ, и вмѣстѣ съ своими пріятелями похищаетъ изъ его дома свою невѣсту. Но лучшая повѣсть Марка-Вовчка съ отрицательными типами изъ среды привилегированнаго сословія есть безъ сомнѣнія повѣсть, подъ заглавіемъ «Институтка», такъ какъ писательница, сама получивъ воспитаніе въ одномъ изъ институтовъ, ближе всего могла знать институтскую жизнь и вѣрнѣе изобразить дурныя ея стороны. Нужно, впрочемъ, сознаться, что эти дурныя стороны, подъ вліяніемъ народолюбія писательницы, сильно ею преувеличены и утрированы, такъ что вся повѣсть можетъ быть названа въ нѣкоторомъ родѣ «Словомъ о злыхъ женахъ» XIX-го столѣтія. Рядомъ съ героиней

¹⁾ Въ газетѣ «Кіевлянинъ», за 1882 годъ. Въ этой газетѣ помѣщены и другія повѣсти этой писательницы.

повѣсти, институткой, выступаетъ здѣсь цѣлый рядъ безотвѣтныхъ жертвъ ея злобы, внушающихъ къ себѣ полное сочувствіе писательницы и читателей.

Разсказъ повѣсти ведется отъ лица дѣвушки Устины, взятой въ господскій домъ десяти лѣтъ отъ-роду. У старой барыни дворовымъ спокойно было жить, хоть и непривольно. У нея была одна только внучка, воспитывавшаяся въ кievскомъ институтѣ, въ которой бабушка души не чаяла. Наконецъ, пріѣхала изъ института эта внучка, панночка красивая, но капризная и злая, испорченная ложнымъ институтскимъ воспитаніемъ. Она только и выучилась тамъ музыкѣ, танцамъ, французскому языку и умѣнно туманить людей. Осмотрѣла она дворовыхъ дѣвокъ и выбрала Устину для услуженія себѣ. Институтка стала идоломъ обожавшей ее бабушки, забрала въ домѣ все въ свои руки, заставила бабушку растряссти ея «скрини» и пыталась даже отучить ее отъ привычнаго ей вязанья чулка, а съ бѣдной Устиной выдѣлывала все, чего хотѣло ея жестокое сердце и капризный нравъ. Сначала панночка мечтала со своей бабушкой выйти замужъ за богатаго князя или графа, но князь и графъ не являлись за ней, и разочаровывающаяся институтка часъ отъ часу становилась все злѣе и злѣе. Однажды ждали въ гости полковыхъ изъ города. Все было прибрано, какъ къ свѣтлому празднику. Панночка сѣла зачесываться. Неопытная Устина помогала ей, но никакъ не могла справиться съ ея длинною русою косой. «Липечко жъ мое!»—говорить Устина. «Лучче бѣ жару червонаго у руку напирала, якъ мнѣ довелось туманити коло и русой коси!.. И така, и онака, и четъ-прічъ пішла, и зновъ сюди постунай; и пхати мене, и наскакувати на мене,—ажъ я зглякалась! Та речече, та дзвякотить, та тупоче-тупоче, а далі якъ заплаче!.. Я въ двері, а вона за мною въ садъ. Я «тебе на шматки розірву! задушу тебе, гадино»! Оглянусь я на неі,—страшна така зробилась, що въ мене й ноги захитались. Вона мене якъ схотить за пію обіручь!.. руки холодні, якъ гадюки!» ¹⁾ Устина упала въ безпамятствѣ около яблони и только отъ холодной воды пришла въ сознаніе. «Дивлюсь — дівчата коло мене скупчилися, білі усі якъ крейда. Панночка на стільчику розкинулася, плаче; а стара надъ моею головою стоить, и такъ-то вже мене лае, така

¹⁾ Переводъ: «Горенко мое! лучше бы жару красного въ руки набрала, какъ мнѣ довелось морочиться около ея русой косы. И такая, и эдакая, и прочь пошла, и опять сюда иди; и толкать меня, и насакивать на меня, такъ что я испугалась. Да кричить, да верещить, да топочеть—топочеть, а потомъ какъ заплачетъ! Я въ двери, а она за мною въ садъ. «Я тебя на куски разорву! задушу тебя, змѣя! «Оглянусь я на нее, страшная такая сдѣлалась, такъ что у меня и ноги зашатались. Она меня какъ схватитъ за шею обѣими руками! Руки холодныя, какъ змѣй».

уже люта, ажъ їй у роті черно» ¹⁾. Устина заболѣла, но и болѣную ее требуетъ къ себѣ панночка. Наконецъ, панночка завлекла въ свои сѣти гордаго, но бѣднаго лѣкаря. Панночка и сама была равнодушна къ нему и согласилась выйти за него замужъ, хотя вмѣстѣ съ бабушкой и горевала о томъ, что выходитъ замужъ не за богатаго и не за вельможнаго. Но она и любила своего жениха какъ-то странно: заставляла его исполнять всѣ ея прихоти и капризы и всетаки казалась недовольною его усердіемъ и услужливостію. У лѣкаря былъ родовой хуторъ, на которомъ жили — старая бабуся, кучеръ Назаръ съ женой Катрей и парубокъ Прокопъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые переѣхали въ хуторъ, взявъ съ собою и Устину. Жившіе въ хуторѣ люди лѣкаря встрѣтили молодыхъ господъ съ хлѣбомъ и солью. Лѣкарь рекомендуетъ имъ свою молодую жену, но она вышла изъ себя отъ злости и заплакала. «Ти, мабуть,—говорила она мужу,—усіхъ мужиківъ такъ изучивъ, що вони съ тобою за панибрата!.. гарно!.. оглядають мене, всміхаютьця до мене, трохи не кинулись мене обнімати... Охъ, я нещаслива!.. Та якъ вони сміють! викрикне на остатку» ²⁾. Молодая госпожа принялась за хозяйство въ хуторѣ, и сосѣди хвалили ее за распорядительность и умѣнье хозяйничать, а между тѣмъ, въ хуторѣ все становилось хуже и хуже. Люди надѣялись сначала на пана; но онъ, при своей добротѣ, не имѣлъ твердой воли и не могъ сдерживать своей строптивой жены. Тяжелѣе всего было выносить и безъ того тяжелое положеніе крѣпостничества женѣ кучера Назара Катрѣ, родившейся на свѣтѣ вольною. У Катри заболѣлъ ребенокъ; но барыня, какъ видно, не признавала за крѣпостными человѣческихъ чувствъ и отношеній и отпавила Катрю на работу на цѣлый день. Дитя Катрино умерло, заболѣла и сама Катря; но барыня, всетаки, прогнала ее на панщину. Дѣло кончилось тѣмъ, что Катря помѣшалась, бѣгала по лѣсамъ и болотамъ, ища своего ребенка, и, наконецъ, утопилась. Назаръ и Прокопъ задумываютъ такъ или иначе освободиться отъ злой барыни и какъ будто стороной и случайно проговариваются объ этомъ при старомъ солдатѣ-поварѣ, который до того забитъ былъ суровою солдатчиною прежняго времени, что не допускалъ и мысли о возможности какого-либо протеста или самозащиты противъ господскаго самоуправства, несправедливости и жестокости. Черезъ годъ умерла старая барыня, позаботившись передъ смертію о своемъ душевномъ

¹⁾ «Смотрю, дѣвнцы всѣ около меня собрались, бѣлыя всѣ какъ мѣль. Панночка на стулѣ раскинулась, плачетъ; а старуха надъ моею головою стоитъ, и такъ-то уже бранитъ, такая ужъ злая, даже у нея во рту почернѣло».

²⁾ «Ты, должно быть, всѣхъ мужиковъ такъ приучилъ, что они съ тобою за панибрата!.. Прекрасно!.. Осматриваютъ меня, усміхаются ко мнѣ, чуть не бросились меня обнимать... Ахъ, я несчастная!.. Да какъ они смѣютъ! крикнула напоследокъ».

спасенія, и молодая госпожа сдѣлалась полною распорядительницею ея и мужнина имѣнія. Она довела струны помѣщичьяго деспотизма до такой степени напряженности, что онѣ неминуемо должны были лопнуть. Прокопъ, женившійся на Устинѣ, однажды защитилъ старую бабусю отъ побоевъ молодой барыни, но за то самъ былъ отданъ въ солдаты; убѣжалъ и Назаръ. Сданный въ рекруты, Прокопъ отданъ былъ на попеченіе и обученіе дядькѣ, старому солдату изъ кантонистовъ, и скоро отправленъ былъ въ походъ, куда-то на Литву; а Устина, проводивъ его до Кіева, осталась здѣсь служить. Семь лѣтъ не было никакой вѣсти о Прокопѣ, и Устина сдѣлалась вольною и могла выйти замужъ за другого.

Эта повѣсть есть безспорно лучшая изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Такою ее признавали Кулишъ и Шевченко. Характеръ институтки выдержанъ и до конца остается вѣренъ себѣ. Многія частности дышатъ общечеловѣческою и бытовою правдою. Нѣкоторые эпизоды какъ бы случайно приставлены къ повѣсти, не имѣютъ органической связи съ нею и какъ бы нарушаютъ ея единство и цѣлостность впечатлѣнія; но эти эпизоды такъ хороши мѣстамъ, что было бы жалко, если бы они были выброшены изъ повѣсти. Таковы: разговоръ Прокопа и Назара со старымъ солдатомъ-поваромъ, разсказецъ о приготовленіи старой барыни къ смерти, характеристика Прокопова дядьки-солдата и др. Для примѣра, приведемъ послѣднюю характеристику. Сданный въ рекруты, Прокопъ стоялъ со своей женой Устиной на квартирѣ у старой вдовы. Тутъ же былъ и солдатъ-дядька, которому Прокопъ однажды предложилъ угощеніе. «Вечеряемо, говоримо; а дядько пѣе та й пѣе. Зблїдъ на лиці и на стїль схилився. Дивитця на насъ и съ чоловікомъ, та й каже: ой ви, молодята, молодята! недовго житимете вкупиці... Та годі, не журітця!.. Пожили, пороскошували и буде за васъ. Бува й таке, що въ сповиточку ласки добра, не знаешъ, вікъ звїкуешъ підъ палкою... Оттакъ живи!.. Безъ роду, безъ плімъя, безъ привіту, безъ совіту,—на всіхъ роскопахъ!»

А стара тоді до его: а де жъ вашъ рідъ, дядечку? Звітки ви самі?

— Съ кантаністів!—одказавъ похмурно москаль,—съ тихъ, коли чули, що насъ у халеру поменшало. Роду нема, не знавъ и не знаю.

— А матуся ваша?

— Казавъ: не знаю!.. чого дурно роспитувати?

— Оттакеньки и я теперъ безрідня!—каже хазяйка, хлипаючи.

— Ище и вона міжъ люде!—гукнувъ москаль. Що твое лихо!.. плюнуть! Овъ лихо, то лихо: що нікого тобі задати, ніхто й тебе не згадає; нікуди піти и нігде зостатись. Усі тобі чужі, и все, и все, усе чуже: и хата, и люде, и одежа... Дай, бабо, горілку! випьемъ до дна, бо на дні молоді дні.

А въ самого слези котятца—котятца. И сміетца вінъ разомъ, и горілку пье. Далі вже якъ упавъ на лаву, такъ и заснувъ ¹⁾.

Достаточно припомнить очерки быта кантонистовъ, Никитина, чтобы яснѣе и отчетливѣе почувствовать всю горечь правды этого эпизода въ повѣсти Марка-Вовчка. Рекомендаціей ему можетъ служить и то, что этотъ эпизодъ воспроизведенъ у Марка-Вовчка согласно съ народными представленіями о прежней солдатчинѣ и совершенномъ отчужденіи солдата отъ роду и племени.

Мы остановились сравнительно дольше на этой повѣсти потому, что она заключаетъ, какъ въ зернѣ, почти все міросозерцаніе писательницы и можетъ быть признана средоточнымъ пунктомъ между остальными ея разсказами и повѣстями изъ народного и помѣщичьяго быта прежняго времени. Всѣ другія повѣсти и разсказы Марка-Вовчка изъ малорусскаго и великорусскаго быта развиваютъ или просто повторяютъ тѣ же самые сюжеты, какіе намѣчены въ повѣсти «Институтка».

Типъ дворовой дѣвушки, оторванной отъ семьи, какой мы видѣли въ Устинѣ «Институтки», воспроизводится также въ повѣстяхъ и разсказахъ: «Ледащица», «Одарка», «Катерина», «Игрушечка» и др. Разсказщица повѣсти «Ледащица» передаетъ, что она подарена была Иваньковскими господами одной барынѣ среднихъ лѣтъ, которая тщеславилась портретомъ князя-отца, промотавшаго свое имѣніе, и любила часто говорить о немъ. Нужда заставила ее держать столовниковъ. Когда завелось много столовниковъ, барыня взяла къ себѣ крѣпостную молодицу Горпину Чайчиху съ дочкой Настей, вышедшую за крѣпостнаго человѣка изъ вольнаго роду. Настя была веселая дѣвушка, а мать ея Чайчиха была угрюмая, пасмурная женщина. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе она станови-

¹⁾ «Ужинаемъ, говоримъ, а дядька пьетъ да и пьетъ. Поблѣднѣлъ въ лицѣ и на столъ облокотился. Смотритъ на насъ съ мужемъ да и говоритъ: ой вы, молодята, молодята! не долго будете жить вмѣстѣ... Да полно, не печальтесь!.. Пожили, пороскошничали, и будетъ съ васъ. Бываетъ и такъ, что съ пеленокъ ласки—добра не знаешь, вѣкъ проживешь подъ палкою... Вотъ такъ живи! безъ роду, безъ племени, безъ привѣту, безъ совѣту, на всѣхъ роскошахъ!»

А старуха тогда къ нему! а гдѣ же вашъ родъ, дяденька? откуда вы сами?

— Изъ кантонистовъ! отвѣчалъ пасмурно солдатъ, изъ тѣхъ, коли слышали, что насъ въ холеру поубило. Роду нѣтъ, не зналъ и не знаю.

— А матушка ваша?

— Сказалъ: не знаю!.. зачѣмъ напрасно спрашивать?

— Вотъ такъ и я теперь безродная! говоритъ хозяйка всхлипывая.

— Еще и она межъ людей! крикнулъ солдатъ. Что твое горе? Плянуть! Вотъ горе такъ горе: что некого тебѣ вспомнить, никто и тебя не вспомнитъ; некуда пойти и негдѣ остаться. Всѣ тебѣ чужіе, и все-все чужое: и хата, и люди, и одежда... Дай, баба, водку! выпьемъ до дна, потому что на днѣ молодые души.

А у самого слезы катятся-катятся. И смѣется онъ вмѣстѣ, и водку пьетъ. Потомъ уже какъ упалъ на лавку, такъ и заснулъ».

лась пасмурною и стала ходить куда-то, а вечеромъ къ ней приходили какіе-то люди. Оказалось, что она искала себѣ съ дочкой воли; но она не получила этой воли, потому что барыня подкупила чиновниковъ. А чего не достигла мать, того добила дочь Настя цѣною собственнаго паденія. Она стала пропадать по вечерамъ и возвращаться домой пьяною. Нашлось у Насти и дидя. Барыня срамила ее при столовникахъ и называла ее ледащицей (негодницей) и другими словами, но ничто не помогало. Однажды она сказала матери: «ну, моя матінко! изнайшла вже я чоловіка, що мене визволить» ¹⁾. Дѣйствительно, года черезъ два получена была бумага о волѣ. При полученіи ея, Чайчиха въ первый разъ зарыдала черезъ двадцать лѣтъ и стала добрѣе и ласковѣе, но, взглянувши на дочку, опять закручинилась. А Настя уже стоитъ выпивши. Она начала таять все больше и больше и умерла въ бреду: «Я вільна, вільна!.. ну, добре!.. И вільна, и пьяниця, и ледащо!.. Де-жъ мині прихилитись, де? Добрий хазяїнъ вижене: «пьяниця, ледащо, треба и зъ своего двору вигнати!»—скаже, и вижене... и добре зробить» ²⁾. До самой смерти ей все представлялось, что ее выгоняють на дворъ въ суровую зиму. Разсказъ «Одарка» рисуетъ дикую животную страсть стараго грѣховодника-помѣщика, которая оторвала отъ родительскаго порога молодое существо и своими собственными руками выкопала ему могилу. Мало того, что обезпечена и поругана невинность, что на мѣсто мирной тишины семейнаго счастья внесено горе, страданіе и раздоръ, какъ вещь отдана женщина на чужбину для услугъ, и они скоро довели ее до могилы. Катерина, героиня разсказа съ тѣмъ же заглавіемъ, вывезена была господами изъ Малороссіи въ Россію, въ совершенно чуждую ей среду, и выдана замужъ за человѣка, котораго она не могла любить. Она никому не жаловалась на свою судьбу и съ мужемъ не ссорилась, а «только опуститъ глаза и неподвижная такая станеть, строгая и суровая передъ нимъ». Хотѣлось ей пайти какое-нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо и пѣла на свадьбахъ, больше, впрочемъ, грустныя пѣсни, но не удовлетворялась этимъ и приучилась было пить. Наконецъ, прослышала она про знахарку въ околоткѣ, выучилась у ней лечить болѣзни и, нашедши въ этомъ занятіи душевное дѣло для себя, тотчасъ и пить бросила, и ласковая такая стала, привѣтная. Она тихо скончалась въ мирѣ со своею совѣстью и съ людьми. Повѣсть «Игрушечка» изображаетъ отношенія молодой барыни къ крестьянской дѣвчкѣ Грушѣ, перепменовавшей

¹⁾ «Ну, моя маминька, пашла я уже чоловіка, що меня выручить».

²⁾ «Я вольная, вольная!.. ну, хорошо! И вольная, и пьяниця, и негодница!.. Гдѣ-жъ мнѣ приютиться, гдѣ? Хорошій хазяїнъ вигонить: «пьяниця, негодная, нужно ее со своего двора вигнати!» скажетъ, и вигонить... и хорошо сдѣлаеть».

въ Игрушечку. Барышня увидѣла на улицѣ Игрушечку и попросила ее себѣ, какъ вещь какую-нибудь, чтобы играть съ нею. Долго жила Игрушечка въ господскомъ домѣ, гдѣ ее держали для забавы, безпрестанно запугивали и придавливали, несмотря на то, что сама барышня и ея родители, повидимому, были люди мягкіе и добрые. Барышня отличалась любознательностію, но, не находя удовлетворенія своей любознательности, на 15 году стала мѣшаться умомъ и вскорѣ умерла. И послѣ смерти барышни еще продолжалась грустная исторія Игрушечки, такъ и оставшейся до конца жизни игрушкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ. Полюбился ей барскій столяръ Андрей, и она ему тоже понравилась. Да пришли они просить барскаго разрѣшенія на свадьбу въ то время, какъ господа продали послѣднюю свою вотчину и вмѣстѣ съ нею Андрея и Игрушечку. Андрей отошелъ къ новымъ господамъ и вскорѣ былъ сосланъ въ Сибирь, а Игрушечку барыня выпросила у покупателя себѣ и увезла съ собою.

Совершенно почти тождественна жена Назара Катря въ повѣсти «Институтка» съ Горпиной въ разсказѣ съ тѣмъ же заглавіемъ, иначе «Панська воля». Въ послѣднемъ разсказывається, какъ въ имѣніи одного господина, который пріѣхалъ управлять полученнымъ наслѣдствомъ съ благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя хаты о трехъ окнахъ, у матери крестьянки умираетъ ребенокъ, оставленный ею безъ призрѣнія потому, что ей надобно было идти на барщину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ тяжелъ, что она сошла съ ума.

Разсказъ «Два сини» касается помѣщичьяго права отдавать крѣпостныхъ въ солдаты по произволу, какъ отданъ былъ и мужъ Устины, Прокопъ, въ повѣсти «Институтка». Разсказъ «Два сини» ведется отъ имени вдовы, которая осталась послѣ мужа съ двумя сыновьями—Андрійкомъ и Василькомъ. Ихъ обоихъ баринъ сдалъ въ рекруты. Андрійко умеръ на службѣ, а Василько воротился домой больной, надломленный царскою службой, и тоже скоро умеръ, не начинавъ еще жить.

Стремленіе освободиться отъ крѣпостничества законными и незаконными путями, какое мы видѣли у Назара въ повѣсти «Институтка», изображается и въ другихъ разсказахъ Марка-Вовчка, «Ледащицѣ», «Выкупѣ» и др. И замѣчательно, что стремленіе къ волѣ и выкупу на волю, по представленію Марка-Вовчка, прежде и сильнѣе всего пробивалось въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ женщина, мать или невѣстка, происходили изъ вольнаго казацкаго или мѣщанскаго рода. Мать ледащицы Насти была родомъ изъ вольныхъ людей и передала своей дочери стремленіе вырваться на свободу. Такія женщины, выходившія за мужъ за крѣпостныхъ людей, по закону имѣли право, по смерти своихъ мужей, сами лично отойти отъ господъ на свободу, но часто не знали своихъ

правъ, какъ не знала Олеся въ разсказѣ «Казачка». Выпешши замужъ за барскаго человѣка, Олеся разлучена была съ мужемъ, отправленнымъ бариномъ въ Москву, а наконецъ и съ двумя своими сыновьями, заступившими при баринѣ мѣсто своего покойнаго отца, сама осталась при барскомъ дворѣ и умерла здѣсь. Но зато другія казачки не иначе соглашались выходить замужъ за крѣпостнаго человѣка, какъ подъ условіемъ выкупа его на свободу. Въ разсказѣ «Выкупъ» крѣпостной паренъ Яковъ Харченко посватался въ Хмѣлинцахъ къ казачкѣ Мартѣ Кохановнѣ; но Коханъ не хотѣлъ выдавать свою дочь за крѣпостнаго человѣка. Тогда Яковъ сталъ зарабатывать деньги на выкупъ, при помощи Кохана выкупился на волю за 300 рублей и женился на Мартѣ.

Нравственнымъ основаніемъ правоспособности простаго народа на свободу у Марка-Вовчка постоянно выставляется его человѣческое достоинство, не заглушаемое никакимъ внѣшнимъ гнетомъ. И простой народъ не меньше привилегированныхъ классовъ способенъ къ сильнымъ и глубокимъ страстямъ и нѣжнымъ чувствамъ. Эта мысль лежитъ въ основѣ большинства повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Мы не принимаемъ здѣсь въ расчетъ повѣстей и разсказовъ объ удалыхъ молодцахъ-разбойникахъ, такъ какъ первоисточники этихъ разсказовъ Марка-Вовчка лежатъ внѣ сферы крѣпостническихъ отношеній. Въ самомъ крѣпостничествѣ Марко-Вовчокъ выставляетъ сильные характеры, способные, при другихъ условіяхъ жизни, къ широкой и плодотворной дѣятельности. Таковъ напримѣръ, Павло Чернокрылъ въ разсказѣ подъ заглавіемъ «Видъ себе не втечешъ».

Писательница сама, какъ будто, чувствовала, что міръ крѣпостнаго крестьянства представляетъ собою слишкомъ неблагодарный предметъ для повѣстей и разсказовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ и характеромъ, и потому охотнѣе выбирала героями и героинями своихъ повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта свободныхъ казаковъ и казачекъ, однодворцевъ и мѣщанъ. Таковы ея разсказы: «Три долі», «Сестра», «Чумакъ», «Сонъ», «Свекровь», «Максимъ Гримачъ», «Пройди свѣтъ» и др. Одни изъ нихъ не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ казаковъ и прелестнѣйшихъ казачекъ и вводятъ въ простонародную жизнь много элементовъ инаго быта; другіе, напримѣръ, «Не подъ пару», хотя тоже посвящены любви, но въ нихъ выводятся не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ сценокъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Здѣсь писательница положила въ основаніе своихъ разсказовъ такое общечеловѣческое явленіе (неравенство браковъ, несходство характеровъ супруговъ), какое можно встрѣтить на каждомъ шагѣ во всѣхъ слояхъ общества; но въ то же время у нея не хватило красокъ и

матеріаловъ, чтобы придать этому явленію такую вѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предразсудка, что будто простой и неразвитый народъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣетъ образованный, писательница впаала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ не всегда удастся и образованнымъ людямъ. Кромѣ того, нѣкоторые герои и героини Марка-Вовчка весьма похожи одни на другихъ. Чайченко въ «Трехъ доляхъ» и «Иванъ Кармелюкъ», жена Чернокрыла и жена Кармелюка писаны одними красками и очень схожи между собою.

Къ чести писательницы, она скоро поняла, что рано еще создавать свѣтлые, положительные типы изъ простонародной среды, искаженной неестественными крѣпостническими отношеніями и невѣжествомъ, и что нужно сначала просвѣтить затуманенный образъ нашего простолюдина и барина истиннымъ образованіемъ, и потому въ послѣдующее время оставила роль беллетристической писательницы и принялась за переводы педагогическихъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій, хотя и эти переводы разсчитываютъ больше всего на интеллигентные классы русскаго общества, а не на простой народъ.

О языкѣ малорусскихъ произведеній Марка-Вовчка г. Кулишъ говоритъ слѣдующее: «Нашъ Марко-Вовчокъ, какъ пчела Божія, выпилъ наилучшую росу изъ цвѣтковъ нашей рѣчи, потому что полюбилъ ее, полюбилъ тотъ народъ, который вылилъ все свои думы и мысли, все свое сердце тою рѣчью. Безъ любви одна мощь его таланта не помогла бы ему; ничего бы онъ не сдѣлалъ и однимъ разумомъ; а то читаешь—не оторвешься отъ его рѣчи, какъ въ жниво отъ колодца; чувствуется, вѣрится, что такъ, а не иначе подумалъ, или потужилъ, или порадовался человекъ, какъ снято на его рисунокъ. Нельзя также утверждать, что и у такихъ людей, какъ Марко-Вовчокъ, кое-что не рознитъ съ народною рѣчью. Нелегкое дѣло—одолѣть это. Мы ушли впередъ отъ своей рѣчи, развиваясь на чужихъ поляхъ, и взошедши на гору, иногда не слышимъ хорошенько, что она намъ голубка вѣщаетъ» ¹⁾.

II.

И. С. Левицкій.

Иванъ Семеновичъ Левицкій, писавшій иногда подъ псевдонимомъ Нечуй, сынъ священника, родился въ 1838 году, въ мѣстечкѣ Стеблевѣ, бывшаго Богуславскаго, а нынѣ Каневского уѣзда,

¹⁾ «Основа», апрѣль, 1861 года.

Кіевской губерніи. Съ 1847 года онъ воспитывался въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ кіевской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ богуславское духовное училище и проходилъ эту должность почти два года. Въ 1861 году онъ поступилъ въ студенты кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ варшавскій округъ, въ калишскую женскую гимназію, учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Польши. Черезъ годъ онъ перешелъ по прошенію въ г. Сѣдлецъ, въ женскую греко-уніатскую гимназію учителемъ тѣхъ же предметовъ. Пробывъ въ этой гимназіи шесть лѣтъ, И. С. Левицкій былъ переведенъ въ сувалкскую женскую гимназію, но перешелъ, вмѣсто этой гимназіи, въ одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую классическую гимназію, гдѣ и состоитъ учителемъ русскаго языка.

Первые рассказы и повѣсти г. Левицкаго—«Экзаменъ», «Судъ надъ нами» (изъ студенческой жизни автора), «Дві московки», «Рибалка Панасъ Круть» и «Причепъ» печатались начиная съ 1867 года, за границей, въ львовскомъ журналѣ «Правда». Изъ нихъ послѣднія три повѣсти изданы были особой книгой, подъ заглавіемъ: «Повісті Івана Нечуя. Томъ I. У Львові, 1871». Этотъ первый томъ повѣстей г. Левицкаго былъ пропущенъ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ для напечатанія въ Россіи, но почему-то задержанъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и въ цѣломъ видѣ не былъ напечатанъ въ Россіи. Изъ него напечатана въ 1874 году въ Кіевѣ особой бришюрой повѣсть «Рибалка Панасъ Круть», которая въ русскомъ переводѣ помѣщена была въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1874 годъ (№№ 8—10) и перепечатана въ сборникѣ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Повѣсть «Дві Московки» перепечатана въ Кіевѣ уже въ 1883 году. Что же касается «Причепы», то эта болѣе капитальная повѣсть не имѣла перепечатокъ въ Россіи. Она обратила на себя вниманіе за границей, переведена на польскій языкъ, издана въ Познани, въ Пруссіи, подъ заглавіемъ «Przyblyda» (Приблуда), *ukrainska powiesc Swana Nieszuja*, и, какъ видно изъ библиографическаго указателя по дѣламъ печати за 1878 годъ, дозволена въ Россіи безусловно. Рецензія на «Причепу» была помѣщена въ галицкихъ польскихъ газетахъ, и довольно благопріятная, не взирая на то, что въ «Причепѣ» описываются поляки здѣшняго края не съ выгодной для нихъ стороны. Была еще небольшая рецензія на нее въ итальянскомъ журналѣ «Revista Europea» въ статьѣ «Il movimento letterario Ucraino», гдѣ она озаглавлена—«Паразиты». Въ Россіи первымъ изъ произведеній г. Левицкаго былъ напечатанъ отдѣльною

брошурою очеркъ «Неможна бабі Парасці вдержатися на селі», который потомъ перепечатанъ былъ и въ газетѣ «Кіевлянинъ» за 1874 годъ (№ 11). Этотъ же очеркъ вошелъ и въ составъ книги «Повісті І. Левицкаго, Кіевъ, 1874», гдѣ, кромѣ того, помѣщены—большая повѣсть «Хмари» изъ жизни кіевской академіи и сказка «Запорозьці», вышедшая также и отдѣльною брошурою въ томъ же 1874 году. «Запорозьці» и отрывокъ изъ «Хмаръ» были изданы и во Львовѣ особою брошурою. Въ 1875 году вышли въ Кіевѣ особыми брошюрами сочиненія г. Левицкаго: «Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти», разсказъ: «Маруся Богуславка», оперета в четырехъ дѣяхъ; «На Кожум'якахъ», комедія в п'ятихъ дѣяхъ, и историческія популярныя сочиненія—«Унія и Петро Могила» ¹⁾, «Перші кіевські князі, Олег, Игорьъ, Святотослав и св. Владимір и его потомки» и въ 1876 году — «Татари и Литва». Но съ 1876 года г. Левицкій опять начинаетъ издавать свои сочиненія заграницей, въ галиційскомъ журналѣ «Правда», и особыми брошюрами. Такъ, въ «Правдѣ» за 1876 годъ печатался «Світоглядъ (міросозерцаніе) украинскаго народа», вторая часть котораго, подъ заглавіемъ «Ескіз української міфології» вышла въ Галиціи особою брошюрой. Въ той же «Правдѣ» напечатана была повѣсть г. Левицкаго «Микола Джеря». Позднѣйшія произведенія нашего автора суть слѣдующія: «Кайдашова семья, Львовъ, 1880 года»; «Бурлачка, повѣсть, Кіевъ, 1881 года»; «Приятели» и «Шевченкова могила» въ украинскомъ альманахѣ «Луна» на 1881 годъ, и «Наші батюшкі й матушкі», повѣсть на малорусскомъ языкѣ, написанная въ 1882 году для журнала «Кіевская Старина».

Такимъ образомъ, всѣхъ произведеній И. С. Левицкаго, написанныхъ имъ въ теченіи 15-ти лѣтъ его литературной дѣятельности, насчитывается въ настоящее время не менѣе двадцати—цифры, свидѣтельствующей о большой плодовитости пера автора, которая, однако, не дѣлаетъ ущерба внутреннему содержанію и достоинству его произведений. Мы уже имѣли случай указать, что нѣкоторые произведенія нашего автора обратили на себя вниманіе и иностранной критики. Но еще большимъ вниманіемъ пользуются сочиненія г. Левицкаго у русскихъ читателей и рецензентовъ и особенно у его земляковъ. Корифеи украинской литературы сразу замѣтили недюжинный литературный талантъ г. Левицкаго и благосклонно приняли его въ свой ареопагъ. Въ предисловіи къ первому тому повѣстей Ивана Левицкаго, изданному во Львовѣ въ 1871 году, издатель говоритъ слѣдующее: «Его повѣстей выходитъ первый томъ. Скоро можно бы ожидать намъ и дальнѣйшихъ томовъ, если Галичина хорошо встрѣтитъ этотъ прекрасный подарокъ украинскаго писателя, пріобрѣтшаго себѣ еще другими про-

¹⁾ Отзывъ объ этомъ сочиненіи см. въ газетѣ «Телеграфъ», 1875 года № 35.

изведеніями добрую славу въ писательскомъ кругу. Пантелеймонъ Кулишъ, прочитавши третью повѣсть сего тома («Причепу»), сказалъ про Ивана Нечуя, что онъ первый коснулся нашей общественной жизни и этимъ положилъ начало романамъ социальнымъ. Критика Пантелеймона Кулиша служить доброю порукой для большаго значенія произведеній Ивана Нечуя, и потому мы смѣло просимся въ гости въ каждую правдиво-русскую хату. Съ своей стороны, мы должны прибавить, что Иванъ Нечуй въ своихъ повѣстяхъ, рисуетъ ли онъ ситуаціи души человѣческой, или представляетъ нашимъ очамъ виды природы, является великимъ художникомъ, и вся Украина возлагаетъ на его талантъ большія надежды». Съ небольшою похвалою отзывается о г. Левицкомъ и Н. И. Костомаровъ: «Г. Левицкій, говоритъ онъ, безспорно талантливейшій изъ современныхъ малорусскихъ писателей... По нашему мнѣнію, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, г. Левицкій, какъ писатель, посвятившій свою дѣятельность изображенію простонароднаго быта, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей этого рода у насъ въ Россіи, и очень жаль, что имя его, кромѣ Малороссіи, недостаточно извѣстно публикѣ другихъ частей нашего отечества. Мы высоко цѣнимъ произведенія такихъ писателей, какъ гг. Д. Григоровичъ, П. Мельниковъ (Андрей Печерскій), А. Потѣхинъ, Г. Успенскій и другихъ, посвятившихъ себя специально изученію и художественному изображенію быта, нравовъ и пріемовъ жизни великорусскаго простолюдина со всѣми оттенками его мѣстной рѣчи. Но никто изъ этихъ талантливыхъ писателей не выводилъ малорусса въ своимъ произведеніяхъ. Никто, надѣмся, не станетъ возражать, что это большой пробѣлъ въ нашей народной литературѣ. Только такіе писатели, какъ г. Левицкій, и могутъ дополнить этотъ пробѣлъ и притомъ произведеніями на мѣстномъ нарѣчій»¹⁾. Очевидно, Н. И. Костомаровъ имѣетъ здѣсь въ виду собственно повѣсти и рассказы г. Левицкаго изъ простонароднаго украинскаго быта, не касаясь болѣе крупныхъ его повѣстей «Причепы» и «Хмари», изображающихъ другія сословія и племена. Но г. Пыпинъ во второмъ изданіи своей «Исторіи славянскихъ литературъ» и эти послѣднія повѣсти ставитъ въ особую заслугу автору, попробовавшему изобразить въ нихъ такіе классы и общественно-политическія отношенія, которыхъ до него не касался никто почти изъ украинскихъ писателей.

Центромъ, около котораго вращается вся литературная дѣятельность г. Левицкаго, служитъ украинскій народъ до эмансипаціи и послѣ нея, въ различныхъ его отношеніяхъ къ московскому и польскому элементамъ. Программою литературной дѣятельности автора

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», февраль 1882 года, «Задачи Украинфильства», по поводу украинскаго альманаха «Луна», на 1881 годъ.

могутъ служить слѣдующія слова его въ повѣсти «Причепа»: «Хто с Киян не пам'ятає часу передъ севастопольською войною? То був тяжкий часъ для України, то було її лихоліття. Простий народъ стогнавъ у тяжкій неволі під папами, мусів, мовчати й терпіти гірше як до Хмельницького. А за кожний стонъ його московським звичаєм катовано. Україна забула историчні перекази и не могла наукою дійти до страчених думок. На обох боках Дніпра опинилась у чужих порядках, в чужій шкурі, набіралися чужої мови, забували свою. Згинула наука, впала просвіта, заставшись тільки в схоластичних латинських духовних школах. Університетська наука була тільки азбука європейської просвіти, обрізаної по казеній мірі». «Московська школа на нашій Україні, говорить авторъ въ другому мѣстѣ той же повѣсти, багато одрізнила луччих людей од свого народу, од свого плем'я, од сем'ї, од баток а й матері. А знов народъ дуже одрізнив сам себе од панів, од вчених українців и косим оком споглядає на ніх! Меж ними викопана велика безодня! И потрібно великої, великої праці не одного генія, щоб засипати ту провалину, почату ляхами, скінчану москалями, щоб зв'язати те, що порвала наша неубайливість, та стидка українська байдужість, та лежача недобачливість» ¹⁾. Засыпати эту пропасть, одтѣляющую простой украинскій народъ отъ привилегированныхъ сословій, и составляетъ задачу нашего автора, который, для выполненія ея, изображаетъ неблагопріятныя соціальныя условія жизни простаго украинскаго народа, выставляя тѣ свѣтлыя черты нравственнаго народнаго облика, которыя видны даже изъ-подъ коры внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, и караетъ вѣщнымъ словомъ беллетриста-поэта интеллигентные слои мѣстнаго общества, испорченные польскимъ и московскимъ вліяніями. Такимъ образомъ, главная задача нашего автора, состоящая въ нравственномъ объединеніи всѣхъ слоевъ украинскаго народа

¹⁾ «Кто изъ киянъ не помнитъ времени передъ севастопольской войной? То было тяжелое время для Украины, то было ея лихоліття. Простой народъ стоналъ въ тяжелой неволѣ подъ папами, долженъ былъ молчать и терпѣть горше, чѣмъ до Хмельницкаго. А за каждый его стонъ, по московскому обычаю, наказывали. Украина забыла историческія преданія и не могла наукою дійти до потерянныхъ думокъ. На обонхъ сторонахъ Днѣпра очутились въ чужихъ порядкахъ, въ чужой шкурѣ, приучались къ чужой рѣчи, забывали свою. Погибла наука, упало просвѣщеніе, оставшись только въ схоластическихъ латинскихъ духовныхъ школахъ. Университетская наука была только азбукой европейскаго просвѣщенія, обрізаннаго по казенной мѣрѣ». «Московская школа на нашей Украинѣ много оторвала лучшихъ людей отъ своего народа, отъ своего племени, отъ сем'и, отъ отца и матери. А народъ опять сильно оторвалъ самъ себя отъ господъ, отъ ученыхъ украинцевъ и неоско поглядываетъ на нихъ! Между ними выкопана великая пропасть. И нужно большого, большого труда не одного генія, чтобы засыпать эту провалину, начатую ляхами, оконченную москалями, чтобы связать то, что порвала наша лѣнь, да постыдная украинская нерадивость, да лежачая неосмотрительность».

на народныхъ началахъ, подраздѣляется на частнѣйшія задачи, именно: воспроизведеніе въ художественныхъ образахъ прошлаго и современнаго быта простаго украинскаго народа и изображеніе шляхетско-польскаго и московскаго вліяній на украинскую жизнь.

Въ художественномъ изображеніи простаго украинскаго народа г. Левицкій началъ съ того, съ чего и Марко-Вовчокъ, т. е. съ изображенія судьбы подневольнаго крѣпостнаго человѣка, но не остановился на этомъ изображеніи, равно какъ и не увлекся иллюзіями о счастливой и блаженной жизни свободнаго крестьянина, какъ это сдѣлала Марко-Вовчокъ, а напротивъ указалъ рядъ другихъ неблагоприятныхъ условий, угнетающихъ свободу человѣка и послѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Повѣсти «Микола Джеря» и отчасти «Рибалка Панасъ Круть» и «Дві Московки» коренятся еще въ эпохѣ крѣпостничества и крѣпостныхъ порядковъ. Въ повѣсти «Микола Джеря» изображены походы малорусскаго крестьянина Кіевской губерніи, который, вслѣдствіе несправедливостей и угнѣсеній, перенесенныхъ на родинѣ, началъ вести бродячую жизнь, сначала работая на сахарныхъ заводахъ, потомъ проживая въ Бессарабіи, и наконецъ, уже подъ старость воротился на родину, гдѣ засталъ новые порядки послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. «Рибалка Панасъ Круть» испыталъ другаго рода крѣпостное право, свойственное только юго-западной Россіи и доселѣ еще неотмѣненное, и сдѣлался его жертвою. Онъ родился въ Кіевской губерніи, въ одномъ мѣстечкѣ надъ р. Росью, принадлежавшемъ помѣщику и наполненномъ жидами. Съ одной стороны, обременительность чиншевой платы помѣщику, съ другой—еврейская эксплуатація и ремесленная конкуренція парализовали ремесленную предприимчивость Панаса Крутя. Сначала онъ поочередно брался за разные ремесла: былъ овчинникомъ, портнымъ, сапожникомъ, охотникомъ и музыкантомъ, чтобы нажить себѣ если не богатство, то достатокъ. Онъ и зарабатывалъ по-немногу, но не могъ, какъ говорятъ, на ноги встать. Бѣдность свела въ могилу его жену. По смерти ея, Панасъ Круть остановился, наконецъ, на рыболовствѣ и занимался этимъ промысломъ около 23-хъ лѣтъ, оставляя заработанныя деньги въ шинкѣ у жидавки. Панасъ Круть и умеръ какъ истый рыбакъ, потонувъ въ р. Роси во время половодья. Своего рода крѣпостничество или закрѣпленіе такъ называемыхъ кантонистовъ за военнымъ сословіемъ, со всѣми грустными послѣдствіями этого закрѣпленія, изображаетъ повѣсть г. Левицкаго «Дві Московки». Въ село Момоты, по разсказу повѣсти, возвращается въ безсрочный отпускъ молодой и красивый солдатъ Василь къ своей матери, старой Хомпхѣ. Не одна Хомпха обрадовалась возвращенію Василя. На селѣ были двѣ дѣвицы, Ганна и Марина, щирія подружки. Ганна была небольшого росту, съ тихимъ взглядомъ и характеромъ, а Марина была смугла лицомъ, смѣла и

проворна. Обѣ онѣ полюбили молодого, красиваго москаля (солдата), но Ганна была счастливѣе своей подруги и вышла за него замужъ. Хорошо она зажила съ Василемъ: работали они вмѣстѣ, устроили хозяйство и даже скопили немного деньжонокъ. Ганна подарила Василю сына Ивана. Но счастье молодыхъ супруговъ продолжалось недолго. Въ одинъ прекрасный день момотянскій эсаулъ оповѣстилъ Василя, что его требуютъ въ Кіевъ, въ походъ. Василь ушелъ въ походъ и больше не возвращался, старая Хомиха скоро умерла, а Ганна долго еще боролась съ горемъ, зарабатывая себѣ насущный хлѣбъ и подкрѣпляясь надеждой на подрастающаго сына; но и сына ея взяли въ контонистскую школу и длиннымъ рядомъ истязаній исказили его нравственно, заставивъ забыть родную рѣчь и безумно гордиться званіемъ какого-то писаря. Ганна умерла въ бѣдности, раньше своего срока, на рукахъ Марины. Что же касается самой Марины, то она долго еще тужила по Василѣ и завидовала короткому счастью Ганны; наконецъ, на зло себѣ и людямъ, вышла замужъ за перваго попавшагося жениха, какимъ оказался тоже отпущенной москаль, хотя и добрый, но не любимый ей. Тяжко было жить Маринѣ съ немилымъ, и потому она была, если не рада, то совершенно равнодушна, когда ея мужа тоже потребовали въ походъ. Проводивъ мужа, Марина повела свободную и веселую жизнь, собирала у себя вечерницы и пѣла и плясала на нихъ. Смерть безпомощной Ганны, послѣдовавшая въ это время, заставила Марину призадуматься на нѣкоторое время и надъ своей будущностію. Но скоро явилась въ селѣ еще какая-то московка изъ города и соблазнила Марину отправиться въ Кіевъ на легкіе хлѣба и хорошій заработокъ. Здѣсь Марина дошла до крайней степени нравственнаго униженія и паденія и умерла въ нищетѣ, гдѣ-то подъ заборомъ. Въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ эта повѣсть считается однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Левицкаго. Она «вѣрно и трогательно,—по словамъ Н. И. Костомарова, изображаетъ судьбу солдатокъ, проживающихъ въ малорусскомъ селѣ». По отзыву другаго рецензента, эта повѣсть представляетъ собою «прекрасный, полный глубокаго психологическаго анализа рассказъ» и вообще составляетъ, лучшую вещь нашего автора¹⁾.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и отмѣною кантонистовъ, не было, однако, совершенно уничтожено рабство народа, поступившаго теперь въ новую кабалу къ евреямъ и другимъ мелкимъ и крупнымъ аферистамъ и эксплуататорамъ. Это не только матеріальное, но и нравственное иго изображается нашимъ авторомъ въ рассказѣ «Прятелли» и въ повѣсти «Бурлачка».

Главная бѣда малорусскаго простонародья зависѣла и зависить не столько отъ эксплуататорской дѣятельности евреевъ и разныхъ

¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 года № 30.

посессоровъ, сколько отъ недостатка элементарнаго образованія и первыхъ начатковъ общественности. Противообщественныя явленія въ сельской жизни старается авторъ изобразить въ своихъ разсказахъ: «Неможна бабі Парасці вдержатись на селі» и «Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти».

Тотъ же недостатокъ истиннаго образованія выставляется на показъ въ комедіи нашего автора «На Кожумъ якахъ», но съ тою разницею, что здѣсь сфера дѣйствія—не сельская жизнь, а городская, мѣщанская, въ ея соприкосновеніи съ разными мнимо-просвѣщенными людьми. Очевидно въ этой сферѣ чувствуется уже потребность хоть какого нибудь образованія; но это образованіе понимается чисто съ внѣшней стороны, какъ декоративная сторона невѣсты, дочери зажиточныхъ мѣщанъ, какъ хорошая приманка для жениховъ изъ другихъ сравнительно высшихъ сословій.

Предметъ комедіи взятъ изъ той среды, изъ которой почерпалъ содержаніе для своихъ комедій и Островскій. Разница только та, что герои комедіи г. Левицкаго—малороссы, и всѣ ихъ поступки и дѣйствія носятъ печать малорусскаго характера и мѣстныхъ кievскихъ условій. Н. И. Костомаровъ находитъ въ этой пьесѣ большія комическія достоинства и желаетъ, чтобы она была поставлена на сценѣ.

Восходя отъ низшихъ сферъ къ болѣе и болѣе высшимъ, г. Левицкій не разъ пытался бросить свой поэтический взглядъ и на вопросы высшаго порядка, изобразить внутреннія междуплеменные отношенія русскаго государства. Эта грандіозная задача лежитъ въ основѣ его сказки-поэмы «Запорозці» и двухъ большихъ его повѣстей «Причепча» и «Хмары». Въ нихъ онъ старается обрисовать историческія и современныя отношенія Малороссіи къ Россіи и Польшѣ. Но для выполненія этой грандіозной задачи у автора не достало средствъ и безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ дѣлу, и потому эти произведенія г. Левицкаго обилуютъ тенденціозностью, которая вредитъ самой художественности изложенія, хотя и въ этихъ произведеніяхъ разсматриваемаго писателя есть много прекрасныхъ частностей.

Впрочемъ, и самъ г. Левицкій какъ будто понималъ, что ему меньше удастся изображеніе нравовъ того образованнаго общества, котораго до него не касались украинскіе повѣствователи, и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ уже не возвращался болѣе къ этому предмету. Попробовалъ было онъ пересказать украинскія народныя думы о Марусѣ Богославкѣ въ четырехъ-актной оперетѣ; но настоящимъ призваніемъ своимъ считаетъ изображеніе современнаго быта украинскаго народа и социальныхъ его недуговъ. За эти повѣсти и разсказы онъ и пользуется въ Малороссіи заслуженною извѣстностью, хотя и въ нихъ есть значительные недостатки, какъ-то: идеализація украинской природы и жизни, многословность, отступ-

леніе отъ главнаго предмета въ сторону и повтореніе однихъ и тѣхъ же картинъ природы въ различныхъ повѣстяхъ и разсказахъ.

Изъ малорусскихъ писателей г. Левницкій ближе всего подходитъ къ Марку-Вовчку. Есть у этихъ писателей даже довольно сходныя частности. Изъ русскихъ писателей г. Левницкій слѣдуетъ больше всего Тургеневу, а въ комедіи «На Кожумъ-якахъ», можетъ быть, и Островскому.

III.

Л. И. Глѣбовъ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ ¹⁾ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ Полтавской гимназіи, а окончилъ въ лицей князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году съ чиномъ XIV класса. Первое время по выходѣ изъ лицея г. Глѣбовъ занималъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (Каменецъ-Подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и переѣхалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочувствовавшихъ новымъ реформамъ. Литературныя свои занятія Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанникомъ Полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Леонида Глѣбова. Затѣмъ, въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» и въ журналѣ «Основа» напечатанъ былъ цѣлый рядъ малороссійскихъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, въ разныхъ родахъ. Изъ оригинальныхъ его стихотвореній приведемъ его «Пѣсню» въ русскомъ переводѣ Гербеля, которая въ малорусскомъ оригиналѣ напечатана была въ журналѣ «Основа»:

Мчитъ голубъ въ поднебесьи,
Отдыху не знаетъ;
Долы, горы и дубравы
На-вѣкъ покидаетъ.

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,
Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
Силы молодыя.

¹⁾ Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ находятся въ книгахъ — «Лицей князя Безбородко», 1859 и 1881 года, и «Поэзія славянъ», Гербеля, 1871 года, стр. 195 и слѣд.

Отдыхаетъ казачина;
 Конь пасется рядомъ...
 И сказалъ онъ, голубочка
 Провожая взглядомъ:
 «Ой, куда ты, сизокрылый,
 Очи устремляешь?
 Ой, зачѣмъ лѣса и доли
 На-вѣкъ покидаешь?
 Аль тебѣ, мой голубъ сизый,
 Некого голубить?
 Аль никто на дѣломъ свѣтѣ
 И тебя не любитъ?
 Если такъ, спустись на землю,
 Отдохни со мною,
 И потомъ въ иное поле
 Полетимъ съ тобою!
 За горами, за лѣсами,¹
 На иномъ на полѣ
 Попытаемъ, не найдемъ ли
 Мы счастливой доли.
 Мы найдемъ, мой голубочекъ,
 Темныя дубровы,
 И луга въ цвѣтахъ душистыхъ,
 И соболи брови.
 Мы найдемъ тамъ, мы увидимъ
 Ясную зарницу:
 Мы найдемъ тамъ и голубку,
 И красу—дѣвицу.
 Сизокрылая голубка
 Друга приголубить,
 А красавица дѣвица
 Казака полюбить».

Но г. Глѣбовъ больше извѣстенъ не оригинальными своими произведеніями, а переводными баснями изъ Крылова, которыя однако-же, по отзыву его земляковъ, приспособляются у него къ малороссійской жизни и обстановкѣ. Въ 1872 году его «Байки» вышли уже вторымъ изданіемъ. Въ примѣръ переводныхъ его басенъ приведемъ его байку «Охрімова свита», представляющую переводъ «Тришкина кафтана» Крылова.

Була въ Охріма сіра свита,
 Такъ хороше пошита:
 Пизади вусики зъ червоного сукна;
 На компрі мережка така—що па!

Хочь голові посити.
 Дурний Охрімъ не влівъ и глядіти.
 Таскавъ, коли й неслідъ таскати.
 Разъ ставъ вінъ свиту надягати,—
 Ажъ дивитьця—рукава вже продрались,
 Отъ мій Охрімъ, щобъ люде не сміялись,
 Налагодивсь латати.
 А де-жъ суконьця взяти?
 Охрімові не вдивовижу!
 —«Ми знайдемо»,—вінъ каже самъ собі—
 «Рукава трохи обчиряжу,
 «Та й поможу журьбі».

Зробивъ,
 И свиту зновъ надівъ,
 И хороше ему здається,
 Хочь руки й голі до локіть;
 Такъ отъ біда: куди вінъ не поткнетьця,
 Усякъ одъ реготу беретьця за живіть.
 Росердився Охрімъ, що зъ его такъ глузують...
 —«Тривайте;—каже,—коли такъ,
 Зроблю жъ я ось-де якъ...
 Нехай, дурні, собі пустують;
 У нихъ, видно, жуки у голові,
 А ми втнемо рукавця и нові,

Хиба мудряція велика!»
 Охрімъ догадливий бувъ парубіка!
 Прихорошенько взявъ,
 Підрізавъ поли вінъ чи-мало,—
 Якъ—разъ, щобъ на рукава стало,—
 Покраивъ, та й иппришивавъ—
 И зновъ рукава, якъ рукава.

И ходить мій Охрімъ, пеначе та проява,
 Та й думає: «ось я—то молодець,
 Удався хочь куди хлопчина!»
 Дурний, дурний! а на й ему свитина
 Неначе той німецький катанець!

Отъ такъ и зъ тимъ буває,
 Хто чортъ—зна де добро свое діває,
 А тамъ, якъ кинетьця вертить и такъ и сякъ,
 Неначе горобецъ у клітці...
 Дивись, згодя: голяе небораць
 Вь Охрімовій купенькій свитці.

«Къ сожалѣнію, говорить г. Кулишъ, Глѣбовъ мало трудился надъ изученіемъ языка и иногда выражается натянуто, не по народному; но нѣкоторыя изъ его басенъ обнаруживаютъ талантъ неоспоримый, которому не достааетъ только обработки» ¹⁾).

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», 1857 года, т. XII; Современная лѣтопись, стр. 231.

IV.

С. Руданскій.

Степанъ Руданскій, родомъ изъ Подольской губерніи, воспитанникъ кіевскаго университета, умеръ въ Ялтѣ, на должности врача, не достигнувъ и 40 лѣтъ возраста. Онъ оставилъ по себѣ «хорошую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому доброму дѣлу, частному и общественному». «Покойный Руданскій,—говоритъ г. Креминскій, обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги жизни южно-русской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ» ¹⁾.

Первыя произведенія свои г. Руданскій помѣщалъ въ «Русскомъ Мірѣ», въ 60-хъ годахъ. Въ 1860 году предназначался для цензуры и изданія цѣлый сборникъ его малорусскихъ произведеній, подъ названіемъ «Співомовкы» ²⁾, который, однако-же, почему-то не былъ изданъ при жизни автора. Изъ этого сборника напечатано было нѣсколько стихотвореній въ журналѣ «Основа» за 1861 годъ. «Співомовкы» изданы были Н. Г. Вольнскимъ (Косачемъ) уже въ 1880 году, и то не въ полномъ видѣ. Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь мелкихъ стихотвореній, имѣются еще, по словамъ г. Косача,—гораздо большія произведенія Руданскаго, какъ-то: переводъ Иліады, нѣсколько поэмъ про нашихъ историческихъ вождей (Мазепу, Полуботка и др.) и весьма хорошій переводъ всего «Слова о полку Игоревѣ», съ приложеніемъ къ нему предисловія, написаннаго тоже по-украински. Часть перевода Иліады и нѣкоторые другіе сочиненія Руданскаго напечатаны были въ Галиціи и именно въ журналѣ «Правда» за 1872, 1875 и др. годы ³⁾. Одно стихотворе-

¹⁾ «Кіевская Старина», іюнь 1882 г.

²⁾ Разбирая бумаги покойнаго М. Г. Щербака, мы нашли въ его дневникѣ за 1859—1860 годъ слѣдующую замѣтку: «16-го февраля (1860). Вівторокъ принісъ меніи изъ цензурнаго комитета Поповъ «Співомовки» Випка Руданьского. Тутъ читали и смѣялись. Міні пришла думка начати писати рецензію, щобъ була готова тоді, якъ выйде изъ печаті ця книжка. А ось я переписавъ децю, що цензура вже певно не дозволе надрукувати». Затѣмъ, выписаны «Приказки на москаліевъ»: «Запорозці підъ Москвою», «Запорозці у Сенаті», «Страшный судъ», «Пінь и жидъ», «Варвара» и «Доброй человѣкъ».

³⁾ «Співомовкы». Кіевъ, 1880 годъ. Предисловіе. «Нѣкоторые стихотворенія г. Руданскаго напечатаны также въ альманахѣ г. Пискунова—«Чайка», 1876 г.

ніе «Обманутой солдатъ» помещено въ «Кіевской Старинѣ», за июнь, 1882 года.

«Степанъ Руданскій, говоритъ г. Косачъ въ предисловіи къ Співомовкамъ, принадлежитъ къ давнишнему направлению авторовъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы иногда замѣчаемъ это въ его произведеніяхъ. Порой явится у него романтическій духъ, такъ напримѣръ, во всемъ складѣ співомовки «Моя смерть», а тутъ же рядомъ старинная какъ будто смѣхотворная котляревщина, какъ напримѣръ въ тѣхъ анекдотахъ, гдѣ съ одинаковымъ юморомъ разсказываются приключенія и какъ будто того простоватаго мужика, и гордаго, чванливаго пана, и жиды, и цыгана. Однако, какъ въ своихъ серьезныхъ, такъ и шутивыхъ произведеніяхъ, Руданскій не остался при одномъ безпощадномъ ширяніи фантазіи, не остался творцомъ не отъ «міра сего и его живою сути». По словамъ другаго рецензента, «Руданскій былъ одинъ изъ весьма немногихъ малорусскихъ поэтовъ недавняго времени съ дѣйствительнымъ талантомъ и съ попытками тронуть новыя тѣмы, а не тѣ только, которыя заѣздили предшественники и подражатели Шевченка» ¹⁾. Съ своей стороны, не отвергая поэтическаго таланта г. Руданскаго, мы должны сказать правду, что лучшія его стихотворенія написаны въ духѣ Кольцова и Некрасова и, по всей вѣроятности, по подражанію имъ. Таковы, напримѣръ, стихотворенія г. Руданскаго— «Пьянщя» и «Наука».

Стихотвореніе «Пьянщя», имѣющее отношеніе къ печальной страсти самого автора, очень живо напоминаетъ своимъ содержаніемъ и складомъ стихи Кольцова. Вотъ первая половина этого стихотворенія:

Не кыдай мене,
Моя чарочко!
Не жены мене,
Ты шынкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе брыдкую
Улюбытыся!
Не безъ жінкы я,
Не безъ хаты я,
Все у мене йе,
Разпроклятая!
Хліба до-сыта,
Пара волюківъ,
Сынівъ четверо, —
Якъ соколыківъ;
Моя хатонька —
Срібна чашечка,

¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 годъ, № 44.

Моя жіночка —
 Мила пташечка;
 Та тяжкі мої
 Болі білишні!
 Бо не маю я
 Волі вільної.
 Потомъ млюся,
 Распряжу воли, —
 На бікъ хылюся,
 Повалюся на бікъ.
 Не здрімаюся,
 Зновъ на наншыну
 Підіймаюся!.. ¹⁾

Другое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Руданскаго «Наука» по содержанию очень сходно съ «Пѣсней Еремѹшкѣ» Некрасова и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ послѣдней. У

¹⁾ Переводъ: Не кидай меня
 Моя чарочка!
 Не гони меня
 Ты шинкарочка!
 Не гони меня,
 Дай напиться,
 Въ тебя гадкую
 Влюбиться!
 Не безъ женушки я,
 Не безъ хаты я,
 Все у меня есть,
 Распроклятая!
 Хлѣба до-сыта,
 Пара бычковъ,
 Сыновей четверо, —
 Какъ соколиковъ;
 Моя хаточка —
 Серебряна чашечка,
 Моя женушка —
 Мила пташечка;
 Да тяжки мои
 Болѣи больныя!
 Ибо не имѣю я
 Волѣи вольныя.
 Потомъ моюся,
 Распряду быковъ, —
 На бокъ валюся,
 Повалюся на бокъ,
 Не успѣю вздремнуть,
 Вновь на барщину
 Поднимаюся...

Некрасова, какъ извѣстно, старая нянюшка и проѣзжіи горожанинъ поочередно поютъ колыбельныя пѣсенки надъ малюткой Еремушкой, совершенно противоположнаго содержанія. Нянюшка напѣваетъ малюткѣ, что

Нижь тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Напротивъ, горожанинъ находитъ эту пѣсню нянюшки безобразною и поетъ надъ ребенкомъ свою пѣсенку, въ которой проклинаетъ растлѣвающій пошлый житейскій опытъ и зоветъ дитя къ новой человѣческой жизни, къ братству, истинѣ, свободѣ и къ борьбѣ съ лукавою неправдою. У Руданскаго роль некрасовской нянюшки играетъ мать молодого человѣка, а роль горожанина — отецъ. Мать, провожая сына въ свѣтъ, совѣтуетъ ему искать такихъ людей, которые не знаютъ тяжелаго крестьянскаго труда, но живутъ въ довольствѣ:

Колы пийдешъ їхъ,
Мылый сыночку
Ты склоны себя
Якъ былиночку,
Простелы себе
Якъ ридныночку!
Спына съ похылу
Не покорчытьця,
Чоло зъ пороху
Не изморщытьця.
Спына зъ похылу
Не искрывытьця;
За те ступыть панъ
Та й подывытьця;
За те ступыть панъ
На покїрного
И прїйме тебе
Якъ добїрного.
И въ годыночку —
На драбыночку;
И підешъ тоді,
Мылый сыночку?
И зъ панамы самъ
Порівняешся,
Въ сріблі—золоті
Закупаешся;
Въ сріблі—золоті
Закупаешся

Зъ полемъ батьківськимъ
Разпрощаєся! ¹⁾

Напротивъ, отецъ учитъ сына не гнуть ни передъ кѣмъ спины, убѣгать отъ такихъ людей, которые живутъ чужимъ трудомъ, идти въ свѣтъ и узнать все:

Тоді зъ світомъ ты
Порівняєся,
Въ добрі розумі
Закупаєся.
Въ добрі розумі
Закупаєся,
Зъ полемъ батьковимъ
Привітаєся ²⁾.

¹⁾ Переводъ: Коли найдешъ ихъ,
Милый сыночекъ,
Ты сложи себя
Какъ былиночку,
Постели себя
Какъ подстилочку!
Спина съ поклону
Не погорбится,
Чело отъ пыли
Не поморщится;
Спина съ поклону
Не искривится,
За то ступить панъ
Да и посмотритъ;
За то ступить панъ
На покорнаго
И приметъ тебя
Какъ избранника.
И въ минуту —
По лѣсенкѣ!
И пойдешъ тогда,
Милый сыночекъ!
И съ господами самъ
Поравняєшься,
Въ серебрѣ — золотѣ
Закупаєшься;
Въ серебрѣ — золотѣ
Закупаєшься,
Съ полемъ батьковскимъ
Распрощаєшься.

²⁾ Переводъ: Тогда съ свѣтомъ ты
Поравняєшься,
Въ добрѣ разумѣ
Закупаєшься,
Съ полемъ батьковскимъ
Посвыкнешься.

Кромѣ подражательныхъ стихотвореній, есть у Руданскаго и чисто переводныя. Мы уже упоминали выше о его переводахъ *Иліады* и Слова о полку Игоревѣ. Извѣстны также его — переложеніе пушкинскаго «Вѣщаго Олега», переводы изъ польскаго поэта Ленартовича («Ластівка») и сербскаго Бранка Радичевича. Остановимся нѣсколько на переводѣ *Иліады*.

Переводъ «*Иліады*», которымъ занятъ былъ Руданскій въ послѣднее время своей жизни, сдѣланъ съ подлинника, но задуманъ былъ не гекзаметромъ, а размѣромъ, хотя часто встрѣчающимся въ малороссійскихъ пѣсняхъ и пословицахъ, размѣромъ народнымъ и плавнымъ, но за то короче гекзаметра. Отъ этого значительная часть длинныхъ словъ, эпитетовъ гомеровскихъ, должна была пострадать. «Это очень и очень жалко, — говоритъ одинъ малорусскій критикъ, — особенно въ виду способности малорусскаго языка къ разнообразному словосоединенію. Переводъ Руданскаго такимъ образомъ не удовлетворитъ исполнѣ знатоковъ Гомера; но легкостью и простотою склада онъ подходитъ къ духу подлинника и производитъ вѣрное впечатлѣніе. Языкъ перевода чистый малорусскій съ кой-гдѣ пробѣгающими славянизмами и подольскими провинціализмами». Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ разговора Пріама и Елены о герояхъ ахейскихъ въ третьей пѣснѣ:

Старой запитався и про Одисея:

— «Скажи жъ, моя дочю, хто там такой другий,
Головой меньший якъ цар Атріенко,
А плечима ширший и грудьми видніщий?
Оруже поклав він на землю родючу,
А сам він обходить ряди війсковії,
Мов часамі в полі баран пелехатий
Обходжує стадо біленькихъ овечок».
Ему и сказала дивная Елена:
— «А се Одисей той, мудрий Лаертенко,
Що зрічъ у Іфаці, в землі камянистій:
Він и хитрий тяжко и до мови здатний ¹⁾.

¹⁾ Переводъ: Старець спросилъ и про Одисея:
«Скажи, моя дочь, кто это тамъ другой
Головою меньшій царя Атрида,
А плечами шире и грудью види́те,
А самъ онъ обходитъ ряды войсковые,
Какъ иногда въ полѣ бараць волохатый
Обходитъ стадо бѣлыхъ овечекъ?
Ему отвѣчала дивная Елена:
А это Одисей тотъ, мудрый Лаертидъ.
Что выросъ въ Итакѣ, землѣ каменистой,
Онъ и хитрый весьма, и краснорѣчивый.

V.

М. П. Старицкій.

Михаилъ Петровичъ Старицкій, помещикъ Подольской губерніи, воспитывался въ кievскомъ университетѣ, но не окончилъ здѣсь курса. Въ предисловіи къ «Співомовкамъ» Руданскаго г. Косачъ говоритъ о г. Старицкомъ слѣдующее: «въ послѣднее время одинъ только почтенный писатель г. Старицкій выявляетъ иногда на нашемъ убогомъ полѣ отдѣльныя изданія своихъ произведеній, за что мы должны воздавать ему сугубую честь и благодарность». Но и этотъ единственный современный стихотворецъ малорусскій, выпускающій свои произведенія отдѣльными изданіями, извѣстенъ почти исключительно своими переводами и передѣлками съ другихъ языковъ на украинское нарѣчіе. Вотъ перечень его переводовъ и передѣлокъ: 1) «Казки Андерсена», полное изданіе, съ портретомъ Андерсена, его біографіей и 11-ю картинками. Кіевъ, 1873 годъ. Въ 1874 году онѣ изданы и отдѣльными брошюрами; 2) «Різдвяна Нічъ», оперетта. Кіевъ, 1874 годъ; 3) «Сорочинскій Армарокъ». Кіевъ, 1874 годъ; 4) «Байки Крылова». Кіевъ, 1874. 5) «Пісня про царя Йвана Василівича, молодого опричника, та одважного крамаренка Калашника (з Лермонтова)». Кіевъ, 1875 годъ; 6) «Сербські народні думи і пісні». Кіевъ, 1876 годъ; 7) «Чорноморці, оперета по Кухаренку». Кіевъ, 1878 годъ; 8) «Пісні і думи, з давнього зшитку». Кіевъ, 1881 годъ; 9) шесть стихотвореній и водевилъ «Якъ ковбаса та чарка, те мшеться й сварка», въ альманахѣ «Луна». Кіевъ, 1881 годъ; 10) «Гамлетъ принцъ данської. Трагедія въ 5 діяхъ». Кіевъ, 1882 годъ.

Первые опыты переводовъ г. Старицкаго были менѣе всего удачны. «Казка Андерсена»,—говоритъ одинъ рецензентъ,—по ихъ часто слишкомъ нѣмецкому, слащаво-мѣщанскому характеру, а равно по языку перевода, чрезвычайно неровному, вычурному, полному рѣдкихъ провинціализмовъ, колониализмовъ, германизмовъ и неудачно скovanýchъ словъ, мало могутъ рассчитывать найти себѣ читателей въ народѣ; кто же можетъ читать Андерсена и притомъ въ болѣе полномъ составѣ по-русски, тому онѣ не нужны» ¹⁾.

Болѣе успѣха имѣла оперетта г. Старицкаго «Різдвяна Нічъ», передѣланная изъ Гоголя; но и ея успѣхъ опредѣлялся не столько внутренними ея достоинствами, сколько побочными обстоятельствами: сравненіемъ съ другими малорусскими опереттами, заимствованнымъ у Гоголя сюжетомъ и музыкой г. Лисенка. «Появившаяся надняхъ въ свѣтъ оперетта, писалъ П. Иван—ко, внутренними и ви́шними достоинствами своими превосходить всѣ доселѣ

¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 годъ, № 3.

бывшія произведенія этого рода («Наталка Полтавка», «Сватання на Гончарівці», «Москаль Чарівникъ» и др.). Авторы тѣхъ произведеній не подошли такъ близко къ бытовой народной и литературно-художественной правдѣ, какъ это удалось г. Старицкому. Тамъ сюжеты частные, семейные; здѣсь желаніе усложнить частный сюжетъ элементомъ общенародной жизни посредствомъ приуроченія дѣйствія къ первому дню рождественскихъ праздниковъ. Драматическое дѣйствіе естественнѣе; рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ихъ нравы и обычаи ближе къ этнографической истинѣ; языкъ правильнѣе. Нѣкоторыя мѣста оперы представляютъ художественное воспроизведеніе народной жизни. Но, при всѣхъ указанныхъ достоинствахъ, опера имѣетъ и недостатки: во первыхъ, заглавіе ея внѣшнее, оно не связано органически съ содержаніемъ; во вторыхъ, допущены погрѣшности противъ народныхъ правовъ и обычаевъ; въ третьихъ, избитымъ комическимъ положеніемъ посѣтителей вдовы Солохи Чуба, дьяка и головы, нарушается литературно-художественная правда; въ четвертыхъ, наконецъ, въ ней есть погрѣшности въ языкѣ противъ грамматической и филологической ея стороны» ¹⁾. Но всѣ эти достоинства и недостатки оперетты, указываемые г. Иванъ — комъ, принадлежатъ самому Гоголю, а не Старицкому, на долю котораго остается только одинъ языкъ оперетты. А въ языкѣ его замѣтны кованыя искусственные слова и провинціализмы. «Намъ приходилось слышать,—говоритъ другой рецензентъ,—что г. Старицкій заставляеть героевъ «Різвняной Ночи», живущихъ около Нѣжина, говорить языкомъ подольскихъ поселянъ, и потому его произведеніе малороссамъ не совсѣмъ понятно ²⁾. То же, съ нѣкоторыми измѣненіями, слѣдуетъ сказать и о переводѣ «Сорочинской Ярмарки» Гоголя» ³⁾.

«Удачнѣе, по выбору предмета и по выполненію, переводъ басенъ Крылова, которыя въ оригиналѣ именно по своей народности, а потомъ и по своему чисто великороссійскому характеру, подѣ часъ не производять должнаго эффекта въ народѣ и сельской школѣ въ Малороссіи» ⁴⁾. Тоже можно сказать и о переводѣ «Пісні про царя Ивана Василевича», изъ Лермонтова, т. е., что этотъ переводъ можетъ помочь ознакомленію малороссовъ съ этимъ произведеніемъ Лермонтова, написаннымъ въ духѣ великорусскихъ былинъ и историческимъ пѣсень, но положительныхъ внутреннихъ достоинствъ этотъ переводъ не имѣетъ.

Лучше всего переводческій талантъ г. Старицкаго обнаружился въ переводѣ сербскихъ народныхъ пѣсень и думъ. «Весьма запн-

¹⁾ «Кіевлянинъ», 1874 года, № 3.

²⁾ Тамъ же, 1874 года, № 15.

³⁾ «Кіевскій Телеграфъ», 1875 года, № 30.

⁴⁾ Тамъ же.

тересованный лично сербским народным творчеством, — говорит одинъ рецензентъ, — г. Старицкій предположилъ такой же интересъ у многихъ изъ нашей (малорусской) публики и издалъ въ свѣтъ цѣлый томъ своихъ переводовъ на украинскій языкъ сербскихъ народныхъ думъ — большихъ эпическихъ поэмъ. Переводъ былъ сдѣланъ превосходно. Читая эти переводы Старицкаго, испытываешь вполне цѣльное эстетическое впечатлѣніе, любуясь какъ прекраснымъ складомъ рѣчи, такъ и красотою, плавностью стиха. Время, когда были изданы «Сербскія думы» (1876 года), казалось, выбрано было тоже какъ нельзя болѣе удачно: это былъ годъ начала войны за освобожденіе братьевъ славянъ, время наибольшаго сочувствія и интереса къ нимъ. Къ тому же и самую выручку отъ продажи «Сербскихъ думъ» г. Старицкій предназначилъ въ пользу страдавшихъ братіевъ. И однакоже, несмотря на всѣ эти обстоятельства, несмотря на то, что, прежде всего, по одному количеству матеріала сборникъ «Сербскихъ думъ» Старицкаго являлся первымъ во всей руссiйской литературѣ, изданіе это было встрѣчено нашею (малороссiйскою) публикою крайне холодно: оно почти не пошло въ продажѣ» ¹⁾. Вѣроятно, поэтому второй томъ сербскихъ народныхъ думъ и пѣсень, въ переводѣ г. Старицкаго, явился только черезъ пять лѣтъ послѣ перваго, и, притомъ, онъ заключаетъ въ себѣ небольшую долю сербскихъ пѣсень, съ придачею переводовъ изъ первоклассныхъ европейскихъ и польскихъ писателей. Мы разумѣемъ здѣсь изданіе г. Старицкаго: «Пісні і Думи, зъ давню зшитку. Кієвъ. 1881». Здѣсь, между прочимъ, помѣщены бытовыя сербскія пѣсни, большею частію любовныя, вообще отличающіяся чрезвычайнымъ лиризмомъ, страстностію, иногда простою и наивною содержаніемъ и пластичностію. Къ числу коротко-описательныхъ пѣсенокъ относится, напримѣръ, слѣдующая, отличающаяся чрезвычайно граціознымъ выраженіемъ лирическаго порыва:

Не щебечи, соловейку, зрапа,
Не буди ты господаря-пана?
Я сама приспала его зъ ночи,
Такъ сама й збудити его хочу:
Побіжу я на грядки квітисті,
Та вірну тамъ василекъ душистий,
По лицю торкну его злегенька
І скажу: «вставай, мое серденько?» ²⁾.

¹⁾ Газета «Трудъ», 1871 года, № 96.

²⁾ Переводъ: Не щебечи, соловейшко, рано,
Не буди ты хозяина-господина!
Я сама приспала его ночью,
Такъ сама и разбудить его хочу:
Побѣгу я на рядки цвѣтистыя
Да сорву тамъ василекъ душистый,
По лицу дотронуся до него слегка
И скажу: вставай, мое сердечушко!

Но, заявивъ себя съ хорошей стороны переводомъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ, г. Старицкій снова обратился къ неудачнымъ переводамъ произведений европейскихъ знаменитостей на украинское нарѣчіе и даже сталъ пробовать себя въ оригинальномъ творчествѣ.

Въ «Пісняхъ і думахъ» г. Старицкаго, 1881 года, помѣщено нѣсколько его переводовъ изъ Гейне, Байрона, Мицкевича, Сырокомли и другихъ, и кромѣ того, въ 1882 году, изданъ г. Старицкимъ переводъ «Гамлета» Шекспира. Чтобы познакомиться съ переводами г. Старицкаго изъ произведений европейскихъ знаменитостей, приведемъ его переводъ «Сосны» Гейне:

На півночі млавій въ заметахъ, у кризі,
Самотня соснина дрима;
Куня похилившись і в біли ризи
Вдягла и пишипо зіма;
И марить та сосна про сонце блескуче,
Ій спитьсѣ південь-сторона,
Де те-жъ въ самотині на скелі некучій
Красується пальма сумна ¹⁾.

Нѣкоторые, правда, и въ этихъ переводахъ г. Старицкаго, особенно сдѣланныхъ съ польскаго языка, находятъ высокія достоинства ²⁾; но болѣе глубокіе знатоки малорусской рѣчи недовольны переводами г. Старицкаго изъ классическихъ западно-европейскихъ и польскихъ произведений. «Мы замѣчаемъ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ по поводу переводовъ г. Старицкаго,—что въ послѣднее время у малорусскихъ писателей явилась особенная охота къ переводамъ. Мы думаемъ, что переводы на малорусскій языкъ могутъ быть умѣстны только тогда, когда переводимое можетъ быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитію. Это мы видимъ уже на опытѣ. Мы имѣемъ превосходный переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ помалорусски, между тѣмъ тотъ же переводчикъ совсѣмъ не такъ удачно исполнилъ свою задачу, когда принялся передавать на малорусскую рѣчь произведенія европейскихъ знаменитостей, какъ Шекспира, Байрона, Андерсена, Мицкевича и др. Мы вполне раздѣляемъ желаніе видѣть малорусскій языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ безъ нятяжки

¹⁾ У Лермонтова: На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и сызбогъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, опа.
И спится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растеть.

²⁾ Газета «Трудъ», 1881 года, № 96.

можно было передавать все, что составляет достоинство культурнаго языка, но на это нужно время и значительное поднятіе умственнаго горизонта въ народѣ... Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей и др. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны и пока ненужны. Что касается до интеллигентнаго класса въ Малороссіи, то для него такіе переводы еще болѣе ненужны, потому что со всѣмъ этимъ онъ можетъ познакомиться или въ подлинникахъ, или въ переводахъ на общерусскій языкъ, который ему такъ же хорошо знакомъ, какъ и родное малорусское нарѣчіе» ¹⁾.

Не болѣе удачны были и самостоятельныя произведенія г. Старицкаго, помѣщенные имъ въ альманахѣ «Луна» на 1881 годъ. По поводу этого альманаха и въ частности произведеній г. Старицкаго, тотъ же Н. И. Костомаровъ писалъ слѣдующее: «Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, мы не можемъ, однако, не выразить нашего несогласія со взглядомъ, господствующимъ, какъ видно, у нѣкоторыхъ современныхъ малорусскихъ писателей. Они думаютъ, что, при недостаточности способовъ для выраженія высшихъ понятій и предметовъ культурнаго міра, надлежитъ для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты и тѣмъ обогащать языкъ и литературу. У пишущаго на простонародномъ нарѣчій такой взглядъ обличаетъ гордыню, часто суетную и неуѣднскую. Создавать новыя слова и обороты вовсе не бездѣлица, если только ихъ создавать съ надеждою, что народъ введетъ ихъ въ употребленіе. Такое созданіе всегда почти было достоинствомъ великихъ дарованій, какъ это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы... Но что случилось съ такими на живую нитку измышленными словами, какъ «мокроступы, шарокаталище, краткоодежіе, четвероплясіе» и т. п.? Ничего, кромѣ позорнаго безсмертія, какъ обрачки неудачныхъ попытокъ бездарностей! Съ сожалѣніемъ должны мы признаться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этою болѣзнію, и это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежніе годы малорусская литература была чиста отъ такой укоризны. По крайней мѣрѣ, у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка-Вовчка едва-ли найдется что нибудь такое, о чемъ бы можно было съ перваго раза сказать, что малорусъ такъ не выразится. Теперь же не угодно ли полюбоваться хоть на это произведеніе современнаго поэта (Старицкаго), котораго, однако, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его трудамъ, мы никакъ не можемъ отнести къ разряду бездарностей:

Сиділи мы, каганчкы мыготівъ,
Дві тіні, тремтячы, сягали ажъ до мура,
А у вікно дывылась нічъ понура
І вітеръ щось сумне, гробкове вивъ

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», февраль, 1882 года.

Якъ помники холодні та німі
 Сыділы мы безъ слова і безъ думы...
 Іще чорнішъ тісі почі—стумы
 Прийдешиє намъ вбачалося въ пїтьмі,—

Безъ просвітку, безъ жадної меты,
 Якъ мертвий шляхъ въ безлюдній пустині;
 Въ мыкудому руїна на руїні,
 І сылою поставлені хресты.

Чого жъ ще ждаты? боління тїльки мыть...
 Але мы все сыділы біля мура,
 Дывыласъ нічъ черезъ вікно понура
 І не вгававъ сердытый вітеръ выть ¹⁾.

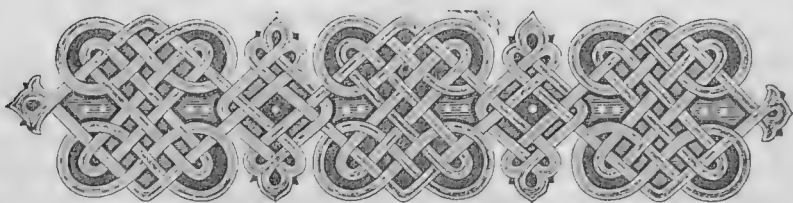
«Охота къ выковыванію новыхъ словъ, геройская отвага къ совершенію такихъ подвиговъ доходитъ до того, что стали выдѣлывать изъ нарѣчій существительныя: есть напр., нарѣчіе байдуже, т. е. все ни почемъ. Изъ этого нарѣчія выковали существительное байдужество (у г. Левицкого). Что бы сказалъ русскій читатель, если бы увидалъ въ русской книгѣ существительное всенипочемность? Въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ видно притязаніе на описательность, мы встрѣчаемъ совершенно великорусскій книжный синтаксисъ, какъ будто авторъ сложилъ свое сочиненіе по-русски, только вмѣсто русскихъ словъ вставляя туда слова малороссійскія, съ прибавкою словъ собственнаго издѣлія, какъ напр. «напечатокъ» вмѣсто отпечатокъ (какъ будто напечатокъ для малоруса понятнѣе, чѣмъ отпечатокъ), «задуманість, поетична мрія про историчну минувиість, узкі глыбокі шілыны манылы до себе очі своєю чарівнычею свіжыною» (Мы слышали слово свіжына только въ смыслѣ свинины) ²⁾.

Свои очерки мы и закончимъ этимъ отзывомъ Н. И. Костомарова, касающимся вообще состоянія новѣйшей украинской литературы.

Н. Петровъ.

¹⁾ Мы отказываемся дѣлать переводъ этого стихотворенія, въ которомъ нѣкоторыя слова и выраженія непонятны даже и для самихъ малороссовъ.

²⁾ Последнія слова относятся тоже къ И. С. Левицкому. «Вѣстникъ Европы», февраль, 1882 года.



ЧУМА И ПУГАЧЕВЩИНА ВЪ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦИИ.



ЕРЕДЪ нами лежатъ пыльные связки шацкаго провинціального архива за прошлое столѣтіе, назначенныя къ отправленію въ московскій архивъ министерства юстиціи. Мы имѣли возможность пересмотрѣть и перечитать большую часть ихъ, и невеселыя мысли явились у насъ при чтеніи канцелярскихъ опытовъ нашихъ доморожденныхъ лѣтописцевъ.

Нашъ XVIII-й вѣкъ полонъ внѣшняго блеска и историческаго драматизма. Блестящія побѣды русскихъ войскъ, которыми предводительствовали истинные герои; великолѣпный петербургскій дворъ, при которомъ на первомъ планѣ фигурировали многочисленные и быстро смѣнявшіеся фавориты; вельможная и барская роскошь, удивлявшая иностранцевъ; быстрое и такъ сказать обрядовое сближеніе высшихъ классовъ народа съ западною Европою— вотъ показная сторона нашего славнаго вѣка. Но за этими декораціями скрывалась темная, бѣдная и безправная жизнь народной массы, слишкомъ дорого платившей за внѣшній государственный блескъ.

Въ московскій періодъ русской исторіи хотъ украинны наши жили вольготно. Бюрократія и крѣпостничество XVIII-го вѣка подтянули всю Русь, и отъ ихъ ненасытнаго и зоркаго хищенія не укрылись самыя глухіе уголки земли русской. Видимъ это на Шацкой провинціи, которая, по словамъ мѣстныхъ архивныхъ памятниковъ, была въ прошломъ столѣтіи во всеконечной скудности и разореніи и многомъ и тяжкомъ изнуреніи.

Русская историческая наука еще не сказала своего послѣдняго и пскренняго слова объ историческихъ судьбахъ нашего XVIII-го вѣка. Всего менѣе можетъ посягать на эту великую задачу въ узкихъ и условныхъ предѣлахъ своего труда скромный провинціальный работникъ. Пишущій эти строки рѣшается коснуться только двухъ фактовъ лихолѣтія прошлаго вѣка, именно развитія чумы и пугачевщины въ предѣлахъ Шацкаго края. Наши архивныя свѣдѣнія о шацкой чумѣ крайне скудны и потому первая глава предлагаемаго читателямъ «Историческаго Вѣстника» изслѣдованія, по необходимости, будетъ имѣть отрывочный характеръ.

I.

Чума.

Вскорѣ послѣ извѣстныхъ московскихъ событій 1771 года, воронежскій губернаторъ, А. М. Масловъ, прислалъ въ шацкую провинціальную конспторію ордеръ слѣдующаго содержанія: «Противъ обнаружившейся въ имперіи приличивой смертной язвы, отъ которой люди скоропостижно помирають, надлежитъ принимать накрѣпчайшую предосторожность и слѣдить за ея развитіемъ не дремлющими глазами, подъ опасеніемъ тяжкаго по законамъ взысканія. При семъ воеводамъ провинціи поставляется на видъ произшедшее въ Москвѣ въ подломъ народѣ замѣшательство, дабы бѣглецы и зараженные изъ Москвы не могли распространить заразы по уѣздамъ Шацкой провинціи».

Провинціальныя власти, уже не мало напуганныя молвою о московской чумѣ, немедленно приняли противъ нея свои мѣры, и гонцы-солдаты поскакали во всѣ шацкіе уѣзды съ самыми строгими предписаніями провинціального воеводы Лопатина. Вскорѣ во всѣхъ селахъ Шацкой провинціи были назначены карантинные смотрителя изъ мѣстныхъ дворянъ. На вѣздахъ и выѣздахъ всюду поставили обывательскіе караулы. Всѣмъ дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ вмѣнено было въ обязанность сидѣть дома и такимъ образомъ подавать примѣръ добропорядочной жизни невразумительному народу. Дома и пожитки велѣно было чаще провѣтривать и, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, вымораживать. Кругомъ селъ и городовъ, а также во дворахъ, начали курить дегтемъ, навозомъ, ельникомъ и можжевельникомъ. Сообщенія края внезапно почти совсѣмъ прекратились, потому что на всѣхъ заставахъ безпрепятственно пропускали однихъ только правительственныхъ курьеровъ.

Тогда началась великая и повсемѣстная бѣда въ Шацкой провинціи. Крестьяне бросили посѣвы и жители многихъ селеній подверглись голодной смерти. Въ базарныхъ селахъ пріостановилась торговля. На пристаняхъ задержаны были струги и барки съ хлѣбомъ, солью и разнымъ мелкимъ товаромъ. На одной Вышенской пристани разомъ подвергли шестинедѣльному карантину болѣе 40 струговъ. Отъ неосторожнаго куренія на карантинныхъ заставахъ начались непрерывные пожары. Отъ великихъ огней, жаловались воеводы Шацкой провинціи, особливо во время вѣтровъ и вихрей, бывають многія пожарныя спаленія. Напуганное моливою духовенство отказывалось совершать церковныя требы, вслѣдствіе этого родильницы оставались безъ очистительныхъ молитвъ, младенцы—безъ святого крещенія, болящіе—безъ исповѣди и святого причастія, а умершіе лишались христіанскаго погребенія ¹⁾. Въ народѣ началось усипенное пьянство, которымъ толпа думала залить ту панику, которая овладѣла ею вслѣдствіе разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ ужасовъ чумной заразы. Въ 1771 году питейная контора въ одномъ Шацкѣ продала болѣе 19,000 ведеръ водки. Въ эти бѣдственные времена крестьяне многихъ селъ Шацкой провинціи, крѣпостные и экономическіе, взбунтовались и не хотѣли признавать никакихъ властей. Между Шацкомъ и Тамбовомъ появились разбойническія партіи, такъ что и проѣзду имѣть было невозможно. Такимъ образомъ чумная паника потрясла коренныя общественныя основы ²⁾.

Общая тревога увеличивалась отъ тѣхъ безпорядковъ, виновниками которыхъ часто были сами карантинные смотрителя и караульные. Иногда у вѣзжкихъ воротъ всѣ часовые были неграмотны, поэтому не читали пропускныхъ билетовъ и подолгу задерживали проѣзжихъ. Впрочемъ, за водку и за деньги караульные пропускали и безбилетныхъ, а по неопытности и недосмотру смотрителей свободно проходили заставы и такіе путешественники, у которыхъ были фальшивые билеты, фабрикація которыхъ сдѣлалась въ то время спеціальнымъ промысломъ въ нѣкоторыхъ шацкихъ селахъ. Иные карантинные смотрителя вовсе не признавали по своему скудоумію чумной заразы, предоставляли все на волю Божію и утѣшались въ своемъ бездѣйствіи непрерывными кутежами. Такимъ образомъ многія заставы превратились въ самые разгульные кабаки и шло тамъ разлитанное море и въ похмѣльномъ чаду забывали легкомысленные люди о грозной карѣ Божіей. При этомъ нѣкоторые помѣщики не слушались начальства и не хотѣли допус-

¹⁾ Арх. Тамб. дух. конс., № 21 за 1772 годъ.

²⁾ Во время чумной эпидеміи особенно замѣтны были въ Шацкой провинціи крестьянскіе бунты въ селахъ Линдягахъ и Дерябкинѣ.

катъ въ свои имѣнія карантинныхъ смотрителей. Такъ, напримѣръ, когда смотритель Богомоловъ пріѣхалъ въ кирсаповское имѣніе Свищова, то помѣщикъ прогналъ его и за объявленіе карантинныхъ правилъ грозилъ перебить ему руки и ноги. Въ имѣніи у этого сердитаго владѣльца не мало было уже странныхъ смертныхъ случаевъ, въ его приходской церкви давно уже прочитано было объявленіе о заразѣ, а онъ все свое твердилъ: «прилипчивой болѣзни у меня въ имѣніи нѣтъ и быть не можетъ».

Хмѣльные смотрителя и караульные, притѣсняя проѣзжихъ и прохожихъ, иногда снимали съ нихъ одежду и отбирали у нихъ всю поклажу и деньги, бросая послѣднія ради ассенизаціи и безвозвратно въ квасную гущу. Вслѣдствіе этого, крестьяне начали ѣздить по дорогамъ толпами и вооружаться для безопасности отъ карантиннаго начальства дубинами. Находились и такіе радѣтели общественнаго блага, которые безсмысленно пользовались своимъ смотрительствомъ, безпричинно притѣсняя народъ. Одинъ изъ такихъ народныхъ опекуновъ, дворянинъ Евсюковъ, ѣздилъ по селамъ и заставамъ и билъ караульныхъ и проѣзжихъ безъ всякой вѣны немилостиво. Когда же наступила зима 1771 года, то во всѣхъ селахъ своего смотрительскаго района онъ выгналъ обывателей изъ избъ съ цѣлю провѣтриванія воздуха. А какъ на грѣхъ зима та была лютая и многіе люди замерзли. Отъ этого энергичнаго распоряженія не легко было и взрослымъ, но въ особенности жутко было на морозѣ малымъ дѣтямъ, которыя начали помирать отъ простуды въ огромномъ количествѣ.

Лучшей памяти заслуживаютъ шацкіе карантинные смотрителя: Богомоловъ, Свѣчинъ, Анничковъ, Фроловъ-Багреевъ, Владиміровъ и Суровцовъ. Эти въ простотѣ своей усердно жгли навозъ и не давали ходу ни коннымъ, ни пѣшимъ. И если не было въ ихъ дѣятельности разума, за то много было поспыльнаго усердія.

Къ числу условій, благопріятствовавшихъ развитію чумной эпидеміи, надобно отнести также почти полное отсутствіе медицинской помощи и гигиеническихъ предосторожностей на всемъ пространствѣ Шацкой провинціи, имѣвшей въ 1771 году только двухъ сомнительныхъ врачей: Зигфрида и Рамелофа. Во всѣхъ шацкихъ городахъ и селахъ хоронили покойниковъ около приходскихъ церквей и притомъ зарывали ихъ небрежно и неглубоко. Въ Кадомскомъ уѣздѣ въ 1771 году былъ конскій падежъ и всю палую скотину зарывали внутри селъ, часто во дворахъ, и только самые осторожные обыватели сваливали падаль на выгонахъ. Отъ этого происходило то, что собаки ежедневно разрывали трупы животныхъ и съ кусками зараженнаго мяса разбѣгались по всѣмъ дворамъ. О всякой другой грязи и нечистотѣ, съ которыми издавна такъ свыкъся простой русскій человѣкъ, и говорить нечего: въ описываемое нами время всѣ шацкія поселенія полны были всякими миазмами. Правда,

по Шацкой провинціи безденежно разсылались печатные экземпляры съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ и лѣченія отъ заразы, но рѣдкій шацкій обыватель обращалъ на нихъ должное вниманіе.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о развитіи чумной заразы въ предѣлахъ Шацкой провинціи. Впрочемъ, и тѣ отрывочныя архивныя данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о грозныхъ размѣрахъ шацкой эпидеміи и довольно ярко рисуютъ намъ картину народнаго бѣдствія, память о которомъ въ настоящее время почти исчезла въ нашемъ краѣ.

Съ особенною свирѣпостію эпидемія дѣйствовала въ селлахъ Копобеевъ и Аладынѣ, по всему теченію рѣки Цны, и въ городѣ Козловѣ. Всѣ зараженныя мѣста со всѣхъ сторонъ оцѣнили и представили ихъ собственной участи. Изрѣдка подвозили къ ихъ заставамъ провіантъ, при чемъ извозчики, сваливъ въ кучу свою поклажу, опрометью скакали назадъ и даже денегъ не брали, вполне довѣря чумнымъ обывателямъ, которые сполна бросали деньги за товаръ въ квасную гущу. Деньги отъ кислоты чернѣли, а народъ объяснялъ это явленіе силою эпидеміи и окончательно поддавался паническому страху. Въ города и села постоянно приходили извѣстія, иногда преувеличенныя, о смертныхъ случаяхъ. Рассказывали о проѣзжавшихъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, которые умирали почти внезапно. Такіе случаи дѣйствительно бывали. Тогда чумныхъ покойниковъ хоронили въ лѣсахъ и поляхъ вмѣстѣ съ телѣгами или санями. Погребавшихъ же запирали мѣсяца на полтора въ необитаемыя избы и строго охраняли ихъ. Въ это время къ заключеннымъ никто не входилъ и пищу подавали имъ, по сохранившемуся преданію, на длинныхъ шестахъ, устроенныхъ въ видѣ рогащей. Зараза была такая сильная, говорятъ наивныя мѣстные старожилы, что если кто притрогивался къ зачумленному трупъ какимъ нибудь острымъ орудіемъ, то видно было, какъ чумная чернота ползетъ вверхъ.

Едва ли не самое тяжелое впечатлѣніе на всю Шацкую провинцію произвелъ слѣдующій дѣйствительно замѣчательный случай.

Въ сентябрѣ 1771 года, по рѣкѣ Цнѣ плыло казенное судно съ арестантами подъ начальствомъ поручика Филиппова. Около села Высокихъ Полянъ это судно остановилось, такъ какъ командиръ его бѣжалъ въ Касимовъ и въ экипажѣ обнаружилась ужасающая смертность. Всѣ конвойные начальники умерли, изъ малочисленной команды выбыло 24 человѣка, арестантовъ погибло 120 человѣкъ. Мерли люди, докладывали объ этомъ происшествіи шацкому воеводѣ случайный командиръ казеннаго судна, гарнизонный солдатъ Балясниковъ, скоростижно и невѣдомою болѣзнію. По распоряженію воеводы Лопатина, караванъ задержали на 6 недѣль и прервали съ нимъ сношенія. Въ то же время былъ изданъ приказъ провинціальной канцеляріи, чтобы всѣ военныя и

арестантскія команды остановлены были въ поляхъ и чтобы они сами выстроили себѣ палатки и жили въ нихъ въ теченіи 6 недѣль, уклоняясь отъ всякаго общенія съ окрестными жителями ¹⁾. Ясно такимъ образомъ, что администрація сильно работала въ тяжкую шапку годину, но, конечно, она была безсильна...

Наибольшее количество умершихъ отъ чумы было въ городѣ Козловѣ. По преданію весь Козловъ во время эпидеміи былъ какъ бы мертвымъ городомъ. Всѣ обыватели сидѣли дома и боялись выходить на улицу. Только караульные расхаживали по городу, подходили къ домовымъ окнамъ и кричали въ извѣстномъ смыслѣ: ельникъ и можжевельникъ! А въ дома опасались входить. Тогда измученные смертнымъ страхомъ обыватели вспомнили Бога и понесли въ храмы Божіи свои жертвы. Шли въ церкви купеческія молодцы и несли туда свои украшенія, привѣшивая ихъ къ иконамъ Богородицы. Шли въ церкви крестьянскія труженицы и умилоствовали Бога самодѣльными холстами, которые онѣ навѣшивали на иконостасы, и полотенцами, которыми покрывались иконы. Болѣзнь однако не унималась, но за то и вѣра народная крѣпла и легче стало козловскому міру сносить это Божіе. Съ тѣхъ поръ городъ Козловъ славится по всей Руси своими богатыми церковными утварями и звучными колоколами.

На площадяхъ городскихъ стали воздвигаться каменные храмы, неуклюжей, но зато прочной архитектуры. Памятникомъ великаго народнаго бѣдствія 1771 года въ городѣ Козловѣ въ настоящее время служить соборная Покровская церковь, построенная гражданами въ складчину.

23 октября 1771 года, Козловскіе жители составили слѣдующій приговоръ, копію съ котораго мы приводимъ почти дословно:

«Города Козлова духовнаго и свѣтскаго чина жители, видя праведно отъ Бога посланный на градъ сей въ смертной извѣсти гнѣвъ, страшась онаго, напоминая каждый грѣхи свои и смиряя постомъ души—прибѣгаемъ къ помощницѣ рода христіанскаго—Богородицѣ. И отъ нынѣ да будетъ седмица сія отъ 24-го октября по 29-е постъ, а того дня свѣтелъ праздникъ Божіей Матери».

29 октября, Козловскіе жители устроили крестный ходъ вокругъ города. За крестами и иконами, за протоіереемъ Іоанномъ и духовенствомъ, шли всѣ обыватели; малыхъ дѣтей взрослые несли на рукахъ своихъ. Въ полѣ процессія остановилась и соборный протоіерей произнесъ послѣ уставнаго молитвословія слѣдующія трогательныя слова: «Владычица, утоли отъ насъ рыданіе слезъ и призри на смиреніе наше».

На другой день обыватели понесли куда слѣдуетъ свои умилоствительныя жертвы. Тяжкая бѣда сравняла сословія, званія и

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 453.

состояніи. Начиная съ Козловскаго воеводы, Михаила Карцова, и до послѣдняго работника всѣ граждане смирились и духовно покорились духовенству. «Созижди, Боголюбивая Царица, писали Козловцы въ извѣстномъ своемъ приговорѣ—храмъ нашъ подъ смотрѣніемъ служителя Твоего и отца нашего протоіерея Іоанна».

Козловская бѣда давно прошла. Давно уже состарились внуки свидѣтелей чумной заразы, но крестный ходъ въ память 1771 года и теперь происходитъ въ Козловѣ. Только поста, установленнаго прадедами, не исполняютъ правнуки.

Не въ одномъ Козловѣ общественная бѣда выразилась религиозно. Почти на всемъ пространствѣ Шацкой провинціи вмѣстѣ съ ея окрестностями люди очнулись и перекрестились, забыли свои мелкія и крупныя ссоры, забыли интересы всякаго хищенія и стали богомольными. Многіе помѣщики начали строить ружныя церкви и отпускать крестьянъ на волю, наприм. князь А. А. Долгоруковъ, а въ городахъ и богатыхъ селахъ возникли кладбищенскія церкви.¹⁾ Въ то же время принялись устраивать кладбища не ближе 100 сажень отъ жилья и рыть могилы глубиною въ 3 аршина. Кругомъ кладбищъ появились ограды и канавы.

Въ 1772 году, чума въ Шацкой провинціи прекратилась, но до самаго 1774 года чиповники разъѣзжали по уѣздамъ для наблюденія за исполненіемъ карантинныхъ мѣръ. Кругомъ селъ стояли караулы, а во дворахъ и на выгонахъ горѣли огни, курился ельникъ, деготь и навозъ. Всѣ эти мѣры предосторожности разомъ прекратились, какъ только пошли извѣстные тревожные слухи съ Поволжья. Такимъ образомъ одна бѣда смѣнила другую, и трудно сказать, какая изъ нихъ была горше для Шацкаго народонаселенія, и безъ того далеко не избалованнаго условіями жизни...

II.

Пугачевщина.

Шацкая провинція по своимъ бытовымъ условіямъ, порожденнымъ крѣпостничествомъ и бюрократизмомъ, представляла самый горячій матеріалъ для развитія пугачевщины. Иностранческіе элементы ея народонаселенія, татары, мордва и мещера, также далеко не отличались политической благонадежностію. Къ довершенію бѣды, военныя средства Шацкой провинціи въ 1774 году оказались въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что край застигнутъ былъ переворотомъ совершенно внезапно, врасплохъ. Шацкая крѣ-

¹⁾ Арх. дух. конс., № 21 за 1772 годъ.

пость, бывшая главнымъ оплотомъ цѣлой провинціи, разваливалась и грозила своимъ гнилыми бревнами, не бунтовщикамъ, а мирному городскому населенію, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ слѣдующій отзывъ Шацкаго воеводы Лопатина: «имѣется у насъ пздревле построенная дубовая крѣпость, которая нынѣ весьма ветха и мы опасеніе имѣемъ, чтобъ отъ той ветхой постройки не учинилось проходящему народу какого ущербу». Шацкая крѣпостная артиллерія представлялась тоже далеко не въ воинственномъ видѣ. Она состояла изъ 9 чугунныхъ пушекъ и 3 дробовиковъ, при чемъ крѣпкіе лафеты были только подъ тремя орудіями. Снарядовъ въ Шацкомъ арсеналѣ было не много и, въ случаѣ осады города, ихъ не хватило бы для защиты одной Шацкой крѣпости. Бомбъ было только 80, пушечныхъ ядеръ около 5000, фитило 8 пудовъ 25 фунтовъ¹⁾.

Гарнизонъ въ городѣ Шацкѣ въ 1774 году состоялъ изъ 12 унтеръ-офицеровъ разныхъ наименованій и 42 рядовыхъ при 17 офицерахъ. Кромѣ того въ составъ провинціальной инвалидной команды входили барабанщикъ и фельдшеръ. Изъ этого числа въ ружье могли стать только 50 человекъ, такъ какъ четыремъ солдатамъ не доставало ружей: они сгорѣли во время большого пожара въ іюлѣ 1769 года. Почти все шацкіе солдаты были люди хилые, худые и неумѣлые. «И тѣ инвалиды, доносило по командѣ провинціальное начальство—въ разсужденіи дряхлости и болѣзней пѣшкомъ итти не могутъ». Многіе изъ этихъ горемычныхъ солдатъ страдали слѣпотою, недержаніемъ мочи, килами и застарѣлыми ранами. Сверхъ того все они не получали жалованья и ходили оборванные. «Оскудѣли мы, жаловались они Воронежскому губернатору Шетневу—и дневной пищи намъ сварить не чѣмъ и припуждены будемъ, оставя свои дома, разойтись по разнымъ мѣстамъ».

Военныя силы другихъ городовъ Шацкой провинціи были не въ лучшемъ состояніи и отличались отъ Шацкаго гарнизона только сравнительною малочисленностію. Въ каждомъ уздномъ городѣ было по 27 человекъ рядовыхъ. Все они вооружены были еще въ 1763 году, и потому многія солдатскія ружья не стрѣляли уже. Шпаги тоже притупились и отчасти изломались. По поводу тревожныхъ слуховъ съ Поволжья и Яика негодныя ружья и шпаги отосланы были въ Воронежъ, гдѣ имѣлся оружейный мастеръ, на поправку, но тамошнія власти не слѣшили и оставляли Шацкихъ инвалидовъ безоружными. «Все готово, увѣдомляли они воеводу—точно везти не начемъ»²⁾.

При такихъ условіяхъ Шацкіе помѣщики начали готовиться

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 36.

²⁾ Тамъ же.

къ самооборонѣ. Они вооружили своихъ дворовыхъ и занялись обученіемъ ихъ военному искусству. На этомъ поприщѣ особенно отличился богатый владѣлецъ села Гагарина, Петръ Пашковъ, который ежедневно дѣлалъ своей дворнѣ военныя репетиціи и тревоги на случай нападенія пугачевцевъ. По сигналу съ барскаго двора всѣ гагаринскіе жители должны были бѣжать къ Пашковской усадьбѣ и занимать извѣстныя мѣста. При этомъ наблюдалась самая строгая военная дисциплина, за малѣйшее нарушеніе которой полагались тяжкія взысканія. Однажды, не смотря на сигналы тревоги, пономарь Федотъ Емельяновъ замѣшкался въ церкви. Отсутствіе его сейчасъ же замѣчено самимъ Пашковымъ и по этому поводу немедленно сдѣлано было такое распоряженіе. Ударили въ набатъ и собрали народъ около церкви. Сюда же привели провинившагося пономаря, высѣкли его арапниками и остригли ему голову ¹⁾.

Между тѣмъ по Шацкой провинціи стали ходить усиленные слухи о Петрѣ Федоровичѣ. Народная масса стала глухо волноваться и ждать истиннаго царя освободителя крестьянства. Первымъ пионеромъ пугачевщины въ Шацкомъ краѣ былъ фурьеръ Филипповъ, Саратовскій житель. Въ селѣ Тростянкахъ онъ разглашалъ такія вѣсти: «около Оренбурга собирается царское войско и самъ царь скоро объявится тамъ же». Филиппова схватили и привезли въ Шацкъ.

Слова Филиппова возымѣли свое дѣйствіе немедленно. Крестьяне Шацкаго уѣзда, Борисоглѣбскаго стану, насильно запахали помѣщичьи земли и вырубili всѣ заповѣдныя рощи. «Все теперь наше, говорили они—царь жалуетъ намъ всю землю».

Тогда съ цѣлю вразумленія простонародья въ городахъ и селахъ начали читать манифесты о Пугачевѣ. Священники читали ихъ съ церковныхъ амвоновъ, а провинціальныя чиновники, становясь на возвышенныя мѣста, оповѣщали народъ о самозванцѣ на базарахъ. «Наши вѣрные подданные, гласилъ извѣстный манифестъ—никогда не допустятъ себя уловить ни какими ухищреніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомыслящихъ людяхъ и не могущихъ насытить своей алчности иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови».

Вмѣстѣ съ манифестомъ императрицы вскорѣ обнародовали синодальное посланіе, въ которомъ Пугачевъ изображенъ былъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ чертахъ: «Отринувъ мысль о правосудіи Божіемъ, онъ ниспровергаетъ святыя алтари, расхищаетъ священныя сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ святыя храмы, звѣрскимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, изъ нечестія въ нечестіе. Сей есть созданный совѣстно... Православ-

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 8596.

ные христіане! онъ злодѣй отечества, онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь отъ него, а паче отвратите его злодѣйства».

Но толпа мало уже вѣрила представителямъ правительсва и шла своимъ роковымъ путемъ. Однажды майоръ Сверчковъ читалъ манифестъ на базарѣ въ селѣ Иржавинѣ. Многіе крестьяне столпились вокругъ него и по окончаніи чтенія смѣло сказали ему: «что ты ни читай и ни толкуй, а шила въ мѣшкѣ не утаишь». Въ это время по городамъ и селамъ Шацкой провинціи ходилъ извѣстный пасквиль. Начинался онъ словами: «пришло время искоренить дворянское лихоимство»... А оканчивался такъ: «въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Бывало и такъ, что правительственные чиновники сами принимали сторону Пугачева. Такимъ образомъ поступили прапорщикъ Васковъ, посланный въ Наровчатскій уѣздъ для увѣщанія волновавшихся дворцовыхъ крестьянъ. На мірскомъ сходѣ въ одномъ селѣ онъ произнесъ слѣдующія слова: «съ нынѣшняго года всѣмъ крестьянамъ государственныхъ податей платить не велѣно». Въ такомъ же духѣ дѣйствовалъ отставной сержантъ Ермоловъ и помѣщикъ Васильевъ. А нѣкоторые священники, наприм. села Гремячки, отецъ Иродіонъ, отказывались читать въ церквахъ правительственные манифесты и чрезъ это укрѣпляли въ темномъ народѣ вѣру въ Петра III. Отъ священниковъ не отставали и младшіе члены клира. Дьячекъ села Нестерова, Поповъ, весною 1774 года, по выходѣ изъ церкви, такъ говорилъ сопровождавшей его толпѣ: «въ Оренбургѣ поднимаются царскіе люди и хотятъ перевести весь дворянскій корень». Слова эти такъ взволновали народъ, что онъ вернулся въ церковь и принудилъ духовенство служить молебень о здравіи царя Петра Θεодоровича ¹⁾.

Нѣкоторые духовные поступали еще рѣшительнѣе. Они открыто объявляли себя сторонниками Пугачева и именемъ его набирали разбойничьи шайки. Такъ поступили села Рузановки попъ Василій Филипповъ да Астраханскій попъ Федоръ Ивановъ. Съ шайкою въ 16 человекъ они учинили разбой въ домѣ майора Сергѣя Львова въ селѣ Кудринѣ. Самъ Львовъ успѣлъ во время спастись, но за то лишился всего своего недвижимаго имущества. Въ то же время, села Долгоруковщины попъ Андрей Васильевъ такъ обратился къ крестьянамъ своего прихода: «Примите меня къ себѣ и я буду у васъ за атамана».

Такимъ образомъ, положеніе Шацкаго края принимало грозный и анархическій характеръ. Многіе шацкіе крестьяне, забирая жонъ, дѣтей и пожитки, ночнымъ временемъ бѣжали на Волгу, въ Бузулуцкія и Донскія степи и на Ахтубенскіе заводы. Тогда мѣстное дворянство, съ разрѣшенія правительства, приняло

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 8700.

противъ бунта усиленные мѣры. Оно сформировало для разбѣдовъ конный отрядъ въ 500 человекъ, подъ начальствомъ полковника Брюхатова, причемъ менѣе храбрые помѣщики выѣхали изъ своихъ имѣній въ города и столицы. Тогда же Воронежскій губернаторъ, Шетневъ, подкрѣпилъ слабые шацкіе гарнизоны военными командами, общая численность которыхъ далеко не доходила до 1,000 ружей. «И таковыми командами, жаловался шацкій воевода, въ искорененіи тѣхъ злодѣевъ исправиться никакъ не можно».

Въ апрѣлѣ 1774 года Пугачевщина проникла и въ Шацкую провинцію. Самъ Пугачевъ, какъ извѣстно, не дошелъ до нашего края. Въмѣсто него у насъ дѣйствовали слѣдующія лица: Львовъ, Евстратовъ и Кирпичниковъ, не считая мелкихъ пугачевцевъ. Первые двое именовались царскими полковниками, а послѣдній—директоромъ. Изъ нихъ болѣе виднымъ дѣятелемъ былъ Львовъ, въслѣдствіи разбитый подъ Царицынымъ и взятый въ плѣнъ.

Съ началомъ пугачевщины во многихъ уѣздахъ шацкой провинціи пріостановились наборъ рекрутовъ и сборъ податей. Въ присутственныхъ мѣстахъ, наиболѣе взволнованныхъ городовъ, перестали заниматься дѣлами. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне бросили работу, и хлѣбъ стоялъ въ полѣ безъ всякаго призора. «И сталъ сушій голодъ и ходили люди по чужимъ дворамъ и отымали хлѣбъ — писала шацкая провинціальная канцелярія. ¹⁾ Въ восточныхъ шацкихъ уѣздахъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Пензенской губерніи, вся чернь взбунтовалась и отъ того бунтованія на торги выѣзжать стало не можно. Духовенство въ церквахъ молилось о здравіи великаго государя Петра Ѳеодоровича, а на сельскихъ сходкахъ шли шумные разговоры о томъ, что отнынѣ всѣ земли, лѣсныя угодья, луга и рыбныя ловли—общее владѣнье. Въмѣстѣ съ тѣмъ, начались варварскія убійства. Помѣщиковъ убивали въ домахъ собственные ихъ крестьяне, а иногда, опьяненные кровію и безнаказанностію, эти крестьяне шли по окрестнымъ мѣстамъ и все на пути своемъ жгли огнемъ и били смертнымъ боемъ. Они вѣшали цѣловальниковъ, сборщиковъ податей, лихихъ управляющихъ-нѣмцевъ, приказчиковъ и старостъ. Отъ погрома спасались только люди завѣдомо добрые и жалостливые, остальныхъ народная расходившаяся масса не щадила, въ порывахъ звѣрства истребляя вмѣстѣ съ ними и ихъ малыхъ дѣтей... Въ іюнѣ 1774 года, шацкіе крестьяне въ компаніи съ пришлыми пугачевцами начали грабить кабаки. Чего не выпивали, то выливали на улицы. Выручку дѣлили между собою. Страшная народная драма захватила всю Шацкую провинцію и вышла изъ ея предѣловъ, направляясь по Хопру къ самому Воронежу.

Пугачевскія шайки шли въ Шацкій край съ береговъ Волги,

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 137.

преимущественно съ Симбирской стороны, и состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и пушками. Путь ихъ ознаменованъ былъ убійствами и грабежами. Въ Керенскомъ уѣздѣ злодѣи повѣсили бригадира Костливцева и пожитки его всѣ безъ остатку пограбили. При этомъ жена Костливцева съ малолѣтнею дочерью была спрятана крѣпостными крестьянами въ тайномъ мѣстѣ. Въ селѣ Туркахъ участи Костливцева подверглась помѣщица Лукерья Мерлина. Въ деревнѣ Балакиревой пугачевцы убили помѣщика Мосолова, въ селѣ Перевозѣ—Чулкова, въ Тростянкѣ—Пестова, въ Кудюкахъ—Стахонова. Въ селѣ Никольскомъ повѣшенъ былъ поручикъ Тенишевъ, а взрослая дочь его насильно повѣнчана была съ однимъ дворовымъ парнемъ. Изъ этого села мятежники прошли въ деревню Беклемишевку и повѣсили тамъ прикащика Петрова со всею его семьею. Въ это время къ шайкѣ присоединился одинъ дворовый, по имени Антонъ Кузьминъ, и направилъ ее на село Кривую Луку, гдѣ проживалъ помѣщикъ Любавской, который тоже не избѣгъ своей участи.

Мы не можемъ назвать именъ всѣхъ шацкихъ дворянъ, убитыхъ пугачевцами. Знаемъ только, что ихъ было слишкомъ много, потому что, въ 1775 году, въ Шацкѣ и Тамбовѣ пріѣзжали изъ Петербурга чиновники, которые составляли списки дворянскихъ спроть, оставшихся по смерти убитыхъ родителей, раздавали имъ денежныя пособія и выбирали имъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго удѣлѣвшаго дворянства.

Пока собирались военныя команды, пугачевцы дѣйствовали на всей своей волѣ и наводили ужасъ даже на города. Темниковскій воевода, надворный совѣтникъ Неѣловъ, такъ напуганъ былъ молвою о пугачевскихъ силахъ и объ ихъ жестокости, что прогналъ изъ Темникова всѣхъ спрятавшихся тамъ дворянъ, а самъ съ командою убѣжалъ по Московской дорогѣ. Проходя мимо Шацка вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Сельвачовымъ, секретаремъ Мыльниковымъ и инвалидною командой, Неѣловъ ѣхалъ съ обнаженною саблей, причемъ барабанщикъ билъ тревогу и походъ. Въ то же время военная команда города Троицка въ полномъ своемъ составѣ сдалась бунтовщикамъ. Одинъ только Троицкій воевода Столповской остался вѣренъ своему долгу и за это погибъ мученическою смертію, подобно Инзарской инвалидной командѣ, которая предпochла смерть измѣнѣ. Изъ Троицка пугачевцы пошли на Краснослободскъ и встрѣчены были тамъ іеромонахомъ Палсіемъ съ церковною церемоніей, но, несмотря на то, городскія деревянныя укрѣпленія были сожжены, а воевода Селунскій и секретарь Тютрюмовъ побиты были изъ ружей до смерти, казна взята, архивъ порванъ и перемѣшанъ и отъ того весь городъ былъ въ великомъ страхѣ и всѣ жители онаго ожидали

смерти ¹⁾. Были пугачевскія шайки и въ Нижнемъ Ломовѣ. Здѣсь ихъ встрѣтили всенародно и съ большимъ почотомъ. Самъ архимандритъ Казанскаго Нижнеломовскаго монастыря, Исаакій, съ четырьмя іеромонахами и двумя іеродиаканами вышелъ съ крестомъ и иконами на встрѣчу къ царскому полковнику. Съ городскихъ колоколенъ раздавался звонъ, по улицамъ толпился народъ съ непокрытыми головами.

Ждали пугачевцевъ и въ самомъ Шацкѣ, и была тамъ по этому случаю великая тревога. «Жители города Шацка, писалъ прокуроръ Селиховъ, пришли въ робость и великое смущеніе, ибо къ тому бунту многіе окрестные жители наклоняются». Въ особенности Шацкіе обыватели перепугались въ то время, когда воевода Лопатинъ выѣхалъ изъ города якобы для покупки артиллерійскихъ лошадей, несмотря на протестъ прокурора. Тогда въ провинціальной канцеляріи началась усиленная дѣятельность. Сосѣднимъ дворянамъ предложено было вооружиться и явиться въ Шацкъ для его защиты. Въ окрестныхъ селахъ набрали крестьянскую команду въ 300 человекъ, преимущественно изъ жителей селъ Чернѣва, Княжова и Покровскаго. Плѣнныхъ турокъ и колдниковъ отправили въ безопасныя мѣста. Казну вывезли въ Москву. По городу наскоро разставили рогатки и учредили дневные и ночные караулы и разъѣзды отъ воровскихъ людей. Жителямъ воспрещено было пѣть пѣсни. Наступило тягостное затишь. Однако гроза миновала Шацкъ.

Въ это время, прикрываясь именемъ Пугачева, многіе воровскіе люди разбойничали по Окѣ въ окрестностяхъ Елабьмы и совершали величайшія звѣрства. Однажды плыло тамъ судно купца Калашникова. Разбойники остановили его и закричали экипажу: «ложись!» Всѣ со страху легли на палубѣ. Тогда они отрѣзали у рабочихъ по лѣвому уху, захватили всѣ деньги и скрылись ²⁾.

Мѣстные архивы далеко не изображаютъ полной картины пугачевского движенія въ Шацкой провинціи. До настоящаго времени тамъ сохранились только отрывочные эпизоды, которые мы и представляемъ вниманію читателей.

1-го августа 1774 года, въ городъ Керенскъ прибылъ вахмистръ Фельшманъ съ 12-ю солдатами. По случаю базара въ городѣ былъ большой съѣздъ сосѣднихъ крестьянъ. Къ нимъ-то собственно и пріѣхалъ Фельшманъ въ качествѣ посла императора Петра III. «Гнался я за Инзарскимъ воеводою Болдыревымъ, говорилъ онъ народу, потому что тотъ Болдыревъ государевъ казенный воръ и измѣнникъ». Толпа обступила его и стала разспрашивать о здоровьѣ царя-батюшки. Съ базарной площади весь народъ, бро-

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 3,093.

²⁾ Тамъ же.

свивши свои торговые дѣла, подъ предводительствомъ Фельшмана, пошолъ къ воеводѣ Перскому, который, повидимому, ничего не зналъ о случившемся. Перепуганный воевода вышелъ на улицу. Здѣсь подошолъ къ нему мнимый царскій посолъ и потребовалъ его содѣйствія. «Если ты мнѣ поможешь, сказалъ онъ, поймать государева измѣнника, то будетъ тебѣ отъ Петра Федоровича дано 150 рублей». Перскій началъ отговариваться неимѣніемъ команды, тогда его взяли подъ караулъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Корольковымъ заперли въ приказной избѣ. Послѣ этого Фельшманъ обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: «молитесь за многолѣтнее царское здравіе. Отнынѣ не будетъ у насъ платежа подушныхъ денегъ и рекрутскихъ наборовъ 10 лѣтъ, а соль будемъ продавать по 2 гривны пудъ. И если городъ Керенскъ царю не покорится, то 9 человѣкъ будетъ онъ бить плетми, а десятого вѣшать» ¹⁾. Весь базаръ отвѣчалъ на эти слова шумными изъявленіями вѣрнопоподданнической преданности. Съ этого момента началось усиленное и даровое пьянство, всѣ кабацкія двери растворились настежь, выкатывались оттуда бочки съ виномъ и пошло разливанное море.

Изъ Керенска Фельшманъ поѣхалъ въ села Веденяшино и Шелданскъ, взбунтовалъ тамъ крестьянъ, а помѣщиковъ Мачинскаго и Охлебинина увезъ съ собою къ атаману Евсеѣву въ Наровчатъ. Въ награду за всѣ эти подвиги Фельшманъ получилъ отъ Евсеѣва императорскимъ именемъ шолковый кушакъ и вороного коня.

Замѣчательна судьба Фельшмана. Сначала онъ не думалъ измѣнять законному правительству. Но вотъ пришли къ нему выборные отъ города Инзара, объявили о бѣгствѣ мѣстнаго воеводы и велѣли ему воротить его, угрожая за неисполненіе ихъ требованія повѣшеніемъ. Старикъ вахмистръ (ему было тогда 70 лѣтъ) поневолѣ покорился городскимъ обывателямъ и въ недоумѣніи выѣхалъ въ погоню за бѣглецомъ — воеводою. Дорогою, видя всеобщее замѣшательство, онъ убѣдился, что Пугачевъ — царь и открыто сталъ дѣйствовать въ его пользу. Во всѣхъ селахъ по дорогѣ въ Керенскъ шла усиленная попойка и казенная соль раздавалась жителямъ даромъ. Пьяные крестьяне кричали ура великому государю. По столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ тянулись пугачевцы, захватившіе самый городъ Инзаръ и назначившіе тамъ воеводою майора Тенишева...

Много въ это время погибло Керенскихъ помѣщиковъ отъ разгуливавшагося казачества и крестьянства. Дикіе крѣпостные порядки откликнулись не менѣе дикими оргіями народнаго самосуда. Тогда уцѣлѣвшіе отъ разгрома мѣстные дворяне потянулись въ Керенскъ

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 366.

подъ защиту его старинныхъ деревянныхъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія давно уже были гнилыя и потому спасавшееся дворянство затворилось въ городской соборной церкви. При этомъ наиболѣе храбрые помѣстились внутри церковной ограды и вооружились чѣмъ попало. На соборную колокольню втащили нѣсколько маленькихъ крѣпостныхъ пушекъ.

Пугачевцы, подъ начальствомъ полковника Евсеѣва, появились въ виду Керенска 7-го августа. Около полудня они уже штурмовали крѣпость, но были отбиты инвалидами и обывателями. Въ особенности неудаченъ былъ пугачевскій приступъ 8-го августа. Третій и послѣдній штурмъ города Керенска происходилъ 17-го августа. На этотъ разъ защитники города поколебались, поэтому мятежники ворвались въ Керенскъ и разорили его, а городовую крѣпость выжгли и ограбили. До вечера перевѣсъ былъ на сторонѣ Евсеѣва. Въ это время почти всѣ пугачевцы, опьяненные удачею и даровою водкою, уже не способны были къ серьезному бою, вслѣдствіе этого горожане устроили изъ соборной ограды вылазку и снова началось побоище. Особенною храбростію при этомъ случаѣ отличились церковники, которые за это впослѣдствіи освобождены были отъ разбора. Керенскимъ героемъ 17-го августа былъ пономарь Трофимъ Филипповъ, какъ это видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему воеводою и дворянами: «Пономарь Филипповъ тѣхъ бунтовщиковъ усердно поражалъ, такъ что оныя шайки были опрокинуты и въ бѣгство обращены, а многихъ, притомъ, изъ оныхъ бунтовщиковъ и живыхъ поймано» ¹⁾.

Объ этомъ подвигѣ керенскихъ защитниковъ доведено было до свѣдѣнія императрицы Екатерины и 1-го ноября 1774 года послѣдовалъ такой высочайшій указъ: «Керенскимъ канцелярскимъ служителямъ за оказанное ими усердіе при защитѣ города отъ нападенія злодѣйскихъ шаякъ дать по одному чину. А воеводѣ Перскому и секретарю Королькову выдать не въ зачетъ годовое жалованье».

Пугачевцы одновременно дѣйствовали на многихъ пунктахъ Шацкой провинціи. Проникли они и въ Темниковскій уѣздъ, гдѣ повѣсили депутата Еникѣва. Въ Темниковской Саровской пустыни доселѣ сохраняется краткое лѣтописное сказаніе объ этихъ смутныхъ временахъ.

«Саровская пустынь, говоритъ неизвѣстный лѣтописецъ, была въ великой опасности отъ злодѣевыхъ шаякъ, ибо нѣкоторые сосѣди оной, а наипаче татары, приходя въ обитель къ о. строителю за деньгами и не получая оныхъ, хвалились, если не будетъ имъ дано, то приведутъ они для разоренія Сарова пугачевскія партіи. А притомъ тѣ татары укоряли братію, зачѣмъ она охра-

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канцл., № 948 (паряды).

няетъ въ своихъ лѣсныхъ дачахъ и въ поселяхъ господъ Татищевыхъ, Наумовыхъ и прочихъ дворянъ: поите де и кормите государевыхъ злодѣевъ и напугаете ихъ пищею».

9-го августа пугачевцы заняли и разграбили городъ Темниковъ. Въ это время толпа встрѣтила ихъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ жалобами на саровскихъ монаховъ—измѣнниковъ новаго государя. Благосклонно выслушавъ толпу государевъ полковникъ и обѣщавъ разобрать дѣло. Между тѣмъ, онъ освободилъ всѣхъ колодниковъ, роздалъ народу казенную соль безъ вѣсу и безденежно, а на другой день мятежники пошли на казенный винокуренный заводъ, находившійся недалеко отъ Темникова, и въ домѣ тамошняго управляющаго перебели и переломали мебель и посуду, печи, полы и стекла. Ждала и Саровская пустынь своей очереди.

«Такія злоприключенія, продолжаетъ саровскій лѣтописецъ, стали вѣдомы отцу строителю Ефрему и братіи и пришла вся обитель въ великое смущеніе. И пришедши къ о. строителю всѣ просили отъ него въ такомъ преопасномъ случаѣ отеческаго наставленія. Онъ же далъ наставленіе таковое: младыхъ и среднихъ лѣтъ иноковъ благословилъ скрыться на такое злое время, а какъ пройдетъ гнѣвъ божій—паки возвращаться въ обитель. Братія же, услыша такое рѣшеніе, паки спросила: если въ бѣгствѣ семъ кто убиенъ будетъ, будетъ ли за то душевная польза? И отвѣчалъ строитель Ефремъ: кто убиенъ будетъ—получить отъ Бога мученическій вѣнецъ. А престарѣлой братіи сказалъ онъ: а мы старцы останемся во обители, намъ уже приходитъ время умирать, умирать же все равно, отъ болѣзни или отъ другого чего. И сими словами благоразумный старецъ всю братію приготовилъ къ наступившему многобѣдственному времени».

Послѣ этого, всѣ монастырскія сокровища спрятаны были въ сокровенныя мѣста. Монахи разбрелись по лѣсу, а иные удалились въ Арзамасъ въ тамошній Высокогорскій монастырь. «И сталъ Саровъ пустъ, замѣчаетъ лѣтописъ, а какъ пришолъ вечеръ, то отъ той пустоты и страшень».

Прошла цѣлая недѣля томительнаго страха. Съ часу на часъ саровскіе старцы ждали пугачевского шествія и дождались, наконецъ, полковника Архарова, который съ донскими казаками вступилъ въ Саровскую пустынь 16-го августа.

«Тѣмъ и окончилось, заключаетъ лѣтописецъ, угрожавшее здѣшней обители разореніе и истребленіе, о чемъ да будетъ слава Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ, Аминь».

Изъ Темникова пугачевская шайка прослѣдовала въ Шацкій и нынѣшній Моршанскій уѣзды. На пути къ ней присоединились крестьяне изъ вотчинъ графа К. Г. Разумовскаго, которые сѣли на коней и прозвались государевыми уланами. Въ селѣ Рязѣ

пугачевцы собрали сходъ и заставили мѣстнаго священника приводить всѣхъ къ присягѣ. Отсюда потянулись они на Хоперь и Ворону. Шествіе ихъ было самое торжественное. Многіе мятежники ѣхали въ каретахъ и бричкахъ, взятыхъ въ ограбленныхъ барскихъ усадьбахъ.

10-го августа 1774 года, пугачовская партія, дѣйствовавшая независимо отъ вышеуказанной, посѣтила село Жуково, нынѣшняго Спасскаго уѣзда. Объ этомъ происшествіи мѣстный причтъ такъ доносилъ епархіальному архіерею.

«Прошлаго 10-го августа справляли мы въ церкви Божіей все-нощное бдѣніе и въ то время наѣхала въ наше село государственнаго злодѣя Пугачева воровской толпы партія. И того села Жукова помѣщницы Жуковой крестьянинъ Акимъ Афанасьевъ, да дворовый челоувѣкъ Симонъ Родіоновъ, собравъ изъ околныхъ селъ и деревень многолюдство, внезапнымъ случаемъ вошли въ церковь и закричали необычно: иди, попъ, для встрѣчи царскаго войска, а если не пойдешь, то казаки изрубятъ тебя въ мелкія части. И отъ того мы много ихъ уговаривали и спорили, точно по окончаніи всеобщаго бдѣнія оные Афанасьевъ и Родіоновъ, ухватя насъ сильно, не дали разоблачиться и повелѣли навстрѣчу той пугачевской партіи. Они же взяли два образа и велѣли звонить. А мы, убоясь такового страху и неповинной смерти, встрѣчу имъ учинили близъ нашей казанской церкви. Тогда же въ той нашей церкви имѣлась подполковница Смагина съ сыномъ и укрылась во оной, злодѣи же поѣхали къ ней въ домъ и все погромили, а мы именованные, возвратясь въ алтарь, бѣжали оттуда въ поля и пробыли тамъ дотолѣ, пока злодѣи не выѣхали изъ того нашего села».

Въ это время священникомъ въ селѣ Жуковѣ былъ Стефанъ Тимофеевъ. Впослѣдствіи, когда въ Шацкой провинціи началась правительственная расправа, и онъ, и всѣ члены его причта были отрѣшены отъ мѣстъ и подвергнуты розыску въ провинціальной канцеляріи и церковному запрещенію. Такимъ образомъ послѣдняя была горша первыхъ...

Изъ Спасскаго уѣзда пугачевская партія потянулась на Кирсановъ и Тамбовъ, гдѣ ихъ давно уже поджидало взволнованное крестьянство. Во все лѣто 1774 года, по свидѣтельству шацкихъ архивныхъ источниковъ, тамошніе дворовые и крѣпостные крестьяне чинили разореніе, грабительство и смертоубійство. Въ сентябрѣ пугачевцы вошли въ Кирсановъ и въ села Уметъ, Репьевку и Скочловку. Здѣсь они немалое число разныхъ чиновъ людей застрѣлили и дротиками скололи. Дорогою попадались имъ малочисленныя воинскія команды, но они ихъ разбивали или же брали въ плѣнъ. Такъ, въ сентябрѣ 1774 года, около села Умета, офицеръ съ командою провожалъ разбой-

нищкую партію въ 30 человѣкъ. Въ это время налетѣли на него государственные злодѣи, его и пять человѣкъ солдатъ застрѣлили, а остальную команду и арестантовъ захватили съ собою. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ пугачевцевъ находилось не мало турецкихъ плѣнныхъ, которые прилѣплялись къ злодѣю самовольно.

21-го августа, значительная пугачевская шайка остановилась въ пяти верстахъ отъ извѣстнаго богатаго села Разказова. То мѣсто и теперь туземцы называютъ бездушнымъ кустомъ. Тамъ партія стала лагеремъ и въ свободное отъ попойекъ и военного ученія время занималась вѣианіемъ помѣщиковъ, духовныхъ и сельскихъ властей. Наконецъ, мятежники пошли на самое Разказово, гдѣ въ то время были суконныя фабрики Тулинова и Олесева. Хозяева съ почетомъ встрѣтили толпу и принялись ее угощать, но это была хитрая ловушка. Лишь только пугачевцы напились, какъ фабричныя мастеровые, заранѣе подговоренные, приняли ихъ бить смертнымъ боемъ и вазать для представленія въ тамбовскую провинціальную канцелярію. При этомъ у мятежниковъ отнято было нѣсколько пушекъ, которыя долго послѣ того служили украшеніемъ тамбовскаго фабричнаго села. Куда въ настоящее время дѣвались эти памятники фабричной доблести, намъ неизвѣстно. За справками по этому поводу обращались мы посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей къ разказовской фабричной администраціи, но отвѣта нѣтъ и его не ждемъ мы, такъ какъ большинство нашихъ комерсантовъ всего менѣе интересуется наукою, предпочитая ей рабское служеніе золотому тельцу.

Въ числѣ плѣнныхъ пугачевцевъ, пойманныхъ въ селѣ Разказовѣ, оказались дворяне: поручикъ Петръ Семеновъ, ротмистръ Брюхатовъ и недоросли Филипповъ и Мартыновъ. Въ тамбовской провинціальной канцеляріи первый такъ показывалъ: «пзъ дома моего по разграбленіи онаго взять я былъ разбойническою партіею по неволѣ. Хотя же и чинилъ я отъ тѣхъ злодѣевъ побѣги и укрывательства, но токмо бывалъ пойманъ и зато сѣченъ былъ плетью неоднократно и угроживали мнѣ смертію. Почему, когда оныя разбойники устраивались для сраженія, я скрылся въ лѣсу и оружія при мнѣ не было и такъ былъ я пойманъ» ¹⁾.

Пока всѣ эти событія происходили въ Разказовѣ, жители города Тамбова, отстоящаго отъ злополучнаго села въ 30 верстахъ по большой дорогѣ, перебирались съ пожитками своими въ сосѣдній Ценскій лѣсъ. Но скоро они вернулись домой и были свидѣтелями казней, которыя совершались надъ пугачевцами вблизи Тамбова на такъ-называемомъ Кривомъ мосту.

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 3,093.

Мы указали болѣе замѣтные факты изъ эпохи пугачевщины въ предѣлахъ Шацкаго края. Но это далеко не все, что слѣдовало бы сказать на данную тему. Тяжкая шацкая година прошла сравнительно глухо, масса народныхъ бѣдствій не занесена въ мѣстные лѣтописи и ни кому вполне не вѣдомы всенародныя русскія слезы, въ шацкихъ архивныхъ документахъ смутно говорится о томъ, что пугачевскія партіи захватили почти все уѣзды Шацкой провинціи, что въ селахъ и городахъ бывали они недолго, стремясь впередъ и впередъ, и вездѣ оставляли по себѣ страшную память. Тѣ воровскіе люди, говорятъ шацкія официальные записки, сѣкли многихъ людей плетями и жгли огнемъ и били кистенями и пожитки безъ остатку грабили. Сравнительно долго оставались пугачевцы въ слѣдующихъ селахъ Шацкой провинціи: въ Атиуревѣ, Кочетовкѣ, Тростянкѣ, Бѣлорѣчѣ, Кириловѣ, Сядемкѣ, Красной Дубровѣ и Караѣ. Въ городѣ Спасскѣ они забрали бездѣжно все казенныя питія и денежную казну пограбили и множество людей повѣсили. То же самое сдѣлали они въ селахъ Кармалейкѣ, Егановкѣ, Зарубинѣ, Виндреевскомъ заводѣ, Анаевѣ, Каргашинѣ и многихъ другихъ селахъ. Во всехъ этихъ мѣстахъ пугачевцы служили благодарственные молебны и въ знакъ радости и побѣды стрѣляли съ церковныхъ папертей изъ ружей. Ходили они по шацкимъ уѣздамъ партіями человекъ въ 500, а вожаками были у нихъ самозванные царскіе офицеры, между которыми выдѣлялись пономарь села Высокаго, Саватій Марковъ, и мордвинъ Родіонъ Филипповъ. Между прочимъ мятежники проникли и въ Вышенскую пустынь и ограбили тамъ соборную церковь. Монаховъ однако они не тронули. Главную силу мятежныхъ партій представляли колодники, присоединившіеся къ царскому войску во время разоренія городовъ. Изъ Вышенской пустыни пугачевцы поплыли по рѣкамъ Вышѣ и Цнѣ въ Елатомскій уѣздъ, гдѣ разбили они стеклянный заводъ купца Коржевина. Дорогою, выходя на берегъ, мятежники собирали окрестное духовенство, заставляли его служить молебны и молиться о здравіи царя Петра и его христіанскаго воинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чинили судъ и расправу надъ дворянами. Такъ, въ селѣ Никольскомъ они падали на усадьбу помѣщика Рѣткина, у котораго укрылись все его ближайшіе сосѣди, и всехъ ихъ вмѣстѣ съ хозяйномъ захватили съ собою. Что потомъ было съ этими несчастными—мы не знаемъ. Но кажется—пугачевцы ни кого не щадили... Въ это время мятежною шайкою предводительствовалъ однопорецъ Стерлиговъ. Это были замѣчательно жестокій человекъ, путь котораго ознаменованъ былъ убійствами и пожарами, при чемъ не было пощады и ни въ чемъ неповиннымъ казеннымъ и обывательскимъ лѣсамъ. Въ толпѣ Стерлигова находилось много плѣнныхъ турокъ и черкасъ, атаманы которыхъ Шевченко получилъ уже позволеніе отъ самого Пугачева

строить въ Темниковскихъ, Кадомскихъ и Каренскихъ юртахъ казацкія крѣпости.

Ждали пугачевцевъ и въ Кадомѣ и городская толпа, не боясь приказныхъ чиновъ, громко и сочувственно поговаривала о Петрѣ III-мъ. Однажды къ кадомской тюремной избѣ подошелъ крестьянинъ Слѣпцовъ и говорилъ колодникамъ: «молитесь Богу, скоро всѣмъ вамъ будетъ выпускъ и то учинить самъ государь». Въ числѣ колодниковъ былъ дьячекъ Игнатовъ. Увидаль онъ послѣ того кадомскаго протопопа и въ окно закричалъ ему: «скоро придутъ сюда царевы люди и я упрошу ихъ тебя повѣсить».

Между тѣмъ, осенью 1774 года, въ Шацкую провинцію начали вступать сильныя правительственныя команды изъ отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. Нѣкоторыя изъ нихъ прошли дальше, на востокъ, другія же остались у насъ, напримѣръ гусары Древица, донскіе полки Ребрикова и Янова, баталіоны Нарвскаго и Великолуцкаго полковъ и весь Ладожскій полкъ. Вскорѣ прибылъ въ Шацкъ и самъ П. И. Панинъ, а 2 октября въ провинціальной канцеляріи получено было официальное увѣдомленіе о совершенномъ истребленіи и поимкѣ государственнаго злодѣя, боготетупника и бунтовщика Пугачева. Тогда началось быстрое усмиреніе края и жестокое возмездіе. Для устрашенія взволнованнаго народа, во всѣхъ селахъ Шацкой провинціи поставлены были висѣлицы, глаголи и колеса. Подозрительныхъ крестьянъ безъ суда били плетми и сдавали въ солдаты, а женъ и дѣтей ихъ подвергали долговременному тюремному содержанію. На сѣченіе разныхъ людей не хватало плетей и всѣ воеводскія канцеляріи озабочены были усиленнымъ ихъ изготовленіемъ. Не хватало такъ же кандаловъ для безчисленныхъ колодниковъ, и потому всѣ Шацкой провинціи кузнецы завалены были спѣшною работою съ платою по рублю за экземпляръ. Въ то же время были случаи самыхъ пысканныхъ пытокъ и казней. Приверженцамъ Пугачева отрѣзали уши и рубили пальцы, которыми тѣ злодѣи Пугачеву присягали. Иногда военная команда вступала въ бунтовавшее село и казнила жителей его по жребію, при чемъ на глаголяхъ вѣшали преступниковъ за ребра, или же колесовали и четвертовали ихъ... Такимъ образомъ, ужасы дикаго возстанія смѣнились не менѣ свирѣпыми оргіями правительственной расправы. По всѣмъ шацкимъ трактамъ началась гоньба правительственныхъ курьеровъ и другихъ официальныхъ лицъ, крайне стѣснявшая мѣстныхъ обывателей. Такъ, крестьяне села Бокового Майдана жаловались: «въ самую рабочую пору мы всѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, денно и ночью содержимъ бекеты и почты и оставили хлѣбопашество и разорились. И тѣмъ Е. С. графъ П. И. Панинъ привелъ насъ и нашихъ лошадей гоньбою въ крайнюю худобу». При этомъ нѣкоторыя команды вели себя въ шацкихъ селахъ и деревняхъ, какъ

въ непріятельской землѣ. Грабежи казацкаго хорунжаго Григоренкова были таковы, что всѣ дворяне района его воинскихъ подвиговъ принуждены были составить о нихъ особый протоколъ и представить его высшему правительству. Самъ полковникъ Ребриковъ, какъ жаловался на него управляющій князя Долгорукаго, произвелъ опустошеніе въ помѣщичьемъ домѣ села Вячки. А офицеръ Богдановичъ, ходя по воеводской канцеляріи въ городѣ Борисоглѣбѣ, съ великою пышностію и гордостію махалъ тростию и приговаривалъ: а я не иначе съ кѣмъ равняюсь, какъ съ генераломъ. Тогда наступила величайшая и повсемѣстная бѣдность въ Шацкой провинціи. «Въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, писала Краснослободская воеводская канцелярія, экономическихъ сборовъ въ приходѣ ничего быть не имѣлось». Изъ другихъ мѣстъ поступали заявленія такого рода: «отъ того государственнаго злодѣя приключилось всѣмъ крайнее разореніе и податей взыскать не съ кого». Больше всѣхъ пострадали, конечно, крестьяне, но и помѣщикамъ было не легко. Многие изъ нихъ жаловались: «съ того разоренія ни какого имущества у насъ не имѣется и всѣ люди разбѣжались, а иные люди наши отпущены кормиться милостынею».

Особенно тяжело пугачевская эпоха отозвалась на шацкомъ приходскомъ духовенствѣ. Во многихъ шацкихъ приходахъ, какъ извѣстно, причты встрѣчали мятежниковъ съ церемоніею. Такъ поступали наши священнослужители, спасая свою жизнь, и особенно винить ихъ за это не хватаетъ духу, потому что по своему развитію они были въ большинствѣ тѣ же крестьяне. Священникъ села Тарадѣй, Иванъ Андреевъ былъ даже изъ крѣпостныхъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ шацкіе духовные не были героями, но кажется не были и преступниками. Тѣмъ не менѣе ихъ подвергли суровой карѣ. Графъ П. И. Панинъ раздѣлилъ ихъ на три категоріи. Къ первой принадлежали тѣ, которые добровольно встрѣчали пугачевцевъ. Этихъ было меньшинство. Ко второй и самой многочисленной категоріи, отнесли тѣхъ священнослужителей, которые не бѣжали отъ мятежныхъ шаекъ и пассивно покорялись обстоятельствамъ. Наконецъ, въ третью категорію попали такіа лица, которыя бѣжали изъ своихъ приходовъ, но случайно и по принужденію оказывались въ средѣ бунтовщиковъ, причемъ не имѣли мужества противиться движенію. Самыя суровыя наказанія достались первой категоріи. Священниковъ лишали сана съ пристрастіемъ допрашивали и сдавали въ солдаты или на каторгу. Послѣднія двѣ категоріи были относительно помилованы, то-есть освобождены отъ ссылки и солдатчины, но все-таки лишены сана. Тогда по всей епархіи (Тамбовской и Пензенской) открылось великое горе и рѣдкое духовное семейство не оплакивало всеконечнаго своего разоренія. Въ починковской волости попали подъ судъ 35 причтовъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ неподсуднымъ духовнымъ лицомъ

оказался одинъ только дьячекъ, имени котораго мы не знаемъ. Цѣлыя сотни духовныхъ сдѣлались жертвами пугачевского движенія. Имена этихъ невольныхъ страдальцевъ большею частию намъ неизвѣстны, но самое число ихъ свидѣлствуетъ о той массѣ чело-вѣческаго горя, которая въ настоящее время прикрита историческою давностію. Съ особенною суровостію отнесся къ несчастнымъ преступникамъ святѣйшій синодъ. Всѣ они были отчуждены отъ церкви и прокляты. Послѣ того ихъ одѣвали въ мужичье платье и торжественно разстригали. Правда, Екатерина II простила ихъ впослѣдствіи, но это прощенье было ограниченное: священники и діаконы шацкой провинціи, прикосновенные къ пугачевскому движенію, навѣкъ остались причетниками. Никакого прощенья не было и не могло быть только тѣмъ духовнымъ, которые открыто и дерзко приняли активное участіе въ смутѣ. Такихъ печальной памяти народныхъ дѣятелей было впрочемъ не много. Изъ ихъ числа особенно выдѣлялся священникъ села Богдановки, Макарь Савинъ, съ дочерью Варварою и сыновьями Дмитріемъ и Нестеромъ. Вся эта семья въ полномъ своемъ составѣ разбойничала именемъ Петра III-го, пользуясь смутою въ интересахъ наживы ¹⁾).

Въ числѣ подсудимыхъ духовнаго званія оказались также и ихъ жены. Одна изъ нихъ, именно попадья Марѳа Ѳедорова, вмѣстѣ съ пугачевцами грабила въ селѣ Мальцевѣ домъ помѣщика Приклонскаго и за это попала въ категорію самыхъ тяжкихъ преступницъ.

Не легко было въ то же время и сельскому начальству. Старость и соцкихъ судили за то, почему они впускали злодѣевъ въ свои села и не переловили ихъ. При этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ засѣкали до смерти. Особенною свирѣпостію при производствѣ экзекуцій отличался подпоручикъ Приклонскій, за храбрость повышенный графомъ Панинымъ въ поручики. Впослѣдствіи этотъ рыцарь печальнаго образа впалъ въ сумашествіе и такимъ образомъ завершилъ свое жизненное поприще.

При такихъ условіяхъ пугачевская гроза наконецъ стихла. Провинціальная жизнь вступила въ прежнюю свою колею, не обновившись ни нравственно, ни юридически. И только великая реформа 19-го февраля навсегда избавила русскій народъ отъ повторенія кровавыхъ движеній въ духѣ самозванца.

Въ 1775 году, во всей Шацкой провинціи розданы были соцкимъ, старостамъ и управителямъ подробныя инструкціи для всеконечнаго искорененія воровъ, разбойниковъ и пришлыхъ шатающихся всякаго званія безпаспортныхъ людей. Мірскимъ избранникамъ строжайше предписывалось о малѣйшемъ

¹⁾ Арх. Шацк. провинц. канц., № 4,515 й.

случаѣ воровства и разбоя немедленно доносить провинціальной канцеляріи и въ то же время, собравъ обывателей, ловить злодѣевъ. Въ противномъ случаѣ они сами подвергались законному преслѣдованію наравнѣ съ преступниками. Такимъ образомъ вся провинція поставлена была какъ бы на военное положеніе. Но разбои все-таки не прекращались. Разсѣялись пугачевцы, но долго еще гуляли по вольному бѣлому свѣту удалые молодцы, пугая и разоряя бѣдную Шацкую провинцію.

1774 годъ разорилъ особенно шацкихъ крестьянъ. Тогда правительство вызвало немущихъ рабочихъ на постройку 18 казармъ, сожженныхъ пугачевцами, и на копаніе крѣпостныхъ рововъ. Токмо денежной казны для расплаты съ тѣми рабочими не имѣлось...

Вотъ тѣ историческія свѣдѣнія, которыя собрали мы въ мѣстныхъ архивахъ относительно лихолѣтія славной екатерининской эпохи.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что во время чумы и пугачевщины въ Шацкой провинціи правительственная фискальная дѣятельность не ослабѣвала. За недоимки, имѣнія брали въ секвестръ. Городскихъ головъ и ратмановъ сажали въ оковы и подвергали тяжелымъ работамъ, дабы подати взысканы были неотмѣнно. Разумѣется, все это могло быть только въ усмиренныхъ мѣстностяхъ, или же въ такихъ, куда не проникало волненіе.

И. Дубасовъ.





ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.



ОРЬКАЯ судьба постигла князя А. А. Шаховскаго, какъ писателя и человѣка. Два первые десятка лѣтъ настоящаго столѣтія онъ былъ властелиномъ русской сцены, формируя для нея и репертуаръ и актеровъ. Два послѣдующіе десятка лѣтъ онъ не оставлялъ своего служенія театру и только въ самые послѣдніе годы жизни ослабѣлъ въ своей авторской дѣятельности. Шаховской написалъ до ста драматическихъ произведеній, изъ которыхъ многія заслуживаютъ не только полнаго вниманія историка литературы, но могутъ представить достаточно интереса для современнаго читателя и даже зрителя. Тѣмъ не менѣе, князь Шаховской окончательно забытъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отецъ комедій, какъ его въ шутку называли современники, въ настоящее время забытъ совершенно—забытъ человѣкъ, можно сказать, вынянчившій русскій репертуаръ и русскую труппу. Мы не станемъ говорить здѣсь о томъ, что такое былъ русскій театръ ко времени Александра I, именно ко времени обновительной работы Шаховскаго въ этой отрасли нашей умственной жизни. Объ этомъ уже было довольно писано. Короче сказать, русскаго театра въ то время у насъ не было. Драматическіе пьесы писались варварскимъ языкомъ, а актеры наши, находясь чуть не въ крѣпостной зависимости и полнѣйшей субординаціи и уничиженіи, оторванные отъ народа (изъ среды котораго часто выходили), не могли передать духа и обличія народнаго; особенно въ фальшиво-народныхъ пьесахъ, напримѣръ, Аблесимова; съ другой стороны, приниженное положеніе въ обществѣ отнимало

у нихъ силы и возможность передавать типическія черты этого общества, т. е. изображать «господъ», которыхъ актеры и побаивались, и мало знали, а потому они гораздо свободнѣе чувствовали себя въ классическихъ плащахъ, переносясь съ почвы горькой дѣйствительности въ заоблачныя сферы возвышенныхъ героев и чувствъ. Здѣсь заслуга князя Шаховскаго громадна, что бы ни говорили различные мемуары о его мелочности, раздражительности, интригахъ. Къ несчастію, часто оказываясь самъ ниже своихъ идеальныхъ требованій, онъ формулировалъ для себя эти требованія совершенно ясно. Онъ доискивался благородныхъ традицій искусства, традицій, исполненныхъ истинной художественной правды, въ театрѣ древнихъ грековъ и у гениальнаго Шекспира. Но, не подчиняясь рабски никакому теченію, онъ искалъ самостоятельныхъ путей въ нашей драматургіи и прежде всего считалъ необходимымъ создать для театра человѣческій языкъ и научить говорить этимъ языкомъ нашихъ забытыхъ въ то время актеровъ. Онъ первый показалъ примѣръ человѣческаго обращенія съ этими труженниками мысли, первый сталъ вводить ихъ въ то общество, изображать которое имъ предстояло на сценѣ. Трудно представить себѣ, даже и въ наше время, другаго князя-драматурга и начальника, который былъ бы способенъ на такое самоотверженіе, на какое, ради искусства, обрекалъ себя Шаховской. Обучая Сосницкаго, своего любимаго ученика, играть роль Фальстафа, онъ рекомендовалъ ему взять за оригиналъ его самого, князя Шаховскаго. Сосницкій вышелъ на сцену совершеннымъ двойникомъ князя; сходство переходило границы искусства и князь остался недоволенъ. Однако, лѣтъ двадцать спустя, Шаховской опять училъ московскаго артиста Сабурова играть роль Фальстафа съ себя. Сабуровъ схватилъ типичныя черты князя, не копируя его рабски, и Шаховской остался очень доволенъ. Анекдотъ этотъ весьма характеренъ: онъ прежде всего показываетъ, что князь понималъ свой жизненный типъ.

А между тѣмъ, что сдѣлано до сихъ поръ для памяти этого несомнѣнно замѣчательнаго человѣка? Смѣло отвѣтимъ: ничего. Нѣчего говорить уже о томъ, что никогда не издавалось полного собранія его сочиненій. На это даже нельзя и рассчитывать. Въ большинствѣ такихъ изданій имѣется въ виду большая публика, которая тяготеетъ держать въ своихъ библіотекахъ балластъ каждаго полного собранія, столь, впрочемъ, драгоценный въ литературно-историческомъ отношеніи. Кто же станетъ покупать сочиненія князя Шаховскаго, у котораго этотъ балластъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, благодаря тому усердію, съ какимъ онъ питалъ русскій репертуаръ всѣми родами драматическихъ произведеній. Многія изъ нихъ не были даже напечатаны и остались въ бумагахъ князя. Судьба этихъ бумагъ тоже весьма странная: всѣ свои

сочиненія, изданныя и неизданныя, а также и всѣ бумаги, князь завѣщаль родственнымъ своей, г-жѣ Бакуниной, а какъ поступила она съ этимъ наслѣдствомъ—положительно неизвѣстно. Въ Публичной Библиотекѣ хранится только одна маленькая записка Шаховскаго къ Загоскину, заключающая въ себѣ просьбу оставить ложу для кого-то изъ родныхъ князя. Три-четыре письма его къ разнымъ лицамъ попали въ печать; въ нашихъ рукахъ находится большое письмо князя Шаховскаго къ князю Э. П. Мещерскому, проливающее много свѣта на его внутренній міръ; письмо это мы изложимъ ниже, теперь же упомянемъ лишь о томъ мелкомъ обстоятельстве, что письмо это только подписано княземъ, а писано другой рукой. Обладая невѣроятно-дурнымъ почеркомъ, князь, можетъ быть, и другія свои письма заставлялъ переписывать, а слѣдовательно въ бумагахъ его оставались оригиналы. Гдѣ все это сокрыто—мы не вѣдаемъ и очень бы желали услышать. Такая скудость матерьяла отразилась печальнымъ образомъ и на біографіи князя Шаховскаго. Съ трудомъ можно возстановить нить внѣшнихъ событій его жизни, а о внутреннемъ его мірѣ, по выше упомянутымъ немногимъ письмамъ и рассказамъ его современниковъ, часто стоявшихъ къ князю недостаточно близко, вывести сколько нибудь вѣрное заключеніе—почти невозможно.

Біографія князя Шаховскаго сводится вкратцѣ къ слѣдующему.

I.

Происхожденіе.—Воспитаніе.—Военная служба.—Первая ода и первая комедія.—Сближеніе съ Нарышкинымъ и назначеніе репертуарнымъ членомъ.—Командировка за-границу; встрѣчи съ принцемъ Конде и съ Гёте.—Возвращеніе къ должности и цензура плохихъ пьесъ.—Комедіи «Коварный» и «Новый Стернь».—Сближеніе съ Ежовой.—Участіе въ войнѣ 1812 года.—Комедія «Липецкія воды».—Литературныя отношенія: Загоскинъ, Аксаковъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Катенинъ и Грибоѣдовъ.—Первый выходъ въ отставку и театральныя комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской родился 24-го апрѣля 1777 года, въ Смоленской губерніи, въ селѣ Беззаботахъ. Отецъ его, князь Александръ Ивановичъ, человѣкъ очень небогатый, но кровный русскій аристократъ, былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ Пассекъ. Въ молодости, онъ началъ службу блестящимъ образомъ, состоялъ камергеромъ при дворѣ короля польскаго Станислава Августа, но затѣмъ безвыѣздно жилъ въ своихъ Беззаботахъ.

Тѣмъ не менѣе, юный князь Александръ Александровичъ, въ 1787 году, былъ зачисленъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ,

еще ранѣе того опредѣленъ въ московскій университетскій пансіонъ. Какое образованіе далъ князю этотъ пансіонъ, за отсутствіемъ автобіографическихъ данныхъ, можно судить пока по аналогіи съ тѣмъ, чему позднѣе научились въ томъ же пансіонѣ другіе, напримѣръ, В. А. Жуковскій. Шаховской зналъ одинъ только французскій языкъ и учился много уже по выходѣ изъ пансіона. Въ 1793 году онъ былъ уже въ полку и поселился въ семействѣ извѣстнаго въ то время балетмейстера Ив. Ив. Вальберха, память котораго князь всегда свято чтить и оставался на-всегда другомъ его семьи. Дружба эта особенно выразилась въ его покровительствѣ дочери Вальберха, замѣчательно талантливой драматической артисткѣ.

Какъ военный, князь Шаховской былъ изъ ряду вонъ плохъ; онъ былъ необычайный домосѣдъ и не участвовалъ въ кутежахъ товарищей, да и не имѣлъ для этого средствъ. Это печальное для молодаго князя обстоятельство прекрасно отразилось на его образованіи. Сидя постоянно дома, онъ много читалъ и скоро интересы его въ этомъ направленіи ясно опредѣлились. Онъ особенно интересовался всеобщей исторіей и при этомъ наиболѣе останавливался на изученіи театра въ древней Греціи, въ Римѣ, и на французскихъ классикахъ. Такой интересъ къ исторіи театра находится въ связи съ первыми попытками князя на драматическомъ поприщѣ. 31-го октября 1795 года, въ театрѣ Эрмитажа, въ присутствіи императрицы Екатерины II, шла его комедія въ стихахъ— «Женская шутка». Это первое произведеніе князя Шаховскаго понравилось дворцовой публикѣ и автора даже вызывали. Шаховской самъ рассказывалъ, что его пьеса особенно понравилась мужчинамъ, такъ какъ она была преисполнена двусмысленностями. Впослѣдствіи Шаховской сжегъ свою «Женскую шутку». Въ 1797 году, уже будучи портупей-прапорщикомъ, князь Шаховской очень усердной корпѣлъ надъ одами, и Вальберхъ, въ заботѣ о его судьбѣ, постоянно склонялъ его поднести оду императору Павлу. Шаховской ухватился за эту идею и въ недѣлю ода была готова. На первый же разводъ юный поэтъ явился съ непремѣннымъ намѣреніемъ поднести государю свое произведеніе, но рѣшимости на это у него не хватило. Въ слѣдующее воскресенье самъ Вальберхъ пошелъ съ Шаховскимъ, чтобы выбрать болѣе удобное мѣсто. Но опять повторилась та же исторія, и ода канула въ Лету, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ не менѣе литературная извѣстность князя Шаховскаго была достаточно упрочена этими первыми опытами и на него обратилъ вниманіе тогдашній директоръ театровъ, А. Л. Нарышкинъ; самъ государь Павелъ Петровичъ зналъ начинающаго князя-писателя и даже оказывалъ ему особое, необычайное расположеніе, прощая многія ошибки Шаховскаго противъ дисциплины и относя ихъ къ его забавной разсѣянности. Вслѣд-

ствіе всего этого, несмотря на свои скудные средства, молодой князь, съ производствомъ въ офицеры въ 1797 году, получилъ доступъ во всѣ великосвѣтскія гостинныя, въ которыхъ выдавался замѣтно своимъ неистощимымъ остроуміемъ. Въ 1798 году, Шаховской былъ командированъ въ корпусъ эмигрантовъ принца Конде «обучать французовъ русскимъ ружейнымъ пріемамъ», какъ онъ объ этомъ самъ говорилъ. Получивъ за эти свои подвиги чинъ подпоручика, онъ промѣнялъ его на чинъ надворнаго совѣтника и, по протекціи Нарышкина, былъ назначенъ репертуарнымъ членомъ. Въ это время Шаховской сталъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Нарышкина, и этотъ послѣдній, въ 1801 году, командировалъ его въ Парижъ, для приглашенія лучшихъ тамошнихъ артистовъ на французскую сцену въ Петербургъ. Оба эти путешествія за границу значительно расширили умственный горизонтъ молодого любителя театра, который, до поры до времени, положилъ свое перо. Изъ отрывочныхъ указаній въ его письмахъ и мемуарахъ нѣкоторыхъ лицъ мы видимъ, что Шаховской сталкивался здѣсь съ самыми разнообразными людьми. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ князю Мещерскому Шаховской рассказываетъ слѣдующее о принцѣ Конде: «Отправленный въ кондейскій корпусъ, я имѣлъ честь много разъ обѣдывать у принца и однажды за столомъ, въ разговорѣ о революціи, онъ, оборотясь ко мнѣ, прибавилъ:—«знаете ли, что первый предсказалъ ее вашъ Петръ Великій?—да, на вопросъ, какъ царь находитъ Парижъ, онъ отвѣчалъ:—прекраснымъ городомъ, но только слишкомъ многочисленнымъ и шумнымъ, чтобы современемъ ему не захотѣлось давать законы своему государю. Это было при отцѣ моемъ и онъ самъ мнѣ это рассказывалъ». Не лишено также общаго интереса знакомство Шаховскаго съ великимъ Гёте. Мы передаемъ нижеслѣдующій эпизодъ со словъ г. Смирнова, который слышалъ его отъ князя. Въ 1802 году, въ Мюнхенѣ, въ гостинницѣ за общимъ столомъ, Шаховской былъ удивленъ особенно многочисленнымъ стеченіемъ публики. Не понимая нѣмецкаго языка, Шаховской все-таки могъ разобрать часто повторяемое имя Гёте. Оказалось, что великій нѣмецкій поэтъ находится въ той же гостинницѣ и мюнхенцы рассчитывали поглядѣть на него за табльдотомъ. Хотѣлось того же и Шаховскому, но Гёте не показался. Тогда Шаховской послалъ Гёте свою карточку и былъ приглашенъ на чай. Шаховской пошелъ и былъ прекрасно принятъ. Толковали много о литературѣ нѣмецкой, а особенно о русской. Поданъ былъ и чай, но не по-русски—безъ хлѣба. Уже тогда склонный къ выходкамъ простодушнаго чудака, Шаховской, не стѣсняясь, приказалъ кельнеру принести себѣ бутербродовъ. Каково же было его изумленіе, когда на другой день Шаховской нашелъ, что злополучные бутерброды оказались поставленными въ счетъ! Вспоминая объ этомъ, Шаховской прибавилъ: «вотъ, что

называется нѣмецкая аккуратность; зато они на обухѣ рожь молотятъ». Къ этому нужно прибавить, что въ Парижѣ Шаховской наслаждался игрой Тальмы, производившаго тогда революцію на подмосткахъ французской сцены. Игра этого великаго артиста произвела глубокое впечатлѣніе на князя и, подъ обаяніемъ его декламации, его игры, онъ вернулся въ Петербургъ, въ 1803 году, съ твердымъ намѣреніемъ пересоздать русскую сцену. За удачный подборъ французской труппы, приглашенной имъ для Петербурга, Шаховской былъ награжденъ званіемъ камеръ-юнкера и занялъ прежнее мѣсто репертуарнаго члена. По своей должности, онъ обя-



Князь А. А. Шаховской.

занъ былъ перечитывать массу поступавшихъ на театральную цензуру пьесъ, попреимуществу бездарныхъ. Извѣстный театраль своего времени Жихаревъ, въ своемъ «Дневникѣ чиновника», рассказываетъ по этому поводу, что казначей театра, Альбрехтъ, совѣтовалъ Шаховскому топить злополучными рукописями театръ. «Помилуйте, шутилъ на это князь, отъ нихъ холодомъ вѣть, вы меня заморозить хотите!» Нѣкоторые изъ авторовъ такихъ отверженныхъ произведеній старались хоть чѣмъ нибудь насолить князю. Такъ, когда Шаховской не принялъ на сцену драму какого-то Сумарокова—«Марѳа Посадница», гдѣ всѣ дѣйствующія лица друга друга убиваютъ и къ концу пьесы въ живыхъ остается только

однѣмъ человѣкъ, то оскорбленный авторъ напечаталъ свое произведеніе, съ самымъ злостнымъ предисловіемъ, направленнымъ противъ князя Шаховскаго. Позднѣе, его обвиняли даже въ томъ, что, не пропуская нѣкоторыхъ пьесъ, онъ выкрадывалъ изъ нихъ сюжеты для себя. Такъ, напримѣръ, когда въ 1806 году князь поставилъ оперету «Любовная почта», то его печатно обвинили въ томъ, что онъ воспользовался сюжетомъ изъ непропущенной имъ самимъ комедіи Лукницкаго—«Деньщикъ-виртуозъ». Гдѣ-то даже было напечатано слѣдующее: «Въ Торговой улицѣ живетъ похититель литературной собственности, о коемъ узнать у служителя Макара». Этотъ Макарь, безъ котораго обходилась рѣдкая эпиграмма, направленная противъ князя, былъ крѣпостной его человѣкъ и состоялъ при немъ всю жизнь. Онъ вѣчно торчалъ въ передней князя и вязалъ чулокъ. Впослѣдствіи, отрекаясь отъ многихъ своихъ произведеній, Шаховской говаривалъ: «это не я писалъ, это Макарь».

Шаховскій вполне опровергнулъ инсинуаціи Лукницкаго, пропустивъ на сцену его «Деньщика-виртуоза». Скоро онъ и совсѣмъ помирился съ Лукницкимъ, и черезъ годъ послѣ исторіи съ «Любовной почтой», показывалъ Жихареву стихотворный анекдотъ того же Лукницкаго, написанный имъ для «Драматическаго Вѣстника», который князь въ то время задумалъ издавать.

Таковы были столкновенія Шаховскаго съ авторами неудачными. Но за то съ какимъ пламеннымъ восторгомъ относился онъ къ произведеніямъ, въ которыхъ видѣлъ истинный талантъ. Въ числѣ такихъ произведеній былъ «Эдипъ» Озерова. Въ это время Шаховской сблизился съ домомъ Оленина, у котораго собирался весь тогдашній литературный Олимпъ. Сюда-то привезъ князь Эдипа и читалъ его со слезами восторга. Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Озерова князь справедливо видѣлъ увлеченіе ложными эффектами, открыто порицалъ этотъ недостатокъ и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе многихъ, особенно же самого самолюбиваго автора.

Въ то же время князь возобновилъ и собственные драматическіе опыты, изъ которыхъ первые были очень неудачны. Въ 1804 году онъ поставилъ переводную комедію «Коварный», о которой князь Вяземскій писалъ впослѣдствіи:

«При свистѣ креслъ, партера и райка,
«Сомель со сцены твой «Коварный»».

Но въ слѣдующемъ же году Шаховской поправилъ свою литературную репутацію, поставивъ на сцену комедію «Новый Стернь»; за то, осмѣявъ въ ней сантиментальное направленіе, задѣлъ родоначальника этого послѣдняго—Карамзина и, вѣроятно, и многихъ другихъ, чѣмъ еще болѣе умножилъ число своихъ враговъ. Не будемъ слѣдить за дальнѣйшими успѣхами и неуспѣхами князя въ области драматургіи. Масса фальшивыхъ отношеній, сплетенъ, въ которыхъ трудно отличить правду отъ лжи, за неимѣніемъ авто-

біографическаго матерьяла—все это вмѣстѣ мѣшаетъ пролить новѣйшій свѣтъ на дѣятельность князя за означенный періодъ, а въ какомъ видѣ представляется это до настоящаго времени—все это очень обстоятельно изложено, напримѣръ, въ «Лѣтописи русскаго театра» Арапова.

Около того же времени, т. е. еще до 1812 года, который увлекъ князя на поле брани и на время оторвалъ его отъ театра, онъ сблизился и не разставался до конца своей жизни съ актрисой Екатериной Ивановной Ежовой, которая въ 1807 г. году выпущена была изъ театральнаго училища на роли субретокъ, но, по убѣжденіямъ князя, стала играть старухъ. Всѣ воспоминанія о Ежовой сводятся къ одному—что она держала князя въ ежовыхъ рукавицахъ, что, впрочемъ, было далеко не лишнимъ, при его беззаботномъ, дѣтски-вспыльчивомъ и безалаберномъ характерѣ. Два раза Шаховской предлагалъ Ежовой быть его женой, но она отказывалась, предпочитая «быть любимой Ежовой, а не смѣшной княгиней». Въ это же время Шаховской присталъ къ тогдашней партіи славянофиловъ, лагеря Шипкова, который не могъ не сочувствовать тому осмѣянію, какому предавалъ Шаховской обычай и приличія русскіихъ псевдо-европейцевъ. Въ 1810 году, Шаховской сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи и принималъ участіе въ составленіи словаря; какъ человѣкъ религіозный, онъ хорошо освоился съ славянскимъ языкомъ, читая псалтырь и священное писаніе. Въ то же время Шаховской дѣлается членомъ «Бесѣды любителей русскаго слова» и на засѣданіяхъ этого общества читаетъ нѣкоторые свои сатиры.

Общій порывъ патріотизма въ 1812 году увлекъ и князя Шаховскаго; 6-го іюля онъ вступилъ въ ополченіе Тверской губерніи, гдѣ у него было маленькое имѣніе, и былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка.

Къ счастью, объ этомъ періодѣ сохранились личныя воспоминанія князя Шаховскаго, напечатанныя въ «Военномъ Сборникѣ» за 1864 годъ и, какъ сообщаетъ редакція, найденныя случайно въ архивѣ военно-топографическаго депо. Сколько можно судить по напечатанному отрывку, это не мемуары, а скорѣе письмо, писанное къ неизвѣстному лицу уже въ 1836 году, какъ сообщаетъ та же редакція. Письмо это написано такъ живо, свидѣтельствуетъ о такой наблюдательности автора, что, имѣй мы въ рукахъ побольше его писемъ и вообще автографовъ, Шаховской стоялъ бы передъ нами какъ живой.

Шаховской случился въ Твери какъ разъ во время возвращенія государя изъ арміи и Москвы въ Петербургъ и имѣлъ счастье—говорить онъ—первымъ изъ лицъ, служащихъ при дворѣ, вступить въ тверскія дружины. 30-го августа, князь уже повелъ въ Москву заново сформированный 5-й лѣвѣйшій казачій полкъ. Перенесенный

пъ-за кулисъ на поле брани, Шаховской чувствовалъ себя истиннымъ патриотомъ и княземъ. «Тутъ съ теплой вѣрой, но не безъ тщеславнаго воспоминанія,—разсказываетъ онъ о молебнѣ передъ выступленіемъ въ походъ,—я повторилъ воинскій крикъ предка моего, Мстислава Храбраго: Съ нами Богъ!—и его громогласно подхватили дружинники». Между тѣмъ, на днѣвкѣ въ Клинѣ, Шаховской получилъ извѣстіе о занятіи Москвы Наполеономъ и приказаніе остановиться, которое «какъ крещенскій морозъ подѣйствовало на наши члены», говоритъ князь. Въ это самое время благовѣстили къ обѣднѣ и пасмурные ополченцы пошли въ церковь. Послѣ обѣдни князь обратился къ нимъ съ словомъ одобренія, сказавъ, что «Россія не въ Москвѣ». «Мрачныя души прояснились—говоритъ онъ,—старые солдаты хулили молодыхъ, не съумѣвшихъ отстоять Москву, и вспоминали, какъ они въ свое время, при Суворовѣ, «въ чужедальней сторонѣ», этихъ же французовъ какъ куръ душили. «Успокоились и помѣщики-ополченцы и, въ ожиданіи грядущихъ событій, играли въ банчикъ». Полкъ Шаховскаго поступилъ въ отрядъ барона Винценгероде, и князь явился къ нему въ подмосковное село Подсолнечное, гдѣ встрѣтился съ графомъ Бенкендорфомъ и Л. А. Нарышкинымъ. Шаховской видимо не пропускалъ ни одного случая, гдѣ можно было узнать настоящій духъ народа и истинное его мнѣніе о событіяхъ. Такъ, однажды, подойдя къ кучкѣ крестьянъ-ямщиковъ, толковавшихъ о матушкѣ-Москвѣ, князь услышалъ слѣдующее: «только бы батюшка-государь не смѣрился со злодѣемъ,—говорилъ старый мужикъ,—а то ему не сдобровать: святая Русь велика, народу многое множество; укажи поголовщину—мы всѣ шапками замечемъ, или своими тѣлами задавимъ».

Еще ближе и глубже пришлось князю узнать нашъ народъ, когда ему порученъ былъ надзоръ за плѣнными, захваченными подъ Москвой. «Не знаю, отъ кого вышелъ—разсказываетъ онъ—переданный мнѣ приказъ имѣть особенное попеченіе о плѣнныхъ испанцахъ. Я зашелъ въ избу, отведенную для нихъ. Хозяйка избы, стоя на колѣняхъ, обмывала раненую ногу плѣннаго, и, увидя меня, испугалась, вскочила, стала извиняться, что взмолвალась надъ супостатомъ». Видѣлъ и то князь, какъ русскіе мужики, среди супостатовъ «двунадесяти языковъ», умѣли отличить своихъ братьевъ славянъ—кроатовъ, которые крестились по-нашему; крестьяне окружили ихъ и, понявъ ихъ славянское нарѣчіе, тотчасъ нанесли имъ папошниковъ, пироговъ, а ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвезти ихъ въ Тверь. Въ другомъ мѣстѣ, князь видѣлъ, что крестьяне княгини Голицыной успѣли скрыть отъ французовъ все ея имущество.

— Что же вамъ, жить за нею хорошо? спрашиваетъ князь.

— Нѣтъ, нѣмцы, которыхъ она прислала разоряютъ насъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя насъ жаловали.

Но за то бывали при немъ и такіе случаи, что въ Волоколамскѣ крестьяне сожгли или перерѣзали французскихъ фуражировъ; въ томъ же Волоколамскѣ служанка казначея зарѣзала поварскимъ ножомъ двухъ поддипалъ французовъ.

Между тѣмъ, Винценгероде попалъ въ плѣнъ, и уже подъ начальствомъ Иловайскаго 4-го князь Шаховской съ своимъ полкомъ вступилъ въ Москву. Онъ рассказываетъ, какъ при самомъ въѣздѣ на пепелище столицы, повстрѣчалась имъ какая-то обезумѣвшая старуха и съ крикомъ: «русскіе!» поклонилась въ ноги передъ вступающимъ отрядомъ.

Зрѣлище страшнаго опустошенія и разрушенія ожидало князя въ Москвѣ. Онъ сдѣлалъ попытку войти въ Кремль, но доступъ туда былъ не такъ легокъ. Оставались еще слѣды взрыва стѣны и кое-гдѣ дымило. Изъ-за угловъ пострѣливали мародеры. Спасскія ворота были завалены, Никольскія загромождены развалинами стѣны, и казаки князя опасались попасть на заложенную мину. Князь сталъ самъ карабкаться по развалинамъ, и казаки, увидя это, бросились за нимъ и еще прежде его очутились передъ горѣвшимъ дворцомъ и Грановитой Палатой. Огромная пристройка къ Ивану Великому была взорвана, а онъ «стоялъ такъ же величественно, какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ, для прокормленія рабочихъ во время голода», говоритъ князь. Опасаясь въ самомъ дѣлѣ взрыва, Шаховской приказалъ осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ мины. «Какъ членъ Россійской Академіи, повѣствуетъ онъ, принялся я за перо и написалъ съ общаго совѣта рапортъ государю, а какъ сопровителъ театральной дирекціи сдѣлалъ распоряженіе относительно торжественнаго благодаренія Господу браней». Проспавъ тревожно первую ночь въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ дворца, на сѣнѣ, покрытомъ коврами, князь Шаховской и его товарищи—Бенкендорфъ и другіе, на утро отирались повѣрять исполненіе отданныхъ ими приказаній. Со всѣхъ сторонъ тѣснились ужасныя впечатлѣнія. На Лобномъ Мѣстѣ князь увидѣлъ дѣвушку, порядочно одѣтую, но босую (французы, нуждаясь въ обуви, разували всѣхъ и cadaго). Ее сторожилъ казакъ и она горько плакала. Это была, какъ оказалось, дочь одного профессора нѣмца, который побоялся выйти изъ Москвы, опасаясь, чтобъ его не приняли за шпиона. Теперь онъ лежалъ больной и бѣдная дѣвушка пришла попросить у русскихъ для него хлѣба; но начальникъ кремлевскихъ карауловъ, нѣкій татаринъ Ельмурзинъ, такъ заинтересовался ею, что даже приставилъ казака стеречь ее. Князь немедленно велѣлъ освободить дѣвушку, обѣщая ей прислать на домъ все необходимое, и сдѣлалъ выговоръ Ельмурзину. Тутъ же, на Спасскихъ воротахъ, онъ увидѣлъ образъ съ серебряной лампадкой. «Отъ какой-то безотчетной радости, говоритъ онъ, сорвалось у меня съ языка приказаніе—затеплить лампадку. Лампадку зажгли—и народъ сталъ говорить,

будто лампадка чудеснымъ образомъ не угасала во все время, пока въ Москвѣ были непріатели».

Затѣмъ, въ сопровожденіи монаха и священника, Шаховской осмотрѣлъ церкви и отдалъ приказаніе привести ихъ сколько возможно въ порядокъ. До поры до времени, онъ поставилъ около церквей часовыхъ, запретивъ пускать народъ, и даже запечаталъ нѣкоторые. И въ самомъ дѣлѣ: лучше было скрыть отъ глазъ народа безпощадное поруганіе святыни. Въ Успенскомъ соборѣ мощи св. митрополита Юны были выброшены на помость. Онѣ были невредимы, кромѣ «вражеской разруби на святительской выѣ». Въ алтарь Казанскаго собора французы втащили дохлую лошадь и положили ее на мѣсто престола. Таковы были дѣла враговъ. Но князь не скрываетъ и того, что подмосковные крестьяне, въ надеждѣ на богатую наживу, пріѣхали въ Москву съ телѣгами, и рассказываетъ, что Бенкендорфъ заставилъ ихъ на этихъ самыхъ телѣгахъ вывозить трупы, валявшіеся по улицамъ. Тѣ же подмосковные крестьяне спѣшили въ Москву съ съѣстными припасами и устроили импровизированный рынокъ. Заѣхалъ еще князь въ уцѣлѣвшій домъ Познякова, гдѣ Мюратъ устраивалъ спектакли; за кулисами театра брошены были остатки священническихъ ризъ, изрѣзанныхъ для костюмовъ.

Стали, наконецъ, показываться и немногіе москвичи, видѣвшіе великаго завоевателя. Тутолминъ — начальникъ Воспитательнаго Дома — остался очень доволенъ Наполеономъ и нашелъ его далеко не страшнымъ. Зато генераль-поручикъ Сипягинъ, какой-то движущійся остовъ, рассказывалъ, какъ онъ, запоздавъ выѣхать изъ Москвы, былъ схваченъ французами и принужденъ возить землю для укрѣпленія Кремля.

На другой день Шаховской съ товарищами перебрался въ домъ князя Бѣлосельскаго, который занималъ маршалъ Бессьеръ. Въ этомъ домѣ французы обратили великолѣпную залу и бібліотеку въ мѣсто «безыменное между порядочными людьми». Въ домѣ Бѣлосельскаго, вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Бенкендорфомъ, оказался прелюбопытный капитанъ ополченія, Богдановичъ. Онъ когда-то служилъ въ смоленскихъ командахъ, сформированныхъ противъ Пугачева, а теперь присталъ къ Бенкендорфу. Сидя у камина въ домѣ Бѣлосельскаго и показывая на свою саблю, онъ говорилъ: «эту дуру я сниму только въ Парижѣ». И дѣйствительно, ему довелось дойти до Парижа.

Наконецъ, состоялся и благодарственный молебенъ въ большой церкви Страстнаго монастыря. Французы, по свойственной имъ любезности къ женскому полу, пощадили этотъ монастырь. Тѣмъ не менѣе, во всей Москвѣ не уцѣлѣло ни одного серебрянаго сосуда. У кого-то нашлись старинные — стеклянные. Отыскились священники, церковники и звонари. Еще до 9-ти часовъ ударили въ боль-

шой колоколь Страстного монастыря. Опустѣвшая Москва радовалась и ямскому колокольчику, какъ это рассказывалъ Шаховскому только-что прїѣхавшій его прїятель, увѣрявшій, что въ Ямской слободѣ крестьяне крестились, услышавъ его тройку. Теперь же по всей Москвѣ гудѣли колокола. Богомольцы наполнили не только церковь, но и всѣ переходы и дворъ Страстного монастыря. «Всѣ начальники военные, дворяне, купцы, народъ, русскіе и иностранцы, православные и разновѣрные, даже башкиры и калмыки молились на колѣняхъ, и хоръ рыданій смѣшивался съ пѣніемъ, повсемѣстнымъ трезвономъ и пальбой изъ какихъ-то пушекъ». Здѣсь князь вспомнилъ видѣнную имъ въ Ахенѣ первую обѣдню послѣ революціи. «Помню, въ эту минуту — говорить онъ — я почувствовалъ всю силу благодарности къ сотворившему меня человекомъ, христианиномъ и русскимъ». Онъ отказывается здѣсь выразить всю торжественность момента, «несмотря на свою сорокалѣтнюю привычку говорить языкомъ страстей».

Между тѣмъ, «запахъ французскаго пребыванія» заставилъ князя перебраться изъ дома Бѣлосельскаго въ домъ его родственниковъ, и сюда прискакалъ къ нему фельдъ-егерь отъ Шишкова. Жалкое разочарованіе! Онъ ожидалъ получить «звѣздное» или, по крайней мѣрѣ, «крестное» одобреніе, но вмѣсто того получилъ 120 экземпляровъ оды Хвостова на освобожденіе Москвы. Въ своихъ усердныхъ осмотрахъ Москвы, для приведенія ее въ возможный порядокъ, Шаховской натолкнулся на бронзовую статую Екатерины II, уцѣлѣвшую среди обломковъ дворянскаго собранія.

Возвратился и Ростопчинъ. Шаховской встрѣтилъ его у церкви Василия Блаженнаго стихами изъ трагедіи «Пажарскій»:

«И пепѣ родимыхъ стѣнъ
Потомству возвѣститъ,
Что славу россъ свою
Всѣхъ выше благъ цѣнитъ».

Шаховской донесъ Ростопчину, какъ главнокомандующему, о состояніи Москвы, но скоро они сошли съ почвы оффиціальныхъ отношеній на дружескую бесѣду. «Графъ Ростопчинъ съ самоувѣренностью говорилъ о томъ славномъ дѣлѣ (пожарѣ), отъ котораго впоследствии отрекался въ Парижѣ; читалъ свое ядовитое письмо къ Кутузову, въ которомъ каламбурилъ на тотъ счетъ, что Кутузовъ беспокоитъ всѣхъ своимъ спокойствіемъ, и жаловался, что Кутузовъ не хочетъ съ нимъ повидаться». «Лицо мое, говоритъ князь, болтливое не меньше языка, не скрыло того, чего изъ учтивости я не сказалъ». Тѣмъ не менѣе, онъ всячески старался успокоить графа Ростопчина, ссылаясь на историческій примѣръ Ганнибала, который не хотѣлъ довѣрить своихъ плановъ даже своей подушкѣ, и, наконецъ, прямо указалъ на то, что и безъ всякихъ совѣщаній

Ростопчина съ Кутузовымъ все обошлось такъ, какъ было нужно. «Москва спокойно опустѣла и изъ 150 тысячъ жителей остался одинъ, да и то французъ ¹⁾), который объявилъ Наполеону, перебравшему всѣ европейскія столицы, что Москва пуста, за что Наполеонъ удостоилъ графа Ростопчина такихъ ругательствъ, какихъ онъ не промѣнялъ бы и на оды Хвостова».

Такія рѣчи подѣйствовали успокоительно на Ростопчина и онъ провелъ цѣлую ночь, рассказывая своимъ гостямъ различные эпизоды послѣднихъ дней. Рассказывалъ, какъ народъ «привелъ къ нему на веревочкѣ, съ нѣкоторыми знаками православнаго неблаговоленія», какихъ-то франтовъ, болтавшихъ на Кузнецкомъ мосту по-французски; или какъ старостиха Василиса, во французской шинели, съ саблею черезъ плечо, во главѣ толпы мужиковъ конвоировала захваченныхъ ими въ плѣнъ французскихъ мародеровъ.

Между тѣмъ, князь Шаховской долженъ былъ покинуть Москву, гдѣ ему пришлось пережить такія глубокія впечатлѣнія, очевидно, запавшія въ душу его на всю жизнь. Онъ снова принялъ командованіе надъ своимъ полкомъ. Гонка французовъ по голодной дорогѣ, очевидно, производила различное впечатлѣніе на офицеровъ, которыхъ князь дѣлилъ въ этомъ отношеніи на категоріи. «Одни, говоритъ онъ, природные дворяне припомнили былую службу своего сословія, шли въ походъ охотно и служили, пока въ сердцахъ ихъ раздавался воспалительный крикъ: нашихъ бьютъ! другіе — помѣщики, кое-какъ вылѣзшіе изъ приказныхъ, да купившіе себѣ имѣнія, отлынивали отъ тяжелой службы подъ разными предлогами» Впрочемъ, князь приводитъ еще и другое подраздѣленіе. Въ его ополченіи были отставные офицеры, въ родѣ вышеупомянутаго екатерининскаго ополченца Богдановича, и затѣмъ молодежь — мелкіе канцелярскіе чиновники, которые еще не успѣли оподъячиться. «Офицерскіе мундиры ихъ омоладечивали, говоритъ князь; не имѣя денегъ и не зная благородной игры въ карты, они, отчужденные отъ ополченцевъ-помѣщиковъ, приставали къ военно-служащимъ и затѣмъ поступали въ кадры запасной дивизіи, образованной изъ латышей». Князь говоритъ, что многіе изъ этой молодежи впоследствии сдѣлали военную карьеру. Что касается перехода по разоренной дорогѣ, то Шаховской старается доказать, что онъ и въ то время не встрѣчалъ затрудненія въ продовольствіи, въ которомъ населеніе отказывало французамъ.

Вообще, относительно 1812 года, князь высказываетъ тотъ взглядъ, что все окончилось благополучно, благодаря пламенной любви народа къ вѣрѣ, царю и отечеству.

¹⁾ Книгопродавецъ Рись встрѣтился съ Наполеономъ у Дорогомиловской заставы.

Поступивши подъ команду маркиза Паулучи, Шаховской былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, а затѣмъ формировалъ въ Ригѣ запасную дивизію, которую и отвелъ въ резервную армію, стоявшую въ Варшавѣ. Этимъ и кончились невоинственные подвиги князя Шаховскаго на полѣ брани. 1-го іюля 1813 года, онъ уже снова былъ въ Петербургѣ и вступилъ въ свою прежнюю должность репертуарнаго члена. Опять пошли постановки и сочиненія пьесъ, опять явился кружокъ пріятелей-литераторовъ (Крыловъ, Катенинъ, графъ П. С. Потемкинъ и другіе).

Переживши войну настоящую, князю пришлось перенести еще бурю литературную, которую онъ самъ поднялъ своею комедіей— «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», поставленной на сцену 23-го сентября 1815 года. Эта комедія имѣла успѣхъ необыкновенный и надолго удержалась въ репертуарѣ нашей сцены. Поклонники и друзья Шаховскаго всячески чествовали его и, послѣ перваго представленія, за ужиномъ у его родственниковъ Бакуниныхъ, на него возложенъ былъ лавровый вѣнокъ. Къ несчастію для себя, князь для своей комедіи взялъ типы изъ того общества, среди котораго самъ жилъ. Большая часть оригиналовъ его дѣйствующихъ лицъ могла присутствовать и дѣйствительно присутствовала въ театрѣ на первомъ представленіи. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ героев комедіи, графъ Ольгинъ, Сосницкій, своею художественною игрой, безошибочно копировалъ великосвѣтскаго льва, графа Л. Старички узнавали себя въ комичной фигурѣ барона Вальмира, и все это дало прекрасный поводъ къ негодованію, составляя имя Жуковскаго, задѣтаго въ комедіи въ лицѣ балладника Фіалкина. Впрочемъ, самъ Жуковскій довольно добродушно и спокойно относился къ появившейся изъ-за него «Парнассской бурѣ». Зато свирѣпствовали его друзья и даже не друзья. Изъ-за той же бури возникъ и знаменитый «Арзамасъ», о коемъ считаемъ лишнимъ распространяться. Скажемъ только о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя сыпались на голову князя Шаховскаго.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ», изданіи Измайлова, напечатано было слѣдующее: «Клеонъ пишетъ трагедіи, комедіи, сатиры, водевилы. Въ нѣкоторыхъ обществахъ его вѣнчаютъ лаврами, почитаютъ его гениемъ. Этотъ гений не что иное, какъ пошлый, безграмотный писатель, не учившійся ничему, не знающій начальной грамоты и сочиняющій плоскіе и водянистые стихи единственно по слуху и на-попадъ». Не лучше отдѣлывалъ Шаховскаго и Дм. В. Дашковъ въ своей арзамасской кантатѣ — «Посланіе къ Шутовскому». Тутъ было сказано, что

«Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ,
Въ «Бѣсѣдѣ» бордый усыпитель,
Хвостову братъ,
И врагъ талаптовъ записной».

Объ успѣхахъ князя на сценѣ говорили, что

«Его величіе—не трубы—
Свистки гласятъ»...

И наконецъ, по поводу неудачной комедіи князя «Дебора», о которой ходила сплетня, будто ее сочинилъ не самъ Шаховской, а молодой драматическій писатель того времени, Л. Н. Неваховичъ, съ которымъ Шаховской одно время жилъ, Дашковъ пишетъ:

«Еврей мой сочинилъ Дебору,
А я ее списалъ.
Въ моихъ писаньяхъ много вздору,—
Кто-жъ ихъ читалъ?»

Не менѣе ожесточился и князь Вяземскій въ своихъ эпиграммахъ. По поводу все тѣхъ же «Липецкихъ водъ», прямой, удачной и серьезной комедіи, онъ припомнилъ всѣ прежнія неудачи автора. Такими неудачными произведеніями были переводъ «Китайской сироты» Вольтера и «Коварный», переводъ комедіи Грессе — *Le Méchant*. Вотъ что писалъ Вяземскій объ этихъ злополучныхъ произведеніяхъ:

«Вольтеръ насъ трогаетъ «Китайской сиротой»
И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ тѣни,
Но, слезы превративъ въ забаву, Шутовской
Китайскія представилъ тѣни.
Напрасно говорить, что грѣшника черты
Доносятъ намъ, какъ онъ раскаяньемъ измученъ:
Смотрите, какъ румяны и тученъ убійца «сироты».
Когда, при свистѣ креслъ, партера и райка,
Сошелъ со сцены твой «Коварный»,
Вини себя, и впредь готовься не слегка;
Ты выбралъ для себя сюжетъ неблагодарный.
Тебѣ ли рисовать коварнаго портретъ?
Чистосердеченъ ты, въ тебѣ коварства нѣтъ;
И кто прочтетъ хоть разъ трудовъ твоихъ собранье,
Или послушаетъ тебя минуты съ двѣ,
Увидитъ, какъ насквозь, въ душѣ—вредить желанье
И неспособность въ головѣ».

Съ этого времени просто вошло къ привычку глумиться надъ Шаховскимъ. Воейковъ, въ своемъ «Парнаасскомъ календарѣ» написалъ противъ имени князя Шаховскаго: «придворный дистилляторъ; составляетъ самый лучший опиумъ для придворнаго и общаго театровъ, имѣетъ привиллегію пить имъ безъ вкуса и толка».

Впрочемъ, Шаховской былъ порадованъ и литературнымъ заступничествомъ. Выдвинутый имъ же М. Н. Загоскинъ написалъ «Комедію отъ комедіи», по поводу «Липецкихъ водъ», и эта комедія, будучи поставлена въ 1816 году, имѣла большой успѣхъ. Въ

это же время были опыты и болѣе серьезной критики все на тѣ же «Липецкія воды». Въ 1816 году, С. Т. Аксаковъ, тогда молодой человѣкъ и начинающій литераторъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и близко сошелся съ Державинымъ. «Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Державинымъ — рассказываетъ Аксаковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», я жестоко критиковалъ «Липецкія воды». Старикъ соглашался иногда съ моими замѣчаніями и даже посовѣтовалъ написать обстоятельный разборъ комедіи князя Шаховскаго. Я написалъ разборъ и прочелъ его Гаврилѣ Романовичу въ присутствіи его домашнихъ и нѣкоторыхъ обыкновенныхъ его посѣтителей; хозяинъ былъ во многомъ одного мнѣнія со мной; но двое изъ гостей горячо заступились за Шаховскаго и, въ опроверженіе многихъ критическихъ замѣчаній, ссылались на комедію Загоскина — «Комедія отъ комедіи». Къ сожалѣнію, эта критика Аксакова осталась подспудомъ, но самый фактъ ея написанія уже свидѣтельствуетъ, насколько силенъ былъ въ обществѣ интересъ къ комедіи Шаховскаго. Между тѣмъ, такъ воинственно настроенный противъ Шаховскаго, Аксаковъ тогда же принужденъ былъ познакомиться съ нимъ. Дѣло въ томъ, что Аксаковъ имѣлъ порученіе отъ своего московскаго друга, О. О. Кокоткина, поставить на петербургской сценѣ его переводъ Мольерова «Мизантропа». Шаховской, въ то время крайне не расположенный къ Кокоткину, принялъ его друга очень сухо и, отдѣлавшись отъ него какъ можно скорѣе, разразился цѣлой филиппикой. «Только что я вышелъ за дверь — говоритъ Аксаковъ, со словъ очевидца, актера Брянскаго, — Шаховской вскопчилъ съ креселъ, хватилъ себя ладонью по лысинѣ — такъ выражались всегда его вспышки — забормоталъ, затрепалъ и запищалъ своимъ въ высшей степени фальшивымъ голосомъ: «этотъ дуракъ Кокоткинъ переложилъ несчастнаго Мольера и прислалъ къ намъ какого-то дурака изъ Москвы ставить свой переводъ. Этотъ Кокоткинъ, этотъ накрахмаленный галстухъ, который рта не умѣетъ разинуть по-человѣчески, хочетъ учить меня и всѣхъ петербургскихъ артистовъ. Да изъ этого надо водевилъ сдѣлать!» Репетиціи пошли очень неудачно и Шаховской, по поводу этого, высказался прямо: «пѣса не можетъ идти хорошо, но мой другъ Федоръ Федоровичъ самъ объ этомъ постарался. Я его очень люблю и уважаю, но вѣдь онъ немножко нелѣпъ; вѣдь онъ самъ испакостилъ «Мизантропа». Передѣлать совсѣмъ, какъ говорится, на русскіе нравы у него храбрости не хватило, а все-таки Альцеста перекроилъ въ Крутона, и Палату какую-то приплелъ, и русскую пѣсню, и вышелъ — Господи, прости ему его согрѣшеніе! — совершенный сумбуръ. Теперь эту пѣсу нельзя играть по французскимъ традиціямъ, а по русскимъ ее также нельзя играть: развѣ это русскіе люди? Это не люди, это Богъ знаетъ что такое, съ луны попадали. Ну, развѣ такъ кто-нибудь говоритъ:

«И словомъ, тотъ, кто другъ всего земного круга,
Того я не могу считать себѣ за друга!»

Въ приведенныхъ словахъ князя Шаховскаго много пониманья эстетической правды, и самъ Аксаковъ, по его словамъ, почувствовалъ эту правду тогда же.

Здѣсь мы коснемся кстатн и другихъ литературныхъ отношеній Шаховскаго. Указанія на эти отношенія и литературныя связи его разбѣяны главнымъ образомъ въ перепискѣ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался. Изъ такихъ лицъ наше вниманіе останавливаетъ Батюшковъ. Нѣсколько писемъ его къ Гнѣдичу относятся ко времени 1809 года. Надо сказать, что Гнѣдичъ, равно какъ и Крыловъ, находились въ это время на особомъ попеченіи дома Оленина, этого очага російскаго классицизма, съ которымъ, впрочемъ, Шаховской уже пошелъ въ разладъ и очевидно искалъ другихъ путей для русской драматической поэзіи, такъ какъ еще въ 1808 году поставилъ свою комедію «Полубарскія затѣи». Отрывокъ этого, далеко не лишеннаго достоинствъ, произведенія еще недавно фигурировалъ на страницахъ «Хрестоматіи» Галахова, въ поученіе нашему юношеству, но въ послѣднихъ изданіяхъ этого «Пантеона російской словесности» упомянутый отрывокъ уже выпущенъ.

Итакъ, въ 1809 году, Шаховской уже не пользовался симпатіями дома Оленина и, по всей вѣроятности, и Гнѣдича, что и подтверждается письмомъ Батюшкова къ послѣднему. Батюшковъ, изъ своего далека, какъ видно, не зналъ о всѣхъ передвиженіяхъ по службѣ на Парнасѣ. Сначала онъ очень дружелюбно спрашиваетъ о Шаховскомъ, вспоминая его въ числѣ прочихъ знакомыхъ и близкихъ людей. Мѣсяца черезъ два, тонъ его письма, по отношенію къ Шаховскому, существенно измѣняется. «Кстатн спрошу тебя, пишетъ Батюшковъ, что хорошаго написалъ Шаховской? Вотъ еще чудакъ не изъ послѣднихъ! Какъ онъ выхвалялъ меня въ глаза! такъ что стыдно было за себя. Какъ онъ бранитъ меня, чай, за глаза,—такъ что стыдно за него!» Очевидно, что это вызвано письмомъ самого Гнѣдича къ Батюшкову, но въ чемъ дѣло—мы сказать не можемъ, не имѣя писемъ самого Гнѣдича, который, въ то же самое время, не стѣснялся сотрудничать съ княземъ Шаховскимъ по переводу Вольтеровой «Запры». Впрочемъ, въ началѣ своей карьеры, онъ не задумался написать посланіе даже Хвостову... Наше же предположеніе, что именно Гнѣдичъ былъ причиною охлажденія Батюшкова къ Шаховскому, подтверждается другимъ письмомъ изъ Вологды, писаннымъ мѣсяцъ спустя Батюшковымъ опять къ тому же Гнѣдичу: «ты хочешь, чтобы я бросилъ Шаховскаго? Не много-ли это? Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона и Палисота? Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу».

«Липецкія воды» окончательно вооружаютъ Батюшкова противъ Шаховскаго, хотя, живя вдали отъ парнасской битвы, онъ не могъ

особенно горячиться. Если шесть лѣтъ тому назадъ Батюшковъ ждалъ чего нибудь отъ Шаховскаго, то теперь онъ отрицаетъ въ немъ всякій талантъ; въ письмѣ къ Жуковскому изъ Каменца, онъ иронически называетъ Шаховскаго Аристофаномъ, а по поводу «Липецкихъ водъ» говоритъ слѣдующее: «лучшій нашъ союзникъ — время — сложенъ Аристофана съ его драматургіей. До сихъ поръ, кромѣ водевиля «Казакъ-стихотворецъ», я ничего хорошаго изъ его произведеній не знаю, а написано много. Ожидаю еще новаго облегченія комедіями, оперетами, драмами и водевилями; все вмѣстѣ прочитаю однимъ духомъ».

Какъ видите, этотъ отзывъ уже далекъ отъ того интереса, съ какимъ Батюшковъ спрашивалъ Гнѣдича, не пишетъ ли Шаховской чего новаго.

Нѣсколько иначе относился къ Шаховскому другой нашъ поэтъ, Пушкинъ. Онъ, какъ видно, уже не такъ горячился и пѣтушился изъ-за арзамасскихъ традицій, какъ, напримѣръ, его дядюшка Василій Львовичъ. Сыпавшій эпиграммы направо и налево, не останавливаясь ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, Пушкинъ почему-то щадилъ князя Фальстафа, казалось самимъ Богомъ созданнаго служить мишенью всеобщаго остроумія, а иногда просто насмѣшекъ самаго обиднаго свойства. Александръ же Сергѣевичъ запечатлѣлъ его память драматурга въ потомствѣ своимъ стихомъ въ Онѣгинѣ:

«Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой».

Кто знаетъ, быть можетъ эти два стиха только и держатъ на свѣтѣ память о Шаховскомъ, самыя комедіи котораго совсѣмъ забыты.

Нѣкоторыя письма Пушкина къ князю Вяземскому бросаютъ свѣтъ на отношенія Пушкина къ Шаховскому. Прежде всего, нужно замѣтить, что литературное оплеваніе Шаховскаго послѣ «Липецкихъ водъ» Пушкинъ, очевидно, ничѣмъ серьезнымъ не считалъ, между тѣмъ какъ различные Вигеліи видѣли въ парнасской войнѣ что-то въ родѣ крестовыхъ походовъ за поправленіе художественныхъ принциповъ. Въ письмѣ къ князю Вяземскому, 1811 года, онъ шутя называетъ его грозой всѣхъ князей на Ш. (Шаховской, Шихматовъ, Шаликовъ). Въ 1823-мъ году Пушкинъ пишетъ тому же Вяземскому: «Дружба твоя съ Шаховскимъ радуется моему миролюбивую душу».

Семь лѣтъ спустя, когда Шаховской вернулся въ Петербургъ, Пушкинъ блисталъ уже во всемъ разсвѣтѣ своей поэтической силы, оказывалъ Шаховскому всевозможное вниманіе и считалъ интереснымъ и полезнымъ втянуть его въ кружокъ возникавшаго тогда Пушкинскаго «Современника». Тутъ Шаховской попадаетъ даже на вечеръ къ Жуковскому и читаетъ своихъ «Смолянъ», въ

присутствіи Пушкина, Гнѣдича и Крылова. Расположеніе Пушкина къ князю Шаховскому шло издавна. По свидѣтельству А. М. Каратыгиной, согласному съ вышеприведенными стихами изъ Онѣгина, Шаховской и его пріятели—Катенинъ, Грибоѣдовъ, Жандръ ласкали талантливаго юношу, но относились къ нему, какъ старшіе къ младшему. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ относился Пушкинъ къ Катенину; этотъ послѣдній признавалъ авторитетъ и талантъ Шаховскаго даже и тогда, когда пострадалъ отъ той театральной партіи, во главѣ которой стояли Милорадовичъ и Шаховской. Въ 1822 году, Катенинъ былъ высланъ изъ Петербурга за театральную исторію. Описывая эту исторію, А. Е. Измайловъ, въ письмѣ къ И. Ив. Дмитріеву, говоритъ такъ: «Милорадовичъ во всемъ слушается директора театровъ Майкова, Майковъ—Шаховскаго, а Шаховской актрису Ежову». Въ письмѣ самого Катенина мы не находимъ указаній на происки Шаховскаго въ этомъ дѣлѣ. Вѣроятно, «рыцарь безъ страха и упрека» могъ всплѣть изъ-за актрисы-протее и безъ особыхъ чьихъ либо внушеній. Уже въ 1828 году Катенинъ пишетъ Пушкину: «Встрѣчаешься ли ты съ Шаховскимъ? Что онъ дѣлаетъ? Каковъ тебѣ кажется его «Аристофанъ»? По мнѣ, въ немъ много вещей умныхъ и хорошихъ, но зачѣмъ нашъ князь пускается въ педанство? Право, совѣстно за него». Педанство это Катенинъ видитъ въ новомъ театральномъ уставѣ, сочиненномъ Шаховскимъ. Отзывъ Катенина объ этомъ уставѣ мы приведемъ ниже.

Перейдемъ теперь къ краткому обзору отношеній Шаховскаго къ Грибоѣдову. Знаменателенъ тотъ фактъ, что Грибоѣдовъ сошелся съ княземъ не только еще до разсвѣта своей блестящей литературной славы, но даже до первыхъ попытокъ на этомъ поприщѣ. Познакомились они въ 1814 году, въ Польшѣ, во время службы въ арміи и Шаховскаго, и Грибоѣдова. Біографы Грибоѣдова признаютъ за Шаховскимъ честь перваго толчка, даннаго позабвенному автору «Горе отъ ума». По пріѣздѣ въ Петербургъ, Грибоѣдовъ со всѣмъ жаромъ увлекся театромъ. Ему при этомъ предстояло пристать къ одному изъ кружковъ, группировавшихся около театра. Въ этихъ кружкахъ получали свое развитіе и направленіе и артисты, и драматическіе писатели. Двумя звѣздами театральнаго міра были тогда оракулы драматическаго искусства—Катенинъ и Шаховской, соперники и средоточія двухъ кружковъ, относившихся другъ къ другу почти враждебно и исключительно. Грибоѣдовъ, съ его острымъ и чуткимъ умомъ, хорошо понималъ, что Парнасъ Россійской словесности слишкомъ малочисленъ, чтобы еще дробиться по направленіямъ, и, не приставая ни къ какому кружку, былъ хорошъ и съ Шаховскимъ, и съ Катенинымъ, собирая свое отовсюду, гдѣ его находилъ. Онъ позволялъ себѣ трудиться надъ чрезмѣрною набожностью князя Шаховскаго, признакъ

которой онъ вѣчно носилъ на себѣ, въ видѣ мозоли на лбу отъ усиленныхъ земныхъ поклоновъ, но цѣнилъ въ немъ необыкновенное знаніе сцены и солидное знакомство съ иностранной драматической литературой, а также его умѣнье разобрать актера. Грибоѣдовъ понималъ, что ему есть что перенять у князя-Фальстафа, а потому не пренебрегалъ его знакомствомъ. Подъ вліяніемъ Шаховскаго, Грибоѣдовъ написалъ комедію «Молодые супруги», и затѣмъ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Жандромъ и Хмѣльницкимъ, перевелъ комедію Барта «Притворная невѣрность», и принялъ участіе въ комедіи «Своя семья». Насколько Грибоѣдовъ умѣлъ лавировать среди непримиримыхъ литературныхъ самолюбіи, достаточно говоритъ письмо его къ Катенину, по поводу уже напечатаннаго «Горе отъ ума». — «Вообще я ни передъ кѣмъ не тайлся — пишеть онъ — и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ), что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью своего дарованія, если оно есть». Видѣтъ все эти имена рядомъ и даже въ качествѣ конфидентовъ одного и того же лица, да еще свѣтила нашей словесности и глубокаго знатока сердца человѣческаго — болѣе чѣмъ странно. Особенно удивляешься, встрѣчая здѣсь и Булгарина, котораго Шаховской, напримѣръ, положительно не терпѣлъ и глубоко презиралъ, за то именно, что Булгаринъ печатно глумился надъ нимъ, а въ глаза льстилъ безсовѣстно.

Излагая здѣсь литературныя отношенія князя Шаховскаго, мы нѣсколько ушли впередъ, а потому, возвращаясь къ его біографіи, скажемъ, что въ августѣ 1818 года, князь, по несогласіямъ съ директоромъ театровъ, княземъ Тюфякинымъ, вышелъ въ отставку; но уже при новомъ директорѣ, А. А. Майковѣ, въ 1822 году, снова былъ назначенъ сначала преподавателемъ театральнаго училища, а затѣмъ членомъ особаго театральнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича, съ которымъ онъ былъ очень близокъ до самой его трагической смерти на Сенатской площади въ 1825 году. Тутъ Шаховской составилъ новый театральнѣй уставъ и новые штаты, которые и были утверждены 3-го мая 1825 года.

Этотъ уставъ произвелъ на современниковъ, надо сказать, впечатлѣніе неблагопріятное. Катенинъ, напримѣръ, писалъ по этому поводу Пушкину: «Случалось ли тебѣ видѣть новое театральное учрежденіе? Оно достойно стать рядомъ съ новымъ цензурнымъ уставомъ; кажется, нарочно для того сочинено, чтобы всѣхъ до послѣдняго отвадить писать для театра; за себя ручаюсь. О варвары, полотеры придворные, враги всего русскаго и всего хорошаго».

Въ это же время князь по-прежнему усердно обучалъ юныхъ артистовъ и артистокъ. Даже лѣтомъ, проживая за Екатеринго-

фомъ на дачѣ барона Раля, онъ постоянно занимался съ воспитанниками и воспитанницами театральнаго училища, которые жили на той же дачѣ. Сюда часто прѣзжали его петербургскіе друзья и въ особенности графъ Милорадовичъ. Бывшій въ то время ученикомъ театральнаго училища П. А. Каратыгинъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ нѣкоторые петербуржцы въ подзорныя трубки наблюдали за будущими великолѣпными сюжетами русской сцены, когда тѣ гуляли въ саду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шаховской тогда же именно отдѣлывалъ излюбленное дѣтище свое, комедію «Аристофанъ»,—произведеніе дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное. Онъ читалъ отрывки изъ нея въ засѣданіи Россійской Академіи 6-го января 1823 года. Извѣстный издатель «Благонамѣреннаго», А. Е. Измайловъ, писалъ по этому поводу Дмитріеву: «сколько могъ разслышать стихи очень хороши и по крайней мѣрѣ плавны».

II.

Смерть графа Милорадовича, второй выходъ въ отставку и переѣздъ въ Москву.—Театральный кружокъ Кокошкина, Загоскина, Писарева и Аксакова.—Воспоминанія Аксакова; пажность, труды для московскаго театра и постановка пьесъ.—Неизданная комедія «Игроки»; Шаховской о Шекспирѣ.—Переѣздъ въ Петербургъ и процессъ съ Пассеками.—Примиреніе съ друзьями Вяземскаго и Жуковскаго.—О. В. Булгаринъ.—Возвращеніе въ Москву и поѣздка въ Харьковское имѣніе.—Смерть.—Неизданное письмо князя Шаховскаго къ князю Мещерскому; дебаты съ пасторомъ и иезуитомъ; польскій вопросъ; Петръ Великій; французская революція; романтизмъ о Байронѣ.

Послѣ смерти графа Милорадовича и особенно въ новое царствованіе, значеніе Шаховскаго въ театральномъ мірѣ пошатнулось. 23-го января 1826 года, Шаховской снова вышелъ въ отставку и уже болѣе не возвращался на службу, хотя до конца дней своихъ не оставлялъ служенія театру. Онъ по-прежнему писалъ для бенефисовъ, ставилъ пьесы, училъ актеровъ, и все это съ малой выгодой для себя. Какъ сообщаетъ Зотовъ, перечислившій 80 пьесъ князя Шаховскаго, изъ нихъ только шесть были проданы въ дирекцію и за нихъ получено около 3,000 рублей. Все же остальное шло на бенефисы. Только бенефисы Е. И. Ежовой приносили семьѣ князя доходъ, но и то лишь благодаря стараніямъ самой Ежовой.

По выходѣ въ отставку, Шаховской прожилъ конецъ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ, въ кругу театраловъ—Кокошкина, Загоскина, талантливаго водевилиста Писарева и С. Т. Аксакова. Мы рассказывали выше, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ воз-

никло первое знакомство Шаховскаго съ Аксаковымъ. Аксаковъ съ юныхъ лѣтъ, преимущественно со словъ петербуржцевъ, составилъ себѣ самое невыгодное мнѣніе о Шаховскомъ. Между тѣмъ, Шаховской, переѣхавъ въ Москву, сразу сблизился съ Кокошкинымъ, Писаревымъ и Загоскинымъ, которые всѣ были дружны съ Аксаковымъ, почему этому послѣднему неизбежно было встрѣтиться съ Шаховскимъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Аксаковъ: «При первой встрѣчѣ у Кокошкина, онъ, какъ хозяинъ, долженъ былъ познакомить насъ съ Шаховскимъ. Не упоминая о нашей прежней довольно близкой встрѣчѣ, мы отрекомендовались другъ другу, какъ люди, которые видятся въ первый разъ въ жизни. Шаховской впился было въ меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность укоротили его немолкаемый языкъ и онъ долженъ былъ оставить меня въ покоѣ. При слѣдующемъ свиданіи вторичная попытка князя Шаховскаго сблизиться со мной также была неудачна. Я упрямылся, хотя видѣлъ, что такое положеніе огорчало всѣхъ моихъ пріятелей, что оно нарушало согласный строй дружескихъ собраній всего нашего круга. Шаховской приставалъ съ распросами къ Кокошкину, Загоскину и Писареву: что значить мое отчужденіе? и они были въ затрудненіи, что отвѣчать на такіе вопросы. Наконецъ, Писаревъ рѣшился поступить прямо и откровенно; онъ сказалъ Шаховскому, что я, наслышавшись много дурнаго о немъ, не хочу съ нимъ войти въ пріятельскія отношенія. Шаховской огорчился и въ свою очередь поступилъ также прямо: онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ и рассказалъ мнѣ искренно и добродушно всю исторію своей службы при петербургскомъ театрѣ; рассказалъ мнѣ нѣсколько такихъ обвиненій противъ него, какихъ я не зналъ, и, опровергнувъ многое положительно, заставилъ меня усумниться въ томъ, чего опровергнуть доказательствами не могъ. Я былъ побѣжденъ, протянулъ руку Шаховскому — и не имѣлъ причины раскаиваться. Съ каждымъ днемъ, узнавая короче этого добродушнаго, горячаго до смѣшнаго самозабвенія и замѣчательно талантливаго человѣка, я убѣдился вполнѣ, что одну половину обвиненій онъ наговорилъ и наклеветалъ самъ на себя, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы петербургскаго театральнаго міра, оскорбленнаго, раздраженнаго нововведеніями князя Шаховскаго».

Въ преисполненныхъ интереса своихъ литературныхъ воспоминанійхъ Аксаковъ яркими штрихами рисуетъ намъ многія типичныя черты князя Шаховскаго. Въ характерномъ эпизодѣ онъ говоритъ, между прочимъ, и о набожности князя, набожности, подавней въ свое время нерѣдко поводъ трунить надъ нимъ и даже обвинять его въ ханжествѣ. Слѣдующій рассказъ Аксакова вполнѣ опровергаетъ такое обвиненіе.

Разъ какъ-то, Аксаковъ, Загоскинъ, Кокошкинъ и Писаревъ

играли у князя въ карты. «Заигрались мы—говорить Аксаковъ— часовъ до двухъ утра. Простившись съ хозяиномъ, мы разѣхались въ разныя стороны; со мной былъ Писаревъ. Недалеко отѣхавъ, я вспомнилъ, что забылъ у Шаховскаго въ кабинетѣ пужную мнѣ книгу и воротился; по обыкновенію, никого не нашелъ въ лакейской, а также въ залѣ; заглянулъ къ хозяину въ кабинетъ и увидѣлъ, что онъ буквально лежитъ въ растяжку, шепчетъ молитву и стучаетъ лбомъ объ полъ. Я не захотѣлъ его встревожить, безъ книги воротился къ Писареву и сказалъ ему, что онъ совершенно правъ насчетъ коричневаго пятна». Писаревъ еще раньше говорилъ Аксакову, что Шаховской набилъ себѣ лобъ поклонами.

Въ кругу страстныхъ любителей театра, Шаховской трудился для московской сцены не меньше, если не больше, чѣмъ для петербургской. Надо замѣтить, что съ 1823 года на московской сценѣ игралъ М. С. Щепкинъ, воспитавшій свое дарованіе въ кружкѣ Загоскина, Писарева и Шаховскаго. Тогда же игралъ и Мочаловъ, но, къ сожалѣнію, этотъ высокій талантъ не поддавался никакой обработкѣ и игралъ однимъ художественнымъ чутьемъ. Онъ признавалъ авторитетъ Шаховскаго, но какъ-то странно; онъ боялся его, и зная, что въ театрѣ сидитъ Шаховской, «старался», какъ передаетъ Аксаковъ, но изъ этого старанья выходила только самая неестественная игра. Служа актерамъ своими совѣтами и руководя ихъ, Шаховской, кромѣ того, какъ и прежде, писалъ для бенефисовъ. Стоило только актеру попросить его и онъ спѣшилъ написать новую пьесу, что, конечно, отражалось пагубно на самыхъ пьесахъ, которыя спасались отъ полного паденія только благодаря умѣнью князя ставить пьесы. Постановкѣ пьесъ Шаховской всегда предавался со страстью. «Весь проникнутый любовью къ искусству, говоритъ Аксаковъ,—не чувствуя ни жара, ни холода, не видя окружающихъ его людей, ничего не помня, кромѣ репетируемой пьесы, никого не зная, кромѣ представляемаго лица,—Шаховской часто былъ великолѣпенъ, не смотря на свою смѣшную толстую фигуру, свой длинный птичій носъ, визгливый голосъ и картавое произношеніе». Объ одной такой репетиціи Аксаковъ рассказываетъ очень подробно. На нѣсколько спектаклей въ Москву приѣхала Ежова и ради ея Шаховской вздумалъ поставить свою оперету «Любовная почта», въ которой, по его мнѣнію, Ежова была неподобна. Между тѣмъ, репетиція шла вяло и актеры плохо знали свои роли. Шаховской вскакивалъ съ своихъ креселъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому актеру или актрисѣ, стараясь ласкою, шуткою и собственнымъ одушевленіемъ оживить, поднять тонъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, одному говорилъ онъ: «Василій Петровичъ, ты, кажется, усталъ; вѣрно, позавтракалъ, а теперь хочешь уснуть; вѣдь ты не слыхалъ, что тебѣ сказалъ Феодоръ Антоновичъ? Вѣдь онъ тебя обидѣлъ, а ты не сердись»... Тутъ

князь начиналъ повторять прекрасную рѣчь Василя Петровича, немилосердно коверкая и совершенно перевирая слова собственной своей пьесы. Молодая актриса, игравшая главную роль, говорила съ спокойнымъ видомъ о своемъ весьма затруднительномъ положеніи. Шаховской вспыхнуть. «Душенька, закричалъ онъ, — ну какъ же тебѣ не стыдно! Вѣдь тебѣ совсѣмъ не жалъ человѣка, который тебя любитъ. Ты, вѣрно, забыла о немъ и думать, что отвѣчаешь урокъ своей мадамѣ (актриса была изъ театральной школы). А ты вообрази, что это NN». И князь назвалъ по имени человѣка, къ которому, какъ думали, была равнодушна молодая актриса. Игрой самой Ежовой онъ тоже былъ недоволенъ и тихо бормоталъ, что не узнаетъ ее. Вдругъ пришла сцена, въ которой Ежова должна была пѣть длинную арію. Актриса нѣсколько разъ ошибалась. Шаховской, сидя въ креслахъ, только кланялся ей при всякой ошибкѣ. Онъ молчалъ, но лицо его выражало такую комическую скорбь, что по-истинѣ было и жалко, и смѣшно смотрѣть на него. Ежова видимо сконфузилась наружнымъ спокойствіемъ князя, зная, что эта тишина передъ бурей, забыла роль и, когда пришлось ей пѣть, запѣла стихи изъ другой оперы. Князь незамѣтно сползъ съ своихъ креселъ, сталъ на колѣни и повалился ей въ ноги. Репетиція остановилась. Шаховской долго не измѣнялъ своего положенія, бормоча самымъ жалобнымъ голосомъ: «Господи, за что ты меня наказуешь? Благодарю, матушка Катерина Ивановна!» И вдругъ вскочивъ съ бѣшенствомъ разъяренного тигра, завопилъ дикимъ, не человѣческимъ, какимъ-то канибаловскимъ голосомъ: «такъ это свои-то, свои-то? сначала, до завтра сначала!» Это наконецъ становилось не смѣшно. На сценѣ было холодно; всѣ были въ шубахъ, шляпахъ или шапкахъ. Шаховской въ одномъ фракѣ, съ открытой головой; лицо его горѣло; слезы и потъ катились по щекамъ и паръ стоялъ надъ его лысиной. Тогда мы всѣ бросились къ нему, стараясь его успокоить — и какъ легко это было! Въ одну минуту прошло его бѣшенство, онъ просилъ прощенія у всѣхъ, и самъ первый смѣялся надъ своими выходками. Никто не сердился, охотно простили авторскую горячность, возобновили репетицію сначала и она сошла гораздо лучше. Одна Катерина Ивановна не простила и цѣлый день язвила своимъ неумолимымъ языкомъ смирнаго, уже, какъ овечка, жалкаго князя Шаховскаго».

Среди такой жизни, вѣчно наполненной не тѣмъ, такъ другимъ, Шаховской все-таки находилъ время для работы надъ такими произведеніями, въ которыхъ онъ хотѣлъ провести въ драматическое искусство что-то новое и непремѣнно самобытное русское, создать что нибудь посерьезнѣе, чѣмъ тѣ бенефисныя бездѣлушки, которыя онъ писалъ по просьбѣ актеровъ. Такое стремленіе замѣтно въ Шаховскомъ уже нѣсколько раньше, и въ письмѣ

своемъ къ князю Одоевскому, еще въ 1823 году, онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Успѣвши нѣсколько въ старомъ или обыкновенномъ, я ищу для нашего театра если не совсѣмъ новаго — полагая, что новаго давно уже нѣтъ на свѣтѣ — то по крайней мѣрѣ не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрой, шитыми кафтанамъ и красными каблуками изъ Парижа. Я хочу своими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше меня дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы, и даже къ созданію своего собственнаго театра».

Все это написано Шаховскимъ по поводу его драмы: «Соколъ князя Ярослава Тверского». «Въ этой пьесѣ — говоритъ онъ дальше — я сдѣлалъ опытъ русскаго размѣра; кажется, онъ мнѣ удался, и публика приняла хорошо этотъ опытъ руссизма, которымъ, однако же, нельзя много писать, чтобы не впасть въ заунывный напѣвъ». Опасенія Шаховскаго были не напрасны: заунывный напѣвъ «Сокола» дѣлаетъ эту драму невыносимо скучной. Намъ кажется, онъ былъ гораздо ближе къ своей цѣли — отыскать для нашего театра «не столь условное, какъ драматическія подражанія», когда писалъ въ Москвѣ свою неизданную комедію «Игроки». Вотъ что рассказываетъ Аксаковъ по поводу чтенія этой комедіи самимъ авторомъ. Слушать чтеніе Шаховскаго было не легко. Обыкновенно онъ самъ начиналъ читать пьесу, чтобы дать тонъ, а затѣмъ передавалъ Кокоскину или Аксакову (самъ онъ шепелявилъ, такъ что трудно было подъ часъ и разобрать его). Но, конечно, пьеса въ такихъ случаяхъ бывала переписана на-чисто. На этотъ разъ (это было у Кокоскина въ деревнѣ) Шаховской принесъ кучу перемаранныхъ листовъ, — значитъ, онъ хотѣлъ читать самъ. Шаховской однако завѣрилъ, что первый актъ онъ самъ переписалъ, а дальше какъ нибудь разберетъ. Но и первый актъ былъ похожъ на черновой набросокъ. Князь плохо разбиралъ, заикался, плевалъ, перевиралъ фразы и слова. вмѣсто «другъ мой», читалъ — «трупъ мой»; вмѣсто «я отплачу тебѣ — я поплачу по тебѣ», и, наконецъ, разсердился на себя. «Ну, скажите, лади Бога, вопилъ онъ, есть ли въ Россіи какой нибудь сапозникъ, какой нибудь подлецъ, котолый бы такъ писалъ какъ я? Ну, да я посталяюсь тепель». Шаховской началъ стараться, но какъ-то поперхнулся и задохся. Попробовалъ читать Аксаковъ, но не было возможности: грубѣйшія ошибки, отсутствіе знаковь препинанія, подчеркъ, напоминающій извѣстную поговорку о курицѣ, которая ходила по бумагѣ — все это заставило Аксакова отказаться отъ чтенія. Князь сдѣлалъ гримасу и сталъ читать самъ. Не разбирая фамилій, онъ называлъ фамиліи своихъ знакомыхъ. Хохотали друзья, хохоталъ надъ собою и самъ авторъ. Кончился первый актъ. Хотѣли заговорить князя и петербургскимъ театромъ, и

Шекспиромъ, о которомъ князь никогда не могъ достаточно наговориться—напрасно: онъ принялся за второй актъ. Но тутъ онъ уже не могъ подобрать даже страницу къ страницѣ и рѣшилъ разсказать только интригу. Интрига состояла въ томъ, что на ярмарку прѣѣхали мошенники-игроки, съ цѣлью обыграть какихъ-то богатыхъ графовъ и князей. Игроки ихъ обыгрываютъ, но ссорятся между собою и изобличаютъ другъ друга въ различныхъ плутняхъ. Молодые графы и князья прощаютъ ихъ и отпускаютъ съ миромъ. Покончивъ и съ чтеніемъ, и съ интригой, князь спросилъ у друзей ихъ мнѣнія. Друзья отозвались о пьесѣ рѣзко, быть можетъ—прежде всего измученные ея чтеніемъ. Характернѣе всего, для своего времени, отзывъ о ней Аксакова: «я откровенно сказалъ князю, говорить онъ, что считаю оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ картахъ. Я не почувствовалъ тогда гоголевскихъ «Игроковъ».—Обезкураженный авторъ, къ сожалѣнію, бросилъ пьесу, хотя прологъ ея гдѣ-то напечатанъ.

Таковы были художественныя тенденціи просвѣщенныхъ людей того времени. Лучше ихъ понималъ будущее русской сцены Шаховской, всегда искавшій опоры въ своей борьбѣ съ ложно-классической теоріей въ авторитетъ гениальнаго Шекспира, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Мы позволимъ себѣ взять у Аксакова еще одинъ уморительный анекдотъ, передаваемый имъ по этому поводу. Шаховской частенько любилъ поиграть въ карты со своими московскими друзьями, но случалось часто, что прежде, чѣмъ сѣсть за карточный столъ, князь любилъ прочесть свое только-что написанное произведеніе, хотя это всегда было пыткой и для автора, и для слушателей, какъ это мы видѣли выше. «Ѣхали мы, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ,—то есть я, Кокошкинъ, Загоскинъ и Писаревъ, на вечеръ къ Шаховскому. Вдругъ Загоскинъ и говоритъ: надоѣлъ мнѣ Шаховской своими стихами! опять что нибудь будетъ читать. Я придумалъ вотъ что: какъ прѣйдемъ, я заведу съ нимъ споръ. Скажу, что прочелъ сегодня «Кумушекъ» Шекспира и начну ихъ бранить; скажу, что Шекспиръ—скотина животное; Шаховской взбѣсится—и пройдетъ время. Мы охотно согласились. Прѣѣхавъ къ князю, мы нашли у него Щепкина и еще кого-то изъ нашего круга. Загоскинъ повелъ атаку, но не искусно, такъ что Шаховской замѣтилъ его намѣреніе и хладнокровно началъ подсмѣиваться надъ Загоскинымъ; сказалъ, что съ малолѣтними и малоумными о Шекспирѣ не говорятъ; что вся русская литература, въ сравненіи съ англійской, гроша не стоитъ и что такому отсталому народишку, какъ русскій, надобно еще долго жить и многому поучиться, чтобы понимать и цѣнить Шекспира. Тутъ уже изъ себя вышелъ Загоскинъ, и его насилу уняли друзья и самъ Шаховской. Подъ

видомъ шутки, князь высказалъ здѣсь очень серьезный и довольно глубокий взглядъ свой на геній Шекспира».

Между тѣмъ, Шаховскому пришлось проститься съ Москвою и дорогимъ ему литературно-художественнымъ кружкомъ. Личныя дѣла требовали его присутствія въ Петербургѣ, гдѣ онъ и прожилъ тридцатые года. Дѣло въ томъ, что семейство князей Шаховскихъ имѣло долгій процессъ за имѣніе съ графиней Булгарь, и наконецъ, Шаховскіе выиграли его. Но вслѣдъ затѣмъ на то же имѣніе предъявило свои права семейство Пассекъ, изъ котораго происходила и мать князя Александра Александровича, и Шаховскіе принуждены были уступить Пассекамъ половину имѣнія, находившагося въ Харьковской губерніи и уѣздѣ, при селѣ Рогань. Въ концѣ концовъ, и князь Александръ Александровичъ получилъ на свою долю часть изъ этого имѣнія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1830 году, Шаховской писалъ къ Аксакову. Изъ этого письма его можно видѣть, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ отсталымъ отъ событій и, какъ человекъ другой эпохи, не въ состояніи схватить духа новыхъ порядковъ и потому боится во что нибудь вмѣшаться, а предпочитаетъ сидѣть у моря и ждать погоды. Вообще, онъ видитъ, что время его прошло, и что его, князя А. А. Шаховскаго, уже ни къ чему не призвуть. Тѣмъ не менѣе его самолюбіе польщено совсѣмъ новымъ для него отношеніемъ къ нему литературныхъ кружковъ. Онъ примиряется съ Жуковскимъ, читаетъ у него на вечерѣ свои «Смоляны». Пушкинъ любезенъ съ нимъ, предлагаетъ ему участвовать въ затѣваемомъ имъ журналѣ. Но онъ все-таки съ недоверіемъ относится «къ друзьямъ Вяземскаго». Видя такое вниманіе къ себѣ со стороны писателей—именъ славныхъ, князь съ другой стороны встрѣчаетъ невыносимую ругань, которою осыпаетъ его Булгаринъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ». Нападки эти его раздражаютъ и, когда тотъ же Булгаринъ подходитъ къ нему въ театрѣ съ комплиментами, князь рѣзко обрываетъ его. Случай этотъ, помимо письма Шаховскаго къ Аксакову, переданъ и г. Смирновымъ въ его «Воспоминаніяхъ». Дѣло происходило въ декабрѣ 1830 года, на первомъ представленіи драмы Шаховскаго «Рославлевъ». Успѣхъ былъ полный и князь, окруженный своими пріятелями, сидѣлъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Подошелъ и Булгаринъ, съ обычными комплиментами и заигрываньями. Но Шаховскій вскипѣлъ и сказалъ: «вотъ видите-ли вы, здѣсь все мои друзья. Для каждаго добраго человека въ домѣ моемъ открыта дверь во всякое время, а для двуличныхъ и неблагонамѣренныхъ людей у меня въ передней въ углу всегда стоитъ камышевая палка. Понимайте, какъ знаете».

Къ этому же времени относится письмо князя къ Загоскину, отрывокъ изъ котораго приведенъ Аксаковымъ въ біографіи Загоскина. Въ этомъ письмѣ князь тоже пишетъ о своихъ свиданіяхъ

«съ первоклассными писателями», а главное о томъ восторгѣ, въ какой привелъ ихъ романъ Загоскина «Юрій Милославскій». Жуковский прочелъ всѣ три тома его за одну ночь, въ одинъ присѣсть. Такое же впечатлѣніе произвелъ романъ и на Пушкина. Самъ Шаховской тоже принялся въ это время писать романъ въ духѣ Вальтеръ-Скотта, но судьба этого романа неизвѣстна. Появилась только, въ изданіи Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ», повѣсть князя Шаховскаго «Малороссійская Сафо».

Такимъ образомъ, и въ этотъ періодъ своей петербургской жизни Шаховской окружилъ себя снова артистами и литераторами и даже сблизился съ бывшими своими врагами по «Арзамасу». Въ 1840 году, онъ опять переѣхалъ въ Москву и поселился у родственника и друга своего М. М. Бакунина. Даже въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, князь не оставлялъ литературныхъ трудовъ и сдѣлался сотрудникомъ «Репертура и Пантеона», въ которомъ помѣстилъ свою «Лѣтопись русскаго театра» и «Обзоръ русской драматической словесности», который удостоился рѣзкой критики Бѣлинскаго.

Въ 1845 году, князь попытался пожить и въ новомъ своемъ владѣніи—харьковскомъ имѣніи Рогани, лежащемъ въ 18-ти верстахъ отъ Харькова. Здѣсь онъ перезнакомился со всею мѣстной знатію и особенно заинтересовался личностью тогдашняго харьковскаго архіепископа, знаменитаго Иннокентія, съ которымъ часто бесѣдовалъ.

Въ 1846 году, князь вернулся въ Москву уже совершенно опустившимся старикомъ. Послѣ осемидневной болѣзни, онъ скончался 22-го января того же года и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Всѣ свои рукописи, переписку и права на изданія онъ завѣщалъ Павлѣ Михайловнѣ Бакунинной. Бумаги эти лежатъ подъ спудомъ, и потому-то предлагаемый нами краткій біографическій очеркъ жизни князя Александра Александровича столь бѣденъ фактами. Фактовъ этихъ слишкомъ недостаточно, чтобы освѣтить надлежащимъ образомъ и выяснить вполне жизненный типъ князя Шаховскаго и тѣмъ болѣе его внутренній міръ. Только собственные письма его и вообще переписка могли бы помочь въ этомъ случаѣ и способствовать правильному пониманію и оцѣнкѣ какъ его отношеній къ людямъ и дѣлу, которому онъ служилъ всю жизнь, такъ и самыхъ его произведеній.

Поэтому, мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ ниже въ извлеченіи письмо князя Шаховскаго къ князю Элиму Петровичу Мещерскому. Въ этомъ письмѣ высказаны болѣе или менѣе оригинальные, а, главное, задушевные взгляды Шаховскаго относительно религіи, исторіи и поэзіи въ строгомъ смыслѣ. Имѣя побольше такихъ документовъ, можно было бы вполне описать и охарактеризовать князя Шаховскаго, выяснить его несомнѣнное значеніе въ исторіи нашей литературы. Въ нашемъ біографиче-

скомъ очеркѣ, мы желали отмѣтить черты симпатичной гуманности князя Шаховскаго, благородной ревности его къ дѣлу, въ которое онъ влагалъ всю свою душу, рѣдкое безкорыстіе, словомъ—черты, предъ которыми блѣднѣютъ нѣкоторые его недостатки, какъ вспыльчивость, нервность, порывистость—недостатки, къ несчастію, столь присущіе почти каждой истинно-талантливой натурѣ.

Выше упомянутое письмо князя Шаховскаго къ князю Элиму Петровичу Мещерскому обязательно предоставлено въ наше распоряженіе г. Пановымъ, къ которому перешло по наслѣдству отъ князя Мещерскаго, умершаго въ 1844 году. Письмо это заключаетъ въ себѣ 17 листовъ почтовой бумаги большого формата, собственноручно подписано княземъ Шаховскимъ и помѣчено 29-мъ августа 1833 года.

Князь Э. П. Мещерскій въ тридцатыхъ годахъ довольно много писалъ на французскомъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ и переводилъ на французскій языкъ нашихъ поэтовъ. Своими литературными трудами онъ стремился ознакомить иностранцевъ съ русской жизнью и литературой. На одной изъ своихъ книжекъ — «Lettres d'un russe» — князь Э. П. Мещерскій выставилъ эпитафію изъ одной комедіи Шаховскаго. Этого было довольно для князя Александра Александровича, чтобы завязать переписку съ княземъ Мещерскимъ, который, какъ выразился въ письмѣ къ нему Шаховской, «своими сочиненіями уничтожалъ чужеземное злословіе и обнаруживалъ древнюю тайну нынѣшняго нашего могущества». Въ сношеніи съ княземъ Мещерскимъ Шаховской вступилъ чрезъ посредство Вигеля, съ которымъ въ это время былъ довольно близокъ. Внимая совѣтамъ Вигеля, Шаховской сообщаетъ Мещерскому «нѣкоторыя приобрѣтенія» изъ своего долготѣннаго опыта. Прежде всего, эти «нѣкоторыя приобрѣтенія» касаются «благодѣтельности нашего отечества—собственно его православной церкви», которой Мещерскій, въ своихъ сочиненіяхъ, отдавалъ полную справедливость. Шаховской, однако, не пускается въ разсужденія объ этомъ «любимомъ предметѣ своихъ думъ», ссылаясь на то, что Вигель въ томъ же духѣ уже много написалъ для того же князя Мещерскаго, и только приводитъ нѣкоторые, довольно любопытные споры свои съ католическимъ священникомъ и лютеранскимъ пасторомъ. Съ обѣими этими лицами князь Шаховской столкнулся въ Ригѣ, гдѣ онъ состоялъ при маркизѣ Пауллучи. Съ іезуитомъ Шаховской заспорилъ о расколахъ, которыми іезуитъ попрекнулъ русскую церковь; на это князь Шаховской возразилъ ему, что «наши расколы существуютъ только между чернью, но ваши сдѣлались вѣроисповѣданіемъ цѣлыхъ просвѣщенныхъ народовъ», и указывалъ на протестантовъ, между тѣмъ какъ восточная церковь хранитъ свое единство среди различныхъ національностей, «въ покорности разнымъ свѣтскимъ правителямъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже не хри-

стіане». Отдавая справедливость «мужественнымъ дѣйствіямъ» Мартина Лютера, князь Шаховской порицаетъ только его небреженіе къ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и непониманіе «велелѣпія древняго христіанскаго богослуженія». Затѣмъ, князь Шаховской рассказываетъ, что онъ окончательно сбиль съ позиціи хитраго іезуита, указавъ ему на то, что папа Евгений IV-й, на Флорентинскомъ соборѣ, призналъ правоту догматовъ восточной церкви, а, слѣдовательно, различіе между православными и католиками должно состоять только въ признаніи или непризнаніи папы. Отъ этихъ доводовъ іезуитъ могъ только отшутиться, сказавъ, что онъ «отрекается отъ спасенія души князя Шаховскаго». Пастора же князь Шаховской уничтожилъ уже вмѣстѣ съ маркизомъ Паулучи. Суперъ-интендентъ лютеранской церкви, пасторъ Зонтагъ, явился къ военному губернатору, маркизу Паулучи, съ жалобой на министра народнаго просвѣщенія, который запретилъ новый переводъ Библіи и тѣмъ нарушилъ свободу аугсбургскаго вѣроисповѣданія, дарованную Петромъ Великимъ. На это Паулучи и Шаховской указали пастору, что и сама церковь лютеранская употребляетъ переводъ Лютера и что, слѣдовательно, министръ совершенно правъ; что свобода совѣсти есть «воля исповѣдывать грѣхи свои вслухъ священнику или мысленно каяться въ нихъ передъ Богомъ», а не въ томъ, чтобы «пскажать по своему хотѣнію божіе слово». Это было все, чего добился пасторъ.

Въ подкрѣпленіе той же идеи объ отступничествѣ католиковъ, Шаховской приводитъ еще рассказъ о знакомствѣ своемъ въ Неаполѣ съ архіепископомъ Торентскимъ, человѣкомъ столь почтеннымъ, что даже разбойники, приглашая его къ себѣ письмомъ для благословенія заблудшей паствы, обѣщали при этомъ полную безопасность. Архіепископъ этотъ давалъ Шаховскому книгу одного католическаго священника, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшую отъ всеожженія. Въ этой книгѣ, заглавія которой князь не приводитъ, онъ нашелъ «убѣдительноѣйшія доказательства отпаденія римской церкви отъ вселенской».

Увлеченный этими богословскими разсказами, Шаховской говоритъ, что ему «очень захотѣлось сообщить исторію собственнаго обращенія отъ внушеній прошлаго вѣка къ нашей святой церкви», но размѣры письма испугали его и онъ далѣе обращается къ «Письмамъ о Россіи» самого князя Мещерскаго, причемъ высказываетъ свои задушевные тенденціи, особенно относительно русской литературы. «Русское слово красиво, богато, сильно, но еще ново, и время его критиковъ не пришло». Одобривъ намѣреніе князя Мещерскаго познакомить иностранцевъ съ ходомъ нашей словесности, онъ сомнѣвается въ возможности убѣдить ихъ «въ способности русскихъ ко всему изящному». Позднее признаніе гениевъ и талантовъ Шаховской находитъ въ порядкѣ вещей и приводитъ

къ тому примѣры: «еще Боало называлъ Тассово золото мишурой; самъ Шекспиръ надолго былъ согнанъ съ созданнаго имъ театра. И нѣмецъ Шлегель признаетъ,—и, кажется, не безъ толка,—что нѣмецкая драматургія будетъ завтра». Обращаясь къ «Письмамъ» Мещерскаго, Шаховской говорить о польскомъ вопросѣ. Онъ оставливается на благодѣяніяхъ, оказанныхъ Польшѣ Александромъ I-мъ, послѣ которыхъ полякамъ оставалось только «броситься братски въ объятія радушныхъ соплеменниковъ, основать на силѣ Россіи прочность своего благосостоянія. Что же они начали? Чѣмъ кончили?» Такое поведеніе поляковъ Шаховской объясняетъ «нравственной холерой, нанесенной западнымъ вихремъ». «Тотъ же, кто съ прародительскаго престола, изъ объятій благодатнаго семейства полетѣлъ орломъ противъ физической холеры, для спасенія вѣрныхъ подданныхъ своихъ, исцѣлить и язвы заблудшихъ». Надо замѣтить, что это писано въ 1833 году, вскорѣ послѣ холеры и польскаго возстанія. Здѣсь Шаховской пресерьезно доказываетъ, что въ основѣ «самородныхъ чувствъ» поляковъ лежитъ симпатія къ русскимъ. Вотъ что говорить онъ по этому поводу: «Въ Варшавѣ, занятой русской запасной арміей, еще до взятія Парижа, я былъ свидѣтелемъ множества свадебъ нашихъ воиновъ съ пригожими поляками и по достовѣрнымъ справкамъ узналъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ вышло въ десять разъ больше за «проклятыхъ москалей», чѣмъ во все продолженіе прусскаго и саксонскаго владѣнія за нѣмцевъ; кто-жъ меня увѣритъ, чтобы это было дѣйствіе ненависти! и кто не увидитъ въ такомъ взаимномъ магнетизмѣ душъ, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, влеченіе единородства, которое доказываетъ, что вражда къ намъ поляковъ—въ ихъ головахъ, а не въ сердцахъ».

Шаховской находитъ труднымъ опредѣлить самую границу между Россіей и Польшей и, цитируя отрывокъ изъ своей неудачной трагедіи «Смоляне», проводитъ ту мысль, что роды польскіе и русскіе перемѣшаны. Шаховской перебираетъ всѣ историческія попытки соединенія Россіи и Польши, но «судьба еще не рѣшила тогда, кому должно присоединиться; теперь ея судъ произнесенъ».

Оставляя жгучій польскій вопросъ, Шаховской переходитъ къ кумиру своему въ нашей исторіи—къ Петру Великому.

Прежде всего, Шаховской опровергаетъ то «ложное о нашемъ отечествѣ мнѣніе», что будто бы Петръ I-й «создалъ Россію изъ ничего», и предлагаетъ пародію на тѣ расказни, какія распустили о нашемъ отечествѣ философы прошлаго столѣтія, «торжественно провозгласивши, что «Ипер-борейская степь, занимающая всю плоскость между древняго Кавказа и Новой Землей, отъ Кимврическаго полуострова до Понта Эвксинскаго, т. е. Россія, названная «Бѣлой» отъ снѣговъ, вѣчно покрывающихъ разбѣянные на ней варварскія станицы, приняла, по дикой любви одного изъ ея ха-

новъ или князей къ греческой принцессѣ, какое-то христіанство, смѣшанное съ прежнимъ своимъ идолопоклонствомъ и магометанствомъ, занесеннымъ покорившими ее татарами; и вдругъ сія мерзлая земля съ ея дикарями, намагнитизированная желѣзнымъ скипетромъ своего деспота, преобразилась почти въ европейское государство; итакъ, одинъ человѣкъ, одной своей сильной волей, безъ всякаго сверхъестественнаго наитія, безъ всякой религіозной фантасмагоріи, сдѣлалъ чудо, стоящее всѣхъ баснословныхъ чудесъ; и этотъ человѣкъ былъ варваръ, тиранъ, но чудесный геній.

Въ силу этого, сообразно «съ понятіемъ прошлаго философическаго вѣка», Россія представляетъ «безобразную непрочную связь европейства съ азіатствомъ». Припоминая все, что сдѣлала Европа для Россіи въ 1812 году, Шаховской говоритъ, что, напротивъ, она представляетъ «цѣлый и полный слитокъ ея собственныхъ благородныхъ металловъ, красиво образованныхъ мощной рукой Великаго Петра и закаленныхъ въ горнилѣ боговдохновенной вѣры».

Развивая дальше такой свой взглядъ на ходъ просвѣщенія въ Россіи, Шаховской говоритъ слѣдующее: «пытливость нашихъ современниковъ, обращенная на Россію, кажется, уже должна имъ открыть, что естественный ходъ ея просвѣщенія проложился уже далеко задолго до Петра Великаго». Пропуская первые посылы просвѣщенія въ «счастливыя времена Владиміра, Ярослава и Мономаха, которыхъ благопріобрѣтенія истребило нашествіе татаръ», Шаховской указываетъ только на то, что «одна православная церковь, сокровищница русскаго единодушія, и въ самой пагубѣ удѣльнаго раздѣленія, долго хранила подъ спудомъ тотъ священный огонь, который, наконецъ, воспламенилъ остывшія сердца, оживилъ замерзлые члены и освѣтилъ померкшіе умы».

Признавая честь возвращенія Россіи на путь цивилизаціи за Іоанномъ III, освободившимъ Россію отъ позорнаго ига, Шаховской съ любовью останавливается на Борисѣ Годуновѣ и говоритъ: «только Борисъ Годуновъ, постигнувъ совершенно, что не силою рукъ, а силою ума тверды государства, и почувствовавъ все преимущество и необходимость просвѣщенія, можетъ похвастаться у насъ первымъ его возобновителемъ. Самъ Петръ Великій (какъ дошло до меня по семейнымъ преданіямъ отъ его любимца, прадѣда моего) отдавалъ царю Борису эту справедливость, и кому же въ этомъ можно болѣе повѣрить? Годуновъ, только еще замышляя прибрать въ свои руки русскую державу, вызывалъ иностранныхъ учителей къ своему сыну, соглашалъ бояръ послѣдовать его примѣру, началъ сблизать понятія нашихъ предковъ съ иноземными благоучрежденіями и очень искусно направилъ русское любознаніе на проложенный имъ путь».

Указавъ на преобразованія Алексѣя Михайловича, Шаховской выражаетъ сожалѣніе относительно преждевременной смерти Федора

Алексѣевича, «воспитаннаго свѣдущими наставниками». Онъ могъ бы приготовить Петру путь преобразованій, отмѣнный отъ того, на который онъ рѣшился, будучи «принужденъ упорнымъ противо-дѣйствіемъ крамолы выбивать, какъ говорится, клинъ клиномъ». Послѣ смерти Ѳеодора, говоритъ Шаховской, положеніе русскаго просвѣщенія было крайне отчаянно:

«Чугунное изувѣрство пѣрло; а свинцовое невѣжество тянуло его въ бездонную топь; одинъ только Петръ, исполнивъ духомъ, богатырь волею, былъ въ силахъ схватить, вырвать и поставить его на твердой высотѣ, но не иначе, какъ Коломбъ поставилъ на столѣ яйцо: онъ долженъ былъ раздавить скорлупу, которую не могъ ни сгладить, ни смягчить. Вотъ какъ я понимаю исторію нашего образованія и разгадываю причины неимовѣрныхъ дѣйствій Петра Великаго».

Дѣлая очеркъ дѣтства и юности Петра, отмѣчая здѣсь благотворныя вліянія и ужасныя впечатлѣнія, созданныя крамолой Софьи Алексѣевны и стрѣleckими мятежами, Шаховской полагаетъ, что подъ этими впечатлѣніями закалилась и ожесточилась воля юнаго монарха, который обязанъ былъ «не дорожить ничѣмъ, кромѣ времени, не щадить ни себя и ничего для предупрежденія уже испытаннаго зла и во что бы ни стало ускорить несомнѣнное благо своего отечества». Такъ, необходимость принудила его дѣйствовать по своему: «схватить могучею рукою влачима въ крови и прахѣ бразды правленія; скрѣпить въ одной царской волѣ всѣ государственныя силы и власти; опрокинуть разомъ всѣ неизбежныя препоны и не по накатанному пути, а цѣликомъ, давя закоренѣлыя предразсудки, суевѣрія, старообрядчество и даже самыя народныя привычки, прямо и быстро возвелъ Россію на лучезарную высоту прозрѣнную его орлинымъ взглядомъ».

Съ восторгомъ и безъ критики одобряя всѣ реформы Петра, Шаховской силится отыскать мотивы связи между Петромъ и народомъ: «оставшись одинъ отъ воцареннаго народнымъ единодушіемъ рода и уже облагодетельсваго Россію тремя достойными ея государями, Петръ, ихъ сирота и послѣдышъ, былъ сокровищемъ любви и упованія русской земли, видѣвшей въ жизни юнаго надежи-царя все свое благо, а въ утратѣ его весь ужасъ недавно минувшаго безначалія, сумятицы, вторженіе иноземцевъ, уничтоженіе и незабытое еще порабощеніе. Бѣдствія, угнетенія и опасности его отрочества совокупили великодушнымъ состраданіемъ все царство съ царемъ».

Не желая уподоблять подвиги Петра подвигамъ кесарей, Александровъ, Чингисовъ, Шаховской считаетъ возможнымъ, но не отваживается сравнивать ихъ съ дѣлами Моисея и Магомета. Продолжая свою аналогію Петра Великаго, князь останавливается на вопросѣ объ измѣненіи нашей одежды. Къ этому вопросу онъ отно-

сится очень серьезно и глубоко, что подтверждается воспоминаніями о Шаховском г. Смирнова, относящимися ко времени тѣхъ же тридцатыхъ годовъ, когда было написано разбираемое нами письмо. Изъ этихъ воспоминаній видно, что князь Шаховской сожалѣлъ о потерѣ нашего національнаго платья. Когда разъ, въ его присутствіи, кто-то сталъ выхвалять бархатныя однорядки, шубы-охабни, и рѣчь зашла о возможности снова ввести такую одежду, Шаховской молча закрылъ лицо руками, быстро вскочилъ съ мѣста и сказалъ: «зачѣмъ осуществлять то прекрасное, чего возратить нельзя», и сталъ ходить по комнатѣ. Съ другой стороны, тотъ же Смирновъ передаетъ, что, разъ начавъ говорить о дѣлахъ Петра Великаго, Шаховской поднималъ на ноги все прошлое, наконецъ плакалъ, какъ ребенокъ, и просилъ переменить разговоръ. Въ письмѣ къ князю Мещерскому, онъ во всей силѣ признаетъ «дѣйствіе одежды надъ духомъ народнымъ». Въ томъ же письмѣ онъ рассказываетъ, какъ еще въ десятихъ годахъ, онъ съ своимъ другомъ Оленинымъ затѣвали составить русскіе лѣтописные листы, съ прибавкой географическихъ картъ и рисунковъ одеждъ по эпохамъ ихъ измѣненія. «Намъ хотѣлось, говоритъ онъ, представя очевидно постепенное превращеніе бездоннаго мѣшка съ прорѣхами и лоскутами въ хитонъ и хламиду, а тамъ мало-по-малу и въ нынѣшній фракъ и жилетъ, прояснить запыленную временемъ плетеницу человѣческихъ понятій». Теперь Шаховской рѣшительно объявляетъ благодарность Петру «за нашу переодѣвку по образцу западной Европы, съ которой сдвинуть нужно было наши понятія», говоря, что «тѣлесное образованіе было всегда вывѣской уместнаго», и что «брита и ножницы (пущенныя въ ходъ Петромъ) были самыми ужасными, однако же и самыми успѣшными орудіями вводимаго просвѣщенія». Далѣе, князь отмѣчаетъ ту благородную черту преобразованій Петра, что всѣ ихъ онъ начиналъ сверху, начиная съ самого себя, метя лѣстницу съ верхнихъ ступеней. «Дворяне, по наружному виду сходные не съ простымъ народомъ, а съ царемъ», по-неволѣ должны были брать примѣръ съ него и во всемъ остальномъ и, прежде всего, «сказали, прекрестясь: ученье—свѣтъ, а неученье—тьма».

Подводя, такъ сказать, итогъ своему восхваленію Петра, Шаховской говоритъ о немъ: «Петръ Великій былъ правдолюбивъ, доступенъ, даже можно сказать простонароденъ, но строгъ, и повелителенъ, при новости своего государства, какъ римскіе консулы въ началѣ ихъ республики; однако же западные умствователи, благоговѣя передъ доблестями римлянъ, злословятъ ихъ въ русскомъ царѣ». Порицая крутость и жестокость русскаго царя, тѣ же умствователи, негодуя Шаховской, благоговѣютъ передъ ужасами французской революціи, «этой безчеловѣчной и безбожной развратительницы всякой нравственности, поругательницы всякой святыни».

и губительницы всякой законности и благочестія вездѣ, куда досталъ разливъ ея кроваваго потопа».

Разъ дошедши до этого «кроваваго потопа», князь разражается цѣлой филиппикой противъ революціи, называя ее «ужаснымъ фейерверкомъ, который не даетъ очнуться, пока совсѣмъ не загаснетъ и не обнажитъ своего законтѣлаго и обгорѣлаго остова». Онъ не даетъ никакой цѣны учрежденіямъ, которыя выдвинула революція: одни изъ нихъ «перековерканы изъ древнихъ демократій, проскрипцій, трибунства, консульства и республиканскаго императора, вырождаясь которыхъ немилосердно толкали одинъ другаго съ революціонной сцены», другія «принадлежатъ вѣку реформъ и небезбожія, уже давно въ другихъ странахъ приведенныя въ дѣйствіе, безъизмѣнно существуютъ несравненно болѣе многихъ и многихъ перемѣнъ-революціонныхъ дѣйствій, явленій, декорацій».

Такой мрачный взглядъ на революцію Шаховской переноситъ и на театръ и на литературу, возникшія послѣ революціи. «Подъ вліяніемъ эффектовъ революціи—говоритъ князь—не вѣрятъ, чтобы и Мольеровы комедіи приносили нравственную пользу, и въ своихъ театральныхъ зрѣлищахъ тѣшатся только поддѣлками подъ извергства изъ любезной революціи». Здѣсь Шаховской за одно уже обрушивается на романтизмъ, «истинное чадъ революціи». «Кромѣ духа разврата, говоритъ онъ, неотдѣлимо принадлежащаго парижской революціи, нынѣшній французскій романтизмъ давно и очень давно проявился за Альпами и около Пиринейскихъ горъ, проникъ въ Испанію, занесенъ въ Англію, оттуда переплылъ не безъ подмочки въ Германію, и въ ней уже схваченный — переуродованъ нынѣшними французами». Отозвавшись такъ о романтизмѣ, Шаховской оговаривается, что самъ онъ никакого литературнаго раскола не держится и что по немъ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго; но мимоходомъ князь высказываетъ, что его завѣтное желаніе—еслибъ классицизмъ и романтизмъ замѣнились руссизмомъ, «въ чемъ и не отчаиваюсь», говоритъ онъ и къ случаю рассказываетъ, какъ однажды въ Парижѣ, онъ, всходя по лѣстницѣ, встрѣтился съ поэтомъ Андріо. «Вы всходите, а мы сходимъ», сказалъ Андріо. И Шаховской выражаетъ увѣренность, что мы взойдемъ когда нибудь на высоты европейской мысли; если упрекаютъ русскихъ въ пользованіи «чужимъ готовымъ», то вѣдь «и даръ слова, съ самаго созданія человѣка, растетъ, распространяется, обогащается передачами изъ рода въ родъ, изъ страны въ страну», и въ такомъ преемствѣ культуры позорнаго ничего нѣтъ. Примѣры тому князь указываетъ въ исторіи европейскихъ литературъ. «Мольеръ, изощренный Аристофаномъ», бралъ все и у всѣхъ ему пригодное. Корнель и Расинъ черпали вдохновеніе у грековъ и римлянъ; но классицизмъ французскій, «кутаясь въ пухлое одѣяло придуманныхъ имъ правилъ и приличій, разслабъ, одряхъ и, ка-

жется, при послѣднемъ издыханіи». Геній Шекспира извлекалъ сюжеты изъ забытыхъ и «давно истлѣвшихъ» итальянскихъ новеллъ; геній же Шекспира «умудрилъ Вальтеръ-Скотта, возобновившаго благочестивый романтизмъ и порбдившаго у насъ удачныхъ подражателей». Воздавъ такую честь двумъ славнымъ англійскимъ поэтамъ, Шаховской обрушивается на Байрона. Въ виду того истиннаго или только кажущагося вліянія, какое имѣла муза Байрона на нашихъ поэтовъ, считаемъ не лишнимъ привести дословно отзывъ князя Шаховскаго о лордѣ Байронѣ. Любопытно отмѣтить еще и то, что князь, указавъ на чужое вліяніе на нашу литературу, не приписываетъ такого вліянія Байрону, а между тѣмъ, это было то время, когда друзья и недруги Пушкина укоряли его за подражаніе Байрону въ Онѣгинѣ.

«Многогрѣшный демонъ Байрона бурнымъ геенствомъ омрачилъ и окровенилъ литературный горизонтъ, прокатывался по немъ дальнотвучнымъ громомъ, раздиралъ яркой молніей и остался багровымъ мѣсяцемъ одинъ-одинехонекъ среди черныхъ тучъ и звѣздочныхъ пробызговъ. Его пламенное бушеваніе возмутило души, засушило сердца и привело въ бѣснованіе романтическую словесность». По мнѣнію князя Шаховскаго это «бѣснованіе» особенно отозвалось во французскомъ романтизмѣ, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «не совсѣмъ добрая слава Байрона вскружила и умныя головы: выкидыши революціи вприпрыжку пустились за нимъ, взревели и зарыкали по-звѣрски. Байронъ тѣшилъ кровожадностью тигровъ, а они, какъ сказалъ мнѣ однажды И. А. Крыловъ, куда сдѣлались падки на мертвечину! Однако, нельзя не согласиться, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ французскихъ урокователей Байрона богаты дарованіемъ, но тѣмъ хуже для читателей и самой литературы. Сочиненія ихъ оскорбляютъ разсудокъ своей нелѣпницей, сдавливаютъ сердце судорожнымъ ужасомъ, притупляютъ чувствительность гнетомъ тяжкихъ и рѣзкихъ впечатлѣній; одереветвуютъ жалость вынужденнымъ состраданіемъ къ сочиненнымъ ими жертвамъ неестественной людямъ кровожадности; возбуждаютъ ненависть къ человѣчеству, взводя на него всякія омерзительныя звѣрства; убиваютъ поклонами на Провидѣніе единственную надежду истинно-страждущихъ; сквернятъ воображеніе гнусными списками убійцъ и палачей и, кажется, дѣлаются сами убійцами и палачами благороднѣйшаго изъ изящныхъ искусствъ, дарованныхъ къ наслажденію и возвышенію боговдохновенной души».

И тутъ князь съ горечью замѣчаетъ, что онъ пустился бы въ «предвѣдѣніе судебъ не одной развратной словесности, если бы Богъ хоть нѣсколько надѣлилъ меня провидѣніемъ, которымъ щедро одаренный Петръ предсказалъ французскую революцію». Разсказъ объ этомъ предсказаніи мы привели уже выше въ очеркѣ

жизни Шаховскаго. Здѣсь князь еще разъ слагаетъ хвалу Петру Великому, указывая на его вѣчную заботливость о преуспѣяніи государства. Даже «оставя не въ безопасное время свой престолъ и путешествуя по чужимъ краямъ, онъ ни на минуту не переставалъ быть русскимъ государемъ и устроивалъ будущую судьбу своего государства». Отовсюду бралъ Петръ, для насажденія и утвержденія у насъ, образцы всевозможныхъ производствъ, экземпляры полезныхъ породъ животныхъ, а главное — привлекалъ людей, «годныхъ для приспособленія русскаго досужества ¹⁾ къ тогдашнему русскому дѣлу». Здѣсь князь рѣшительно и безповоротно высказываетъ свой взглядъ на ходъ нашей исторіи съ Петра до своего времени, и, по мнѣнію его, наша современность живетъ и дѣйствуетъ по программамъ и предначертаніямъ великаго преобразователя. «Смѣло и не безъ ясныхъ доказательствъ могу сказать, что все и до сей поры истинно полезное нашему отечеству — было имъ сдѣлано, предусмотрѣно или замышлено; что за всякимъ важнымъ отступленіемъ отъ его предначертаній слѣдовали ошибки и раскаяніе; что во всемъ, существенно полезномъ для нашей земли, вѣрно найдется хоть зародышъ въ его постановленіяхъ, запискахъ или изустныхъ преданіяхъ его сужденій. И мы съ душевнымъ наслажденіемъ усматриваемъ во многомъ нынѣ совершенномъ, или учреждаемомъ для блага отечества, исполненіе его народолюбивыхъ думъ; чувствуемъ сердцемъ въ оживотвореніи русскимъ духомъ нашихъ умственныхъ пріобрѣтеній, ремеслъ, промышленности, его стараніе обрусить и укоренить у насъ еще вводимое имъ просвѣщеніе и, наконецъ, постигая во всей силѣ благотворенія предка, радуемся, прозрѣвая въ душѣ и дѣлахъ потомка, настоящее продолженіе его царствованія, такъ прочно основанное и пущенное въ ходъ, что никакія повременныя порчи и отступленія не могли его вовсе остановить или совершенно сшибить съ прямого посова ¹⁾ не подъ гору, а въ гору».

Вотъ какимъ образомъ понималъ князь Шаховской «историческія причины сбивчивости нашего образованія, котораго поверхностная плена, заносимая противнымъ вѣтромъ къ чужой странѣ, мелькая въ глазахъ иностранцевъ, вводитъ ихъ въ заблужденіе, клевету на Петра Великаго и ставшее очень дорого Наполеону».

Этими словами заканчиваетъ князь Шаховской письмо свое къ князю Мещерскому, надѣясь во второмъ письмѣ «дать волю своей правдолюбивости» (тоже любимое словцо князя, пущенное имъ въ комедіи «Пустодомы»).

¹⁾ Досужество — способность, проворство. Слово, вышедшее нынѣ изъ употребленія, но излюбленное княземъ, у котораго оно употребляется почти въ каждой комедіи.

¹⁾ Т. е. толчка.

Таково содержаніе письма князя Шаховскаго къ Мещерскому. Оно настолько оригинально и характерно для своего времени, что мы рѣшились познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Нечего распространяться о томъ, сколько свѣта проливаетъ оно на личность самого князя Шаховскаго, какъ человѣка и какъ писателя; кромѣ того, письмо это весьма важно для характеристики своего времени.

Е. Гаршинъ.

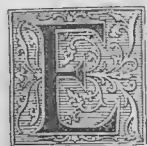




Палермо.

ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ СИЦИЛИЯ ¹⁾.

(Статья Маклелана).



ЕДВА ЛИ много осталось въ Европѣ живописныхъ и интересныхъ мѣстностей, неизвѣданныхъ досужими всесвѣтными туристами британской расы. Но во всякомъ случаѣ есть мѣстности, не уступающія въ живописности, въ историческомъ и археологическомъ интересѣ самымъ прославленнымъ уголкамъ нашего стараго материка и однако оставшіяся до сихъ поръ какъ бы внѣ сферы любопытства и любознательности интеллигентныхъ представителей силъ и досуга. Къ числу такихъ мѣстностей, до послѣдняго времени, приходилось относить Сицилію. Въ послѣднее время, этотъ живописный островъ сталъ однако гораздо доступнѣе путешественникамъ: почти вдоль

¹⁾ Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1882 года, была помѣщена статья Блюмнера (съ рисунками) подъ заглавіемъ «Сиракузы». Настоящая статья можетъ служить къ ней дополненіемъ, какъ относительно текста, такъ и рисунковъ.

Ред.

всей его береговой линіи прекрасные и удобно устроенные пароходы совершаютъ правильные рейсы; кромѣ того, вдоль восточнаго побережья проложена отъ Мессины до Сиракузъ желѣзная дорога, проходящая почти съ подножія Этны, и отъ которой отдѣляется, у Катаніи, вѣтвь внутрь страны до Леонфорте. Отъ столицы Сициліи, Палермо, тянется по берегу моря до Жермини, а оттуда сворачиваетъ, также внутрь страны, до Лекары другая желѣзно-дорожная линія. Эти усовершенствованные средства сообщенія уже дѣлаютъ вполне доступными для путешественниковъ самыя интерес-



Ворота «Porta Nuova» въ Палермо. Мѣстопробываніе Гарібальди.

ныя и богатыя мѣстности острова; но, и помимо того, экскурсіи внутрь страны, по обыкновеннымъ и горнымъ тропамъ, совершенно безопасны: шайки бандитовъ, нападающія на путешественниковъ, существуютъ теперь только въ самыхъ трусливыхъ воображеніяхъ и составляютъ такое же достояніе исторіи, какъ и славные времена процвѣтанія морскихъ побережій Сициліи подъ владычествомъ финикійцевъ, грековъ и римлянъ. А къ этимъ временамъ относятся историческія имена Никіаса, Тимолеона, Гелона, Діонисія, Ганнибала, Архимеда...

Столица Сициліи, Палермо, уже одна даетъ путешественнику цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Палермскій за-

ливъ немногимъ уступаетъ въ красотѣ Неаполитанскому: эта красивѣйшая гавань окаймлена цѣпью горъ, обрамляющихъ полукругомъ знаменитую равнину Палермо «La Conca d'Oro». Обои концами эта цѣпь горъ упирается въ море, обрываясь надъ нимъ, справа, громадными скалистыми вершинами Пеллегрино (до 2,000 фут.),—слѣва менѣе грандіозными скалами Катальфано. У самаго моря въ центрѣ громадной равнины, богатѣйшей по своей растительности, расположенъ городъ. Древній Панормосъ — нынѣшній Палермо, подчинившись гнету новѣйшихъ изощреній цивилизаціи, сохранилъ очень мало слѣдовъ старины. Самый городъ занимаетъ даже сравнительно гораздо меньшую площадь, чѣмъ въ былыя времена, но расположенъ и распланированъ правильно. Двѣ широкія улицы, пересекающіяся подъ прямымъ угломъ почти въ центрѣ города, раздѣляютъ его на четыре, почти равныя части. Одинъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ даетъ видъ воротъ Porta Nuova, чрезъ которые виднѣется позади улица Corso. Жители Палермо увѣряютъ, что нижняя часть воротъ выстроена по плану Микель-Анджело, а верхняя надстройка—по плану Пиетро Новелли. Во всякомъ случаѣ ворота эти производятъ довольно внушительное впечатлѣніе и памятли тѣмъ, что въ верхней надстройкѣ ихъ жилъ дважды освободитель Сициліи и Италіи, Гарибальди: въ 1860 году, онъ расположилъ тутъ свою главную квартиру въ качествѣ диктатора Сициліи, а позже готовилъ здѣсь экспедицію, столь несчастливо закончившуюся на высотахъ Аспромонте.

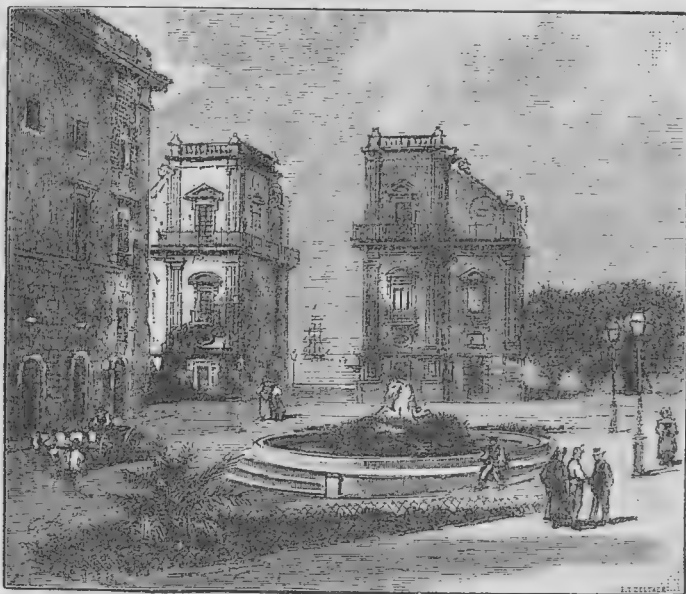
На другой оконечности улицы Corso находятся ворота «Porta Felice», видъ которыхъ также прилагается. На право расположенъ хорошенкій сквѣръ Святого Духа (Spirito Santo), а за воротами, подъ прямымъ угломъ къ Корсо, тянется по морскому берегу любимѣйшее мѣсто гулянья и катанья палермцевъ — «Marina». Въ лѣтнія ночи сюда собирается насладиться освѣжающимъ морскимъ воздухомъ все населеніе Палермо, а во всѣхъ концахъ его раздаются веселые звуки оркестровъ. Зимой «Marina» остается также любимымъ мѣстомъ прогулки въ послѣобѣденное время.

Съ «Marina» открывается прекрасный видъ на море и на горы: къ сѣверу высятся обрывистыя скалы Пеллегрино, по которымъ тянется зигзагами дорога, ведущая на вершину горы, съ которой въ свою очередь можно любоваться видомъ всей палермской равнины и всего города, лежащихъ какъ бы на ладонѣ. Помимо того, гора Пеллегрино представляетъ интересъ для палермцевъ и потому, что въ одной изъ пещеръ ея долго жила и скончалась покровительница города, святая Розалія.

Съ набережной «Marina» можно видѣть за Багаріей горы Мадонны—самыя высокія на островѣ, послѣ Этны, покрытыя снѣгомъ зимой и весной. Въ свѣтлый, ясный день можно видѣть и высящуюся за горами Мадонны, среди облаковъ, вершину Этны. Роскош-

нѣйшая, плодоносная равнина Палермо, усѣянная апельсиновыми и оливковыми садами, виноградниками, виллами, съ пестрѣющими и зелеными полями, на которыхъ расположены тамъ и сямъ деревушки, разстилается сзади Палермо, въ полукруглїи горной цѣпи.

Памятники древности въ Палермо, какъ уже было упомянуто, немногочисленны и относятся ко временамъ, сравнительно не очень отдаленнымъ—господства сарацинъ и нормановъ. Очень характерный образчикъ арабской архитектуры, наилучше сохранившійся, представляетъ прежній дворецъ или виλλα эмировъ «Дзиза», обращенный нынѣ во дворецъ. При передѣлкѣ его, «Дзиза» сильно



Ворота «Porta Felice» въ Палермо.

потерпѣлъ отъ современныхъ прозаичныхъ архитекторовъ, замѣнившихъ высокія, сводчатые легкія окна прежняго фасада обыкновенными четырехъ-угольными окнами самаго обыкновеннаго и тяжелаго вида. Но внутренность дворца по возможности сохранена—и сохранились также фонтаны и бассейны въ садахъ, роскошная зелень которыхъ окружаетъ дворецъ. Часть большаго королевскаго дворца также относится ко временамъ сарацинъ и построена въ томъ же стилѣ, какъ и «Дзиза».

Однимъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ большихъ памятниковъ эпохи господства нормановъ является большой соборъ, на Корсо, близъ Porta Nuova. Въ этой церкви похоронены и находятся гробницы старѣйшихъ норманскихъ королей. Однако лучшими архитектурными украшеніями города являются двѣ небольшія церкви:

Capella Palatina и Capella Martorana, обѣ отдѣланныя внутри въ томъ же стилѣ какъ и замѣчательнѣйшій соборъ въ Монреале, близъ Палермо. Capella Palatina—въ сущности небольшая дворцовая церковь. Она такъ углублена и погребена въ стѣнахъ королевскаго дворца, что почти не имѣетъ внѣшняго фасада, если не считать отдѣланнаго мазанкой входа въ нее съ площадки одного изъ дворцовыхъ двориговъ.

Впрочемъ и соборъ въ Монреале не отличается своимъ внѣшнимъ видомъ, за исключеніемъ главнаго входа, весьма характеристичнаго и пропорціональнаго, съ прекрасными, старинными бронзовыми дверями. Но за то внутренность собора великолѣпна. Высокія стѣны его облицованы внутри бѣлымъ мраморомъ, пересѣкаемымъ узкими лентами мозаики въ арабскомъ стилѣ и широкія полосы такой же мозаики образуютъ панель всей церкви. Мозаика эта высокой красоты и тонкости; разнообразіе ея рисунковъ — поистинѣ изумительно. Алтарь и церковь вымощены такъ называемой александрійской мазанкой, въ основѣ которой лежатъ правильныя геометрическія фигуры, пространство между которыми заполняется кусками порфира, змѣевикъ и т. п. Архіерейское кресло и старый тронъ короля сдѣланы изъ бѣлаго мрамора и также украшены арабской мозаикой. Бѣлыя мраморныя полосы нижней части стѣнъ такъ же усѣяны тончайшими мозаичными изображеніями сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, ангеловъ, пророковъ, святыхъ, королей и судей. Внутренняя сторона крыши сдѣлана изъ дерева съ богатой раскрашенной и позолоченной рѣзбой, вполне гармонирующей со стѣнной мозаикой. Лица, которымъ приходилось видѣть многіе соборы Европы, начиная со св. Софіи и св. Исаакія и кончая соборами въ Руанѣ, Турѣ и Уэстминстерѣ, утверждаютъ, что внутренность ни одного изъ этихъ соборовъ не можетъ сравниться съ внутренностью собора въ Монреале и Capella Palatina въ Палермо.

Въ Палермо существуетъ обычай сохранять тѣла умершихъ, изъ лицъ богатаго класса, въ склепахъ монастырей. Подъ нѣкоторыми изъ послѣднихъ устроены громадныя галлерей, въ родѣ катакомбъ, въ которыхъ покоятся, расположенныя вдоль стѣнъ, смертныя останки взрослыхъ обоюбого пола и дѣтей. Муміи эти одѣты въ праздничныя одежды и лежатъ не въ гробахъ, а прямо поставлены и прикрѣплены къ стѣнамъ: нѣкоторыя изъ нихъ съежились, сторбились, другія стоятъ прямо, сидятъ въ креслѣ — всѣ имѣютъ отвратительный видъ, со своими билетами, на которыхъ написаны имена и день кончины. Нѣкоторые изъ тѣхъ умершихъ, занимавшихъ не столь видное положеніе при жизни, лежатъ въ ящикахъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ: черезъ годъ-два, перчатки а иногда и одежда, пришедшіе въ ветхость, смѣняются родственниками, посѣщающими катакомбы довольно часто по праздничнымъ днямъ.

Окрестности Палермо представляют богатую почву для экскурсий: Селлунте, Багаріа, Термини, Сегесте и другія мѣста представляют для этого достаточный интересъ. Не слѣдуетъ только выбирать для этого зимніе мѣсяцы, которые не всегда хороши въ Сициліи.

Другой большой городъ Сициліи, Мессина, расположенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Палермо. Мессинская гавань окаймлена со всѣхъ сторонъ крутыми обрывистыми скалами, на нижнихъ откосахъ которыхъ, узкой полосой, расположенъ самый городъ. Соборъ, относя-



«La Ziza» въ Палермо.

щійся къ XI-му вѣку и замѣчательная церковь св. Григорія представляются единственными интересными памятниками древней архитектуры въ Мессинѣ. Къ востоку на горизонтѣ высятся оголенные горы Калабріи, съ плоскими вершинами, а нѣсколько лѣвѣе, подъ калабрійскимъ берегомъ, высятся изъ моря смѣло выдающаяся почти четырехугольная скала, увѣнчанная развалинами замка: это и есть извѣстная Сицилла; подругу ея, Харибду, отыскать и указать трудно. На самомъ дѣлѣ, теперь тутъ нѣтъ того опаснаго и ужаснаго водоворота, который такъ сильно пугалъ древнихъ, а число пунктовъ, гдѣ встрѣчаются разныя, противоположныя теченія, такъ велико, что можно дать полную волю воображенію и помѣщать Харибду гдѣ угодно. Замѣчателенъ мысъ Целорусъ, гдѣ, почти за три съ половиною вѣка до Р. Х., кавалерія Тимолеона переправилась че-



Входъ въ палермскій соборъ.

резъ проливъ и гдѣ 14 вѣковъ спустя, графъ Роже, съ горстью нормановъ, переправился на островъ, предпринявъ его завоеваніе.

Путешественникъ, желающій насладиться по истинѣ поразительными картинами природы, долженъ непременно отправиться изъ Мессины по желѣзной дорогѣ въ Таормину небольшой городокъ, едва заслуживающій самое названіе города, лежащій на высотѣ 8 — 900 ф. надъ поверхностью моря. Уже по самой дорогѣ, идущей большею частью по морскому берегу, встрѣчаются на каж-

домъ шагу новые и разнообразныя виды: то глазъ пробивается сквозь чащу апельсиновыхъ и оливковыхъ рощъ, чтобы успокоиться на синевѣ моря; то глазу представится деревушка съ красивой церковью и грязными домиками, утопающими въ роскошной зелени; то видишь развалины замковъ, высящіяся на вершинахъ горъ; то передъ глазами разстилается богатая равнина, уходящая вдаль и теряющаяся въ горной тѣснинѣ; то предъ взоромъ вырастетъ монастырь и т. п.; все это, при эффектной, ясномъ солнцѣ даетъ цѣлый рядъ прелестныхъ, очаровательныхъ пейзажей. Перѣздъ со станціи желѣзной дороги Джіардини въ Таормину, совершаемый въ экипажѣ, даетъ рядъ новыхъ картинъ: глазъ останавливается то на всей береговой линіи моря, видимой до самой Мессины и въ созерцаніи далекаго противоположнаго берега Калабріи; то на



Часть мозаики въ соборѣ Монреале.

высящейся къ югу Этнѣ, облитой лучами заходящаго солнца, съ вѣчно дымящейся верхушкой; наконецъ приходится оглядѣть развалины кладбища и монастыря, греческаго или римскаго театра, или окинуть городъ, съ узкими, грязными улицами.

Главная приманка для любознательнаго туриста въ Таорминѣ составляютъ хорошо сохранившіяся развалины римскаго театра, слава о которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ. Дѣйствительно, этотъ театръ, построенный на мѣстѣ, гдѣ существовалъ ранѣе греческій театръ, сохранился гораздо лучше, чѣмъ почти всѣ другіе подобныя театры, за однимъ исключеніемъ. Сцена и амфитеатръ сохранились настолько, что по остаткамъ легко возсоздать въ своемъ воображеніи все цѣлое. Но нужно быть поистинѣ весьма глубоко проникнутымъ любовью къ древности, чтобы разсматривать эти развалины и взобравшись на верхній рядъ амфитеатра не махнуть рукой на архитектуру и археологію, и предаться исключительно наслажденію поразительно очаровательнымъ видомъ, который разстлается передъ зрителемъ, стоящимъ на этомъ пунктѣ.

Тутъ только постигается вся прелесть древняго греческаго или римскаго театра и все его превосходство передъ нашимъ: древніе греки и римляне наслаждались театромъ въ хорошую ясную погоду, въ дневные часы, развлекали себя въ антрактахъ любуясь на прелестные вѣды, разстилавшіеся передъ взорами зрителей, и внимали со ступеней амфитеатра сладчайшимъ пѣвцамъ и твореніямъ величайшихъ трагиковъ Греціи и Рима, а за стѣной ихъ вѣчно дымилась Этна, съ разбросанными по подошвѣ ея деревьями и лѣсами, покрывающими этотъ величайшій вулканъ Европы.



Катакомбы въ Палермо.

Почти у ногъ зрителей синѣетъ, горя яркими красками, Средиземное море, врѣзываясь красивыми кривыми линіями въ береговую полосу.

Кромѣ древняго театра, въ Таорминѣ есть и другія достойныя вниманія развалины, какъ, напримѣръ, валы сарациновъ, средне-вѣковые церкви и дворцы (*Badia Vecchia*, *Piscina Mirabile*, *Normachia* и т. д.), но всѣ они блѣдны, послѣ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ осмотра театра.

Спускаясь далѣе по линіи желѣзной дороги, путешественникъ доѣзжаетъ до Катаніи. Дорога идетъ по мѣстности отлично обработанной, густо населенной, съ разбросанными кое-гдѣ развалинами

испанскихъ и мавританскихъ замковъ. Самый городъ Катанія могъ бы по справедливости быть названъ «Городомъ лавы», такъ какъ дѣйствительно лава встрѣчается здѣсь на каждомъ шагѣ и во всѣхъ



Храмъ Сегесты.

видахъ. Улицы вымощены лавой, дома выстроены изъ лавы, части стараго города погребены подъ лавой; наконецъ, въ лавѣ пробить



Заросли папоротника.

туннель желѣзной дороги. Лава эта давно уже покрыла эти мѣста и покрылась сама во многихъ мѣстахъ довольно большими площадками густой, сочной зеленой травой.

Около Катаніи отдѣляется внутрь страны, до Леонфорте, большой участокъ желѣзно-дорожной линіи. Въ близкомъ будущемъ предполагается продолжить эту линію насквозь до Палермо, съ вѣтвью до Джирденти, на южномъ берегу Сициліи.

Большой историческій интересъ представляетъ городъ, находящійся на южной оконечности восточной желѣзной дороги Сициліи — знаменитыя Сиракузы. Нынѣшній городъ довольно жалкій; онъ занимаетъ площадь только небольшой части древнихъ Сиракузъ, именно ту только мѣстность, называвшуюся «Ортигія», которую заняли первоначальные основатели города, коринфскіе выходцы, явившіеся сюда въ 734 году до Р. Х. Четыре большія предмѣстья прежнихъ Сиракузъ нынѣ совершенно въ запущеніи, лишь кое-гдѣ виднѣется ферма. Топографическія черты мѣстности древняго города, однако, столь ясны, что съ Фукидитомъ въ рукахъ легко прослѣдить весь ходъ осады города аѳинянами, опредѣлить самыя важныя пункты и выслѣдить самыя важныя движенія этой кампаніи.

Современныя Сиракузы окаймлены линіей массивныхъ укрѣпленій времени Карла V-го, не имѣющихъ теперь никакого значенія съ военной точки зрѣнія и представляющихъ только интересъ историческій. Изъ остатковъ болѣе глубокой старины въ нынѣшнихъ Сиракузахъ слѣдуетъ указать на извѣстный «Источникъ Аретузы», правда значительно пострадавшій и какъ сооруженіе, и въ прямомъ смыслѣ; вода его уже не кристаллически чиста—уже очень давно землетрясеніе разрушило стѣну, отдѣлявшую этотъ источникъ отъ гавани, и морская вода съ тѣхъ поръ проникаетъ въ это когда-то славное водовмѣстилище чистой ключевой воды.

Въ послѣднее время раскопки раскрыли въ Сиракузахъ множество колоннъ отъ храма Діаны. Колонны эти не особенно красивы и интересны лишь потому, что каждая изъ нихъ находится тутъ уже около 2,500—2,600 лѣтъ. Болѣе всего обращаетъ, однако, на себя вниманіе въ древней Ортигіи храмъ Минервы, на вершинѣ крыши котораго находился когда-то громадный золотой щитъ, столь знакомый древнимъ морякамъ. Колонны, фризъ сохранились еще до сихъ поръ, благодаря тому, что этотъ храмъ былъ вскорѣ обращенъ въ христіанскую церковь.

Прекраснымъ памятникомъ энергіи и искусства древнихъ сиракузянъ служить греческій театръ, высѣченный въ скалѣ, почти на вершинѣ крутаго ската Эпиполи. Театръ былъ такъ великъ, что легко могъ вмѣщать до 25-ти тысячъ человѣкъ. Скамейки до сихъ поръ отлично сохранились, хотя по нимъ и проложилъ себѣ путь источникъ воды, а на стѣнѣ одного изъ корридоровъ можно еще прочесть греческую надпись клинообразныхъ подраздѣленій громаднаго каменнаго амфитеатра. И тутъ передъ зрителями разстелается прекрасный видъ на гавань и на море.

Нѣсколько поодаль отъ этого сооруженія, насчитывающаго около 2,300 лѣтъ, въ районѣ раскопокъ находится римскій амфитеатръ, относящійся ко временамъ императора Августа. Интересны здѣсь хорошо сохранившіеся остатки *rodium'a* — каменной стѣны, окружающей арену; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно до сихъ поръ прочесть латинскія надписи съ именами и титулами римскихъ чиновниковъ, занимавшихъ здѣсь мѣста. Этотъ амфитеатръ значительно по размѣрамъ, чѣмъ амфитеатръ Вероны.

Самымъ интереснымъ памятникомъ въ Сиракузахъ являются мѣста каменныхъ ломокъ, изъ которыхъ нѣкогда добывался камень. Эти мѣста ломокъ,

Latomie, обыкновенно представляютъ громадныя и глубокія выемки, изъ которыхъ добытъ былъ камень для построекъ домовъ и укрѣпленій древней Ортигии. Камень добывался не прямо изъ открытыхъ выемокъ, но изъ обширныхъ подземныхъ галлерей, образовавшихъ цѣлый подземный городъ, нынѣ разрушенный многочисленными землетрясеніями; слои земли и камня, составлявшія крыши этихъ галлерей, обрушились болѣею частью и только еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились крытые ходы и пещеры. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательна одна, называемая «Ухо Діонисія», похожая по внѣшнему очертанію на лошадиное ухо. Эта пещера, 70 фут. вышины и около 200 фут.



«Ухо Діонисія».

длины, отличается своими акустическими свойствами, издавая многократныя эхо, а внутри ея, у самой вершины, есть помѣщеніе, въ которомъ слышенъ явственно самый тихій разговоръ шопотомъ, происходящій внизу: тутъ-то, въ этой комнатѣ и подслушивалъ будто бы Діонисій разговоры своихъ заключенныхъ.

Эти каменные ломки дѣйствительно служили отличнымъ мѣстомъ заключенія: высокія, до 70—80 фут. вертикальныя стѣны дѣлали побѣгъ невозможнымъ. Въ одной изъ нихъ, въ нынѣшней *Latomia dei Carrucini* были заключены около 2,300 лѣтъ тому назадъ и заморены голодомъ 7.000 плѣнныхъ афинянъ. Теперь эти *La-*

tomie обращены болѣею частью въ живописные сады съ разными сюрпризами на каждомъ шагѣ: то появляются въ зелени живописныя скалы, то скрываются въ ней гроты, то приходится переходить изъ одной части сада въ другую черезъ длинный тоннель, высѣченный въ скалѣ, отдѣляющей одну выемку отъ другой. Всѣ онѣ давно заросли роскошною зеленою апельсиновыхъ, лимонныхъ и оливковыхъ деревъ, между которыми висятся пальмы, гранатовыя деревья, олеандры, на коврѣ яркихъ цвѣтовъ. Стѣны каменныхъ ломокъ до сихъ поръ сохраняютъ слѣды орудій и инструментовъ, употреблявшихся древними для добычи камня, но во многихъ мѣстахъ эти слѣды скрыты подъ густой тканью винограда. Тѣ изъ ломокъ, которыя обращены въ сады, искусно и художественно разбиты по всѣмъ правиламъ, представляютъ собою очаровательнѣйшія и живописнѣйшія мѣста прогулокъ.

Въ разстояніи почти 4-хъ миль отъ нынѣшняго города находится до сихъ поръ отлично сохранившійся древній фортъ Эйріалусъ, входившій нѣкогда въ линію укрѣпленій, которыя соединяла съ древней Ортигіей каменная стѣна Діонисія и другихъ строителей. По остаткамъ стѣнъ, можно еще теперь опредѣлить ихъ направление и видѣть, что онѣ окаймляли всю площадь между моремъ, возвышенностью Эпполе и фортомъ Эйріалусъ. Самый фортъ, высѣченный болѣею частью въ скалѣ, отлично сохранился и представляетъ, можетъ быть, лучшій образчикъ древне-греческаго военнаго строительства.





ТОРКВАТО ТАССО И ЕГО ВѢКЪ ¹⁾.

Ich mehr
Als je mich doppelt fühle mir selbst
Auf's neu in streitender Verwirrung bin.
Göthe (Torquato Tasso).



УМСТВЕННОЕ движеніе, характеризующее новую исторію въ отличіе отъ средневѣковой, получило свое начало въ эпоху Возрожденія, которая представляетъ по этому особенное значеніе для исторіи интеллектуальнаго развитія нашего времени; ея мыслители и поэты, ученые и государственные люди дали первый толчокъ раціонализму, преобладаніе котораго составляетъ отличительную черту XVIII, а отчасти и XIX вѣка. Но кромѣ того, возрожденіе имѣетъ важное историческое значеніе и въ другомъ отношеніи. Классическая цивилизація, погребенная подъ развалинами Римской имперіи, задавленная толпами варваровъ и поглощенная католическою церковью, не погибла окончательно. Памятники античной литературы хранились въ монастырскихъ бібліотекахъ; ихъ читали, переписывали, цитировали, хотя, главнымъ образомъ, для грамматическихъ цѣлей; произведенія древняго искусства встрѣчались на каждомъ шагѣ въ Италіи. Но исключительныя стремленія къ загробной жизни не позволяли человѣку тратить время на изученіе этого наслѣдства; аскетическій идеалъ не только сурово отвергалъ Венеръ и Аполлоновъ, Овидіевъ и Цецероновъ, но считалъ грѣховнымъ всякое искусство, если оно не служило церкви, призна-

¹⁾ Главнѣйшимъ источникомъ для этой статьи служило сочиненіе: Pier Leopoldo Cecchi. Torquato Tasso und Italienisches Leben von 16 Jahrhunderts, aus dem Italienischen übersetzt von H. Freiherrn von Lebzeltern. Leipzig. 1880.

валъ суетной всякую науку, если она не подчинялась теологiи. Въ XIV вѣкѣ отношенiе къ классическому міру измѣнилось: обломки статуи стали цѣниться не ниже реликвій, творенiя Цицерона получили болышій авторитетъ, чѣмъ произведенiя средневѣковыхъ свѣтилъ церковной доктрины. Разумъ проснулся, отвергъ средневѣковую науку, подорвалъ католическіе идеалы, обратился къ греко-римской жизни и оттуда почерпнулъ новое міросозерцанiе. Духъ классической цивилизаціи возродился на новой, христіанской почвѣ и легъ въ основу умственного движенiя новаго времени. Эпоха гуманизма и составляетъ это звено, соединяющее наше время съ античнымъ періодомъ; она представляетъ тотъ моментъ, когда классическая цивилизація получаетъ всемірно-историческій характеръ, дѣлается достояніемъ новыхъ народовъ: съ этихъ поръ результаты духовной жизни классическаго міра органически входятъ въ составъ культурнаго движенiя новой исторiи.

Но съ перваго взгляда гуманистическое движенiе представляется эфемернымъ; принявъ сначала обширные размѣры, оно довольно скоро должно было уступить первое мѣсто реформаціи, новому движенію религіознаго характера. Дѣйствительно, реформація глубже захватила современниковъ, нежели гуманизмъ; ею увлечены были лучшіе представители возрожденiя въ Германіи. Съ другой стороны въ самомъ характерѣ гуманизма, въ особенности итальянскаго, заключались такіа черты, которыя должны были, повидимому, привести его къ разрушенію—но этого не случилось. Правда, движеніе измѣнило свою форму, утратило свой первоначальный характеръ: страстное, слѣпое поклоненіе древности, доходившее иногда до религіознаго культа, исчезло; крайности сгладились; случайное, казавшееся важнымъ только самимъ гуманистамъ, утратилось; но сущность движенiя — преклоненіе передъ свѣтской наукой, реабилитация челоуѣческой природы и разума не прошли вмѣстѣ съ XV и XVI вѣками. Вліяніе гуманизма сказалось и въ реформаціонномъ движеніи, какъ на материкѣ (преимущественно въ ученiи Цвингли), такъ въ особенности въ англійскихъ реформаціонныхъ сектахъ; кромѣ того, литературная дѣятельность гуманистовъ, подрывая авторитетъ католицизма, этимъ самымъ подготавливала умы къ религіозному перевороту XVI столѣтія. Такимъ образомъ, эпоха возрожденiя по справедливости можетъ быть названа, первой половиной реформаціоннаго періода открывшаго собой новую исторію.

Хотя возрожденіе, подобно реформаціи, не ограничилось одною какою нибудь страной, а распространилось по всей Европѣ, но болѣе интенсивный характеръ получило оно въ Италіи, гдѣ реформаціонное движеніе не достигло большаго развитiя. Италія была родиною гуманизма, здѣсь болѣе всего сохранилось классическихъ воспоминанiй; на итальянской почвѣ болѣе рельефно

выразились характеристическія черты движенія; въ Италіи же удобнѣе всего наблюдаются его фазисы. Италія принадлежитъ Данте, могучій геній котораго, представляя высшее проявленіе средневѣковой поэзіи, заключаетъ собою періодъ ея господства; въ Италіи, другой поэтъ Петрарка служитъ представителемъ переходной эпохи отъ среднихъ вѣковъ къ возрожденію; здѣсь жили и дѣйствовали Поджіо, Валла и Филелъро во время полного развитія гуманизма; въ Италіи, наконецъ, Торквато Тассо переживалъ послѣдніе дни движенія.

Эти личности, являясь представителями движенія, служатъ, въ то же время, такъ сказать, его показателями. Гуманизмъ всего легче и удобнѣе изучать въ отдѣльныхъ личностяхъ; движеніе захватило только культурные слои; оно было слишкомъ отвлеченно, чтобы сообщиться массамъ; идеи гуманистовъ были слишкомъ сложны, чтобы быть понятными большинству, поэтому выдающіеся представители эпохи получаютъ особое значеніе. По ихъ вліянію можно судить о ходѣ движенія, отношеніе къ нимъ общественныхъ силъ указываетъ на роль гуманизма въ данный періодъ. Они извѣстны всему образованному міру; общественная мысль или подчиняется ихъ руководству, какъ это было въ началѣ движенія, или относится къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ это испыталъ на себѣ Тассо. Съ этой точки зрѣнія книга Чекии «Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI» представляетъ большой интересъ: въ ней на судьбѣ великаго и несчастнаго поэта можно видѣть, какое измѣненіе потерпѣло гуманистическое движеніе въ теченіе XV и начала XVI вѣка. Позволительно думать, что знакомство съ этимъ сочиненіемъ будетъ не безъинтересно и для русскаго читателя, такъ какъ оно даетъ вѣрный взглядъ не только на личность знаменитаго поэта, но и на характеръ важной исторической эпохи. Но, прежде чѣмъ перейти къ сочиненію, относящемуся ко второй половинѣ возрожденія, намъ кажется необходимымъ выяснитъ, хотя въ общихъ чертахъ, характеръ гуманизма и причины его успѣха и упадка.

I.

Средневѣковое міросозерцаніе, выходя изъ ученія о превосходствѣ духа надъ тѣломъ, выразилось въполнѣ въ аскетическомъ идеалѣ. Культурное значеніе этого идеала заключалось въ томъ, что онъ сдерживалъ необузданные порывы варваровъ, вносилъ духовный элементъ въ чувственную жизнь дикихъ народовъ, поселившихся на развалинахъ Римской имперіи. Нравственное и умственное превосходство духовенства, крѣпкая организація церкви

оправдывали ея авторитетъ и дѣлали благотворнымъ ея гуманное вмѣшательство въ свѣтскія дѣла слабого и грубаго государства. Но мало-по-малу завоеватели стали организоваться, и государство почувствовало стѣснительность церковной опеки; со стороны его представителей весьма рано появляются протесты противъ притязаній церкви. Уже въ IX вѣкѣ Карлъ Великій въ одномъ изъ своихъ капитуляріевъ запрещаетъ духовенству вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла ¹⁾. Точно также встрѣчалъ оппозицію церковный авторитетъ и въ умственной жизни: немного позже, но въ томъ же столѣтіи, Іоаннъ Эригена Скотъ защищаетъ разумъ противъ притязаній всякаго авторитета. «Авторитетъ произшелъ отъ разума, писалъ онъ, а не разумъ отъ авторитета; всякій авторитетъ, непризнанный разумомъ, беспилень; напротивъ, разумъ, твердо опираясь на свою собственную силу, не имѣетъ нужды въ подтвержденіи» ²⁾. Но такіе голоса были рѣдки, и католицизмъ росъ, а вмѣстѣ съ нимъ развивался аскетическій идеалъ и стѣснялъ естественный ростъ и развитіе общества. Самымъ высшимъ состояніемъ считался «ангельскій чинъ», т. е. монашество: въ XI вѣкѣ Нимскій соборъ призналъ монаха равнымъ серафиму, существу высшему, чѣмъ ангель ³⁾. Чѣмъ далѣе развивалось это міровоззрѣніе, тѣмъ болѣе становилось оно въ отрицательное отношеніе къ жизни. Въ природѣ человека видѣли только одно зло, крайняя испорченность признавалась неспасимой болѣзнію человѣческой души, которая считалась неспособною къ добру безъ содѣйствія церкви. Государство и весь міръ, кромѣ монастыря, казался царствомъ сатаны и достоиніемъ дьявола, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія признавался монашескій обѣтъ, т. е. отреченіе отъ своей грѣховной личности и удаленіе отъ міра, который служитъ добычею злему духу. Любовь къ женщинѣ, бракъ, свобода, собственность, разумъ, наука—словомъ все, что даетъ цѣну жизни, отвергалось съ этой точки зрѣнія, какъ зло, какъ препятствіе къ спасенію. «Женищина, по словамъ одного средневѣковаго учителя церкви, причина зла, начало заблужденія, очагъ грѣха. Она соблазнила мушину въ раю, соблазняетъ его на землѣ и увлечетъ съ собою въ пропасть ада» ⁴⁾. Вся опасность женщины обуславливается чувствомъ любви къ ней: «любовь къ женщинѣ, говорилъ тотъ же писатель, это пасть ада, волна моря, которая увлекаетъ насъ на дно пропасти» ⁵⁾. Увлеченіе враждою къ міру заходило такъ далеко, что ревностные представители католицизма впадали въ противорѣчіе въ церковью, считая зломъ бракъ, при-

¹⁾ Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, I, 8.

²⁾ Leos. De divisione natural IV, 81; Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité, VIII, p. 312.

³⁾ Laurent, VIII, p. 141.

⁴⁾ Hugo de Sancho Victore. De nuptiis 1, 2; Laur., p. 190.

⁵⁾ Ibid., p. 194.

нанный ею таинствомъ. «Бракъ есть зло прежде всего для души, говоритъ Ома Аквинскій, потому что нѣтъ ничего болѣе фатальнаго для добродѣтели, какъ супружеская жизнь; бракъ зло также и для тѣла, потому что мужчина въ немъ подчиняется женщинѣ, а это самое тяжелое рабство; наконецъ, человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, долженъ неизбѣжно заниматься житейскими дѣлами, но, по словамъ апостола Павла, невозможно служить Богу вмѣшиваясь въ мірскія заботы» ¹⁾. Человѣкъ долженъ стремиться только къ загробной жизни, все, что удерживаетъ его на этомъ пути, есть зло и грѣхъ. Съ этой точки зрѣнія осуждаетъ науку одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Григорія VII, кардиналъ Даміанъ: «Люди покидаютъ духовныя упражненія, чтобы изучить глупости земной науки. Не значитъ ли это, покинуть чистую невѣсту, чтобы распутствоваться съ театральными блудницами?» ²⁾ Даже забота о здоровѣй признавалась грѣхомъ представителями аскетизма. Бернардъ Клервосскій прямо заявлялъ, что это свойственно только язычникамъ: «Гиппократъ учитъ сохранять тѣло, Христосъ—губить его; кого изъ нихъ вы изберете своимъ руководителемъ?.. Пусть стадо Эпикура заботится о своей плоти; что касается до нашего наставника, то онъ учитъ презирать ее» ³⁾.

Гуманическое движеніе началось съ борьбы противъ средне-вѣковаго католичества; во имя природы и разума возстало оно противъ монашескаго взгляда на міръ, на жизнь, на человѣка; но оно не было движеніемъ только отрицательнымъ: противъ аскетическихъ идеаловъ было выставлено классическое міросозерцаніе, діаметрально имъ противоположное. Мысль, задавленная церковнымъ авторитетомъ, не находила себѣ выхода, когда классическая цивилизація, внезапно «возродившаяся», показала совершенно иную точку зрѣнія на міръ Божій. Исходъ найденъ—классическая литература открыла новый источникъ идеаловъ; люди, близко познакомившіеся съ нимъ, ощущаютъ какое-то особенное, торжествующее и радостное настроеніе. Эразмъ убѣжденъ въ наступленіи золотого вѣка; средніе вѣка представляются ему какимъ-то тяжелымъ сномъ; другіе считаютъ пережитой періодъ духовною смертію. Земная жизнь перестаетъ казаться юдолью плача, тяжелымъ временемъ страданій и лишеній во имя будущихъ благъ, неизбѣжнымъ зломъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, не имѣвшій постоянного пристанища, считаетъ жизнь величайшимъ наслажденіемъ ⁴⁾. Взглядъ на женщину, на любовь, на бракъ измѣняется. Въ защиту женщинъ написана гуманистами цѣлая литература, одни требуютъ для женщины равенства

¹⁾ Commentar in Epist. 1 ad Corinthios, 7, 1; Laur., p. 194.

²⁾ De perfectione monachorum c. 11; Laur., p. 145.

³⁾ Laurent, p. 147.

⁴⁾ Ibid., p. 385.

съ мужичной съ богословской точки зрѣнія, на основаніи библіи, утверждалъ, что душа мужичины и женичины одинаково божественнаго происхожденія, другіе приходятъ къ тому же выводу, выходя изъ естественно-историческихъ соображеній: мужичина и женичина—одинаковая разновидность одного типа—человѣка. Фиренцуола доказываетъ, что видимое различіе между мужичиной и женичиной объясняется ихъ различнымъ воспитаніемъ; Лоренцо Валла настаивалъ на необходимости улучшенія семейнаго положенія женичины. Идеи эти не остаются безъ приложенія въ жизни: дѣвочкамъ начинаютъ давать одинаковое образованіе съ мальчиками, женичины принимаютъ участіе въ научныхъ занятіяхъ и философскихъ спорахъ гуманистовъ ¹⁾. Столь же рѣзкій поворотъ замѣчается и во взглядѣ на науку. Средневѣковая схоластика, подчиненная теологич., разсматривала главнымъ образомъ вопросы божественныя; доказательства бытія Божія, божественныя свойства, толкованіе священнаго Писанія—таково было содержаніе средневѣковой науки. Теперь объектъ и положенія науки измѣнились: во-первыхъ, она стала вполне самостоятельною областью, порвала всякую связь съ богословіемъ; ученая степень прежде имѣла второстепенное значеніе, теперь знаніе и наука открываютъ широкіе пути человѣку, создаютъ для него такое положеніе, какому позавидовали бы духовная и свѣтская аристократія. Талантъ и ученость считаются единственнымъ правомъ на выдающуюся роль въ обществѣ. Во-вторыхъ, наука измѣнила объектъ изученія. Оставивъ недоступныя человѣческому разуму сферы религіозныхъ догмъ, гуманисты сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій человѣка и всѣ проявленія человѣческой жизни. Человѣческая мысль и слово, духъ и тѣло, настоящее и прошлое, практическая жизнь и ея потребности—вотъ содержаніе гуманистической науки. Непосредственное чувство наслажденія жизнью сопровождается глубокимъ интересомъ ко всему окружающему; является стремленіе воспользоваться всѣми способностями, развитъ всѣ таланты. Въ противоположность монашеству, презиравшему трудъ, какъ препятствіе къ религіозному созерцанію и благочестивымъ бичеваніямъ, гуманисты достигаютъ удивительной многосторонности. Леоне Альберти, напр., отличный гимнастъ и наѣздникъ, хорошій математикъ и физикъ, превосходный музыкантъ, юрпстъ, знаетъ массу ремеслъ, живописецъ, знатокъ искусства и архитектуры, владѣетъ латинскимъ стихомъ, пишетъ хорошей прозой книгу о домашнемъ хозяйствѣ. Внѣшній міръ перестаетъ казаться достояніемъ сатаны; наоборотъ, въ немъ видятъ выраженіе высшей красоты, проявленіе совершеннаго творца. Красивый пейзажъ трогаетъ до слезъ Альберти; почтенный старикъ представляется ему «восторгомъ природы»; наслажденіе красотою природы слу-

¹⁾ Janitschen, die Gesellschaft der Renaissance in Italien, с. III.

жить ему лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней ¹⁾. Человѣкъ признается вѣнцемъ созданія, лучшимъ украшеніемъ прекраснаго міра Божія; чувство человѣческаго достоинства; гордое сознаніе высокаго мѣста въ природѣ замѣняетъ мрачный взглядъ на человѣческую природу, какъ на нѣчто испорченное, безсильное. Пико Мирандольскій въ своемъ сочиненіи «О достоинствѣ человѣка» слѣдующимъ образомъ выражаетъ гуманистическій взглядъ на человѣческую природу. Богъ, только что создавшій Адама, обращается къ нему съ такими словами: «Мы не дали тебѣ, Адамъ, ни постоянного мѣста, ни specialнаго свойства, ни опредѣленнаго, какъ у животныхъ дѣла, чтобы ты, по своему выбору и желанію, могъ занять любое мѣсто, развитъ любое свойство, избрать какое-угодно дѣло. Ограниченная природа прочихъ существъ повинуется установленнымъ нами законамъ, а ты, не стѣсненный ни какою необходимостью, подчиняешь себя по собственной волѣ природу, въ подражаніе которой я тебя поставилъ. Я помѣстилъ тебя въ срединѣ міра, чтобы ты могъ видѣть самое удобное, что есть въ немъ. Я создалъ тебя не небеснымъ, не земнымъ, не смертнымъ, не бессмертнымъ, чтобы ты, какъ самобытный, свободный художникъ-скульпторъ, могъ придать себѣ какую угодно форму. Ты можешь выродиться въ низшее животное и можешь силою своего духа возродиться въ существо благородное, высшее. О высочайшая щедрость Бога Отца, о высочайшее и удивительное счастье человѣка!... При рожденіи Богъ вложилъ ему сѣмена всякой жизни: кто какія воздѣляетъ, тѣ и возрастутъ и принесутъ въ немъ плодъ свой: если растительныя, то сдѣлаются растеніемъ; если животныя—звѣремъ; если разумныя, то будутъ небеснымъ существомъ, если нравственныя—то сдѣлаются ангеломъ и сыномъ Божиимъ» ²⁾. Это возвышенное воззрѣніе на человѣческую природу, на ея силы и способности, служить наилучшимъ выраженіемъ характера гуманизма.

II.

Увлеченіе древностью съ поразительною быстротою охватило итальянское общество и выдвинуло на первый планъ гуманистовъ. Памятники классической литературы представлялись въ XIV и XV вѣкахъ новымъ откровеніемъ; для собиранія рукописей древнихъ авторовъ снаряжались цѣлыя экспедиціи; открытіе затеряннаго въ средніе вѣка сочиненія давало поводъ къ торжеству; на долю Поджіо, сдѣлавшаго особенно много такихъ находокъ, выпало болѣе почестей, чѣмъ досталось Колумбу. Распространялись ложныя слухи, что въ какомъ нибудь уединенномъ монастырѣ дале-

¹⁾ Burckardt. Die cultur der Renaissance in Italien. I, 168, 169.

²⁾ Ibid. II, 98.

«Историч. вѣстн.», июль, 1883 г., т. XIII.

каго сѣвера или запада находится тотъ или другой неоткрытый еще памятникъ—вѣрный признакъ, что общество было заинтересовано этимъ дѣломъ. Изученіе древней литературы дѣлается общей страстью: старые и молодые, мужчины и женщины, папы и тираны, купцы и государи, духовные и свѣтскіе, увлекаются классическими языками и литературой. Флорентійскій канцлеръ Салотато 65 лѣтъ принимается за изученіе греческаго языка; Кассандра Фиделе отказывается отъ замужества, чтобы вполне посвятить себя наукѣ; богатый купецъ Никколо Никколи оставляетъ свои занятія, начинаетъ составлять себѣ библіотеку, на которую тратитъ все свое состояніе. Герцогъ Альфонсъ Неаполитанскій никогда не разлучается съ классиками и считаетъ потеряннымъ тотъ день, когда не удастся посвятить нѣсколько часовъ литературѣ. Сигизмундъ Малатеста, тиранъ города Римини, не смотря на всѣ качества истаго тирана, отличался краснорѣчіемъ и былъ весьма свѣдуецъ въ философіи и исторіи; не вѣря въ Бога и отрицая безсмертіе души, онъ строитъ храмъ въ честь св. Франциска, чтобы показать свое знакомство съ классической архитектурой. Федерико ди Монтефельтро, предводитель кондотьеровъ, отличный знатокъ греческой и римской литературъ—словомъ, древность сдѣлалась предметомъ общаго вниманія и общаго почтенія. Ее изучаютъ съ энтузіазмомъ средневѣковаго подвижника. Палла Строцци, принужденный бѣжать изъ роднаго города, благословляетъ свое изгнаніе, потому что оно даетъ ему возможность вполне посвятить себя ученымъ занятіямъ; другой поклонникъ древности въ продолженіи пяти лѣтъ читалъ одного только Цицерона и далъ обѣтъ не употреблять словъ, не встрѣчающихся въ его произведеніяхъ. Классическій писатель въ глазахъ такихъ поклонниковъ древности занималъ то же мѣсто, какъ христіанскій святой. Альфонсъ Неаполитанскій ходилъ на поклоненіе мѣсту рожденія Овидія и выпросилъ у Венеціи часть руки Ливія ¹⁾).

Энтузіазмъ къ древности создалъ для знатоковъ ея выдающееся положеніе, гуманистъ сдѣлался необходимымъ лицомъ въ государственной, частной и даже церковной жизни. Прежде всего, каждый государь, заботившійся о своей славѣ, долженъ былъ имѣть при дворѣ представителей новаго направленія, потому что только они могли своими произведеніями обезсмертить его имя. Такъ смотрѣли на дѣло не только такіе государи, какъ Альфонсъ Неаполитанскій, но и полуграмотные кондотьеры въ родѣ Франческо Сфорцы, который, не смотря на стѣсненное финансовое положеніе, аккуратно платилъ жалованье Филелберо, потому что боялся, что иначе «онъ не окончитъ превосходнаго сочиненія, начатаго для нашей славы» ²⁾).

¹⁾ Burgardt. I, 259 und folg.

²⁾ Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, p. 247.

Въ республикахъ высшія государственныя должности поручались гуманистамъ: Флоренція гордилась тѣмъ, что всѣ ея канцлеры были выдающіеся ученые. Распространившійся вкусъ къ классическому языку ввелъ въ обычай сопровождать особенныя событія общественной и частной жизни латинскими рѣчами, составленными по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства и наполненными цитатами изъ древнихъ авторовъ; точно также считалось необходимымъ, чтобы государственныя грамоты писались изящною латинскою прозой. Вслѣдствіе этого, присутствіе гуманиста въ посольствѣ и государственной канцеляріи было необходимо; для этой цѣли маленькая республика Сіена содержитъ гуманиста. Дати и платитъ ему значительное жалованье въ 350 цехиновъ; кромѣ того, избираетъ ли республика ежегодныхъ магистратовъ, посвящается ли новый епископъ, нанимаетъ ли государство на службу кондотьера, гуманистъ произноситъ приличную случаю рѣчь. Въ домашней жизни для произнесенія рѣчи въ день рожденія, на крестинахъ, на свадьбѣ, на похоронахъ богатые люди приглашаютъ литературную знаменитость, а кто по-бѣднѣе—ученика. Даже церковь заражается общемою модой: на церковныхъ празднествахъ произносятся проповѣди въ классическомъ духѣ, причемъ прославляемый святой именуется *deus*, папа — *pontifex maximus*, а монахи — *vestales*. Если нѣтъ подходящаго священника, проповѣдь произноситъ свѣтскій, и это никого не шокируетъ. Такъ, Эней Сильвій, еще непосвященный въ духовный санъ, произнесъ съ церковной кафедры поученіе въ присутствіи отцевъ Базельскаго собора ¹⁾.

Такимъ образомъ создалась свѣтская интеллигенція, классъ людей, неизвѣстный въ средніе вѣка; между членами ученой республики образовалась новая связь—наука и талантъ, которые открывали имъ широкую дорогу. Въ средніе вѣка общественное положеніе челоуѣка обуславливалось его рожденіемъ, сословныя неравенства сглаживались только церковью, въ которой челоуѣкъ низкаго происхожденія могъ достигнуть высокихъ степеней; въ XIV столѣтіи ея роль взяла на себя наука. Гуманисты считаютъ несправедливостью принципъ, лежащій въ основаніи родовой аристократіи. Знатность, по ихъ мнѣнію, должна обуславливаться не происхожденіемъ, а заслугами: Сократъ былъ сынъ ремесленника, а родители Демосѣна и Эврипида—неизвѣстны. Въ діалогѣ «о дворянствѣ» Поджіо рѣзко возстаетъ противъ знати. «Всякій челоуѣкъ тѣмъ болѣе далекъ отъ истиннаго благородства, говоритъ онъ, чѣмъ дольше его предки оставались смѣлыми злодѣями. Страсть къ соколиной и всякой другой охотѣ не болѣе пахнетъ благородствомъ, чѣмъ гнѣзда извѣстныхъ животныхъ балзамомъ. Обработка земли, которой занимались древніе, была болѣе

¹⁾ Burckhardt. I, 276.

благородна, чѣмъ это безмысленное скаканье по горамъ и лѣсамъ, болѣе всего напоминающее звѣрей» ¹⁾).

Сословіе гуманистовъ явилось руководителемъ общественнаго мнѣнія, силы могущественной въ наше время и неизвѣстной ранѣ XIV-го вѣка. Представители новаго направленія достигли первенствующаго положенія въ обществѣ: имъ покровительствовала церковь, въ нихъ записывали частные люди, имъ льстили государи, поэтому ихъ голосъ былъ вліятеленъ и ихъ неодобреніе опасно. Нападенія гуманистовъ боялись больше, чѣмъ солдатъ непріятеля и ожидали безсмертія скорѣе отъ ихъ похвалъ, чѣмъ отъ своихъ подвиговъ. Карлъ Малатеста при взятіи Мантуи низвергъ статую Виргилія; это вызвало сильное негодованіе гуманистовъ, они направили противъ него цѣлый рядъ памфлетовъ, и суровый побѣдитель долженъ былъ снова возстановить разрушенную статую ²⁾).

Эта новая сила, на глазахъ церкви достигшая значительнаго могущества и пріобрѣвшая обширное вліяніе, вступила въ борьбу съ католицизмомъ; гуманисты начали дѣло освобожденія жизни отъ оковъ папства, прежде всего была секуляризирована наука. Первый представитель гуманистическаго движенія, Петрарка, написалъ цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ противъ средневѣковой схоластики. Онъ упрекалъ прежнихъ ученыхъ за то, что они игнорируютъ человѣка, его внутренній міръ: историкъ описываетъ дѣянія королей, но не можетъ дать отчета въ своемъ существованіи, математикъ все измѣряетъ, но не знаетъ силъ своего духа, музыканты умѣютъ отличать всевозможные тоны, но не ищутъ гармоніи въ своихъ дѣйствіяхъ; астрономы изучаютъ затмѣнія луны и солнца, но не знаютъ измѣненія своего духа и т. д. Противъ астрологіи Петрарка возставалъ во имя здраваго смысла, противъ медицины—во имя требованій природы. Особенно ложнымъ представляется ему направленіе средневѣковой философіи; по его мнѣнію, философы — это глупцы, которые занимаются нелѣпой болтовней, вращаются въ области такъ называемыхъ понятій, т. е. пустыхъ словъ. Не такова истинная философія: предметомъ ея должна быть жизнь и внутренній міръ человѣка, а цѣлью—нравственное совершенство ³⁾. Правда, подъ вліяніемъ исключительнаго интереса къ древности у гуманистовъ образовалась своего рода схоластика. Если прежде рѣшали вопросы о количествѣ ангеловъ, которыхъ можно помѣстить на концѣ иглки, то теперь спорили о томъ, какъ звали мать Андромахи. Но противъ этого увлеченія раздавались голоса самихъ гуманистовъ. Пико Мирандольскій ясно понимаетъ истинныя научныя стремленія и умѣетъ цѣнить заслуги

¹⁾ Burckhardt. II, 105.

²⁾ Ibid. I, 175.

³⁾ Voigt. 37—45.

даже схоластиковъ. «Мы будемъ вѣчно жить, говоритъ онъ, не въ школахъ буквѣдовъ, но въ кругу мудрецовъ, гдѣ спорятъ не о матери Андромахи, не о сыновьяхъ Нюбы, но о глубочайшихъ основаніяхъ божественныхъ и человѣческихъ вещей. Подойдя ближе, всякій замѣтитъ, что и варвары имѣютъ духъ не на языкѣ только, но и въ сердцѣ» ¹⁾. Освобожденіе науки касалось не только ея содержанія. Съ XIV-го столѣтія научное образованіе начинаетъ распространяться въ обществѣ, тогда какъ раньше оно составляло исключительное достояніе духовенства. Этому перевороту въ значительной степени содѣйствовала педагогическая дѣятельность гуманистовъ, къ которой они чувствовали большое призваніе. Наибольше знаменитые изъ нихъ были постоянно окружены толпою учениковъ. Никколо Никколи первый дѣлаетъ свою библіотеку публичной, каждый можетъ приходить туда и пользоваться не только книгами, но руководствомъ и указаніями ученаго хозяина ²⁾. Нѣкоторые изъ представителей новаго направленія переходили изъ одного города въ другой и всюду открывали публичные курсы классическихъ языковъ и литературы. Джіованни да-Равенна, напримѣръ, читалъ лекціи въ Падуѣ, Флоренціи и Венеціи и образовалъ цѣлую школу послѣдователей ³⁾. Другіе открывали постоянныя школы, которыя становились разсадниками просвѣщенія не только для Италіи, но и для другихъ государствъ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Витторино да-Фельтре; подобно своему учителю Джіованни да-Равенна, онъ нѣкоторое время былъ странствующимъ педагогомъ, а потомъ основалъ въ Мантуѣ постоянную школу. Характеръ и направленіе его школы шли совершенно въ разрѣзъ съ средневѣковой педагогикой, педагогъ-гуманистъ назвалъ свое училище *casa diacosa* и тщательно избѣгалъ суровыхъ мѣръ, любимаго воспитательнаго средства учителей-монаховъ. Въ основу своей системы онъ положилъ классическіе языки, но это была только подготовительная работа: средніе курсы изучали Виргилія и Гомера, Цицерона и Демосеена, высшіе—Платона и Аристотеля. Школа давала такимъ образомъ не только формальное образованіе: классическіе авторы вводили юношество въ самую античную жизнь, открывали передъ нимъ сокровища древней мудрости. Кромѣ того, Витторино, самъ глубоко проникнутый классическимъ духомъ, стремился къ гармоническому развитію своихъ учениковъ: онъ развивалъ не только умъ, но и чувство, не только духъ, но и тѣло; въ его школѣ, на ряду съ наукой, преподавались живопись и музыка, танцы и верховая ѣзда ⁴⁾. Стремленіе къ божественной всесторонности, характеризующее эпоху Возрожденія, сказалось и въ школѣ.

¹⁾ Buekhardt. I, 245.

²⁾ Voigt. 157.

³⁾ Ibid. p. 127.

⁴⁾ Ibid. p. 251 und folg.

Сообразно съ новыми воззрѣніями, измѣнилась и форма изложенія: тяжелая, туманная и неправильная средневѣковая латынь была замѣнена изящной простотой классической рѣчи. Такая перемѣна способствовала распространенію науки, которая теперь изъ тѣсныхъ стѣнъ монастыря и школы перешла въ роскошные дворцы и палаты государей и аристократіи, въ изящные салоны знатныхъ дамъ и въ скромные дома представителей третьяго сословія. Первый шагъ расширенія научнаго образованія былъ сдѣланъ: научныя занятія заинтересовали общество, сдѣлались доступны верхнимъ и среднимъ слоямъ его; реформація, положившая основаніе народной школѣ, довершила остальное.

Гуманисты совершили свое дѣло: они создали свѣтскую интеллигенцію и общественное мнѣніе, освободили личность и лучшее ея достояніе—разумъ отъ оковъ католицизма, секуляризировали мысль, науку и школу—въ этомъ заключается культурное значеніе этого движенія. «Все образованіе настоящаго и будущихъ временъ, говоритъ Гейгеръ въ обработкѣ книги Буркгардта, основано на томъ, что произошло это событіе»¹⁾. Значительная доля этой заслуги принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Италіи, на почвѣ которой началось движеніе. Но на судьбу итальянскаго гуманизма особенно вредно вліяли два условія: отношеніе къ католицизму и положеніе при дворахъ итальянскихъ государей. Вслѣдствіе этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, итальянскимъ гуманистамъ не удалось примирить классическую цивилизацію съ христіанствомъ и сохранить нравственную твердость и чистоту.

III.

Классическіе идеалы, съ которыми познакомились гуманисты въ произведеніяхъ древнихъ авторовъ, произвели на умы столь сильное впечатлѣніе, что явилась мысль {о полной реставраціи древности. Классическій міръ казался такъ безупречно хорошъ, что вся современность не могла выдержать съ нимъ никакого сравненія. Отсюда недовольство формами роднаго быта, роднымъ языкомъ и родной вѣрою и стремленіе замѣнить все это соотвѣтствующими сторонами античной жизни. Петрарка мечтаетъ уже о восстановленіи въ Римѣ древней республики; Кола ди Ріенци, который самъ воображалъ себя Брутомъ, кажется ему Ромуломъ, Камилломъ; онъ даетъ католическому міру древнее устройство: тогда «общество измѣнится, наступитъ золотой вѣкъ, земной кругъ приметъ новый видъ»²⁾. Когда эти фантазіи рушились, когда гума-

¹⁾ Burckhardt. I, 314.

²⁾ Voigt, p. 33.

нисты увидѣли, что прежняя роль ихъ родины окончена навсегда, наступило полное равнодушіе. Политическія воззрѣнія или почерпались изъ классическихъ авторовъ, проповѣдовалось, на примѣръ, убійство тиранновъ, или говорили совершенно противоположное, если это было удобнѣе: рядомъ съ преклоненіемъ передъ Брутомъ стояло ученіе Макиавелли, выраженное имъ въ книгѣ *de Principe*. Переходы гуманистовъ отъ одного князя къ другому, смотря по количеству жалованья и другимъ выгодамъ, содѣйствовали развитію политическаго индифферентизма. Ученіе — *ubi bene, ibi patria est* было прямо сформулировано. «Наиболѣе мудрый, говоритъ гуманистъ Петръ Алкіоній (*Alcyonius*), считаетъ весь земной кругъ однимъ государствомъ и истинною родиною признаетъ ту страну, которая приметъ его во время странствія, которая почитаетъ честность, совѣсть и добродѣтель, которая покровительствуетъ высшимъ занятіямъ и свободнымъ наукамъ, которая позволяетъ всѣмъ чужеземцамъ занимать достойное положеніе и пользоваться славой своей извѣстности» ¹⁾. Результатомъ такого настроенія была оторванность отъ почвы, оторванность, особенно сильно проявившаяся въ отношеніи къ родному языку. Популярности Данте особенно вредило въ глазахъ гуманистовъ то обстоятельство, что его великая поэма была написана на народномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого, Петрарка считаетъ Данте недостойнымъ зависти; онъ не желаетъ себѣ популярности среди «прачекъ, шинкарей и поденщиковъ»; онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на свои сонеты къ Лаурѣ, доставившіе ему безсмертіе. Точно также относится Боккаччо къ своимъ новелламъ.

Но равнодушіе къ родному быту и пренебреженіе къ итальянскому языку исчезли вмѣстѣ съ крайностями увлеченія классическимъ міромъ. Въ XV и XVI столѣтія гуманисты сдѣлались такими же патріотами, какъ ихъ противники, и начали писать на родномъ языкѣ. Гораздо сильнѣе столкнулись два міросозерцанія, античное и средневѣковое, въ области религіи; здѣсь контрасты были гораздо рѣзче, примиреніе значительно труднѣе. Съ перваго взгляда казалось необходимымъ отказаться или отъ Зевса, или отъ Христа; но то и другое было слишкомъ трудно. Увлеченіе древностью было слишкомъ сильно, поэтическіе образы греческой мифологіи были слишкомъ привлекательны, чтобы холодно отвергнуть весь Олимпъ. Съ другой стороны, гуманисты не могли отрицать глубины и прочности христіанства, пустившаго крѣпкіе корни въ обществѣ, не могли думать объ успѣшномъ возвращеніи христіанской Европы къ классическому язычеству. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ къ примиренію если не двухъ религій, то, по крайней мѣрѣ, двухъ религіозныхъ міросозерцаній; но всѣ эти попытки оказались безплодными на католической почвѣ. Нѣкоторые изъ послѣдователей по-

¹⁾ Bueckardt. I, 197.

ваго направленія сѣумѣли остаться благочестивыми католиками: таковы были Траверзары и папа Николай V; но они только интересовались древностью, а не были проникнуты ею; они были гуманисты, собиратели и ученые, а не мыслители и философы. Болѣе впечатлительныя и глубокія натуры стремились примирить противоположности классической философіи и средневѣковаго богословія; этимъ были заняты Салютато и Альберти, такую цѣль поставила себѣ Флорентійская академія съ Марсиліемъ Фициномъ во главѣ. «Марсилій задумалъ составить книгу Платонова богословія, очень близко подходившаго къ язычеству, и сдѣлать доступными для народа Орфеевы гимны и жертвоприношенія», говоритъ его биографъ Корси: «по потомъ, измѣнивъ это намѣреніе, приспособилъ Платонову теологію къ христіанскимъ обрядамъ» ¹⁾. Попытка поганизировать христіанство не имѣла и не могла имѣть успѣха, самъ Марсилій понималъ, что его проектъ привелъ бы къ чисто внѣшнему смѣшенію различныхъ обрядовъ. Для примиренія представлялся иной путь: нужно было реформировать католицизмъ, ту форму христіанства, въ которой его знали въ средніе вѣка, и ввести въ христіанское міросозерцаніе новые идеалы. Папство было слишкомъ узко, исключительно и нетерпимо, чтобы произвести такую реформу, въ самомъ итальянскомъ обществѣ было слабо религіозное чувство, которое было необходимо для переворота. Новыя потребности и стремленія вошли въ христіанское міросозерцаніе, когда религія стала пониматься глубже, когда ея сущностью признали не внѣшнія обрядности, какъ въ католициствѣ, а внутреннее настроеніе. Такой переворотъ произошелъ позже въ XVI вѣкѣ и не въ Италіи, а въ Германіи. Марсилій Фицинъ понималъ эти препятствія и высказалъ иной взглядъ на религію. «Зародышъ добра и истины составляютъ зерно всякой религіи, говоритъ онъ: разница въ обрядахъ не противна Богу» ²⁾. Но для большинства гуманистовъ неудачныя попытки въ области религіи привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ политикѣ: къ индифферентизму или отрицанію. Для Л. Валлы было совершенно все равно, во что вѣровать и что считать истиннымъ въ религіи. Онъ пишетъ цѣлый рядъ изслѣдованій и памфлетовъ противъ папы, потому что это угодно его покровителю; а потомъ съ легкимъ сердцемъ отвѣчаетъ на обвиненія инквизиціи, что онъ «вѣруетъ, какъ учитъ мать церковь» ³⁾. Кардиналъ Бембо считаетъ «изученіе священнаго Писанія ребячествомъ, неприличнымъ для серьезнаго человѣка», а папа Левъ X, называлъ все христіанство «доходной басней». Иные изъ сравненія язычества съ христіанствомъ вывели заключеніе, что основанія

¹⁾ Janitshek, p. 102, 104.

²⁾ Ibid. p. 19.

³⁾ Voigt, p. 226.

истинности одинаковы для обѣихъ религій. Къ такому убѣжденію пришла римская академія, членовъ которой называли атепстами и циниками. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что подобнаго рода религіозныя и политическія воззрѣнія не вытекали изъ сущности гуманизма, служатъ представители этого направленія въ Германіи. Эразмъ съ любовью занимался изученіемъ священнаго писанія, заслуги Меланхтона въ дѣлѣ реформаціи даютъ ему право на первое мѣсто послѣ Лютера. Точно также едва ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію глубокая любовь Ульриха фонъ-Гуттена къ нѣмецкой націи; другой гуманистъ Вимпфелингъ произвелъ цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій о прошломъ своего народа, и по всѣмъ его произведеніямъ проходитъ одна черта — любовь къ родинѣ. Идея національнаго объединенія Германіи, наконецъ, твердо и настоятельно была формулирована гуманистами.

Неудачныя попытки примирить новыя философскія и политическія воззрѣнія съ дѣйствительностью привели не только къ политическому и религіозному индифферентизму, но и къ пониженію нравственнаго уровня итальянскихъ гуманистовъ. Средневѣковая мораль, тѣсно связанная съ аскетизмомъ, потеряла кредитъ; этические системы классическаго міра не представляли одного цѣлаго; писатели временъ римской имперіи, съ которыми наиболѣе были знакомы гуманисты, не могли имѣть благотворнаго вліянія на нравственность. Ко всему этому присоединилось положеніе, которое гуманисты занимали при дворахъ: на ихъ обязанности лежало во что бы то ни стало прославлять меценатовъ. Они готовы были сдѣлаться «трубою славы» всякаго, кто могъ платить имъ хорошее жалованье. Изъ-за выгодъ они были готовы расточать какую угодно лесть; одинъ гуманистъ сложилъ молитву въ честь Льва X-го, въ которой называлъ папу божествомъ (*numen*). Деньги и чувствennыя наслажденія — постоянная цѣль ихъ стремленій; ради нея они готовы на все. Филелъеро, будучи совершеннымъ атеистомъ, всякій разъ, какъ терялъ жену (а это случилось съ нимъ 3 раза), обращался къ папѣ съ просьбою о кардинальской шляпѣ и, получивъ отказъ, немедленно вступалъ снова въ бракъ. Жадность къ деньгамъ составляетъ также характерную черту этого типичнаго гуманиста: онъ вѣчно недоволенъ своимъ положеніемъ; имѣя 6 лошадей въ конюшнѣ и цѣлый штатъ прислуги, онъ жалуется на бѣдность и проситъ вспоможенія ¹⁾. Семейныя добродѣтели стояли у гуманистовъ на одномъ уровнѣ съ безкорыстіемъ. Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ, стоитъ припомнить только «Декамеронъ» Боккачіо, новеллы Сакетти и цѣлой массы ихъ подражателей. Если содержаніе этихъ произведеній, безцеремонность описаній и разсказовъ еще можно объяснить особенностію понятій

¹⁾ Voigt, p. 248.

того времени о приличіяхъ, то тонъ новелль, отношеніе автора къ сюжету ясно показываетъ, что уровень семейной нравственности былъ весьма низокъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ имѣла извѣстное значеніе реакція противъ аскетизма, когда, по выраженію Маколея, хвастаются пороками, противоположными добродѣтелямъ противниковъ; играло извѣстную роль и крайнее увлеченіе древностью: Бекаделли въ своемъ сочиненіи «Гермафродитъ» изобразилъ прелести классическаго порока, и престарѣлые отцы семействъ, навѣрное чуждые этой грязи, восхищались ею,—тѣмъ не менѣе, въ общемъ, упадокъ морали несомнѣненъ. Чувственные удовольствія, столь высоко цѣнимыя гуманистами въ жизни, нашли и въ теоріи талантливаго защитника въ лицѣ Л. Вальи, который въ своемъ сочиненіи «О чувственномъ удовольствіи» защищалъ моральныя доктрины эпикурейцевъ.

На ряду съ жаждою выгодъ и удовольствій гуманисты отличались крайнимъ честолюбіемъ. Эта черта, характерная для движенія, особенно развилась подъ вліяніемъ древности. Въ средніе вѣка, когда главное вниманіе обращено было на загробную жизнь, человѣческая слава считалась большею «суетою суетъ», чѣмъ власть и богатство; любовь къ славѣ шла въ разрѣзъ съ аскетическимъ идеаломъ еще и потому, что она противорѣчила чувству христіанскаго смиренія. Но когда гуманисты познакомились съ классической литературой, они нашли въ ней совершенно иное отношеніе къ славѣ: лучшіе умы древняго міра считали честолюбіе сильнымъ и законнымъ стимуломъ къ добродѣтели. Такое воззрѣніе было принято и гуманизмомъ. Уже Петрарка заявлялъ, что «цѣль его трудовъ слава и честь безсмертнаго имени» ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ Гунччардини признавала единственно важнымъ и прочнымъ этотъ стимулъ человѣческой дѣятельности. «Кто высоко ставитъ честь, говоритъ онъ, тому удастся все, потому что онъ не боится ни труда, ни издержекъ, ни опасности. Я испыталъ это на себѣ и смѣло могу письменно утверждать, что суетны и мертвы тѣ дѣйствія людей, которыя не вызваны этимъ сильнымъ побужденіемъ» ²⁾. Стремясь къ славѣ, гуманисты были убѣждены, что литературная дѣятельность составляетъ самый вѣрный путь къ ней; поэтому всѣ они считали себя безсмертными. Мало того, ихъ произведенія должны были прославить въ потомствѣ не только имена авторовъ, но также и тѣхъ лицъ, которыя воспѣвались въ поэмѣ или которымъ было посвящено сочиненіе. Филеллеро глубоко убѣжденъ, что его латинское стихотвореніе, посвященное дѣяніямъ Сфорцы, прославить тирана; Поджіо, обращаясь къ одному изъ своихъ покровителей, говоритъ: «вѣрь мнѣ, что нѣтъ славы, продолжитель-

¹⁾ Voigt, p. 72.

²⁾ Burckhardt. II, 203.

нѣ той, которую передають потомству произведенія писателей. Одни они только доставляютъ «безсмертіе». И этому вѣрили. За посвященіе книги автора возводили въ рыцарское достоинство, жаловали помѣстья, платили огромныя суммы, дѣлали цѣнныя подарки. «Ваше произведеніе нельзя оплатить, говорилъ Альфонсъ Аррагонскій одному изъ гуманистовъ, хотя бы я вамъ отдалъ за него одинъ изъ моихъ лучшихъ городовъ» ¹⁾. Вслѣдствіе такихъ отношеній меценатовъ къ покровительствуемымъ, гордость тщеславіе и самохвалство гуманистовъ не знали предѣловъ. «Мое имя въ устахъ всѣхъ, пишетъ Филеллеро; первые сановники республики, самыя знатныя женщины уступаютъ мнѣ дорогу. Мнѣ почти стыдно отъ всеобщаго передо мной смиренія. У меня ежедневно болѣе 400 слушателей, по большей части знатныхъ людей высшаго сословія. Первые сановники государства не имѣютъ болѣе вліянія, чѣмъ я» ²⁾.

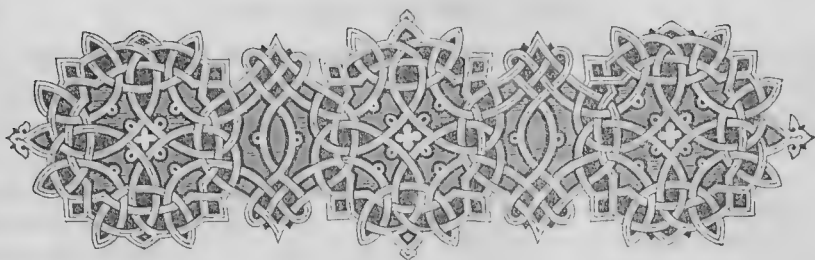
Но безсмертіе оказалось непрочнымъ, почести недолговременными. Общественное настроеніе измѣнилось; увлеченіе древностью улеглось; на сѣверѣ началось движеніе, привлекавшее къ себѣ общее вниманіе; въ обществѣ религіозный взрывъ, характеризующій реформацію, напелъ отголосокъ; итальянскія войны Карла V-го и Франциска I-го пробудили мѣстный патріотизмъ. Гуманисты, чуждые такихъ интересовъ, отступили на задній планъ; отношенія къ нимъ меценатовъ измѣнились, и они потеряли прежній вѣсъ и значеніе. Въ XVI вѣкѣ гуманизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова падаетъ; умственное движеніе, сохраняя существенныя черты возрожденія, измѣняется: поэты пишутъ на родномъ языкѣ и пытаются на родной почвѣ возсоздать классическую литературу; они не подражаютъ древнимъ авторамъ, но творятъ въ ихъ духѣ; культъ славы проченъ, но ея ищутъ не только у поэтовъ и писателей; религіозное чувство проснулось и католицизмъ не удовлетворялъ его, но реформаціонное воодушевленіе чуждо итальянской интеллигенціи; протестантизмъ для нея еще ересь, мало извѣстная, мало понятная, мораль не нашла еще прочнаго основанія: древній міръ не удовлетворялъ, католицизмъ оскорблялъ нравственное чувство. Отсюда постоянныя колебанія, мучительныя сомнѣнія, даводившія людей впечатлительныхъ до отчаянія, почти до сумасшествія. Лучшимъ выразителемъ такого настроенія является Торквато Тассо.

М. Корелинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Burekhardt, I p. 267.

²⁾ Laurent, VIII, 390.



ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

THE STATISTICAL ABSTRACT FOR THE COLONIES AND OTHER POSSESSIONS OF THE UNITED KINGDOM. LONDON 1883 (Статистическій перечень колоній и другихъ владѣній Великобританіи. Лондонъ. 1883 г.).



ОЗНАЧЕННОЕ изданіе отличается достовѣрностью данныхъ, сообщаемыхъ имъ о колоніяхъ и другихъ владѣніяхъ Великобританіи. Эти колоніи и владѣнія занимаютъ собою поверхность въ 7.917,000 квадр. миль (англійскихъ), слѣдовательно, слишкомъ вдвое болѣе поверхности всей Европы и въ 65 разъ болѣе своей метрополіи, Великобританіи; Сѣверо-американскія ея владѣнія занимаютъ поверхность въ 3.500,000 квадр. миль; Австралія 3.000,000 квадр. миль; Остѣ-Индіа, за исключеніемъ вассальныхъ государствъ, 900,000 квадр. миль; владѣнія на мысѣ Доброй Надежды 222,000 квадр. миль. Во всѣхъ владѣніяхъ Великобританіи считалось, въ 1881 году, населенія 217.695,000 душъ, но это населеніе распределено крайне неравномѣрно. Такъ, въ Остѣ-Индіи въ сложности приходится на квадратную милю 225 человѣкъ, въ Сѣверной же Америкѣ только 1,3 человѣка, а въ Австраліи даже менѣе одного человѣка (0,9) на квадратную милю. Англійскія колоніи прогрессивно процвѣтаютъ въ своемъ благоденствіи. Въ 1871 году доходы ихъ простирались на 70.457,000 фунт. стерл. (704.570,000 руб. кред.), а въ 1881 году они возрасли до суммы 110.122,000 фунт. стерл. (1.101.220.000 руб. кред.), причемъ доходы Остѣ-Индіи увеличились съ 53.600,000 фунт. стерл. на 75.300,000 фунт. стерл.,

доходы Австраліи съ 9.600,000 на 20.600,000 фунт. стерл., а мыса Доброй Надежды съ 1.160,000 на 5.620,000 фунт. стерл. Но и расходы этихъ владѣній также увеличились, а именно съ 69.878,000 фунт. стерл. (698.780,000 руб. кред.), въ 1871 году, на 114.182,000 фунт. стерл. (1.141.820,000 руб. кред.) въ 1882 году. Въ этотъ десятилѣтній періодъ долгъ этихъ владѣній сильно возросъ, потому что значительныя суммы были употреблены колоніальными правительствами на разныя общепользныя сооруженія. Такъ, въ 1871 году долгъ всѣхъ колоній равнялся суммѣ 176.800,000 фунт. стерл. (1.768.000,000 руб. кред.), а въ 1881 году 306.400,000 фунт. стерл. (3.064.000,000 руб. кред.), причемъ долгъ Остѣ-Индіи съ 117.500,000 фунт. стерл. увеличился на 160.300,000 фунт. стерл., Австраліи съ 39.000,000 на 96.000,000 фунт. стерл., а Канады съ 16.500,000 на 32.600,000 фунт. стерл. Займы на эти суммы были почти исключительно реализованы въ самой Англіи, гдѣ колоніальные фонды пользуются большимъ уваженіемъ. Привозная торговля всѣхъ англійскихъ колоній и владѣній въ 1871 году простиралась на сумму 128.663,000 фунт. стерл. (1.286.630,000 руб. кред.), а въ 1881 году на 208.880,000 фунт. стерл. (2.088.800,000 руб. кред.), или увеличилась на 62 процента. Вывозная торговля въ тотъ же періодъ времени возросла на 36 процентовъ, или съ 147.167,000 фунт. стерл. (1.471.670,000 руб. кред.) на 200.379,000 фунт. стерл. (2.003.790,000 руб. кред.). Вывозъ изъ Великобританіи въ ея колоніи въ тотъ же десятилѣтній періодъ увеличился на 43 процента, а привозъ изъ колоній въ метрополию на 25 процентовъ. Замѣчательно, что въ этомъ торговомъ движеніи наибольшее участіе принимаетъ англійскій коммерческій флотъ, а именно количество тоннъ всѣхъ судовъ, перевозившихъ грузы, возросло на 87 процентовъ, съ 33.632,000 тоннъ въ 1871 году, на 62.842,000 тоннъ въ 1881 году, въ томъ числѣ однихъ англійскихъ судовъ на 148 процентовъ, съ 20.220,000 тоннъ въ 1871 году, на 50.285,029 тоннъ въ 1881 году. Такимъ образомъ, колоніальная торговля служитъ однимъ изъ главныхъ условій развитія англійскаго торговаго флота.

Къ этимъ любопытнымъ цифрамъ можно присовокупить данныя за 1882 годъ, обнародованныя въ «Австралійскомъ коммерческомъ обзорѣніи» («Australasian Trade Review»), о нѣкоторыхъ владѣніяхъ Австраліи, именно Викторіи, Новаго Южнаго Уэльса, Новой Зеландіи, Южной Австраліи и Тасманіи. Населеніе въ нихъ, въ 1882 году, составляло 2.577,627 душъ, привозъ товаровъ въ 1882 году равнялся 56.887,096 фунт. стерл., въ 1881 году 48.240,099 фунт. стерл.; вывозъ въ 1882 году 46.401,004 фунт. стерл., въ 1881 году 44.325,806 фунт. стерл.

Вышеприведенныя цифры получаютъ своего рода освѣщеніе, если припомнить вновь возникшее въ послѣдніе мѣсяцы стремленіе въ Англіи и Франціи къ увеличенію своихъ колоніальныхъ

владѣній. Правленіе австралійской колоніи Квинслендъ заняло островъ Новую-Гвинею, величиною равную почти Франціи, а республиканское правительство послѣдней простираетъ свои замыслы на Тонкинъ и Мадагаскаръ, и; повидимому, прочно утверждается въ Тухлуѣ. Дѣйствительно, трудно было предсказать англійскимъ мѣстамъ ссылки преступниковъ въ Австраліи, что они менѣе чѣмъ въ столѣтіе достигнутъ нынѣшняго своего благосостоянія и будутъ имѣть ежегодный оборотъ по привозной и вывозной торговлѣ въ 4 миллиарда рублей.

II. У.

METHODS OF SOCIAL REFORM, AND OTHER PAPERS. BY W. STANLEY JEVONS. LONDON 1883 (Системы социальной реформы и другія статьи, Станли Дживонса. Лондонъ. 1883 г.).

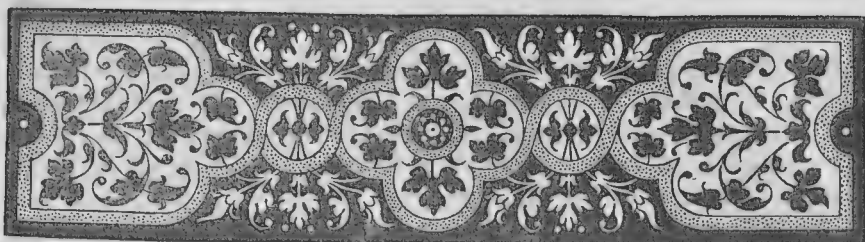
Профессоръ Дживонсъ приобрѣлъ себѣ лестную извѣстность въ Англіи своими сужденіями и изслѣдованіями по современнымъ социальнымъ вопросамъ. Вышедшая нынѣ книга издана послѣ его смерти и представляетъ сборникъ его статей, напечатанныхъ въ разное время. Только изслѣдованіе его «О пользѣ музеевъ и о злоупотребленіи ими» явилось нынѣ въ свѣтъ въ первый разъ. Дживонсъ принадлежалъ къ старательнымъ и проницательнымъ наблюдателямъ современныхъ явленій жизни, пытавшимся достигнуть разрѣшенія трудныхъ промышленныхъ и социальныхъ задачъ примѣненіемъ къ нимъ научныхъ началъ политической экономіи и логики. Во многихъ его трудахъ выливается сердечная натура этого высоко образованнаго ума, ученаго и музыканта, страстно желавшаго достигнуть улучшенія жизненныхъ условій для народа. Въ вышедшемъ нынѣ сборникѣ его трудовъ помѣщены: «Увеселенія народа», «Рабочія общества, ихъ цѣли и образъ дѣйствія», «Обсужденіе вопроса о даровыхъ библіотекахъ», «Основанное на опытѣ законодательство и торговля спиртными напитками», «Объ употребленіи на работы на фабрикахъ замужнихъ женщинъ», «Желѣзныя дороги и государство», «Промышленные товарищества». Несмотря на различіе условій государственнаго и экономическаго строя Россіи и Англіи, многія изъ изслѣдованій Дживонса могутъ быть съ пользою примѣнены и къ нашимъ условіямъ, потому что въ нихъ заключается рядъ замѣчательныхъ мыслей, логически выведенныхъ и доказанныхъ. Дживонсъ доказываетъ, что законодательство, ограничивающее употребленіе въ работу на фабрикахъ беременныхъ женщинъ или матерей юныхъ дѣтей, не составляетъ ненужнаго вмѣшательства въ свободу найма или контрактовъ. Онъ также возстаётъ противъ мысли, что «цѣны и заработная плата должны быть предметомъ законодательнаго распоряженія». Жи-

вонсѣ признаетъ необходимою, чтобы почта и телеграфы находились въ рукахъ государства, но отрицаетъ эту необходимость для желѣзныхъ дорогъ, вопреки мысли, вкореняющейся въ этомъ отношеніи въ другихъ странахъ и которая съ успѣхомъ осуществляется Бисмаркомъ въ Пруссіи.

По нашему мнѣнію, не мѣшало бы трудъ Дживонса издать въ русскомъ переводѣ.

П. У.





КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія русскаго генеральнаго штаба. Составилъ генеральнаго штаба генераль-маіоръ Н. П. Глиноецкій. Томъ I. 1698—1825 гг. Спб. 1883 г.



ВАДЦАТЬ шестого ноябрю 1882 года наша Николаевская Академія Генеральнаго Штаба праздновала юбилей своей полувѣковой дѣятельности. Къ этому времени авторомъ лежащей передъ нами «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» Н. П. Глиноецкимъ, была составлена подробная исторія этого высшаго военно-учебнаго заведенія въ Россіи. Такъ какъ эта частная исторія учебнаго заведенія, учебниками которой по преимуществу комплектовался корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба, весьма близко совпадала съ новой исторіей развитія и образованія генеральнаго штаба, какъ боевого учрежденія, то нынѣ г. Глиноецкому пришлось ограничить свои историческія изслѣдованія, такъ-сказать, только древнимъ періодомъ исторіи этого учрежденія, т. е. отъ появленія у насъ первыхъ квартирмейстеровъ при Петрѣ I до совершенно особой организаціи генеральнаго штаба, приданной ему императоромъ Николаемъ I. Охватывая весь XVIII вѣкъ, со всѣми его историческими особенностями, исторія г. Глиноецкаго, хотя и касается, по видимому, весьма частнаго факта—боевого устройства русскаго арміи, по попутно сообщаетъ цѣлую массу фактовъ изъ сферы служенія, которые, взятые вмѣстѣ, весьма рельефно очерчиваютъ большія мѣста нашего стараго, а исторически—объясняютъ кое-что и въ порядкахъ новой службы.

Одною изъ такихъ крайне характерныхъ чертъ надо признать попытки выписываемыхъ изъ заграницы «пѣмцевъ» ввести къ намъ прочныя, на законѣ основанныя, порядки службы,—попытки, послѣдовательно разбиравшіяся о природное самодурство то того, то другого властнаго славяннина. Такъ, въ самомъ началѣ образованія у насъ должности постоянныхъ квартирмейсте-

ровъ, по проекту пѣмца Вейде, съ одобренія графа Б. П. Шереметева, въ 1698 году, мы черезъ 10 лѣтъ уже встрѣчаемся съ фактомъ, что тотъ же Шереметевъ, вмѣстѣ «съ генераль-квартирмейстеромъ и инженерамъ», употреблялъ для развѣдыванія путей также своего депѣщика Елку. Каково было начало, таково и продолженіе, и потому къ концу вѣка мы ясно видимъ, что какъ ни старались организовать квартирмейстерскую часть пѣмца Вейде, Минихъ, Эльмштъ, Бауръ, Писторъ и Сухтеленъ, — славяне Шереметевъ, Апраксинъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Салтыковъ и Аракчеевъ все снова разстроивали. Особенно рельефную картину войсковыхъ порядковъ рисуетъ г. Глиноецкій за время царствованія императрицы Екатерины II и Павла Петровича. Въ 1769 году былъ выписанъ изъ Пруссіи специально для устройства штабныхъ должностей арміи генераль-квартирмейстеръ Бауръ, весьма отличившійся въ семилѣтнюю войну въ войскахъ Фридриха Великаго. Участвуя лично въ румянцевскихъ походахъ, на первыхъ же порахъ, Бауръ за свою дѣятельность удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ отъ Румянцева, который въ письмѣ къ императрицѣ отъ 13-го марта 1770 года пишетъ слѣдующее: «Объ искусствѣ сего генерала въ своемъ ремеслѣ, по однимъ начальнымъ видамъ уже, я осмѣливаюсь вашему императорскому величеству донести, что подобнаго ему наукою въ семь чинѣ, въ мою службу, у насъ не было». Далѣе историкъ генеральнаго штаба довольно прозрачно намекаетъ (разумѣется, не желая бросать хотя бы малѣйшую тѣнь на заслуги великаго полководца), что успѣхами своимъ подъ Маргою и Кагуломъ Румянцевъ весьма много обязанъ Бауру, которому въ числѣ прочаго было поручено также преслѣдованіе разбитыхъ турокъ послѣ Кагула, во время чего огнемъ артиллеріи онъ уничтожилъ турецкую артиллерію, стоявшую противъ Исакии. Въ концѣ 1770 года, Бауръ, по возвращеніи въ Петербургъ, горячо принимается за преобразованія квартирмейстерской части, пишетъ проектъ этого преобразованія, который, однако же, удостоивается утвержденія императрицы только въ 1772 году. Когда же Бауръ принялся энергически за осуществленіе этихъ своихъ положеній, то встрѣтилъ немедленно же рѣзкое противодѣйствіе въ томъ же графѣ Румянцевѣ, и потому въ результатѣ такой энергіи оказывается, что въ 1775 году Бауръ былъ уже въ полной немилости. Съ этого времени, пишетъ г. Глиноецкій, Бауръ, видимо избѣгая столкновенія съ всемогущимъ Потемкинымъ, перенесъ свою дѣятельность на разнаго рода инженерныя работы. Съ этого времени мы видимъ, что этотъ генераль, оставаясь въ званіи генераль-квартирмейстера и будучи прославленъ чисто боевыми заслугами, занимается постройкой водопроводовъ, театровъ, арсеналовъ, набережныхъ, проводитъ каналы и даже моститъ улицы С.-Петербурга! Замѣтимъ, что Бауръ былъ все-таки крупною историческою личностью и человекомъ замѣчательныхъ способностей. Чего же можно было ожидать, когда его преемникомъ въ концѣ царствованія Екатерины II сдѣлался заурядный пѣмецъ Писторъ. Положеніе этого бѣднаго генераль-квартирмейстера было поистинѣ трагикомическое. Въ вѣдомствѣ Пистора не только Салтыковъ и Зубовъ распоряжались безъ всякаго стѣсненія, но въ концѣ-концовъ отняли у него даже его личнаго адъютанта, не обращая въ то же время никакого вниманія на его жалобы и даже на прошенія бѣднаго пѣмца объ отставкѣ. Между тѣмъ у Пистора, во время польскаго похода 1797 года находившагося въ возмущившейся Варшавѣ вмѣстѣ съ Игельстромомъ, были также серьезныя боевыя заслуги. До чего въ это

время личные счеты и интриги пересиливали служебные интересы и затемняя государственные заслуги можно судить, между прочимъ, и по слѣдующему вопиющему факту. Послѣ пораженія турокъ войсками Реннина, которому завидовалъ Потемкинъ, подѣ Мачинымъ, одинъ только Реннинъ получилъ награду лично отъ государыни, а всѣ остальные награды были задержаны Потемкинымъ до самой его смерти въ 1792 году, и только послѣ кончины великолѣднаго князя выданы были награды главнымъ начальникамъ штурмовавшихъ колоннъ, а остальные (въ томъ числѣ и офицеры генеральнаго штаба) такъ и не получили никакихъ наградъ за это блистательное для русскаго оружія дѣло. Въ виду такого положенія дѣлъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Павла I по вступленіи на престолъ было формальное уничтоженіе организаціи генеральнаго штаба, находившейся послѣ Баура въ полномъ разстройствѣ. Со свойственнымъ этому императору лакоизмомъ, онъ 13-го ноября 1796 года изволилъ отдать слѣдующій приказъ: «Департаментъ генеральнаго штаба упразднить, членовъ оного распредѣлить въ армію, домъ передать въ вѣдомство корпуса кавалергардовъ, а карты, планы и всѣ вообще дѣла отдать е. и. в. генералъ-адъютанту Куселеву». Вслѣдъ затѣмъ, царскимъ приказомъ 15-го февраля 1797 года, просившійся въ заграничный отпускъ Писторъ былъ отставленъ отъ службы и уѣхалъ навсегда въ Кассель, забравъ съ собою всѣ лучшіе карты и планы, какіе имѣлись въ то время въ управленіи генеральнаго штаба, такъ что Куселеву достались одни только черпакъ и брульоны. Эти забранныя Писторомъ карты были частью возвращены въ Россію только въ 1813 году, послѣ занятія Кассели отрядомъ князя Чернышева.

Затѣмъ, дважды пройдя черезъ руки Аракчеева, нашъ генеральный штабъ къ концу царствованія Павла Петровича, можно сказать, былъ совершенно уничтоженъ, такъ какъ офицеры свиты потеряли общій мундиръ, числились и по кавалеріи, и по пѣхотѣ, не имѣли своего производства и вообще лишались всякой организаціи, такъ что со вступленія на престолъ императора Александра I все дѣло пужло было организовать вновь, для чего потребовался новый пѣмецъ, талантливый и честный инженеръ голландецъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ. Время же аракеевщины въ свитѣ было особенно замѣчательно сугубымъ перечеркиваніемъ старыхъ картъ и плановъ, для чего офицеры свиты собирались во дворецъ (на прежнюю квартиру Зубова) къ семи часамъ утра и отпускаясь оттуда въ семь часовъ вечера. Развлеченіемъ для нихъ служила брань, а иногда и пощечины, раздававшіяся ихъ рачительнымъ начальникомъ. Такъ, коноводомъ барону Фитингофу Аракчеевъ далъ пощечину, а заслуженнаго майора Лея, имѣвшаго за штурмъ Измаила золотое оружіе, изругалъ такъ, что тотъ, возвратясь домой, застрѣлился.

Закапывая на этомъ наши выдержки изъ книги г. Глиноецкаго, мы думаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдить читателя, насколько полна глубокаго и далеко не частнаго интереса его «Исторія русскаго генеральнаго штаба». По своему характеру и по специальному историческому матеріалу, которымъ пользовался составитель, эта «Исторія» должна доставить интересное чтеніе для многихъ и составить весьма полезный источникъ для тѣхъ, кто интересуется подлинной и подробной исторіей XVIII вѣка въ Россіи.

В. П.

Московский крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Соч.
И. Ремезова. Спб. 1883.

Вслѣдъ за упроченіемъ крѣпостного состоянія, въ книжной торговлѣ замѣтно увеличилось число сочиненій, предназначавшихся для чтенія многомилліоннаго освобожденнаго сословія русскихъ гражданъ. Между брошюрами, издаваемыми съ этой цѣлью въ 1862 году, выдѣлились біографіи нижегородскаго механика-самоучки Кулибина и вел. кн. Александра Невского. Съ этимъ «чтеніемъ для народа» выступилъ на литературно-педагогическое поприще И. С. Ремезовъ, не перестававшій съ этихъ поръ выпускать по временамъ въ свѣтъ подобныя жизнеописанія русскихъ людей. Такъ, одна за другой вышли брошюры: о подвигахъ князя Владиміра, о ярославскомъ крестьянинѣ стихотворцѣ Слѣпушкинѣ, объ Иванѣ Сусанинѣ, о курекскомъ астрономѣ-самоучкѣ Семеновѣ, объ арзамасскомъ мѣщанинѣ-иконописцѣ Ступинѣ, о первой русской княгинѣ-христіанкѣ Ольгѣ. Вышедшая нынѣ брошюра о Посошковѣ принадлежитъ къ этой же серіи біографій, написана съ тою же цѣлью, такимъ же простымъ, понятнымъ народу языкомъ, составлена такъ же добросовѣстно и съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ всѣ прежнія сочиненія г. Ремезова, упорно стремящагося выполнить свое наміреніе — дать народу вполне доступное для него, интересное, полезное и дешевое чтеніе. Каждая брошюра продается по десяти копеекъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до семи листовъ убористой, хотя и четкой печати и въ каждой — портретъ описываемаго лица. Только въ брошюрѣ о Посошковѣ, за неимѣніемъ его портрета, приложено изображение церкви Самсонія въ Петербургѣ, гдѣ похороненъ этотъ политико-экономъ-самоучка. Церковный причтъ однако, говоритъ, что мѣсто погребенія ему неизвѣстно, хотя въ архивахъ церкви должно было сохраниться отношеніе Тайной канцеляріи, при которомъ препровождалось тѣло Посошкова.

Въ прошломъ году, въ «Русской Старинѣ», авторъ этихъ біографій, въ письмѣ къ издателю, интересовавшемуся положеніемъ нашихъ народныхъ изданій въ книжной торговлѣ, привелъ нѣсколько любопытныхъ цифръ, относящихся къ этому вопросу. Восемь брошюръ его, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли уже въ трехъ изданіяхъ, были напечатаны въ числѣ 67,000 экземпляровъ и обошлись въ 2,113 рублей. Изъ нихъ продано до 40,000, и авторъ, за уступкою 50 процентовъ книгопродавцамъ, расходами по пересылкѣ и т. п., получилъ за нихъ 2,198 рублей, то-есть все вознагражденіе за труды его въ теченіи двадцати лѣтъ составило 85 рублей или по 4 руб. 25 коп. въ годъ. Какъ не удивиться такому авторскому гонорару, такому блистательному положенію торговли народными книгами и, наконецъ, такому упорству г. Ремезова, не перестающаго и послѣ двадцатилѣтняго опыта трудиться на пользу народа! И между тѣмъ, кромѣ интереснаго жизнеописанія, каждая брошюра сообщаетъ научныя свѣдѣнія изъ того круга дѣятельности, къ которому принадлежитъ описываемое лицо. Такъ, въ біографіи Кулибина описаны разные механическіе приборы и машины; въ разсказѣ о Семеновѣ даны общія понятія о небесныхъ тѣлахъ, о Слѣпушкинѣ — сообщены свѣдѣнія о старообрядствѣ и расколѣ; жизнеописанію Ступина предпосланы разсужденія объ искусствѣ вообще и о русской иконописи; въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ болѣе всего обращено вниманіе на ихъ историческіе подвиги и событія, предшествовавшія этимъ подвигамъ. Во вступленіи къ біографіи По-

сосошкова изложенъ конспектъ политической экономіи, припаровленной къ понятіямъ простолюдина. Съ этой цѣлью каждое научное положеніе пачинается съ пословицы, отъ которой авторъ постепенно переходитъ къ выводамъ науки. Такъ, объяснено значеніе труда, капитала, спроса, предложенія, соперничества и пр. Что же касается до ученія самого Сосошкова, оно изложено ясно, оцѣнено критически вѣрно, мѣстами изложено его собственными словами. Монографія Сосошкова явилась еще въ концѣ прошлаго года въ журналѣ «Народная Школа». Въ отдѣльной брошюрѣ авторъ прибавилъ вступительное изложеніе началъ политической экономіи, но выбросилъ — не понимаемъ для чего — много отдѣльных фразъ, выписокъ изъ сочиненій, изданныхъ еще въ 1842 и 1863 годахъ, всѣ обстоятельства, относящіеся до смерти Сосошкова. Все это было въ журналѣ, одобренномъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при синодѣ, комитетомъ собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи. Или у насъ на журналъ для народа существуютъ въ другихъ вѣдомствахъ другіе взгляды, чѣмъ на чтенія для народа?.. Въ концѣ брошюры авторъ прибавилъ библиографическій списокъ всѣхъ изданій сочиненій Сосошкова и статей о немъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ критическою оцѣнкою этихъ статей. Этотъ списокъ — очень почтенный трудъ, хотя собственно для народа не имѣетъ значенія. Нужно только для библиографовъ.

В. З.

Двадцатипятилѣтіе с.-петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учреждений императрицы Маріи, 19-го апрѣля 1858—1883 г. (Краткая историческая записка.) Спб. 1883 г.

Эта краткая историческая записка, въ 89 страницъ, напечатанная распоряженіемъ начальника петербургскихъ женскихъ гимназій, излагаетъ officialную жизнь этихъ учебныхъ заведеній, возникшихъ по почину инспектора павловскаго института, профессора Вышнеградскаго. Записка его о необходимости «училища для приходящихъ дѣвицъ», подавшая имъ въ исходѣ 1857 года въ совѣтъ павловскаго института, повела къ составленію имъ же проекта подобнаго открытаго училища, который, чрезъ посредство принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, былъ доведенъ до свѣдѣнія императора Александра Николаевича. Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что «въ настоящее время въ Россіи настоятъ необходимость, въ видахъ распространенія женскаго образованія, имѣть и такія учебныя заведенія, гдѣ дочери недостаточныхъ родителей могли бы получать основательное и къ ихъ назначенію припаровленное образованіе, не отлучаясь на продолжительное время отъ своихъ семействъ». Первое Маріинское женское училище было открыто 19-го апрѣля 1858 года, и въ первые же мѣсяцы своего существованія наполнилось учащимися до назначеннаго для него размѣра—250 ученицъ. За первымъ училищемъ послѣдовало открытіе еще трехъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Вышемѣ-Волочкѣ, Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣ изъ нихъ, которые получали средства содержанія отъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, оставлены были въ вѣдомствѣ этого совѣта, а которые учреждались на счетъ пожертвованій

частныхъ лицъ, дворянскихъ и городскихъ обществъ, подчинены были вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, согласно со всеподданнѣйшимъ докладомъ 17-го іюня 1859 года, вызваннымъ быстрымъ открытіемъ новыхъ училищъ. Эта быстрота обусловилась какъ необходимою распространенія женскаго образованія, сознаннаго обществомъ, такъ и благоразумнымъ устраненіемъ мелочей формализма.

Со своей стороны главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, принимая во вниманіе такое увеличеніе новыхъ открытыхъ женскихъ училищъ, свидѣтельствовалъ, въ 1861 году, что «училища быстрымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько общество глубоко сочувствуетъ возрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола, и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ впредь до того времени, когда они окончательно разовьются, и, прочно утвердившись, получатъ возможность сами обезпечивать свое существованіе». Наименованіе новыхъ училищъ «женскими гимназіями», которое онѣ до нынѣ сохранили, послѣдовало въ 1862 году, по почину попечителя училищъ вилenskaго, ковенскаго и гродненскаго, генераль-губернатора сѣверозападныхъ губерній, генераль-адъютанта Назимова. «Люди, незнакомые съ учебными программами женскихъ училищъ (писалъ въ своемъ ходатайствѣ г. Назимовъ), смѣшиваютъ ихъ съ другими низшими училищами и названіе ихъ училищами для приходившихъ дѣвицъ употребляется только въ официальныхъ бумагахъ и идетъ на перекоръ установившемуся въ обществѣ обычаю именовать ихъ гимназіями». Изъ этого представленія видно, что названіе «женскія гимназіи» придано было этимъ учебнымъ заведеніямъ публикою, справедливо уподобившей ихъ, по систематичности преподаванія въ нихъ наукъ, по доступности заведеній и проч., подобнымъ же мужскимъ учрежденіямъ.

Плата за обученіе въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи постепенно возвышалась, а именно съ 25 р. за годъ до 50—60 рублей въ 1868 году и до 65—80 р. въ 1879 году. Вѣдомство, со своей стороны, не отказывало гимназіямъ въ денежномъ пособіи, и общая сумма этихъ пособій, полученныхъ гимназіями за истекшее двадцатипятилѣтіе, составляетъ около милліона рублей. Большинство этой суммы расходовалось на наемъ помѣщеній для гимназій. Такъ, на 1883 годъ, предположено къ отпуску изъ средствъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи къ пополненію недостающихъ собственныхъ средствъ гимназій около 70,000 р., между тѣмъ какъ за наемъ помѣщеній, согласно заключеннымъ условіямъ, исчислена сумма въ 78,823 р. Съ постепеннымъ расширеніемъ средствъ гимназій сумма пособій изъ вѣдомства для нѣкоторыхъ гимназій постепенно сокращается. Такъ, Маринская гимназія, прежде всѣхъ открытая, въ 1883 году испросила себѣ въ пополненіе собственныхъ доходовъ только всего 360 р. 42 к., между тѣмъ, какъ за послѣдніе три года, она не только не требовала подобныхъ пособій, но даже удѣляла часть своихъ доходовъ на нужды другихъ заведеній того же вѣдомства. Этотъ фактъ замѣчательный и отрадный, особенно потому, что не только указываетъ на разумность постановки всего устройства женскихъ гимназій, но и на несомнѣнную возможность увеличенія числа этихъ полезныхъ учебныхъ учреждений.

Если основаніе, въ 1764 году, Екатериною II перваго учебнаго заведенія для женщинъ въ Россіи, именно Смольнаго монастыря (закрытаго за-

веденія) было важною мѣрою для женскаго образованія, то учрежденіе въ 1858 году Александромъ II открытыхъ женскихъ гимназій было еще значительнѣе, потому что сдѣлало образованіе доступнымъ «массѣ» женщинъ.

П. У.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томы 36, 37, 38. Спб. 1882—1883 г.

Русское Историческое Общество ежегодно обогащаетъ нашу литературу своими интересными «Сборниками», сообщающими публикѣ разнородные архивные матеріалы, изъ которыхъ многіе до ихъ обнародованія въ «Сборникахъ» были вовсе неизвѣстны. Въ 36-мъ томѣ «Сборника», изданномъ подъ наблюдениемъ члена общества, профессора В. И. Сергѣевича, напечатано окончаніе дневныхъ записокъ большаго собранія, сообщающихъ обзоръ его занятій съ 10-го сентября 1768 года по 8-е іюля 1770 года. Въ трехъ приложеніяхъ изложены подлинныя мнѣнія депутатовъ по поводу законовъ, читанныхъ въ собраніи, подлинныя проекты правъ разныхъ сословій, съ замѣчаніями на нихъ нѣкоторыхъ членовъ комиссіи и съ отзывами разныхъ учреждений, и подлинныя мнѣнія депутатовъ на проектъ правъ благородныхъ.

Въ 37-мъ томѣ «Сборника», редактированномъ секретаремъ общества, Г. Θ. Штедманомъ, напечатано продолженіе дипломатической переписки прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, начатой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 22-мъ томѣ «Сборника». Переписка эта представляетъ документы, извлеченные профессоромъ марбургскаго университета, Германомъ, изъ берлинскаго государственнаго архива. Документы, обнародованные въ 37-мъ томѣ «Сборника», охватываютъ собою періодъ времени съ 9-го января 1767 года по 18-е февраля 1772 года, или до заключенія тайнаго договора между Россіею и Пруссіею, состоявшагося 17-го февраля 1772 года. Въ число этихъ документовъ вошли депеши и донесенія прусскаго посланника, графа Солмса, къ королю Фридриху Великому, а также инструкціи и предписанія короля къ нему. Сверхъ того, въ 37-й томъ включены изъ берлинскаго тайнаго архива бумаги, относящіяся до секретной переписки короля Фридриха Великаго съ его кабинетъ-министрами Финкенштейномъ о переговорахъ съ Россіею по первому раздѣлу Польши. Всѣми этими документами, разъясняются преимущественно слѣдующіе три вопроса: 1) отношеніе прусскаго правительства къ диссидентамъ (не католикамъ) въ Польшѣ и предположенія объ измѣненіи формы государственнаго управленія Польши; 2) первый раздѣлъ Польши между Россіею, Пруссіею и Австріею; 3) отношенія Пруссіи къ первой войнѣ Екатерины Великой съ Турціею и къ измѣненію политической системы Австріи въ восточномъ вопросѣ. О политикѣ Австріи и Пруссіи относительно турецкой войны, общеевропейскихъ и польскихъ дѣлъ, въ 37-мъ томѣ «Сборника» сообщено много интересныхъ и цѣнныхъ историческихъ данныхъ, напримѣръ свѣдѣнія о заключеніи тайнаго трактата Австріи съ Портою, 6-го—7-го іюля (25-го—26-го іюня) 1771 года, о субсидіяхъ, который въ то время держался въ величайшемъ секретѣ, такъ что копія съ него передана была императрицѣ Екатерины Второй только 17-го марта 1772 года англійскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ, лордомъ Каткартомъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ

томовъ своего «Сборника» общество предполагаетъ обнародовать остальные депеши графа Солмса, сообщенныя уже ему профессоромъ Германомъ.

38-й томъ «Сборника» представляетъ «Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ Англіею» и изданъ подъ редакцію члена общества, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Эти дипломатическія сношенія относятся къ періоду времени съ 1581 по 1604 годъ и составлены по документамъ, извлеченнымъ Ю. В. Толстымъ изъ книгъ № 1 и № 2 англійскихъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этихъ документами пользовались Карамзинъ и Соловьевъ, но самыя документа не были еще изданы, за исключеніемъ посольства Писемскаго (въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 и 1823 г.), и «Статейскаго списка посольства Флетчера» (во «Временникѣ» общества исторіи и древности росс.). Обнародованные въ 38-мъ томѣ документы относятся: во 1-хъ, къ пріѣзду въ Россію присланнаго отъ англійской королевы Елисаветы къ царю Ивану Васильевичу доктора Роберта Якова (въ Россіи названнаго Романомъ Елизарьевымъ) съ аптекарями и цырюльниками на службу; во 2-хъ, къ отпуску въ Англію въ послахъ дворянина Ѳедора Писемскаго и подьячаго Хавралева для постановленія съ королевою Елисаветою союза противъ польскаго короля Стефана Баторія, вспоможенія людямъ, деньгами и всякими военными снарядами, а также для развѣданія о племянницѣ королевы, княжѣ Маріи Хантисъ; въ 3-хъ, къ пріѣзду англійскаго посла князя Еремея Боуса для изпрошенія однимъ только англичанамъ приходить съ товарами ко всемъ холмогорскимъ пристанямъ и дать англійскимъ купцамъ жалованную грамоту о безплатной торговлѣ; въ 4-хъ, къ отпускамъ къ англійской королевѣ гонцевъ: толмача Романа Бекмана съ жалобою о непорядочныхъ поступкахъ посла Еремея Боуса; англійскаго гостя Еремея Хоршіа, съ выговоромъ о непорядкахъ англійскихъ гостей, живущихъ въ Россіи и о задержаніи въ Англіи и о худомъ приѣмѣ гонца Бекмана; его же Еремея Хоршіа съ объявленіемъ о дачѣ новой жалованной грамоты англійскимъ купцамъ торговать въ Россіи безплатно; въ 5-хъ, къ пріѣзду въ Россію англійскаго гостя Ѳряччина Черя (Иванова); въ 6-хъ, къ вторичному отправленію въ Англію толмача Бекмана съ жалобой на англійскихъ купцевъ о неплатежѣ по кабаламъ денегъ, должныхъ боярамъ и разнаго чина людямъ. Всѣ эти документы проливаютъ много свѣта на великую эпоху XVI вѣка, на типическій характеръ Ивана Грознаго, на тогдашнія международныя торговыя сношенія и проч.

II. У.

Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. Владиміра Майнова, Сиб. 1883 г.

Этотъ трудъ составляетъ часть «Матеріаловъ для антропологическаго описанія Россіи». Въ слѣдующихъ частяхъ своего труда, авторъ намѣренъ изложить быковыя особенности и расселеніе мордвы-эрзи, которая оказывается наиболѣе многочисленною отраслью мордовскаго народа, потому что ее насчитываютъ въ Россіи до 600,000 душъ. Авторъ изучалъ мордву-эрзя въ Нижегородскомъ, Клягининскомъ, Арзамасскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, Нижегородской губерніи, въ Саранскомъ и Городищенскомъ уѣздахъ Пензенской губерніи, въ Ардатовскомъ и Кореунскомъ уѣздахъ, Симбирской гу-

берни и въ Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ, Самарской губерніи. Мордва-эрзя встрѣчается также въ Астраханской, Уфимской, Оренбургской и Томской губерніяхъ, куда она переселилась въ поискахъ за «доброю землею и хорошимъ мѣстомъ для своего поселенія». Антропологическія изслѣдованія г. Майнова привели его къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно общихъ характеристическихъ чертъ мордвы-эрзя: мордва-эрзя, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она потеряла и языкъ свой и народную одежду и называетъ себя даже «русиными», сохранила еще свой особенный типъ. Мордва-эрзя вовсе не принадлежитъ къ породамъ, вымирающимъ отъ столкновенія съ русскими, хотя и не отличается особенною плодovitостію. Въ особенности большая смертность замѣчается среди дѣтей, такъ какъ обыкновенно они вымираютъ болѣе чѣмъ на половину. Тѣлосложеніе эрзя скорѣе худощаваго; ростъ у мужчинъ ниже средняго, а у женщинъ едва выше средняго; кожа на тѣлѣ бѣлая и притомъ свѣтлѣйшихъ тоновъ; цвѣтъ волосъ на головѣ преобладаетъ темный съ коричневымъ оттѣнкомъ; рыжаго цвѣта г. Майновымъ не было вовсе наблюдаемо; по способу роста волосъ, эрзя принадлежитъ къ гладко-волосымъ породамъ, причемъ густота растительности бываетъ средняя. Растительность на кожѣ встрѣчается въ видѣ исключенія; на бровяхъ она богата, причемъ форма бровей дугообразна. Растительность на бородѣ незначительна. Глаза голубые, свѣтлыхъ тоновъ, съ нѣсколькими приподнятыми краями глазныхъ прорѣзей; губы средней толщины, скорѣе склонныя къ узкости; ротъ прямой, средней величины; положеніе рѣзцовъ вертикальное, а зубы вообще здоровые и большіе; носъ широкій, причемъ онъ у женщинъ рѣзко курносый; лобъ плоскій; форма лица правильно овальная и лицевидная; уши малыя и отвороченныя; руки и ноги малыя.

Спеціальное, добросовѣстное изслѣдованіе мордвы-эрдзи г. Майновымъ безъ сомнѣнія будетъ достойнымъ образомъ оцѣнено антропологами.

И. С.

Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи, Д. Иловайскаго. Часть первая: древній міръ. Москва, 1883.

Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный историкъ нашъ, профессоръ Иловайскій, предположилъ издать рядъ характеристикъ, касающихся различныхъ историческихъ дѣятелей и разныхъ эпохъ всемірной исторіи древней и новой. Мысль чрезвычайно счастливая, такъ что трудъ профессора Иловайскаго одною уже этою стороною, помимо всего другаго, восполняетъ пробѣлъ, существовавшій до сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ. Для начала почтенный профессоръ представилъ рядъ очерковъ изъ древней исторіи, избравъ предметомъ своей характеристики наиболѣе замѣчательныя, рельефныя ея эпохи. Остановившись прежде всего довольно подробно на древнѣйшихъ цивилизаціяхъ—египетской и ассиро-вавилонской, открывающихъ, такъ сказать, собою исторію человѣческаго развитія, авторъ переходитъ затѣмъ къ греческой и римской исторіи. Какъ та, такъ и другая, не представляетъ у него непрерывнаго, хронологически послѣдовательнаго веденія нити событій, даетъ тѣмъ не менѣе полное изображеніе судебъ обѣихъ великихъ странъ древности: классической страны искусства—Эллады и классической страны права и прочнаго государственнаго устройства—Рима. Мы видимъ нагляднымъ образомъ въ сочиненіи г. Иловайскаго разцвѣтъ, процвѣтаніе и нако-

пецъ склопеніе къ упадку древней жизни и цивилизаціи. Не будемъ ставить на первомъ планѣ, говоря о разсматриваемомъ сочиненіи, основательнаго знакомства автора съ своимъ предметомъ; въ ученomъ специалистѣ, а особенно занимающемъ такое видное мѣсто въ наукѣ, какое занимаетъ нашъ почтенный ученый, обширность фактическаго знанія предмета предполагается сама собой, и иначе этого нельзя себѣ представить. Но мы обратимъ вниманіе читателя на два качества, составляющія, по нашему мнѣнію, наиболѣе характеристическія черты труда профессора Иловайскаго—на строгій прагматизмъ въ изложеніи событій и большую оживленность изложенія. Последнее качество дѣлаетъ чтеніе книги, о которой идетъ рѣчь, столько же легкимъ, сколько и приятнымъ. Намъ остается пожелать отъ души, чтобы авторъ подарилъ намъ какъ можно скорѣе окончаніемъ своего прекраснаго труда.

Д. Л.—въ.

Обзоръ дѣятельности высочайше учрежденнаго попечительства надъ арестантами с.-петербургской исправительной тюрьмы за одиннадцать лѣтъ (1871—1882 г.).

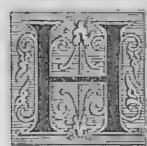
Обзоръ этотъ, составленный членами попечительства А. П. Пятковскимъ и В. Н. Никитинымъ, представляетъ нѣкоторыя, не лишнія интереса данныя, относительно такого важнаго и малоизвѣстнаго предмета, какъ содержаніе арестантовъ и наблюденіе за устройствомъ людей, выпускаемыхъ изъ тюремъ. Цѣльности впечатлѣнія на читателя изъ публики вредить, впрочемъ, какъ строго-дѣловой, почти канцелярскій характеръ обзора, такъ и никому неинтересная полемика съ высшимъ тюремнымъ управленіемъ. Обзоръ много бы выигралъ, если бы его составители (оба извѣстные литератора), дали себѣ трудъ внести въ изложеніе нѣсколько обобщающій, сжатый—«литературный» элементъ. Цифровыя приложенія къ обзору и теперь довольно интересны. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ школѣ, состоящей при исправительной тюрьмѣ, состояло за упомянутый періодъ времени 4,967 человекъ, и изъ этого числа выпущено по экзамену, 1,174, что составляетъ очень значительный процентъ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ числѣ поступившихъ значится 3,243 совсѣмъ неграмотныхъ, а остальные малограмотные. Запятія въ мастерскихъ также представляютъ постепенное повышеніе числа работающихъ арестантовъ. Особеннымъ многолюдствомъ отличались сапожный и картонажный цехи. Общее число работавшихъ въ мастерскихъ (21,647) почти равняется всей цифрѣ содержащихся въ исправительной тюрьмѣ за указанный періодъ—21,990. Это показываетъ старанія начальствующихъ, чтобы арестанты не теряли времени въ праздности.

Н. К.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Ренанъ о еврействѣ и христіанствѣ.—Гёксли какъ историкъ.—Эберсъ о современномъ Египтѣ.—Бронзовый вѣкъ.—Некрополь Карнака.—Новый трудъ Леруа-Болье. — Финляндская національность въ сравненіи съ эстонскою. — Нѣмецъ о современномъ положеніи Франціи.—Отдаленные походы Франціи.—Вопросы топикинскій, мадагаскарскій и конгскій.



НЕСМОТРЯ на дѣтнее время, книги историческаго и серьезнаго содержанія не перестаютъ появляться въ Западной Европѣ; статьи ученыхъ журналовъ блестятъ также извѣстными именами и содержаніе этихъ статей невольно привлекаетъ мыслящаго, образованнаго человѣка, хотя не во всемъ раздѣляющаго воззрѣнія авторовъ. Такъ, въ статьѣ Ренана, помѣщенной въ іюньскомъ номерѣ «Revue politique et littéraire» — «О первоначальномъ тождествѣ и постепенномъ разъединеніи еврейства и христіанства», знаменитый изслѣдователь религій становится почти явно на сторону евреевъ, въ средѣ которыхъ (въ обществѣ еврейскихъ научныхъ занятій) онъ читалъ свою рѣчь, появившуюся теперь въ журналѣ. Написанная, какъ вообще все, что пишетъ Ренанъ, превосходнымъ языкомъ и заключающая въ себѣ глубокія, основательныя изслѣдованія еврейскихъ традицій и догматовъ, статья эта, несмотря на ея мягкій, уклончивый тонъ, прямо отдаетъ предпочтеніе этимъ традиціямъ передъ другими ученіями. Онъ говоритъ, что великіе еврейскіе пророки, въ особеиности Исаія, высказывали уже христіанскія идеи и, въ первые вѣка христіанства, новая религія мало чѣмъ отличалась отъ еврейской. Только въ III вѣкѣ, подъ вліяніемъ гностиковъ и александрійской школы, произошелъ между ними окончательный разрывъ. Можно согласиться съ тѣмъ, что христіанская религія имѣетъ своимъ источникомъ библію, служащую нравственной и умственной пищею образованныхъ людей, что «библія—книга всего человѣчества, исторія постепеннаго развитія въ немъ религіозной идеи», но не слишкомъ ли уже рискованно утверждать, что «слава христіанства вмѣстѣ съ тѣмъ и слава еврейства», что оно, «сдѣлавъ

шее такъ много въ прошедшемъ, оказало и въ будущемъ большія услуги прогрессу, такъ какъ евреи всегда либералы, а враги ихъ всегда и враги либеральнаго прогресса». Кто не знаетъ непривлекательныхъ сторонъ характера евреевъ, ихъ ненависти къ «гоямъ», ихъ безжалостной эксплуатаціи бѣдняковъ, страсти къ наживѣ и обогащенію, даже самыми незаконными, предосудительными путями. Всѣ эти стороны еврейства выработались, конечно, вѣками, въ силу историческихъ событій и постоянныхъ преслѣдованій еврейскаго племени; гдѣ бы оно ни приютилось, нигдѣ оно не сливалось съ кореннымъ населеніемъ страны, вездѣ жило особнякомъ, не принимая никакого участія, ни въ горѣ, ни въ радости туземцевъ. Нигдѣ евреи не были гражданами, а вездѣ только пришельцами, эксплуататорами, паразитами общества, нисколько не интересовавшимися его благосостояніемъ, и зачастую готовыми служить его врагамъ. Все это, повторяемъ, оправдывается глетомъ, лежавшимъ на еврейхъ, но отъ этого нисколько не легче народу, служащему орудіемъ въ ихъ рукахъ. Пристрастіе Репана къ этому племени хотя и понятно, но не можетъ быть оправдано, съ точки зрѣнія либеральнаго прогресса, который никогда не былъ врагомъ евреевъ.

— Другая замѣчательная статья прошлаго мѣсяца принадлежитъ талантливому натуралисту Гёкслю и помѣщена въ журналѣ «Macmillan magazine». Предметъ ея «неписанная исторія». Мы уже сообщали о появленіи этой статьи, но она такъ важна, что считаемъ не лишнимъ изложить ея содержаніе. Въ ней Гёксль объясняетъ значеніе и происхожденіе исторіи. Она не хроника событій и не перечень преданій или мѣтовъ, но рассказъ, основанный на критически оцѣненныхъ фактахъ, съ цѣлью провести во всей путаницѣ человѣческой жизни нить естественнаго отношенія между причинами и послѣдствіями, соединяющую событія съ людскими страстями и поступками. Первымъ и однимъ изъ величайшихъ историковъ Гёксль считаетъ Геродота. Это былъ чрезвычайно умный и энергичный человѣкъ, основательно знакомый со всѣми знаніями своего времени. Событія, совершившіяся при немъ и слышанныя имъ отъ потомковъ исчезнувшихъ поколѣній, казались ему до того любопытными, что онъ рѣшился составить объ нихъ рассказъ, въ которомъ правда строго отличалась бы отъ вымысла, и указывалась дѣйствительная причина событій. Для этой цѣли ему недостаточно было собирать и приводить въ порядокъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ; но, задумавъ описать великую борьбу Европы съ Азіею, онъ лично побывалъ въ страхахъ, бывшихъ ареною ихъ столкновенія и ознакомился съ народами, принимавшими участіе въ этой борьбѣ. Онъ самъ говорилъ, что для полнаго понятія историческихъ условій надо лично изучить природу и людей. Для этого изученія Геродотъ отправился и въ Египетъ, въ одну изъ странъ, вовлеченныхъ въ персидскую войну. Онъ вѣрно указалъ на то, что исторія Египта была опредѣлена физическими условіями страны. Любопытный очеркъ Египта, написанный Геродотомъ, дѣлается все правдивѣе, чѣмъ далѣе изслѣдуетъ египтологія древнія эпохи страны. Такъ, гипотеза Геродота, что Дельта была нѣкогда морскимъ заливомъ, и образовалась отъ наносовъ Нила, въ наше время сдѣлалась неоспоримымъ научнымъ фактомъ. Подобныхъ фактовъ неписанной исторіи Гёксль приводитъ еще нѣсколько, и въ оцѣнкѣ ихъ естественныи спытатель является не менѣе топкии историческимъ критикомъ, какъ и серьезные историки, касавшіеся до него тѣхъ же предметовъ.

— Къ числу замѣчательнѣйшихъ египтологовъ нашего времени принадлежитъ безъ сомнѣнія, нѣмецкій романистъ Георгъ Эберсъ. Лучше его врядъ ли кто изучилъ древній Египетъ во всѣхъ особенностяхъ его политическаго и общественнаго быта. Но въ послѣдней книжкѣ журнала «Contemporary Review» Эберсъ описываетъ современный Каиръ, по сравненію его съ городомъ калифовъ и даже фараоновъ. Центръ арабійской культуры, современный Каиръ, по словамъ Эберса, самый прелестный городъ во всемъ свѣтѣ. Но авторъ негодуетъ, что столица калифовъ быстро утрачиваетъ свой оригинальный, восточный характеръ, подъ папльвомъ западной цивилизаціи. Въ особенности Эберсъ возстаетъ противъ такъ-называемыхъ улучшеній въ паружномъ видѣ города, сдѣланныхъ Измаилъ-пашею. Такъ, онъ искажилъ образцы своеобразной арабійской архитектуры, выкрасивъ ихъ въ яркія цвѣта. Эберсъ обращается даже къ англичанамъ, чтобы они, занявъ Египетъ, спасли отъ варварскаго искаженія великіе памятники искусства. Несмотря на нѣкоторыя преувеличенія, Эберсъ правъ и въ своей любви къ Египту, и въ своемъ обращеніи къ Англіи. Онъ вполне компетентенъ въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, какъ и въ своихъ романахъ изъ эпохи фараоновъ, и пельзя не порадоваться, что онъ опять началъ писать о Египтѣ послѣ такихъ неудачныхъ произведеній, какъ его послѣдніе романы «Жена Бургомистра» и «Слово», содержаніе которыхъ взято изъ исторіи среднихъ вѣковъ и тридцатилѣтней войны.

— Археологія обогатилась въ прошломъ мѣсяцѣ двумя замѣчательными сочиненіями; одно изъ нихъ принадлежитъ ученому Джону Эвансу и заключаетъ въ себѣ описаніе орудій, украшеній и утвари бронзоваго вѣка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Эвансъ посвятилъ такой же добросовѣстный и серьезный трудъ изученію орудій каменнаго вѣка. Новыя изслѣдованія Эванса, производившаго самостоятельныя раскопки въ Англіи и на континентѣ, являются результатомъ многолѣтнихъ сравнительныхъ изысканій. Авторъ описываетъ сначала простѣйшія и грубѣйшія формы различныхъ предметовъ изъ бронзы, начиная съ топоровъ и окапчивая серьгами. Онъ изслѣдуетъ происхожденіе бронзовыхъ фабрикъ, эпоху ихъ появленія въ Англіи и другихъ странахъ, состояніе культуры, жилищъ, одежду и обычаи народовъ, употреблявшихъ бронзу, ихъ отношенія къ каменному вѣку и къ желѣзному, вытѣснившему какъ бронзу, такъ и камень. Появленіе бронзы въ Великобританіи Эвансъ относитъ за 1500 лѣтъ до Р. Х. На берегахъ Средиземнаго моря бронза появилась еще ранѣе, изъ Азіи. Въ бронзовомъ вѣкѣ рѣзко различаются два періода: первый, когда рукоятка топора прикрѣплялась къ нему спаружи, и второй, когда вдѣлывалась внутри топора. Нѣкоторые предметы бронзоваго вѣка, въ особенности мечи и головныя булавки, отличались граціозною, даже художественною формою и отдѣлкою, что доказываетъ эстетическое развитіе народовъ той эпохи. Желѣзо, по мнѣнію Эванса, вошло въ употребленіе не позже пятаго столѣтія до Р. Х., и чрезъ три столѣтія послѣ этого фабрикація бронзовыхъ орудій совершенно прекратилась.

— Другое археологическое сочиненіе принадлежитъ также англичанину Джемсу Мильну и касается описанія циклопическихъ сооруженій Карнака, близъ Киберонскаго полуострова. Здѣсь были сосредоточены въ огромномъ числѣ каменные постройки, называемые «дольменами», «кромлехами» и «менгирами», разсѣянными по департаментамъ Морбигана и Финистере. Произ-

водя раскопки въ этой мѣстности, Мильль нашелъ много предметовъ изъ камня и бронзы, оружіе, домашнюю утварь и пр. Менгиры служили оборонительными укрѣпленіями кельтамъ, за нѣсколько столѣтій до появленія римлянъ, воспользовавшихся этими дольменами для своихъ собственныхъ укрѣпленій. Эти дольмены и менгиры—остатки громаднаго некрополя, священнаго мѣста, назначеннаго для того, чтобы изъ поколѣнія въ поколѣніе хранить останки ихъ предковъ. Постройка этого кладбища занимала долгій періодъ времени и требовала большого организованнаго труда и искусства. Книга Мильяна, со множествомъ плановъ и рисунковъ, заключаетъ въ себѣ сводъ всего, что археологія знаетъ объ этихъ странныхъ постройкахъ.

— Нѣкоторые изъ ученыхъ изданій, наряду съ другими современными вопросами, не оставляютъ своимъ вниманіемъ и Россію. Такъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей нашей родины Леруа-Болье, въ томъ же «Revue politique et littéraire», помѣстилъ продолженіе своей извѣстной книги: «Имперія царей и русскіе». Новая глава этого сочиненія называется «Два первые года царствованія Александра III» и касается аграрныхъ законовъ, какъ называетъ авторъ положеніе 19-го февраля, и довершенія эмансипаціи. Леруа-Болье говоритъ, что Александръ II скончался не докопчивъ освобожденія крестьянъ, и что обязанность эта легла на его преемника.

Описаніе коронаціи въ этомъ журналѣ, составленное Жоржемъ Леопольдомъ, отличается также вѣрностью взгляда на современное положеніе Россіи.

— Балтійскіе сосѣди наши продолжаютъ изслѣдованія не только столицъ и центровъ Россіи, но и ея окраинъ, къ которымъ они чувствуютъ особенное влеченіе. Такъ, нѣкто Максъ Бухъ издалъ въ Штутгартѣ брошюру «Финляндія и вопросъ о ея національностяхъ». Авторъ находитъ, что вопросъ этотъ имѣетъ особенное значеніе въ настоящее время, и что онъ очень похожъ на подобный же вопросъ въ Остзейскихъ провинціяхъ и въ Венгріи. Стремленія финновъ къ развитію и преобладанію ихъ національности авторъ находитъ весьма естественными, но въ то же время утверждаетъ, что если нѣмецкая культура будетъ уничтожена въ Остзейскихъ провинціяхъ, то изъ этого возникнетъ хаосъ. Авторъ называетъ фантастическимъ, неосуществимымъ господство эстонцевъ. Онъ упрекаетъ ихъ за то, что они довѣряются внушеніямъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, «какъ губительному пѣнію сирень», и будутъ въ этомъ горько раскаиваться. Собственно о финнахъ авторъ сообщаетъ мало новаго, хотя представляетъ даже антропологическую характеристику финской расы. Цифры, взятые имъ изъ официальной статистики, ясно доказываютъ однако, что между вопросами о финской и эстонской національности, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ Финляндіи на 2.060,782 жители, русскихъ приходится 7,957, шведовъ 3,693, нѣмцевъ 522 порвежцевъ 196, англичанъ 102, тогда какъ финновъ 2.046,730. Таково ли процентное отношеніе племенъ въ Остзейскихъ провинціяхъ? Нѣмцевъ тамъ конечно болѣе чѣмъ въ Финляндіи, но, всетаки, не столько, чтобы они могли навязывать свою культуру кореннымъ жителямъ страны.

— Другой нѣмецъ, Германъ Кунъ, издалъ изслѣдованіе о современном положеніи Франціи (*Französische Zustände der Gegenwart*). Это довольно сплеходительное, хотя и довольно поверхностное изложеніе главнѣйшихъ сторонъ политическаго и общественнаго быта Франціи. Авторъ говоритъ о ея дворянствѣ и буржуазіи, о рабочихъ и крестьянахъ, о богатствѣ и бѣдности страны, о правахъ, образованіи, церкви, духовныхъ конгрегаціяхъ, судебномъ

сословія, войнѣ, умственной жизни, печати, биржѣ, полиціи, политикѣ. Многого нельзя сказать обо всемъ этомъ на 400 страницахъ и авторъ говоритъ преимущественно о томъ, что менѣе извѣстно его соотечественникамъ-пѣмцамъ. Въ книгѣ проглядываетъ желаніе высказать благосклонныя сужденія о побѣжденной странѣ, не подражая одному изъ ея писателей, такъ жестоко отдѣлавшему побѣдителей въ своемъ «Путешествіи въ страну миллиардовъ». Г. Кунъ говоритъ, что онъ тридцать лѣтъ прожилъ во Франціи, хотя и противъ своей воли, и потому не можетъ быть врагомъ народа, у котораго нашелъ убѣжище, но обязанъ этому народу, какъ и всему свѣту, высказать правду. Правда эта, однако; не очень колетъ глаза, и слишкомъ рѣзкихъ истинъ французамъ авторъ не говоритъ. Онъ приходитъ только къ заключенію, что республика во Франціи не можетъ долго существовать и не имѣетъ будущности. Но этого же мнѣнія держатся многіе французы. Кунъ утверждаетъ, что третья республика всегда управлялась единоличною волею одного лица, сначала Тьера, затѣмъ Макъ-Магона, наконецъ, Гамбетты, съ его соломеннымъ человѣчкомъ Гревю. Со смертію Гамбетты Франція похожа на корабль безъ кормчаго. Но можно ли быть безъ него не только во время бури, но и въ тихую погоду? Авторъ не говоритъ, однако, кто же возьметъ на себя эту обязанность.

— Французская республика, въ ожиданіи того счастливаго времени, когда она будетъ имѣть возможность дать блистательный реваншъ въ Европѣ своему непримиримому врагу — Германіи, перенесла воинственную дѣятельность въ другія части свѣта и воюетъ разомъ въ трехъ мѣстахъ, столь отдаленныхъ, что извѣстія оттуда приходятъ весьма рѣдко и неполныя. По этому періодическія изданія не представляютъ сколько-нибудь обстоятельной картины положенія дѣлъ въ этихъ трехъ пунктахъ земного шара. Въ июньскомъ выпускѣ «Revue politique et littéraire» помѣщена, правда, большая статья «Тонкинскій вопросъ», но она говоритъ преимущественно о трактатѣ 1874 года съ Кохинхиною, на основаніи котораго Франція предъявляетъ свои, весьма сомнительныя, права на территорію этой индокитайской провинціи. Трактатъ этотъ, по свидѣтельству самихъ французовъ, никогда не исполнялся аннамскимъ императоромъ Ту-Дукомъ и его правительствомъ и французскій резидентъ жилъ въ Гуэ, при дворѣ этого деспота, въ самомъ незавидномъ положеніи, только протестуя противъ декретовъ правительства. До какой степени, на основаніи все того же трактата, Франція считала себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла управленія страной, могутъ служить два обстоятельства, доказывающія, какого рода договоръ заставили подписать Ту-Дука. Въ 1880 году онъ собрался заключить торговый трактатъ съ Сіамомъ и, въ то же время, издалъ декретъ, которымъ поддѣльватели фальшивой монеты (въ Аннамѣ обращается цинковая монета «санекп») подвергаются наказанію палочными ударами. Франція тотчасъ же заявила, что эти мѣры нарушаютъ трактатъ съ нею, что вторая изъ нихъ «постыдна для человѣчества» и потому гаванн Аннама будутъ блокированы и въ нихъ не допустить привоза рису, безъ котораго не можетъ существовать бѣднѣйшій классъ населенія. Удивительно ли, что подобные поступки заставили Ту-Дука просить помощи у Китая, къ которому Кохинхина находилась постоянно въ вассальныхъ отношеніяхъ, и что китайцы вовсе не расположены, въ пользу Франціи, отказаться отъ своего вліянія на сосѣдную и родственную по племени страну. толковенія Снеизбѣжны въ случаѣ упорства Франціи подчи-

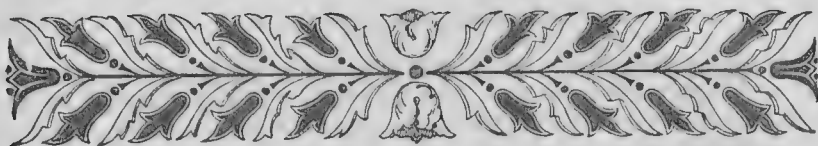
нить себѣ аннамскую имперію, а республиканское правительство и не можетъ уже теперь отказаться отъ своихъ притязаній, послѣ того, какъ анимиты нанесли сильное пораженіе французскимъ войскамъ въ Ханго и убили ихъ начальника капитана Ривьера.

— Военныя дѣйствія, начатыя въ Мадагаскарѣ также вслѣдствіе нарушенія мальгашами сомнительныхъ правъ Франціи на часть этого острова, могутъ повести къ еще болѣе серьезному столкновенію съ Англіею, смотрящею весьма недружелюбно на дѣйствія своей заламаншской сосѣдки въ отдаленныхъ колоніяхъ. Но «мадагаскарскій вопросъ» еще темнѣе кохинхинскаго, и чтобы судить основательно о дѣйствіяхъ французовъ въ этой части Африки, надо подождать статей объ этомъ предметѣ еще не появившихся въ иностранныхъ журналахъ.

— За то о третьей африканской территоріи, на которой теперь также усердно работаютъ французы, въ послѣдней книжкѣ «Contemporary Review», появилась весьма любопытная и обстоятельная статья извѣстнаго публициста и политико-экономиста Эмilia Лавеле. Онъ предлагаетъ ни больше, ни меньше, какъ совершенную нейтрализацію рѣки Конго, которую стараются захватить французы. Эта огромная рѣка, протекающая по долинѣ центральной Африки, имѣющей до 900,000 квадр. миль, судоходна почти во всѣхъ своихъ частяхъ, за исключеніемъ пороговъ и водопадовъ на небольшомъ пространствѣ, по которому проложена уже обходная дорога. На Конго уже отправленъ французскій авантюристъ Саворьян-де-Браца, которому правительство Гревя поручило недавно сотню солдатъ съ пушками и канонерскими лодками для военныхъ дѣйствій противъ туземцевъ, мѣшающихъ утвержденію на великой рѣкѣ европейской цивилизаціи. Браца основалъ, правда, двѣ станціи на этой рѣкѣ «Франсевиль» и «Брацавилъ», но гораздо прежде него на Конго дѣйствовала международная ассоціація, основанная въ 1877 году бельгійскимъ королемъ, съ цѣлью соединенія центральной Африки съ берегомъ Запзибара и учредившая уже три станціи: центральную на озерѣ Танганьика, гдѣ уже ходятъ пароходы, одну французскую въ Кандаѣ и нѣмецкую въ резиденціи королевы Уганды. Теперь отъ Запзибара до Танганьика можно достигнуть въ 50 дней, тогда какъ еще недавно Камеронъ употребилъ на это путешествіе одиннадцать мѣсяцевъ. На Конго, кромѣ того, имѣетъ притязанія Португалія, всегда причислявшая къ своимъ владѣніямъ территорію этой рѣки между 5-мъ и 8-мъ градусомъ южной широты. Голландія, болѣе полутораста лѣтъ торговавшая на Жоангскомъ берегу, основала свои факторіи въ устьѣ Конго. Наконецъ и Германія имѣетъ на этой рѣкѣ свои торговые интересы и недавно отправила на нее двухъ изслѣдователей съ научною цѣлью. Лавеле увѣряетъ, что даже Россія собирается послать туда экспедицію. Но и до тѣхъ поръ пока она соберется, Франціи будетъ не мало труда устроить столкновенія по этому предмету съ другими европейскими державами и врядъ ли ее допустятъ самовольно распоряжаться спорною территоріею и захватывать значныя мѣста для утвержденія на нихъ цивилизаціи. Уже и теперь Англія явно противодействуетъ завоевательнымъ замысламъ Брацы, и Гладстонъ объявилъ въ парламентѣ, что безъ его согласія не позволитъ рѣшить этого важнаго вопроса. Всѣ эти столкновенія интересовъ различныхъ національностей не обѣщаютъ мира спокойствія въ Европѣ.

~~~~~





## ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Проектъ князя Потемкина объ устройствѣ казацкаго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ.



КАКЪ по волѣ высочайшей вашего императорскаго величества препоручено мнѣ составленіе казацкаго войска изъ мѣщанъ и бывшихъ ямщиковъ, то я здѣсь и подношу образъ устройства онаго.

О казакахъ, изъ мѣщанъ составляемыхъ.

Мѣщане, состоящіе по городамъ, должны быть все обращены въ военное состояніе подобно донскому войску, съ тѣмъ различіемъ, чтобъ изъ нихъ быть большей части пѣшими и называться казаками пѣшими стрѣлками, раздѣлить ихъ на станицы и ежели при которомъ городѣ ихъ бы было малое число, къ тѣмъ приписывать отъ другихъ городовъ, или лучше меньшее къ большому числу. Внутреннее управленіе станицъ будетъ по образу донскому, т. е. по выбору ихъ станичными атаманами. Ружье дать на первый случай государево, а имянно:

- 1) Ружье легкое.
- 2) Пику, которая будетъ имъ служить вмѣсто штыка и утвержденіемъ ради приклада.
- 3) Широкой поясъ на подобіе турецкаго этагана, вельми ловкій для обороны и ради рубленія лѣсу.

Сіе оружіе дать имъ на одинъ разъ, которое чинить и возобновлять они уже будутъ вѣчно.

Часть изъ нихъ, кои будутъ конные, должны быть тоже снабжены отъ казны оружіемъ, а именно: короткій карабинъ, пика, длиною какъ у донцовъ, одинъ пистолетъ, пожикъ, какъ и у пѣшаго.

Платье, какое кто хочетъ по достатку на образъ казачій и обувь легкую, развѣ изъ особой монаршей милости пожаловано будетъ при выходѣ въ походъ сукно. Волосы имѣть по казачьему, а кто хочетъ имѣть изъ нихъ бороду и то не возбраняется. Обязаны они учиться заряжать проворно, и цѣльно стрѣлять, но не по командѣ, а всякой отдѣлясь особо и разсыпаясь.

Строй ихъ и пѣшей подобиться долженъ казачьему, о чемъ особо предпишется. Въ походъ устроиваться будутъ сотнями. Число, какое губерніи выставить, можетъ называться будетъ полкомъ, по имени той губерніи.

Начальники ихъ: полковникъ, полковой есаулъ, сотники, хорунжіе, въ сотняхъ десятники изъ казаковъ. Казаковъ въ сотнѣ 212. Въ конные казаки вписывать охотниковъ.

Употребленные на службу въ мирное время получать имѣютъ жалованья въ треть по три рубли и провіантъ, конные тоже и фуражъ на одну лошадь, въ военное время пѣшіе по рублю на мѣсяцъ и провіантъ, конные тоже, но фуражъ на двѣ лошади, а пѣшимъ на подъемныхъ фурахъ указной, которыхъ въ сотнѣ имѣтъ смотря по обстоятельствамъ. На случай военной по разсмотрѣнію придавать въ каждой полкъ по нѣскольку пушекъ легкихъ. Пушкарей обучить изъ нихъ же.

Какъ сіе войско въ мирное время ничего отъ казны не будетъ получать, по содержать себя и оружіе обязано своимъ коштомъ, то слѣдуетъ снабдить ихъ угодами, которыхъ въ Россіи вѣсѣ довольно находится. Весьма бы полезно было еслибы сіи люди переселялись на границы государства, которыхъ они вѣрными бѣ охранителями были.

Строй пѣшихъ казаковъ въ лаву, по кучамъ и въ разсыпку.

Построеніе въ лаву не иное что, какъ фронтъ въ одну линію. Можно его дѣлать двойною. Тогда подобна она будетъ двумъ шпренгамъ. Построеніе по кучамъ есть бой какъ бы разсыпными плутонгами одинъ другаго подкрѣпляющими, изъ чего нечувствительно выходитъ шахматное построеніе. Бой въ разсыпку бываетъ въ мѣстахъ неравныхъ, гдѣ патура представляетъ способы закрываться во рвахъ, въ кустахъ, за каменьями и въ лѣсахъ. Сверхъ сего, приучить ихъ пужно къ удару на бѣломъ ихъ оружіи, а особливо ножами по образу турецкаго юриша, т. е. стремленія, которой производится съ большою скоростію, густою толпою, противу чего безъ артиллеріи рѣдко бы могла устоять регулярная линія. Во всякомъ полку для такой атаки имѣтъ по меньшей мѣрѣ двѣ отборныя сотни, составленныя изъ людей легкихъ, сильныхъ и предприимчивыхъ и вооружить ихъ на тотъ случай только однимъ пистолетомъ и пожемъ. Сіи называются у турокъ даркылычи, т. е. своею саблею врывающіеся въ непріятеля.

Ваше императорское величество изъ сего усмотрѣть изволите, что родъ боевыхъ обрядовъ у войскъ пререгулярныхъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторое устройство, которое было кажется основаніемъ тактическому строю. Имѣя таковыя войска пѣхотные, регулярные полки вашего императорскаго величества не будутъ употребляться, какъ для большихъ постовъ. Всѣ обвѣщательныя пѣхотныя шкеты или отводы въ мѣстахъ шикапскихъ, кои не позволяютъ сохранять строй, будутъ сами казаками отправляться, а какъ ихъ число велико, то выберутся лучшіе и здоровые на службу. Какая разница съ даваемыми рекрутами, куда самыхъ худыхъ выбираютъ? Сіи люди при здоровомъ сложеніи тѣла, научась всѣмъ до нихъ подлежащимъ изворотамъ и ухваткамъ, сдѣлаются для нашей пѣхоты, какъ кроаты полезны; не будучи озабочены внутреннимъ обрядомъ службы, ниже отягощены попеченіемъ о мундирныхъ вещахъ, все время будутъ имѣтъ то на службу, то на отдохновеніе. Что они опасны будутъ непріятелю, о семъ нѣтъ сумнѣнія, особливо имѣя способъ беспокоить его безпрестанно, а паче страшны будутъ въ преслѣдованіи его по разбитіи отъ регулярной арміи. Для защищенія заковъ

и крѣпостей съ пользою могутъ употребляться, ибо нѣтъ сумнѣнія, чтобъ они не были добрые стрѣлки.

(Безъ означенія года и числа).

Сообщено Г. В. Есиновымъ.

### Племянникъ архіепископа Симона Тодорскаго.

Докладная записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ Екатерины II.

Анатолій, племянникъ покойнаго архіепископа псковскаго Симона Тодорскаго, пріѣзжалъ изъ Палестины въ С.-Петербургъ въ 1750 году съ частию животворящаго древа креста Христова, будучи тогда архимандритомъ Павло-Георгіевскаго монастыря въ Аѳонской горѣ, и получилъ отъ ея императорскаго величества блаженныя и вѣчподостойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны высочайшую милость и награжденіе и славаженъ жалованною грамотою для помянутаго монастыря.

За которые его труды къ святой обители константинопольскимъ патриархомъ Кирилломъ произведенъ въ чинъ епископа Милитійскаго.

А потомъ, въ 1757 году, онъ, Анатолій, вновь пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ съ представленіемъ изъ заграничнаго народа въ пользу Россійской имперіи, о которомъ извѣстно въ сенатѣ и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и отправленъ былъ назадъ съ отвѣтомъ по сему дѣлу, но за учинившимся препятствіемъ пакъ пріѣхалъ изъ Сѣчи Запорожской въ Петербургъ для истребованія отъ сената подлежащей резолюціи; тогда захватили его, Анатолія, въ синодъ подъ караулъ, а между тѣмъ обвинили его въ синодѣ слѣдующими обстоятельствами:

- 1) Что отлучился онъ изъ Малороссіи въ Палестину и тамо въ монашескій чинъ вступилъ.
- 2) Что пріѣзжалъ изъ Палестины въ Россію дважды, а въ синодъ не явился.
- 3) Что получилъ онъ архіерейскій чинъ отъ константинопольскаго патриарха, а не отъ синода руссійскаго.
- 4) Что отправлялъ онъ божественную службу въ Сѣчи Запорожской съ возгласненіемъ своего имени и съ выключеніемъ епархіальнаго архіерея кіевскаго.

И по такому обвиненію отъ синода лишили его, Анатолія, архіерейскаго чина и послали подъ крѣпкимъ карауломъ къ митрополиту тобольскому въ 1760 г., февраля 18, а по прибытіи его въ Тобольскъ, оный митрополитъ, лиша его, Анатолія, всего монашества, послалъ въ отдаленное сибирскихъ краевъ мѣсто въ вѣчную черную работу въ Кондипскъ.

Съ того времени уже безмала три года страждетъ онъ въ изнуреніи, а какъ пылъ отъ ея императорскаго величества для благополучной совершенной коронаціи публикованнымъ указомъ ко всемъ осужденнымъ людямъ высокое милосердіе показано: помянутый же бывший епископъ Анатолій никакого важнаго преступленія не сдѣлалъ, кромѣ, что въ Запорожской Сѣчи архіерейское служеніе отправлялъ, но и то по усиленной просьбѣ тамошняго войска, а не по своей охотѣ, то братъ его родной Иванъ Мелесъ всенижайше проситъ о показаніи ему, Анатолію, равнаго другимъ осужденнымъ высокаго милосердія, чтобъ освобожденъ былъ изъ настоящаго заточенія.

Сообщено А. П. Коломнинимъ.



## СМѢСЬ.



**А**РОВАНИЕ раскольникамъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ.—Черезъ недѣлю послѣ коронаціоннаго манифеста, обнародовать одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ новаго царствованія. Болѣе чѣмъ десяти-милліонному русскому коренному населенію даны права, которыхъ оно напрасно ждало много лѣтъ. Права эти для человѣка важны не менѣе личной свободы, такъ какъ въ нихъ заключается свобода совѣсти, свобода вѣроисповѣданія. Освобожденіе такъ-называемыхъ раскольниковъ отъ вѣковаго безправія и всякаго рода притѣсненій—продолженіе великаго освобожденія крестьянъ. «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ», говорилось тогда русскому народу, — теперь народъ этотъ можетъ осѣнить себя безразлично — двуперстнымъ или трехперстнымъ знаменіемъ, не теряя отъ этого своихъ гражданскихъ правъ. Не одну религіозную рознь уничтожаетъ новый законодательный актъ: отънынѣ между двумя половинами русскаго народа, одинаково любящими свое отечество, своего государя, законъ не будетъ преслѣдовать одну изъ этихъ половинъ за то, что она не такъ крестится, какъ другая, слѣдуетъ стариннымъ обрядамъ, читаетъ молитвы по старопечатнымъ книгамъ. Если въ эпоху Петра I раскольники были элементомъ, задерживавшимъ стремленіе Россіи къ цивилизаціи, и крутыя мѣры противъ нихъ, если не оправдывались, то объяснялись государственною необходимостью, то въ наше время подобныя мѣры только возбуждали фанатизмъ, тормозящій правильный ходъ государственной и народной жизни. Лучшій духовный журналъ нашъ «Церковно-Общественный Вѣстникъ» видитъ въ актѣ 23-го мая не расширеніе правъ раскольниковъ, а только «отмѣну разнообразныхъ стѣсненій, какими законъ обставлялъ общественную и даже частную жизнь старообрядцевъ». Журналъ видитъ въ этомъ актѣ первый, очень крупный шагъ въ рѣшеніи раскольникяго вопроса и не сомнѣвается, что дѣло на этомъ не остановится. «Если бы сдѣлана была, говоритъ онъ, даже меньшая брешь въ плотинѣ, окружавшей заплесневѣлое раскольникье болото — и тогда хлынувшая вода живо размыла бы плотину». Съ этимъ можно вполне согласиться. Вспомнимъ, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, Ренанъ, жалѣя о томъ, что онъ не родился гораздо позже, видитъ въ будущемъ—освобожденіе человѣческаго духа отъ всего, что его теперь связываетъ и мѣшаетъ его развитію. Въ этомъ, уже не далекомъ бу-

дущемъ, по мнѣнію знаменитаго автора, несомнѣнно выпраетъ свобода вообще и, что всего важнѣе, свобода совѣсти—драгоцнѣйшее благо человечества, наконецъ, свобода духа, не только религіозная, но и свобода образованія. Чтобы видѣть, почему печать приписываетъ такое значеніе акту о раскольникахъ, приводимъ главныя положенія его:

«Паспорты на отлучки внутри имперіи выдаются раскольникамъ всѣхъ сектъ, за исключеніемъ скопцовъ, на общемъ основаніи. Всѣмъ вообще раскольникамъ дозволяется производить торговлю и промыслы. Раскольникамъ дозволяется занимать общественныя должности. Когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостного старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для этого зданійхъ, съ тѣмъ лишь непременнымъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественного порядка. Имъ предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащія имъ часовни и другія молитвенныя зданія, приходящія въ ветхость, съ тѣмъ, чтобы общій наружный видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ. На производство этихъ работъ испрашивается разрѣшеніе губернатора. Распечатаніе молитвенныхъ зданій раскольниковъ допускается съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы распечатаніе производилось безъ всякаго торжества. Распечатаніе расколическихъ монастырей и скитовъ не допускается. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, дозволяется, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, обращать для общественного богомоленія существующія строенія. При этомъ наблюдается, чтобы строенію не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма и чтобы при немъ не имѣлось наружныхъ колоколовъ. Надверныя кресты и иконы надъ входомъ въ часовню или въ другое молитвенное зданіе ставить не возбраняется. При погребеніи умершихъ раскольниковъ дозволяются предношеніе иконы сопровождаемому на кладбище покойнику и твореніе на кладбищѣ молитвы по принятымъ у раскольниковъ обрядамъ, съ пѣніемъ, но безъ употребленія церковнаго облаченія. Уставники, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаются за это преслѣдованію. За означенными лицами не признается духовнаго сана или званія, причемъ они считаются въ отношеніи къ правамъ состоянія принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ. Послѣдователямъ раскола воспрещается публичное оказательство, которымъ признаются: крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, публичное ношеніе иконъ (за исключеніемъ погребенія умершихъ), употребленіе въ домовъ, часовень и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія, или монашескаго и священнослужительскаго одѣяній, и расколическое пѣніе на улицахъ и площадяхъ».

Этотъ актъ государственной вѣротерпимости встрѣченъ всею журналистикою съ полнымъ сочувствіемъ.

Военные юбилеи. Съ празднованіемъ коронаціи совпали двѣ знаменательныя для нашей военной исторіи годовщины: столѣтняя — основанія черноморскаго флота и двухсотлѣтняя—учрежденія первыхъ полковъ регулярной русской арміи—Преображенскаго и Семёновскаго. Юбилеи эти были отпразднованы съ торжествомъ, принятымъ въ подобныхъ случаяхъ. Высочайшая грамота, данная 15-го мая черноморскому флоту, изобразила значеніе его на берегахъ древняго Понта Эвксинскаго. Первые верфи появились на берегахъ Азовскаго моря и, 5-го августа 1771 года, небольшая флотилія изъ четырехъ судовъ вышла изъ Еникале къ берегамъ Крыма. Это были первые



русскія военныя суда, появившіяся въ Черномъ морѣ. Въ 1778 году были заложены Херсонъ съ адмиралтействомъ и корабельною верфью. Черезъ шесть лѣтъ былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ и, въ томъ же 1783 году, въ Ахтиарской бухтѣ, занятой нашими сухопутными войсками, начали строить казармы, магазины и адмиралтейство, послужившіе основаніемъ севастопольскаго порта. Первые штаты черноморскаго флота были утверждены въ 1785 году. Судьба его извѣстна. Просуществовавъ полстолѣтія, ознаменованное побѣдою при Синопѣ, послѣднею битвою паруснаго флота, онъ самъ потопилъ себя въ волнахъ севастопольской бухты, чтобы не достаться неприятелю и сохранить своихъ защитниковъ для геройской обороны крѣпости. Европа, заключая миръ съ Россіею, постановила даже условіемъ его—ограниченіе нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, и условіе это, уничтоженное нами въ 1870 году, не повело однако въ теченіи долгихъ лѣтъ къ возрожденію нашего флота, ограничившагося постройкою однихъ бесполезныхъ и безобразныхъ поповокъ. Будемъ надѣяться, что въ новое столѣтіе флотъ этотъ пріобрѣтетъ свою прежнюю славу. Высочайшая грамота призываетъ его постройкою новыхъ кораблей на преемственное для него поприще чести, пользы и славы.

Юбилей Преображенскаго и Семеновскаго полковъ особенно торжественно праздновался въ Москвѣ, два окрестныя села которой были колыбелью нашей арміи. Въ Старопреображенской слободѣ (нынѣ Тишино) былъ парадъ въ присутствіи августѣйшаго дома, иностранныхъ принцевъ, дипломатическаго корпуса, генералитета. Семеновцамъ и преображенцамъ даны новыя знамена съ георгиевскими и андреевскими лентами. Ко дню юбилея вышли вполне обстоятельно составленные: «Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка» и «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка»—послѣдняя—трудъ законченный, обнимающій оба столѣтія существованія полка со дня его основанія до дня празднованія юбилея. Болѣе подробно изложена исторія полка въ непрерывныхъ войнахъ, веденныхъ Петромъ I подъ Азовомъ, при осадѣ Нарвы, въ борьбѣ съ Карломъ XII, съ Турціею и Персіею, въ походахъ отъ Бѣлаго моря и береговъ Невы до Каспійскаго моря, отъ Дани до Урала. Вмѣстѣ съ исторіею этого полка государю поднесены великолѣпный альбомъ съ портретами, исполненными фототипіею, и картинами, относящимися къ событіямъ, въ которыхъ участвовали семеновцы, къ ихъ частной и военной жизни, къ измѣненіямъ формы и т. п. Картины эти, писанныя сепіею, изображаютъ подвиги семеновцевъ въ пѣхотномъ строю, и какъ кавалеристовъ—потому что они замѣняли конницу въ 1706—1708 гг. и какъ моряковъ, потому что они успѣшно дѣйствовали и на галерахъ, и одна изъ картинъ альбома изображаетъ морское сраженіе 3-го мая 1703 года, при деревнѣ Калниклиной, предшествовавшее основанію Петербурга.

«Исторіи Преображенскаго полка» вышелъ только одинъ томъ, обнимающій періодъ времени до смерти Петра I (всѣхъ томовъ будетъ четыре). Сначала авторъ рѣшаетъ спорный вопросъ о началѣ образованія «потѣшныхъ» въ маѣ 1683 года, потомъ говоритъ о комплектованіи и организаціи отряда, о его маневрахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Послѣднія главы посвящены внутренней, хозяйственно-бытовой и служебной жизни полка. Отчетливому и вполне серьезному изложенію событій, безъ вычурнаго краснорѣчія и сомнительныхъ анекдотовъ, предпосланъ очеркъ вооруженныхъ силъ старой системы. Но, помимо чисто военнаго взгляда на исторію обоихъ полковъ, желательно было бы, чтобы авторы обоихъ сочиненій обратили еще больше вниманія на цивилизаторскую роль полковъ, учрежденныхъ гениальнымъ мальчикомъ. Петру было тринадцать лѣтъ, когда онъ завелъ своихъ «потѣшныхъ» съ цѣлью защитить себя отъ стрѣльцовъ, преданныхъ его честолюбивой сестрѣ, окруженной сильными сторонниками, обращавшимися неуважительно съ молодымъ царемъ и его матерью. Черезъ четыре года преображенцы и семе-

повцы составляли уже серьезную боевую силу, имѣвшую артиллерию. Они были въ то же время и драгунами, и инженерами и моряками и судостроителями. Давъ имъ въ 1700 году названіе «лейбъ-гвардіи» Петръ сталъ давать имъ самыя разнообразныя назначенія. Не было ни одной реформы, ни одного учрежденія, въ которыхъ офицеры этихъ полковъ не принимали бы участія. Царь посылалъ ихъ съ дипломатическими и другими порученіями за границу; по Россіи они ѣздили искореняя злоупотребленія, укрощая волненія, засѣдали въ сенатѣ и военной коллегіи. Неразлучаясь никогда съ своимъ царемъ, воспитанные подъ его руководствомъ, они были первыми пионерами цивилизаціи на Руси, образцами не только для остальной арміи, но и для всякаго гражданина, какимъ долженъ быть всякій русскій, по идеалу великаго монарха. Самое войско, по идеѣ Петра, должно было представить силу, не враждебную цивилизаціи, а содѣйствующую ей. Поэтому - то юбилей первыхъ нашихъ полковъ имѣютъ значеніе не только какъ военный праздникъ, но и какъ праздникъ интеллигенціи.

**Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.** 26-го мая, при самой торжественной, блестящей обстановкѣ, совершилось въ Москвѣ освещеніе грандіознаго историческаго и религіознаго памятника одной изъ славныхъ эпохъ въ жизни Россіи.

Мысль о сооруженіи храма Спасителя явилась послѣ отечественной войны 1812 года. Въ манифестѣ изъ Вильны, отъ 25-го декабря 1812 года, императоръ Александръ говорилъ: «Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ русскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ городѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Первоначально предполагалось поставить храмъ въ окрестностяхъ Москвы, на Воробьевыхъ горахъ. Въ 1816 г., изъ числа представленныхъ на конкурсъ проектовъ храма былъ избранъ проектъ академика живописи Витберга, сына обрусѣвшаго шведа. 12-го октября 1817 года, въ тотъ самый день и на томъ самомъ мѣстѣ Воробьевыхъ горъ, гдѣ за пять лѣтъ передъ тѣмъ имѣлъ послѣдній почлегъ арьергардъ французской арміи, выступавшей изъ Москвы, была совершена торжественная закладка храма, воздвигавшагося въ память этого событія. На церемоніи присутствовали: Александръ I, императрицы Елизавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна, великій князь Николай Павловичъ съ супругой и принцъ прусскій Вильгельмъ, лишь царствующій императоръ германскій.

Въ 1821 году, было приступлено къ грандіознымъ землянымъ работамъ, но скорѣ среди «комисіи по сооруженію храма» возникли несогласія. Кошchina Александра I и интриги лицъ, завидовавшихъ дарованію Витберга, снова повліяли на ходъ работъ. Комисія была закрыта и въ 1828 году рѣшено было прекратить работы на Воробьевыхъ горахъ. Николай I, въ виду невозможности воздвигнуть храмъ на выбранномъ покойнымъ государемъ мѣстѣ, назначилъ новый конкурсъ, однимъ изъ условий котораго состояло въ томъ, чтобы проекты не представляли никакихъ особенныхъ затрудненій при практическомъ ихъ выполненіи. Утвержденъ былъ въ 1832 году проектъ К. А. Тона, какъ болѣе подходящий къ древнему, русско-византійскому стилю. Храмъ воздвигнуть на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, близъ Кремля, гдѣ находился прежде Алексѣевскій женскій монастырь, перенесенный въ 1837 году въ Красное Село, близъ Сокольничьей рощи. Отличаясь отъ чисто византійскаго стиля, храмъ представляетъ въ своемъ основаніи квадратъ, периметромъ въ полторы тысячи сажень; всѣ четыре фасада его имѣютъ одинаковые выступы или порталы, образуя, такимъ образомъ, равноконечный крестъ. Изъ пяти вѣнчающихъ храмъ, грушевидныхъ, ребристыхъ главъ, въ старинномъ

стиль, средняя значительно больше остальных, имѣя въ поперечникѣ до 14 сажень. Она обведена мраморной короной изъ 26 арокъ, украшенныхъ рѣзбой. Остальные главы представляютъ форму восьмиугольных башенокъ, служащихъ помѣщеніемъ для 14 колоколовъ разной величины. Бронзовая вызолоченная рѣшетка (до двухъ аршинъ величины) окаймляетъ крышу между малыми главами. Въ храмъ ведутъ двѣнадцать дверей, по три между столбами каждаго изъ четырехъ порталовъ. Освѣщается онъ шестюдесятью окнами, вышиною отъ одной до четырехъ сажень. Весь фасадъ облицованъ бѣлымъ мраморомъ (штукатурныя части его то же отдѣланы подъ мраморъ) и украшенъ въ два ряда выпуклыми изображеніями (горельефы) и изсѣченными надписями. Четыре крыльца и цоколь изъ темнаго гранита. Внутри зданія, на разстояніи двухъ сажень отъ наружной стѣнки, четыре колоссальныхъ пилоновъ, или башнеобразныхъ столбовъ, поддерживаютъ сводъ, образуя внизу — совершенно отдѣльный корридоръ, а наверху — круговыя хоры (палаты). Корридоры, освѣщаемые восемью большими окнами, предназначены для церковныхъ процессій. Они отдѣляются отъ средней части храма бронзовыми рѣшетчатыми дверями, но постоянно открыты для богомольцевъ. На хорахъ же находятся два придѣла.

Высота зданія до вершины креста 48½ сажень: колокольня Ивана Великаго (болѣе 46 сажень) съ крестомъ можетъ установиться подъ яблоко большого купола храма. вмѣститъ храмъ можетъ до десяти тысячъ человѣкъ.

Работы по устройству фундамента окончены были въ концѣ 1839 года и 10-го сентября того же года была совершена торжественная закладка храма.

На постройку стѣнъ и сводовъ, на паружную облицовку храма, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, употреблено 40 милліоновъ кирпичей и 6,000 кв. саж. илтъ, проложенихъ между ихъ рядами. Произведенные поиски привели къ избранію прекрасной породы русскаго мрамора, до того еще никогда не употреблявшагося при постройкахъ и названнаго протопоновскимъ, по мѣсту нахожденія его въ селѣ Протопоновѣ, Коломенскаго уѣзда, близъ Москвы. Этотъ камень, бѣловатаго цвѣта, представлялъ всѣ качества, необходимые для его назначенія: прочность, однородное сложеніе, значительный блескъ при полировкѣ. Первоначально онъ назначался только для облицовки стѣнъ храма; но позднѣе, когда обнаружилась полная его пригодность, приказано употребить его же и на изваяніе горельефовъ на паружныхъ стѣнахъ. Въ 1849 году окончень колоссальный сводъ большого купола. Постановка главъ (на позолоту которыхъ употреблено 25 пуд. 31 фунтъ 47 золотниковъ золота—по 2 золотника на каждый кв. футъ) завершила внѣшнюю отдѣлку храма. Когда внутренность его была освобождена отъ лѣсовъ, 27-го августа 1855 года митрополитъ Филаретъ, при огромномъ стеченіи народа, освятилъ крестъ большой главы, передъ поднятіемъ его на мѣсто. Крестъ былъ собранъ посреди храма; вышина его составляетъ 4 сажени, длина каждой изъ цѣпей 11 сажень. Въ 1858 году были разобраны паружные лѣса, и храмъ явился во всемъ величій и красотѣ. Съ паружной западной стороны храма, при входѣ, помѣщено изображеніе Христа Спасителя, окруженное силами небесными и святыми, сомненными императорамъ-храмосозидателямъ. На восточной сторонѣ помѣщены иконы явленій Богоматери и картины Рождества и Воскресенія, въ воспоминаніе объ изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи и о взятіи Парижа. На южной сторонѣ—изображеніе Богородицы Смоленской, образъ которой былъ при войскахъ въ 1812 году, и изображенія тѣхъ святыхъ, дни празднованія которыхъ совпадали съ днями замѣчательнѣйшихъ битвъ 1812 года; наконецъ, на сѣверной—изображены просвѣтителі Россіи вѣрою Христовой. Надъ средними дверями главнаго входа находятся изваянія двухъ ангеловъ, держащихъ развернутую хартію со словами: «Господь съ нами». Надъ двумя другими дверьми, справа, два ангела съ крестообразно-наклоненными хоругвями, въ память московскаго ополченія, имѣвшаго вмѣсто знаменъ

церковныя хоругви; слѣва, два ангела, держащіе наклоненныя знамена съ изображеніемъ на нихъ креста. На карнизѣ четырехъ порталовъ вырублены надписи. Внутренность храма представляетъ разнообразіе колеровъ въ облицовкѣ стѣнъ, узорѣ пола и проч., при значительномъ преобладаніи темныхъ цвѣтовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ мраморныя работы. Матеріаломъ для облицовки внутреннихъ стѣнъ, инкрустацій, мозаики пола (въ видѣ краснаго ковра съ разноцвѣтными звѣздами, шашками и проч.), тумбъ для хоругвей, аналоевъ и проч., послужили, кромѣ четырехъ итальянскихъ и одного бельгійскаго сортовъ, два русскихъ: лабрадоръ—темнозеленаго цвѣта съ кристаллами серебристаго блеска, добываемый въ Кіевской губерніи и впервые употребленный въ дѣло при построеніи храма, и шокшинскій порфиръ—темнокраснаго цвѣта, добываемый въ Олонецкой губерніи, близъ мѣстечка Шокши. Итальянскіе мраморы имѣютъ цвѣта: голубоватый, желтый, краснопестрый и бѣлый съ жилками; бельгійскій мраморъ—черный. Къ этимъ сортамъ прибавлена сибирская яшма, изъ которой высѣчены двѣнадцать цѣльныхъ колоннъ у сѣверной и южной входныхъ дверей. Особенную красоту и богатство придаетъ внутреннему виду храма множество изящныхъ и разнообразныхъ орнаментовъ въ русскомъ стилѣ, разрисованныхъ золотомъ и масляными красками.

Согласно волѣ Александра I, храмъ Христа Спасителя выполняетъ и историческое назначеніе; весь нижній корридоръ посвященъ воспоминанію о событіяхъ отечественной войны, увѣковѣченныхъ въ надписяхъ (болѣе 200,000 буквъ) на 177 бѣлыхъ мраморныхъ плитахъ. Эти плиты расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: надѣво отъ входа, на первой плитѣ высѣченъ высочайшій приказъ арміямъ и рескриптъ предсѣдателю государственнаго совѣта, графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи; далѣе—воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи Россіи. Затѣмъ, идутъ въ хронологическомъ порядкѣ: по лѣвой сторонѣ до алтаря описанія сраженій 1812 года (внутри Россіи); по правой битвы 1813—1814 годовъ (за предѣлами ея), съ поименованіемъ днѣ и мѣста сраженій, частей участвовавшихъ въ нихъ войскъ, главноначальствовавшихъ, убитыхъ, раненыхъ и отличившихся. Эта лѣтопись оканчивается направо отъ входа манифестомъ о взятіи Парижа, низложеніи Наполеона и о заключеніи мира въ Европѣ. На стѣнѣ, соприкасающейся горнему мѣсту, за алтаремъ, помѣщенъ манифестъ о построеніи храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ; подъ нимъ живописное изображеніе храма по проекту Тона; ниже—рисунокъ храма по проекту Витберга. Здѣсь же находятся: благодарственные манифесты русскому народу, Москвѣ и русскому дворянству, манифестъ объ учрежденіи медали въ память 1812 года; составъ ополченія и перечень пожертвованій, сдѣланныхъ различными городами и частными лицами для спасенія отечества. По угламъ корридора поставлены четыре мраморныхъ кіота, съ неугасимыми лампадами передъ 12 иконами, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое значеніе, относящееся къ этой славной эпохѣ.

Кромѣ икопъ, въ корридорѣ надъ тремя входными дверями помѣщены съ каждой стороны шесть живописныхъ изображеній Христа Спасителя: благословляющаго входящихъ на молитву и исходящихъ изъ храма; призывающаго всѣхъ труждающихся и обремененныхъ; Нерукотворнаго Спаса; Христа въ царскомъ облаченіи; Иисуса младенца, и Христа въ архіерейскомъ облаченіи.

Средняя часть храма, т. е. пространство между четырьмя иконами, имѣетъ 32 аршина въ ширину и 22 аршина отъ западныхъ входныхъ дверей до солеи, отдѣленной бронзовой рѣшеткой и бѣломраморной клиросной балюстрадой. Иконостасъ устроенъ въ видѣ восьмигранной часовни изъ бѣлаго мрамора съ разноцвѣтными инкрустаціями; вѣнчающій ее бронзовый вызолоченный шатеръ состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, въ которыхъ помѣ-

щены иконы; онъ суживается кверху и оканчивается большой главой съ крестомъ. Вышина часовни съ шатромъ 37 аршинъ. Лицевая сторона часовни служить для царскихъ вратъ, изъ отливной бронзы (работы Шопена). Въ боковыхъ сторонахъ часовни помѣщены мѣстные образа (работы профессора Неффа); справа—образъ Спасителя, слѣва—образъ Рождества Христова. На восточной стѣнѣ алтаря находится запрестольное колоссальное изображеніе также Рождества Христова. У юго-западнаго пилона устроено въ 1881 году царское мѣсто, въ видѣ возвышенной площадки, съ поставленными на немъ двумя мраморными креслами; надъ ними помѣщена картина: «Самуилъ, по повелѣнію Божию, помазуетъ на царство Давида», на противоположной сторонѣ, надъ кафедрой для проповѣдниковъ, изображенъ «преподобный Сергій, благословляющій на брань Дмитрія Донского». На хорахъ два малыхъ придѣла: во имя Николая Чудотворца и Александра Невского, сонменныхъ покровителей трехъ императоровъ-созидателей храма.

Средина храма посвящена событіямъ земной жизни Спасителя, а прочія священныя картины поставлены въ связи съ болѣе знаменательными событіями какъ духовной, такъ и гражданской жизни нашего отечества. Вся живопись исполнена исключительно русскими художниками. Главный иконостасъ состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, въ которыхъ помѣщены, кромѣ мѣстныхъ образовъ, Господни и Богородичныя праздники, и святые ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви; въ алтарѣ же—изображенія страстей и смерти Господнихъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна, какъ по яркости красокъ, такъ и по типичности фигуръ — «Тайная Вечеря». Бронзовыя работы въ храмѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ по своей цѣнности, такъ и по художественной отдѣлкѣ. Большая бронзовая вызолоченная люстра о 48 свѣчахъ вѣситъ почти 229 пудовъ; нѣсколько другихъ люстръ и люстро-лампадъ разныхъ размѣровъ, а также канделябры и подсвѣчники, помѣщенные на рѣшеткахъ, окаймляющихъ хоры и карнизъ купола, даютъ возможность освѣщать храмъ при ночныхъ богослуженіяхъ 3,200 свѣчей.

Великолѣпію внутренней отдѣлки храма соответствуютъ церковная утварь и облаченія священнослужителей; надъ исполненіемъ утвари трудились лучшіе московскіе фабриканты: Овчинниковъ, Хлѣбниковъ и друг. Въ числѣ ея замѣчательны: большое евангеліе, золоченое съ эмалью и камнями, въ древнемъ византійскомъ стилѣ; дарохранительница для главнаго алтаря чеканной обронной работы; блюдо для благословенія хлѣбовъ, золоченое съ эмалью, въ древнемъ стилѣ. Всѣ 117 предметовъ утвари обошлись въ сложности 50,809 руб. Восемь перемѣнъ облаченій, исполненныхъ Сапожниковымъ изъ золотого глазета, серебряной парчи, бархата и проч. стоятъ 44,140 руб.

Въ 1880 году храму присвоено наименованіе «кафедральнаго», соотвѣтственно чему утверждены штаты духовенства и причта новаго собора, сравненныхъ со штатами Исаакіевского собора въ Петербургѣ; на все же содержаніе храма опредѣлено въ годъ 68,408 руб.

На площади кругомъ храма разбитъ кустарниковый скверъ, окруженный бронзовой рѣшеткой, которая пересѣчена четырьмя подъѣздами. На южной сторонѣ, съ набережной, устроенъ спускъ къ каменной Голгофѣ на Москвѣ-рѣкѣ, и поставлены два обелиска изъ орудій, отнятыхъ у непріятеля въ предѣлахъ Россіи въ 1812 году и во время похода въ Парижъ въ 1813—1814 годахъ.

Памятникъ Александру и Вильгельму Гумбольдтамъ. Въ Берлинѣ недавно праздновалось открытіе памятника двумъ выдающимся ученымъ нашего столѣтія. Статуи братьевъ Гумбольдтовъ, изображенныхъ въ сидячемъ положеніи, были, какъ водится, осыпаны вѣнками, лаврами, рѣчами, адресами и стихами. Подобныя торжества, устраиваемыя если не представителями власти и правленія, то съ ихъ благосклоннаго разрѣшенія и соучастія, напоминаютъ намъ въ то же время, что въ этомъ мірѣ власть, сила, правительственныя заслуги—все



проходить и забывается — остается вѣчнымъ, незабвеннымъ только умъ, мысль, дѣльное и честное печатное слово. Изъ двухъ братьевъ Гумбольдтовъ одинъ умеръ почти полвѣка тому назадъ, другой не болѣе четверти вѣка — и вотъ теперь оба воскресли въ художественныхъ изваяніяхъ, въ многочисленныхъ рѣчахъ, посвященныхъ восхваленію ихъ, дѣйствительно замѣчательныхъ заслугъ. Старшій братъ, баронъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, ученикъ филолога Кампе, знаменитъ какъ критикъ и филологъ. Онъ былъ правда, представителемъ своего отечества при лондонскомъ, вѣнскомъ и римскомъ дворахъ, на конгрессахъ Шатильонскомъ, Вѣнскомъ, Ахенскомъ, даже министромъ внутреннихъ дѣлъ, но не правительственные заслуги сдѣлали его извѣстнымъ. Служебное поприще его кончилось еще въ 1819 году, когда онъ оставилъ министерскій постъ, не желая дѣйствовать въ духѣ реакціи, усилившейся тогда въ Пруссіи. И только съ тѣхъ поръ онъ создалъ себѣ громкое имя въ филологіи. Правда, еще въ 1789 году, бывши въ Парижѣ и пораженный громадною совершившагося тамъ переворота, онъ написалъ объ немъ замѣчательное изслѣдованіе, которое развилъ потомъ въ 1792 году въ журналѣ «*Berliner Monatschrift*» и наконецъ обратилъ въ отдѣльное сочиненіе «Идеи попытки опредѣленія границы дѣятельности государства». Но сочиненія подобнаго содержанія не могли доставить извѣстности въ Пруссіи, и Вильгельмъ Гумбольдтъ изумилъ ученыхъ своимъ «Изслѣдованіемъ языка кави на островѣ Явъ». Это былъ первый шагъ къ изученію имъ цѣлой серіи языковъ Океаніи и острововъ южнаго океана, связывающихъ Индію съ Америкой. Еще важнѣе по своимъ результатамъ былъ второй трудъ его «О различіи образованія языковъ и ихъ вліянія на человѣка». Какъ критикъ онъ прославился своими «Эстетическими опытами», написанными по поводу гетевской поэмы «Германъ и Доротея» и теоріи эпоса. Не менѣе замѣчательны его изслѣдованія эллинскаго міра, языка басковъ и, въ особенности, китайскаго языка. Онъ писалъ также хорошіе стихи и перевелъ «Агамемнона» Софокла.

Имя его брата, Александра, дожившаго до 90-лѣтъ, извѣстно всему образованному міру. Результаты своихъ безчисленныхъ путешествій, наблюденій, изученій, печатавшихся на нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ, онъ собралъ, подъ старость, въ книгѣ, сдѣлавшейся классическою. Его «Космосъ» — панорама всей природы, съ ея двойнымъ отраженіемъ на моральную и физическую организацію человѣка. Гумбольдтъ не изслѣдователь природы, онъ — объяснитель ея значенія и отношеній къ мыслящему міру. Передъ этою заслугою блѣднѣютъ всѣ другія, чисто ученныя и спеціальныя его изслѣдованія — горныхъ цѣпей, напряженности земного магнетизма, ослабѣвающего по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ, основанія географіи растений, примѣненій хронометра къ опредѣленію географическихъ долготъ и пр. Какъ человѣкъ, въ высшей степени гуманный и просвѣщенный, стоя близко къ трону, онъ всегда былъ передъ нимъ заступникомъ за впавшихъ въ немилость, ходатаемъ за заслуги, поборникомъ правды и законности. Мы обязаны ему исполнѣ научнымъ изслѣдованіемъ Урала, Алтая, Каспія, Джунгаріи, и признаніе великаго значенія этого знатока и любителя природы, открытіе его памятника не можетъ не интересовать русскаго человѣка.

† Въ Дамаскѣ умеръ 76-ти лѣтъ забытый всѣми, но пѣкогда занимавшій умы всей Европы, предводитель алжирскихъ арабовъ Абдель Кадеръ, отстаивавшій независимость своего племени противъ завоевательныхъ стремленій Франціи. Имя его наполняло собою всю исторію царствованія Луи-Филиппа, тревожило не одну французскую, но и европейскую дипломатію. Одно время (въ 1834 году) онъ былъ совершенно независимымъ властителемъ области между Мароко и провинціями Орашской и Алжирской. Онъ жилъ въ своей столицѣ Маскара и разбивалъ одного за другимъ французскихъ генераловъ. Только Бюжо положилъ конецъ владычеству Абдель Кадера и, въ 1847 году, онъ принужденъ

былъ сдаться генералу Ламорисьеру. Заключенный сначала въ замѣ Амбуазъ, онъ былъ освобожденъ въ 1852 году Луи-Наполеономъ и отправленъ въ Брюссель съ обязательствомъ не поднимать болѣе оружія противъ Франціи. Арабскій вождь честно сдержалъ свое обѣщаніе и съ тѣхъ поръ, въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, не вмѣшивался болѣе въ политическія смуты и возстанія алжирскихъ племенъ. Во время возстанія 1860 года въ Дамаскъ, куда онъ переселился, когда Брюссель была разрушена землетрясеніемъ, Абдель Кадеръ явился защитникомъ христіанъ и оказалъ имъ много услугъ. Франція выдавала ему сто тысячъ франковъ годового содержанія, но онъ жилъ очень скромно съ своими одиннадцатю дѣтьми, оставшимися въ живыхъ изъ 24-хъ, прижитыхъ съ тремя женами. Старшій сынъ его принялъ участіе въ возстаніи противъ Франціи и Абдель Кадеръ отрекся отъ него. Во время войны съ Германіей бывшій врагъ Франціи предлагалъ Луи-Наполеону и потомъ правительству національной обороны — стать въ главѣ алжирскихъ отрядовъ на защиту страны, наводненной непріятелемъ. Предложеніе не было принято, но онъ не переставалъ считать Францію своимъ вторымъ отечествомъ и когда отъ нее отторгли Эльзасъ и Лотарингію, прислалъ три тысячи франковъ разореннымъ эльзасцамъ. Военныя способности Абдель Кадера несомнѣны, хотя, какъ дикарь, чуждый цивилизаціи, онъ поступалъ жестоко съ плѣнными солдатами и поселенцами. Оправданіемъ ему въ этихъ поступкахъ можетъ служить впрочемъ то, что сами французы обращались нисколько не гуманнѣе съ плѣнными бедуинами и кабилами.

† Въ Парижѣ умеръ 72-хъ лѣтъ замѣчательный публицистъ Эдуардъ-Рене Лабуле. Онъ сдѣлался извѣстенъ сочиненіями по исторіи права: «Изысканія о положеніи женщинъ», «Исторія права земельной собственности на Западѣ». Профессоръ сравнительнаго законодательства, врагъ второй имперіи, онъ читалъ лекціи въ демократическомъ духѣ и издавалъ книги, имѣвшія большой успѣхъ «О рабствѣ», «Религіозная свобода», «Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ». Его сатирическій романъ «Парижъ въ Америкѣ» (1863 г.), «Сказка—памфлетъ», «Принцъ—собачка» (1868 г.) въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержали множество изданій. Замѣчательный писатель, Лабуле былъ плохой политикъ: въ 1870 году онъ повѣрилъ плебисциту объ измѣненіяхъ въ конституціи и обнародовалъ письмо въ защиту наполеоновскаго правленія, отчего вдругъ потерялъ всякую популярность и долженъ былъ прекратить свои лекціи. Въ 1872 году онъ былъ избранъ въ члены національнаго собранія и сталъ дѣйствовать въ прежнемъ демократическомъ направленіи, держась однако умѣренно-либеральной партіи лѣваго центра. Въ 1875 году его избрали пожизненнымъ сенаторомъ, но онъ снова возбудилъ противъ себя недовольство либеральной партіи оппозиціею законамъ, направленнымъ противъ клерикаловъ. Ему особенно посчастливилось въ нашей литературѣ: всѣ его лучшія сочиненія переведены на русскій языкъ: «Парижъ и Америка» (1863 г.), «Народное образованіе» (1866 г.), «Государство и его предѣлы», «Судъ и полиція», «Принцъ—собачка» (1868 годъ; послѣднее сочиненіе въ двухъ переводахъ), «Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ», «Арабскія сказки», «Сказки, рассказы, очерки и рѣчи Лабуле» (1869 г.), «Французская администрація» (1870 г.), «Дворецъ жизни» (1871 г.), «Новыя сказки» (1872 г.).

† Въ Лиссабонѣ умеръ одинъ изъ послѣднихъ, оставшихся въ живыхъ родственниковъ знаменитаго композитора, полномочный министръ нашъ при Португальскомъ дворѣ, Дмитрій Павловичъ Глинка. Онъ долгое время состоялъ при посольствѣ въ различныхъ германскихъ дворахъ, былъ секретаремъ русскаго посольства въ Лондонѣ, полномочнымъ министромъ въ Рио-Жанейро и въ Лиссабонѣ назначенъ въ 1871 году. Онъ занимался вмѣстѣ съ тѣмъ философіею и написалъ, между другими произведеніями въ этомъ родѣ, книгу, возбуждавшую въ ученomъ мѣрѣ оживленную полемику. Книга эта, названная авторомъ «Наука и человѣческое общество» затрогиваетъ пред-

меты, которыми не перестаютъ интересоваться мыслящіе люди. Книга написанная по-французски выдержала четыре изданія, нѣсколько разъ передѣлывалась и была переведена въ 1870 году на русскій языкъ П. А. Вибковымъ. Журналы наши представили подробную критическую оцѣнку этого сочиненія («Дѣло», 1870 годъ № 7, статья Н. В. Шелгунова, подъ названіемъ «Право и свобода», «Отечественныя Записки» 1871 года, № 2; «Знаніе», 1871 года № 1). Покойный былъ также большимъ любителемъ искусства и обладалъ замѣчательною картинною галереєю.

## ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

### Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Въ исторіи литературы мы почти съ первыхъ дошедшихъ до насъ страницъ встрѣчаемся съ псевдонимами, т. е. вымышленными именами авторовъ. Изслѣдованія показываютъ, что псевдонимы имѣли довольно значительное распространеніе еще во времена классической древности <sup>1)</sup>. Слѣдуя далѣе, мы замѣчаемъ, что съ развитіемъ книжнаго дѣла и съ появленіемъ книгопечатанія они начинаютъ встрѣчаться чаще и чаще. Въ особенности велико было ихъ употребленіе во второй половинѣ XVIII столѣтія, во Франціи <sup>2)</sup>. Къ этому же времени слѣдуетъ отнести появленіе ихъ и въ русской литературѣ, куда они перешли со многими другими съ запада. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени употребленіе псевдонимовъ и буквенныхъ подписей возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Я не ошибусь, если скажу, что болѣе половины современныхъ литературныхъ произведеній печатается или безъ подписи (анонимы) или подписаны псевдонимами.

Псевдонимы и буквенныя подписи въ русской литературѣ изслѣдованы пока очень мало. Самыми важными трудами по этому вопросу слѣдуетъ считать: «Матеріалы для словаря псевдонимовъ» <sup>3)</sup>, собранные С. Желѣзнякомъ (С. Пономаревымъ) и изслѣдованіе подъ такимъ же заглавіемъ, П. Быкова <sup>4)</sup>. Разумѣется, что эти немногіе труды не составляютъ и десятой доли всей этой кропотливой работы, въ видахъ успѣшности которой весьма желательно, чтобы наши библіографы приняли болѣе дѣятельное участіе въ собираніи псевдонимовъ и не затруднялись сообщать о нихъ въ печати. Важность составленія словаря псевдонимовъ, въ особенности для исторіи литературы, надѣюсь, неоспорима. Библіографія другихъ странъ уже давно позаботилась о подобнаго рода изслѣдованіяхъ; для примѣра укажу хоть на многотомный словарь псевдонимовъ французскихъ писателей, составленный извѣстнымъ Барбье.

<sup>1)</sup> Такъ, напримѣръ, почти всѣ сборники писемъ, оставшіеся отъ греческой древности, подписаны псевдонимами; таковы письма: Ѳемистокла, Фалариса, Менаандра, Кратеса и др.

<sup>2)</sup> Болѣе извѣстны псевдонимы: Вольтера, Бенуа де-Мелье (de-Maillet), Паскаля, С. Гиацинта и др.

<sup>3)</sup> «Русскій календарь» А. Суворина, на 1881 г., стр. 281—300.

<sup>4)</sup> «Россійская Библіографія», 1881 г., № 93 (17), стр. 362—366. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе П. Быкова доведено только до буквы «Л». Кромѣ того, въ «Рос. Вибл.» помѣщены «Дополненія къ матеріаламъ для словаря псевдонимовъ», составленные П. Библіографомъ (П. Васильевымъ) и Д. Мордовцевымъ. Въ нихъ указано всего 18 новыхъ псевдонимовъ.

Къ настоящей замяткѣ я прилагаю составленный мною списокъ псевдонимовъ и буквенныхъ подписей русскихъ писателей, не вошедшихъ въ «Матеріалы» С. Желѣзняка и П. Быкова. Въ него я счелъ не лишнимъ включить и 18 псевдонимовъ, указанные П. Библиографомъ и Д. Мордовцевымъ <sup>1)</sup>.

**А.**

- \*А. В. (Статист. изд.)—А. И. Баладинъ.
- А. Бѣжецкій («Новое Время»)—А. Н. Масловъ.
- А—въ Л. Н. («Заря»)—Л. Н. Антроповъ.
- А. Е. («Виржев. Вѣд.»)—А. Ерошенко.
- Азъ («Сарат. Листъ». 1881—82 гг.)—И. А. Саловъ.
- А. И. С. («Сарат. Сборн.» 1881 г.)—А. И. Соколовъ.
- Алекторъ («Стрекоза») и др.)—Н. А. Лейкинъ.
- А. С. («Худож. Нов.»)—А. И. Сомовъ.
- А. С. («Труды И. В. Э. Общ.»)—А. В. Совѣтовъ.
- А. С—кій («Историч. Вѣстникъ»)—А. И. Соболевскій.

**Б.**

- Баронъ Миловзоровъ («Юмор. Журн.»)—И. Н. Измайловъ.
- Б—въ А. («Труды И. В. Э. Общ.»)—А. М. Бутлеровъ.
- \*Б. Гив. («Древн. и Нов. Рос.»)—Д. Л. Мордовцевъ.
- \*Б. Гив. (тамъ же). Н. А. Бѣлозерская.
- \*Берне изъ Вердичева («Дѣло», 1870 г.)—Д. Л. Мордовцевъ.
- Б. М. («Отголоски»)—графъ П. А. Валугевъ.
- \*Богучаровъ И. («Голосъ» и др.)—Д. Л. Мордовцевъ.

**В.**

- Ванька Хриповъ («Гудокъ»)—С. Н. Терпигоревъ.
- В. З. и В. Р. З. («Историч. Вѣстникъ»)—В. Р. Зотовъ.
- В. И. («Руск. Стар.»)—В. С. Иконниковъ.
- Викторъ Александровъ (Театр. піесы)—В. А. Крыловъ.
- \*В. И. М. («Указ. къ От. Зап. 47—57 г.»)—В. И. Межовъ.
- В. К. («Загр. Вѣстн.»)—В. Коршъ.
- Влад—овъ («Рус. Мысль» и др.)—И. А. Пашковъ.
- В. М. К. («Гражд.»)—князь В. Мещерскій.
- В. Н. Д. («Жив. Обзоръ» и др.)—В. И. Немировичъ-Данченко.
- В. П. («Новое Время»)—В. К. Петерсень.
- \*Волна («Голосъ»)—В. Маркевичъ.

**Г.**

- Г. («Современникъ» 40 г.)—Я. К. Гротъ.
- Гамлетъ («Юмор. Журн.»)—И. Н. Измайловъ.
- Г—ва К. («Женск. Вѣстн.»)—С. Н. Вазина.
- Графъ Алексіеъ Жасминовъ («Нов. Вр.»)—В. П. Бурепицъ.
- Г—с—в. («Сарат. Листъ» 1880—81 гг.)—С. В. Гусевъ.

**Д.**

- \*Д. («Отеч. Зап.» 70 гг.)—Н. А. Демертъ.
- \*Діонисевъ Д. («Отеч. Зап.» 74 г.)—Д. Л. Мордовцевъ.
- Дмитрій Минъ («Соврем.»)—Д. Д. Минаевъ.
- Докторъ Фрейшпоцъ («Современная медицина»)—Н. С. Лѣсковъ.

<sup>1)</sup> Въ отличіе отъ собранныхъ мною, они отмѣчены \*.

**Е.**

Ев. Б—въ («Труды И. В. Э. Общ.»)—Е. Бубновъ.  
 Е. Г. («Историческій Вѣстникъ»)—Е. М. Гаршинъ.  
 Екатеринославцевъ («Жив. Обзор.»)—Г. Паперъ.

**И.**

Иванъ Апучинъ («Буд.»)—К. М. Станюковичъ.  
 И. Б—въ («Историческій Вѣстникъ»)—И. Д. Вѣловъ.  
 И. Г. («Село и деревня». Каз. 75 г.)—А. И. Герцень.  
 Иксъ («Зритель» и др.)—И. Н. Измайловъ.  
 И. Н. («Ода на взятіе Очакова». Спб. 1790 г. и др.)—Н. С. Ильинскій (?).  
 \*Илецкій Мих. («Соврем.», 62 г.)—М. Л. Михайловъ.  
 \*И. Т. («Спб. Вѣд.» 70 гг.)—И. С. Тургеневъ.  
 Иф...ль («Историч. Вѣстн.»)—В. И. Герье.

**К.**

Каменный Гость («Сар. Лист.»)—И. П. Горизонтовъ.  
 К. В. («Впрж. Вѣд.»)—В. С. Курочкинъ.  
 К. В. М. («Гражд.»)—князь В. Мещерскій.  
 К. Г. (Перев. поэмы Геспера «Авелева смерть». М. 1799 г.)—Г. Н. Коль-  
 чугинъ.

К. Н. В. («Историч. Вѣстн.»)—Е. П. Карновичъ.  
 Касьянъ Ямановъ («Стрекоза» и др.)—Н. А. Лейкинъ.  
 Классикъ («Петерб. Листокъ»)—А. Ф. Ивановъ.  
 Ковшевъ («Стрекоза» и др.)—князь Ф. В. Кугушевъ.  
 Коть Мурлыка («Рус. Мысль», «Нов. Вр.» и др.)—Н. П. Вагнеръ.  
 Красовъ М. И. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.  
 Кр—въ М. («Мысль»)—онъ же.  
 \*Крылова Н. («Сборн. послов. для юнош.». Спб. 59 г.)—Н. Д. Дестунисъ.  
 К—скій В. И. («Сел. Х. и Л.». 1882 г., № 8)—В. И. Ковалевскій.

**Л.**

Ла («Сарат. Лист.»)—М. Ларионовъ.  
 Л. В. («Соврем.» 38 г.)—Я. К. Гротъ.  
 Литанъ («Осколки»)—Г. А. Нивяинскій.  
 Лип. («Осколки» и др.)—Н. А. Лейкинъ.  
 Л....н. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.  
 Л. О. («Мысль»)—онъ же.

**М.**

Максимъ Бѣлинскій (совр. журналы)—И. И. Ясинскій.  
 Марало Иерихонскій («Будильникъ»)—Л. И. Пальминъ.  
 М. В. («Музык. Газ.»)—М. Вильде.  
 М. Г. («От. Зап.»)—М. К. Горбунова.  
 \*Миртовскій («Кам.-Вол. Газ.» 73 г.)—В. К. Лавровскій.  
 Мишла («От. Зап.»)—М. И. Орфановъ.  
 Мих. Н—евичъ («Историч. Вѣстн.»)—В. О. Михневичъ.  
 Морской Н. («Нива» и др.)—Н. К. Лебедевъ.  
 М. П. П.—К. («Дѣт. Отдыхъ» 83 г., № 1)—М. П. Петруша-Колепченко.  
 М. У. А. (Пер. «Молодымъ дѣтямъ наука» Еразма Роттердамскаго. Спб. 1798)—А. Мельгуновъ.



## Н.

- Нарекая Е. («Рус. Вѣстн.» 60 г.)—княгиня Е. Шаликова.  
 \*Н. В. («Справ. Каз. Лист.» 67 г.)—Н. Н. Буличъ.  
 Не стыжусь («Вибл. для Чт.» 60 г.)—А. Θ. Писемскій.  
 Николай Ивановъ («Оса» и др.)—Н. И. Шульгинъ.  
 Нико-Ники («Минута»)—Н. К. Никифоровъ.  
 Н. Л. («Ист. Вѣстн.»)—Н. С. Лѣсковъ.  
 Н. Л. («Журн. ром. и пов.»)—Н. Ланская.  
 Н. М. («От. Зап.»)—Н. Михайловскій.  
 Н. С. («О сущности и значеніи раскола въ Россіи». Спб. 1881 г.)—Н. Субботинъ.  
 Н. С. К. («Историческій Вѣстникъ»)—Н. С. Кутейниковъ.

## О.

- О—ій Л. («Мысль»)—Л. Е. Оболенскій.  
 Ок—цъ С. С. («Лучъ»)—С. С. Окрейцъ.  
 Омудевскій («Жив. Обзор.» и др.)—И. В. Оедоровъ.  
 О—пъ П. («Искра»)—П. А. Ефремовъ.  
 \*Оса («Молва» и др.)—Н. Θ. Баталышъ.  
 Осиповичъ А. («От. Зап.»)—А. О. Новодворскій.  
 Островитянинъ («Спб. Вѣд.» 71 г., № 42)—Я. К. Гротъ.

## П.

- Пассажиръ 2 класса («Спб. Вѣд.» 74 г., № 248)—Я. К. Гротъ.  
 П. В. («Русскій Архивъ»)—П. Бартенева.  
 \*Петербургскій Старожилъ («Рус. Вѣстн.» 74—76 гг. и др.)—В. Н. Бурпашевъ.  
 Праздношатающійся («Пет. Лист.»)—А. А. Соколовъ.  
 Прокошъ («Стрекоза» и др.)—В. А. Прокофьевъ.  
 Протопоповъ М. А. («Дѣло» и др.)—Н. Морозовъ.  
 П. П. («Жив. Обзор.»)—П. Н. Полевой.  
 П. У. («Истор. Вѣстн.»)—П. С. Усовъ.  
 П—цъ (Пер. съ фр. «Заблужд. любви и ума». М. 1802 г.)—А. Сербина.  
 П. Я. («Откликъ». Спб. 1881 г.)—П. Якубовичъ.

## Р.

- Русскій учитель. («Спб. Вѣд.» 1871 г., № 42)—Я. К. Гротъ.

## С.

- С. («Рус. Вѣстн.» 62 г.)—П. И. Мельниковъ.  
 С—въ Θ. («Сарат. Дневн.» 81 г.)—Θ. А. Созоновъ.  
 С. Г. («Рус. совр. дѣятелн». Спб. 1877 г.)—С. Глазенапъ (?).  
 Сергѣй Атава (соврем. журналы)—С. Н. Терпигоревъ.  
 \*Сибирскій казакъ («Древн. и Нов. Рос.» 1876 г.)—С. П. Черепановъ.  
 \*Сибирскій казакъ («Соврем.» 60 г.)—П. А. Типо-Пашино.  
 Скалозубъ (Юмор. журн.)—А. А. Плещеевъ.  
 Слово Глаголь («Сарат. Лист.»)—С. Гусевъ.  
 С. Н. Ш. («Истор. Вѣстн.»)—С. Н. Шубинскій.  
 Старый воробей («Петербург. Листокъ»)—А. Ф. Ивановъ.

## Т.

- Театральный нигилистъ («Пет. Лист.»)—А. А. Соколовъ.  
 Трефовый король («Осколки» и др.)—Л. И. Пальминъ.

## Ф.

Ф. Черниговецъ («Новое Время» и «Петерб. Газета») — О. В. Вишневскій.

## Х.

Х. («Спб. Вѣд.» 71 г., № 196) — Я. К. Гротъ.

## Ш.

Шпажипскій (Театр. піесы) — Н. Везовскій (?).

## Ю.

Юрко Г. («Міръ») — Г. Говоруха-Отрокъ.

## Я.

Я-ій І. («Жив. Обзор.» 81 г.) — І. І. Ясипскій.

Я. К. («Труды И. В. Э. Общ.») — Я. Калинскій.

## Ө.

Ө. В. («Истор. Вѣсти.») — Ө. И. Булгаковъ.

Өеодосѣевецъ («Дѣло» и др.) — Я. Абрамовъ.

Өома Брутъ («Рус. Слово») — Д. Л. Мордовцевъ.

Ө. Т. («Сѣв. Пчела» 62 г.) — Ө. М. Толстой.

## Звѣздочки.

\* \* («Соврем.» 1866 г. «Пѣсни о свободѣ. словѣ») — Н. А. Некрасовъ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что въ изслѣдованіи С. Желѣзняка псевдонимы Н. В. Гоголя («Глечикъ» и «Яновъ») показаны неправильно. Настоящій ихъ видъ, въ какомъ они были напечатаны въ «Литературной Газетѣ» 1831 г. слѣдующій: «Н. Глечикъ» и «Г. Яновъ». Первый псевдонимъ, подписанный подъ отрывкомъ «Учитель» изъ малороссійской повѣсти «Страшный кабацъ», имѣетъ то основаніе, что въ одной изъ появившихся ранѣе повѣстей Н. В. Гоголя, въ «Главѣ» изъ историческаго романа<sup>1)</sup> («Сѣверн. Цвѣты» на 1831 г.), выведенъ дѣйствующимъ лицомъ полковникъ Глечикъ. Псевдонимъ же «Г. Яновъ», употребленный подъ статью «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи», есть очевидно сокращеніе полной фамиліи автора — Гоголь-Яновскій.

Вячеславъ Катеневъ.



<sup>1)</sup> Повѣсть эта имѣетъ въ подписи другой псевдонимъ: ОООО, такъ какъ буква О встрѣчается четыре раза въ имени и полной фамиліи автора.

спокойно шель на встрѣчу лишеніямъ и опасностямъ, которыя ожидали его въ невѣдомыхъ странахъ по ту сторону океана, и готовъ былъ пожертвовать жизнью ради святаго дѣла. Но ему казалось невыносимымъ быть осужденнымъ на бездѣйствіе въ такое время, когда нужно было дорожить каждой минутой, такъ какъ оставался всего годъ времени до исполненія пророчества. Мысль, что быть можетъ ему придется умереть на дорогѣ къ цѣли, никогда не достигнуть ее, наполняла его сердце бессильной яростью и дѣлала раздрожительнымъ и молчаливымъ.

Мануэлла чувствовала къ де Кастро благоговѣніе, смѣшанное съ неопредѣленнымъ страхомъ, такъ что она долго боролась съ собой, прежде чѣмъ рѣшилась заговорить съ нимъ.

— Сеньоръ, сказала она по португальски, обращаясь къ своему молодому родственнику, — благодарю васъ за извѣстія, которыя вы сообщили мнѣ, хотя они глубоко огорчили меня. Теперь я вполне сознаю свое безвыходное положеніе. У меня нѣтъ ни родины, ни отеческаго крова...

Подавленные рыданія заглушили послѣднія слова; Мануэлла не въ состояніи была окончить начатой фразы. Она замолчала и съ замираніемъ сердца ждала отвѣта.

Горе ея было такое искреннее, что могло бы тронуть даже болѣе жестокаго человѣка, нежели живаго и впечатлительнаго де Кастро. Но молодой португалецъ, въ силу своихъ строгихъ принциповъ, закалялъ себя противъ всякихъ человѣческихъ чувствъ и, какъ истый религіозный фанатикъ, въ своемъ неудержимомъ рвеніи, не придавалъ имъ никакого значенія и всегда готовъ былъ пожертвовать ими ради идеи. Люди этого закала, съ своимъ мрачнымъ и ограниченнымъ взглядомъ на жизнь, составляютъ неизбежное явленіе во всѣхъ историческихъ переворотахъ, какъ бы для того, чтобы вызвать въ массѣ сопротивленіе противъ существующаго зла и побудить ее къ борьбѣ. Но сами они неспособны вести борьбу и должны рано или поздно уступить мѣсто другимъ людямъ съ болѣе свободнымъ и свѣтлымъ міросозерцаніемъ, которые будутъ стремиться побѣдить зло оружіемъ разума и дѣйствовать на людей путемъ убѣжденія.

Исаакъ де Кастро такой же неумолимый къ себѣ, какъ и къ другимъ, вмѣсто того чтобы обратиться къ несчастной дѣвушкѣ съ словами утѣшенія, старался еще болѣе усилить упреки ея совѣсти.

— Ты сама заслужила это, сказалъ онъ, не глядя на нее. — Ты забыла первыя обязанности, налагаемыя на насъ религіей, природой и нравственностью и согрѣшила передъ Богомъ, твоимъ народомъ и твоимъ роднымъ отцомъ. Чего можешь ты ожидать послѣ всего этого?

Мануэлла напрасно старалась убѣдить суроваго юношу въ своей правотѣ. Хотя она ни въ чемъ не могла упрекнуть себя, но созна-

ніе, что ее считают виновной, тяжело дѣйствовало на нее и лишило способности ясно выражать свои мысли.

— Не говори мнѣ объ этомъ герцогѣ, прервалъ де Кастро. — Какое значеніе можетъ имѣть въ моихъ глазахъ имя Бокингема! Никто изъ насъ не проститъ тебѣ, что ты вступила въ преступную связь съ чужестранцемъ, притѣснителемъ религій, за которую тысячи твоихъ единовѣрцевъ радостно идутъ на смерть, со времени Маккавеевъ до пышнѣйшаго дня.

— Клянусь тебѣ, возразила Мануэлла, — что я никогда не чувствовала ни малѣйшей любви къ этому человѣку и съ отвращеніемъ оттолкнула его отъ себя.

Исаакъ бросилъ на нее мрачный пристальный взглядъ.

— Кто могъ ожидать, продолжалъ онъ, — чтобы дѣвушка изъ знатнаго дома д'Агоста дошла до такого униженія, что послѣдовала за авантюристомъ, переодѣтая въ мужское платье...

— Да, я действительно рѣшилась на это, чтобы избавиться отъ ненавистнаго брака, но у меня не было иного исхода...

— Достаточно того, что ты рѣшилась на подобный поступокъ! Что принудило тебя къ нему? Ты сдѣлала это добровольно!..

— Если ты видишь ребенка, убѣгающаго отъ грозившей ему опасности, то врядъ-ли тебѣ приходится въ голову, что онъ поступаетъ добровольно. Я думаю, что онъ дѣлаетъ это подѣ влияніемъ страха...

— Я не понимаю къ чему ты говоришь это? спросилъ де Кастро.

— Я хотѣла только доказать тебѣ, что ты напрасно обвиняешь меня! Все мое преступленіе заключается въ томъ, что я считала себя въ правѣ распорядиться своей судьбой. Я думала, что въ моей власти выбрать тотъ или другой путь, но теперь вижу, что должна покориться роковой необходимости.

Де Кастро засмѣялся злобнымъ смѣхомъ.

— Покориться роковой необходимости! повторилъ онъ. — Откуда взялись у тебя эти нечестивыя выраженія, которыя не встрѣчаются въ нашихъ священныхъ книгахъ? Къ несчастью, я уже слышалъ эту самую фразу отъ одного мальчика въ школѣ Менассія бенъ Израэля. Я не разъ говорилъ почтенному раввину и повторяю и теперь, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ этому юношѣ, который рано или поздно причинитъ ему много горя.

Лицо Мануэллы просвѣтлѣло при воспоминаніи о любимомъ другѣ дѣтства. Ей казалось, что она видитъ передъ собой блѣлаго мальчика съ темноглубыми глазами и изящнымъ тонко очерченнымъ лицомъ.

— Я знаю о комъ ты говоришь! воскликнула она. — Я часто видѣла Самуила въ домѣ бенъ Израэля и знаю его съ дѣтства...

— Не говори мнѣ о Самуилѣ! прервалъ съ нетерпѣніемъ де Ка-

стро.—Это разслабленный человѣкъ; онъ считаетъ любовь къ людямъ серьезнымъ дѣломъ!

— Лучше любить людей, нежели ненавидѣть ихъ! воскликнула Мануэлла рѣшительнымъ тономъ, который представлялъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ смиреніемъ, съ которымъ она говорила до этой минуты.—Любовь дѣлаетъ счастливымъ не только того, кто способенъ ощущать ее, но и тѣхъ, къ кому она относится.

— Развѣ человѣкъ созданъ для любви и счастья! воскликнулъ де Кастро.—Таеъ говорятъ безбожники, которые красивыми фразами стараются прикрыть свои нечестивыя дѣла. Приверженцы этого ученія отвергнуты самимъ Богомъ! Мы должны страдать, бороться съ горемъ и лишеніями, чтобы умиловитъ Господа. Время пришествія Мессіи близко, а ты позволяешь себѣ подобныя рѣчи...

— Почтенный раввинъ училъ насъ, что благъ и милосердъ Господъ Богъ и не отвратитъ лица своего отъ насъ, если мы обратимся къ нему.

— Но въ его десницѣ огненный мечъ, которымъ онъ изгналъ нашихъ прародителей изъ рая! Съ нимъ сядетъ онъ на престолѣ Отца Своего, поразитъ грѣшниковъ и уничтожитъ грѣхъ на землѣ; люди будутъ подобны ангеламъ...

— Неужели нѣтъ спасенія для отверженныхъ, воскликнула Мануэлла,—и они ничѣмъ не могутъ умиловитъ гнѣва Господня?

— Ничѣмъ, кромѣ покаянія, возразилъ де Кастро.

— Научи меня, чѣмъ могу я искупить свой грѣхъ? продолжала Мануэлла взволнованнымъ голосомъ.—Я готова принести самую тяжелую жертву, если только близкіе люди не откажутся поддерживать меня своей любовью.

Де Кастро презрительно пожалъ плечами.

— Любовь близкихъ людей! воскликнулъ онъ.—Но ты забываешь, что у тебя нѣтъ больше ни родныхъ, ни близкихъ людей! Ты не существуешь для насъ. Покайся прежде, чѣмъ изъявлять притязаніе, чтобы мы опять признали тебя своею. Не рассчитывай, чтобы другіе послѣдовали примѣру Самуила бенъ Израэля, который защищалъ тебя отъ всѣхъ обвиненій и не переставалъ восхвалять тебя, когда уже никто не рѣшался произносить твоего имени. Юноша этотъ не отличается твердостью религіозныхъ убѣжденій и легко можетъ слѣлаться отступникомъ. Его поддержка не имѣетъ никакого значенія! Тебѣ нѣтъ другаго псхода, какъ вымолить прощеніе у твоего жениха Мигуэля де Ривасъ и у родныхъ за нанесенный имъ позоръ. Ты явишься на судъ раввиновъ, которые произнесутъ надъ тобой приговоръ согласно опредѣленіямъ Талмуда, послѣ чего тебѣ придется публично сознаться въ твоёмъ проступкѣ въ присутствіи всѣхъ твоихъ единовѣрцевъ и вынести то покаяніе, которое будетъ наложено на тебя. Ты...

— Довольно, остановись! воскликнула съ негодованіемъ Ману-



элла.—Этого никогда не будетъ! Мы уже разъ были свидѣтелями возмутительной сцены, когда нашъ несчастный Уріель д'Акоста былъ призванъ на судъ раввиновъ. Легче вынести несправедливость, нежели позоръ! Пусть считаютъ меня виновной, но я никогда не сознаюсь въ небываломъ проступкѣ!.. Мысль, что другъ моего дѣтства не измѣнилъ мнѣ въ то время, какъ всѣ покинули меня, поддерживаетъ мою силу. Я пойду по тому пути, который укажетъ мнѣ Господь...

Въ это время плѣнные, въ сопровожденіи отряда кавалеристовъ, поднялись на холмъ, который былъ единственнымъ въ этой плоской мѣстности, не лишенной своеобразной прелести. Отсюда открывался красивый видъ на ту часть Кембриджскаго графства, гдѣ находился главный городъ. Глубокая рѣчка Кемъ извивалась темной лентой между обширными свѣтлозелеными лугами и осѣнявшими ее ольхами и плакучими ивами. Среди роскошнаго вѣнка парковъ, цвѣтниковъ и густыхъ липовыхъ вершинъ, виднѣлись старыя каменныя башни церквей и коллегій и сѣрыя массы готическихкихъ зданій; вдали подъ голубымъ горизонтомъ тянулась однообразная, поросшая мхомъ пустыня, съ разбѣянными по ней шпицами церквей.

— Моя дорогая миссъ, сказала услужливый корнетъ, подходя къ Мануэллѣ,—вы видите передъ собою городъ Кембриджъ, а тамъ, гдѣ бѣлѣютъ палатки и блеститъ оружіе, расположенъ лагерь парламентской арміи. Теперь взгляните сюда на сѣверо-западъ... это башни собора св. Ильи, а въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда домъ нашего генерала Оливера Кромвеля.

## ГЛАВА VIII.

### Зданія и сады Кембриджа.

Гевитъ выѣхалъ рано утромъ изъ Чильдерлейскаго замка и къ полудню прибылъ въ Кембриджъ.

Хотя это путешествіе могло имѣть роковыя послѣдствія для его будущей жизни и онъ вполнѣ сознавалъ это; но ничто не нарушало его душевнаго спокойствія, чему отчасти способствовалъ видъ знакомыхъ улицъ, съ которыми были связаны воспоминанія о лучшихъ дняхъ его жизни.

Дружелюбно глядѣли на него высокія зданія коллегій, построенныхъ въ разныя времена благочестивыми королями и королевами, имена которыхъ сохранились въ памяти благодарнаго потомства. Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Гевитъ видѣлъ ихъ

въ послѣдній разъ. Но старыя стѣны, башни, монастыри, корридоры съ высокими сводами, фронтоны и выступы, казалось, привѣтствовали его какъ стараго знакомаго; отъ нихъ вѣяло тѣмъ же духомъ тихаго созерцанія и научнаго изслѣдованія.

Но на этотъ разъ болѣе серьезныя цѣли, нежели воспоминанія, привели чильдерлейскаго священника въ Кембриджъ. Не смотря на все свое желаніе, онъ не посѣтилъ коллегіи Пемброкъ, въ которомъ началъ свое первоначальное богословское образованіе, и прямо направился въ одинъ изъ прекрасныхъ парковъ, окружавшихъ зеленью и тѣнью всѣ коллегіи. Это былъ садъ Sidney Sussex; священникъ посѣтилъ сюда въ надеждѣ увидѣть своего друга Герберта, который, по наведеннымъ справкамъ, жилъ у ученаго ректора коллегіи.

Послѣ ночной грозы и дождя въ саду вѣяло прохладой; медленно шелъ одинокій путникъ по пустынной мрачной аллеѣ, между величественными стволами вѣковыхъ деревьевъ, зелень и вѣтки которыхъ образовали высокій сводъ. Лучи полуденнаго солнца съ трудомъ пробивались въ тѣнистую темную аллею, гдѣ царилъ мертвая тишина. Ничто не нарушало размысленія молодаго священника, который весь отдался воспоминаніямъ прошлаго и искалъ свиданія съ другомъ, чтобы поговорить съ нимъ о будущемъ.

Предки Гевиты, нѣкогда богатые суконные фабриканты, мало по малу заняли видное мѣсто среди англійской знати, отчасти по родству съ первыми дворянскими фамиліями, и частью потому, что нѣкоторые изъ нихъ, по милости королей, были возведены въ рыцарское достоинство. Въ царствованіе королевы Елизаветы, главѣ фамиліи Гевитовъ, въ виду особенныхъ оказанныхъ имъ услугъ, пожаловано было дворянство. Впослѣдствіи, многочисленные представители этой фамиліи разсѣялись по различнымъ графствамъ и сдѣлались чуждыми другъ другу; но всѣ они были одинаково воодушевлены преданностью королю и епископальной церкви, которая особенно высказалась во время междоусобной войны. Благодаря этому Гевиты скоро заняли видное мѣсто въ штрафныхъ книгахъ о наложеніи денежныхъ штрафовъ и конфискаціи имущества. Ничто не могло заставить ихъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ, хотя многіе изъ королевскихъ приверженцевъ, видя, что ихъ партія побѣждена, покупали себѣ прощеніе тѣмъ, что признавали ковенантъ и приносили въ магистратѣ «клятву отреченія», съ обязательствомъ вести себя иначе на будущее время.

Джонъ Гевитъ, впослѣдствіи занявшій скромное мѣсто чильдерлейскаго священника, по окончаніи университетскаго курса перешелъ въ Оксфордъ. Онъ видѣлъ, какъ былъ распущенъ парламентъ, отказавшій королю въ наложеніи новыхъ податей, которые были вслѣдъ затѣмъ наложены Страффордомъ помимо парламента, и, какъ послѣ протеста Гемпдена противъ корабельной подати и

смерти Джона Эллиота въ Тоуэрѣ, въ народѣ впервые пробудился духъ сопротивленія. Рядъ несомнѣнныхъ фактовъ долженъ былъ убѣдить его, что іерархическая тиранія Лода, архіепископа кентерберійскаго, еще болѣе усилила это сопротивленіе и придала ей характеръ религіозной борьбы, неизбѣжно ведущей къ фанатизму. Политическій мотивъ съ своими отвлеченными вопросамъ, непонятными для большинства людей, самъ по себѣ никогда не можетъ наэлектризовать массу; необходимо, чтобы къ этому примѣшалась болѣе близкая причина изъ религіозной и соціальной сферы, чтобы привести къ революціи. Такимъ образомъ, благодаря безтактности и неумѣлости лицъ, стоявшихъ во главѣ церкви и государства, все болѣе и болѣе собиравшихся тучи, которыя вскорѣ покрыли всю Англію. Въ это время Джонъ Гевитъ отправился въ С. Ивсъ, гдѣ занялъ должность помощника викарія и исполнялъ ее съ усердіемъ вѣрнаго пастыря епископальной церкви. Онъ упорно боролся противъ наплыва новыхъ идей и отстаивалъ въ проповѣди и въ жизни ученіе, къ которому принадлежалъ по воспитанію и семейнымъ традиціямъ. Ничто не могло поколебать его убѣжденія, что подданный долженъ слѣпо повиноваться помазаннику, назначенному самимъ Богомъ, такъ какъ король отвѣтственъ только передъ Всевышнимъ за способы примѣненія своей власти. Глубоко проникнутый этими принципами, онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы отклонить свою паству отъ увлеченія новыми идеями, хотя недовольство существующими порядками и религіозныя сомнѣнія уже достигли той степени общаго возбужденія, которое грозило потрясти основы всего государственнаго строя. Но молодой священникъ, наблюдая эти опасныя симптомы въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ обществѣ, утѣшалъ себя надеждою, что если король поставитъ во главѣ правленія вполне опытнаго государственнаго человѣка, то послѣдній подавитъ бродячіе элементы возмущенія и восстановитъ прежнее спокойствіе. Одно время надежда эта казалась выполнимою. Графъ Страффордъ, призванный королемъ въ государственный совѣтъ, имѣлъ достаточно силы воли и характера для подобной задачи. Талантливый ренегатъ, примкнувшій къ партіи короля, тѣмъ искуснѣе велъ ея дѣла, что зналъ до малѣйшихъ подробностей положеніе оставленной имъ партіи. На этого человѣка можно было вполне положиться, такъ какъ ему отрѣзаны были всѣ пути къ отступленію, и онъ никогда не покинулъ бы короля, еслибы король на свое несчастіе не предалъ его. Карль I понялъ слишкомъ поздно, въ какой степени опасно для монарха быть въ оппозиціи противъ народа, если онъ не имѣетъ достаточно мужества, чтобы идти на проломъ, и не настолько честенъ, чтобы исполнить обѣщанныя уступки. Почти десять лѣтъ король съ помощью Страффорда управлялъ страной безъ парламента, зная, насколько послѣдній непріязненно относится къ нему. Но вскорѣ у короля

явилась необходимость въ деньгахъ, такъ какъ по поводу церковныхъ дѣлъ онъ легкомысленно раздражилъ шотландцевъ, которые вторглись въ Англію съ оружіемъ въ рукахъ. Прямыхъ послѣдствіемъ этого необдуманнаго шага было созваніе парламента, который, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о субсидіи, потребовалъ головы Страффорда. Карль I пожертвовалъ своимъ вѣрнымъ слугой; но тѣнь несчастнаго Страффорда всюду преслѣдовала его.

Гевитъ, внимательно слѣдившій за ходомъ событій, видѣлъ съ возрастающимъ огорченіемъ, что съ того момента какъ Страффордъ взмошелъ на эшафотъ, дѣла короля приняли еще худшій оборотъ. Но Гевитъ, сторонникъ пассивнаго послушанія, видѣлъ въ поступкѣ Карла I только совершившійся фактъ и не считалъ себя въ правѣ обвинять въ чемъ бы-то ни было своего законнаго властелина. Вскорѣ послѣ того началась междоусобная война; молодой священникъ, отставленный отъ должности за свои «антипуританскія убѣжденія», принялъ приглашеніе чильдерлейскаго баронета, который съ радостью предложилъ мѣсто приходскаго священника въ своей деревнѣ человѣку такой испытанной вѣрности, и, вдобавокъ, пострадавшаго за свою преданность королю.

Тѣмъ не менѣе Гевитъ не былъ фанатикомъ, какъ большинство роялистовъ и членовъ его собственной фамиліи; и, хотя онъ не уступалъ имъ въ твердости убѣжденій, но былъ гораздо логичнѣе ихъ. Онъ ясно понималъ, что король, подписавъ смертный приговоръ Страффорда, вступилъ на путь компромиссовъ, и что теперь для него нѣтъ иного исхода какъ идти неуклонно впередъ въ томъ же направленіи. Пока живъ былъ Страффордъ, представитель иного принципа власти, междоусобная война была немыслима, потому что огонь былъ бы затушенъ во-время. Но со смертью Страффорда было удалено орудіе опоры противъ бури; долго сдерживаемое пламя обратилось въ громадный пожаръ, дикая сила котораго увеличивалась съ каждымъ годомъ. При такихъ условіяхъ, что оставалось королевской власти, лишенной всякихъ средствъ защиты, какъ не принять миръ, предлагаемый побѣдителями! Такъ думалъ Гевитъ, и это мнѣніе казалось ему непреложнымъ, вслѣдствіе доходящихъ до него слуховъ о настроеніи, господствовавшемъ въ парламентской арміи.

Мысль объ опасности, угрожавшей его собственной личности, не приходила ему въ голову. Сердце его было исполнено радостныхъ надеждъ; онъ наслаждался прелестью солнечнаго утра и видомъ знакомыхъ готическихъ зданій. Свѣтъ и тѣнь мѣнялись на его пути; легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листьямъ, навѣвалъ благотельную прохладу.

Гевитъ, дойдя до конца аллеи, увидѣлъ черезъ старыя ворота, служившія выходомъ изъ сада, группу молодыхъ людей, стоявшихъ на лугу передняго двора коллегіи Sidney Sussex. Большинство ихъ

было въ своеобразной средневѣковой одеждѣ, которую до сихъ поръ носятъ студенты, магистры и профессора въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. На нихъ были темные длинные плащи и шляпы съ широкими полями; при этомъ, нѣкоторые отличались отъ товарищей покроємъ и цвѣтомъ платья, смотря по корпораціи, къ которой принадлежали, и мѣсту, какое занимали въ ней. Изъ нихъ только одинъ, стоявшій по срединѣ группы, былъ въ военномъ мундирѣ; красный цвѣтъ котораго рельефно выдѣлялся на свѣтлозеленомъ фонѣ небольшой лужайки, покрывавшей дворъ коллегіи. Гевитъ тотчасъ же узналъ статную фигуру своего друга Франка Герберта, хотя онъ былъ обращенъ спиной къ воротамъ.

Франкъ Гербертъ читалъ взволнованнымъ голосомъ какую-то бумагу, содержаніе которой повидимому дѣйствовало различно на слушателей: въ то время какъ одни казались огорченными и разгнѣванными, другіе съ трудомъ скрывали чувство удовольствія и даже были можетъ извѣстнаго злорадства.

Гевитъ, подойдя ближе, былъ настолько пораженъ печальнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ лица своего друга, что рѣшился прервать чтеніе, несмотря на присутствіе незнакомыхъ для него лицъ.

— Что съ тобой Франкъ? спросилъ онъ съ беспокойствомъ. Объясни мнѣ причину твоего огорченія!

На красномъ мужественномъ лицѣ Герберта появилась мимолетная грустная улыбка. — Ты выбралъ дурное время для нашего свиданія! отвѣтилъ онъ, протягивая обѣ руки своему другу. — Тѣмъ не менѣе я очень радъ видѣть тебя!

— Не въ нашей власти выбирать дни и часы! возразилъ набожный священникъ. — Пути Божіи неисповѣдимы для насъ...

— Позвольте представить вамъ моего друга, достопочтеннаго Джона Гевита, доктора богословія, сказалъ Гербертъ, обращаясь къ присутствующимъ.

Представители ученой корпораціи Sidney Sussex почтительно поклонились молодому священнику. Многіе знали его по имени и симпатизировали ему, какъ вѣрному приверженцу королевской власти, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Карла I. Такимъ образомъ, несмотря на господство новыхъ идей и старанія пресвитеріанскаго правительства привлечь на свою сторону людей другихъ убѣжденій, средневѣковой духъ упорно держался въ старинныхъ англійскихъ университетахъ. Въ первый-же годъ войны парламентъ конфисковалъ серебряную посуду, которую коллегія Trinity намѣривалась послать несчастному королю, чтобы вывести его изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія. Но эта и другія подобныя мѣры устрашенія, равно и дарованныя милости не могли имѣть никакого вліянія на коллегіи, такъ какъ преданность



королевской власти и церкви была неразрывно связана съ ихъ существованіемъ.

— Прощу извинить меня за невольное любопытство, сказалъ священникъ; но если это не тайна, то я желалъ бы знать содержаніе бумаги, которая такъ взволновала всѣхъ васъ.

Лицо Франка Герберта снова опечалилось при этомъ вопросѣ. — Въ этой бумагѣ, отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ, заключается извѣстіе, что, быть можетъ, въ данную минуту Оливеръ Кромвель отведенъ въ Тауэръ!..

Священникъ оцѣмѣлъ отъ ужаса. — Мы всѣ пропали! проговорилъ онъ съ усиленіемъ.

Наступила минута томительнаго молчанія.

— Нѣтъ! воскликнулъ Гербертъ, съ внезапнымъ воодушевленіемъ, — этого никогда не случится! Пока существуетъ армія, мы не можемъ считать себя погибшими, хотя бы намъ пришлось идти вооруженной силой въ Лондонъ и скрыть до основанія это купеческое гнѣздо. Никто не отниметъ у насъ Кромвеля! За каждый волосокъ, который спадетъ съ его головы, дюжины этихъ жалкихъ мясниковъ, торгующихъ ковенантомъ будутъ повѣшены на перекладинахъ ихъ собственныхъ воротъ.

Взрывъ негодованія кромвелевскаго солдата непріятно поразилъ ученыхъ мужей Sidney Sussex'a, которые не безъ удовольствія узнали о предстоящемъ арестѣ чловѣка, приводившаго въ трепетъ всю Англію.

Гербертъ замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное его словами и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Я знаю, господа, что вы держитесь того мнѣнія, что съ удаленіемъ Кромвеля отстранена будетъ опасность грозящая вамъ и вашему дѣлу. Но это совершенно ошибочный расчетъ. Съ именемъ Кромвеля связана будущность Англіи; рано или поздно наступитъ день, быть можетъ, даже черезъ десятки и сотни лѣтъ, и это имя сдѣлается символомъ свободы мысли, вѣроисповѣданія и дѣйствій! Тогда осуществится то, что теперь представляется намъ мертвой буквой; и каждый чловѣкъ, сознавая свои права, станетъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ своего ближняго; богатства націи не будутъ расточаться для поддержанія нелѣпыхъ предразсудковъ, обманщикъ не станетъ насыщаться потомъ и кровью обманутаго! Люди поймутъ, что послѣднее слово религіи—вѣротерпимость и произнесутъ съ благодарностью имя Кромвеля; быть можетъ вспомнятъ они и о тѣхъ, которые вѣрно служили ему и готовы были умереть вмѣстѣ съ нимъ за правое дѣло. Радуйтесь паденію Кромвеля, господа! Но помните, что ваши средневѣковыя традиціи отжили свой вѣкъ и ихъ постигнетъ та же участь, какъ ваши пергаменты, которые покроются пылью и развѣ только изслѣдователь или антикварій прикоснется къ нимъ...

— Остановись, другъ мой, сказалъ священникъ, — ты забываешь, что подобныя рѣчи неумѣстны въ стѣнахъ старой коллегіи Sidney Sussex! Зачѣмъ заставлялъ ты меня выслушать все это въ присутствіи этихъ почтенныхъ господъ? Ты говоришь о будущемъ, намъ принадлежитъ прошлое; и мы можемъ требовать, чтобы ты относился къ нему съ уваженіемъ! То блаженное время, которое ты описываешь такими розовыми красками — не болѣе какъ миражъ, созданный твоей фантазіей. Мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ; въ пользу нашихъ взглядовъ свидѣлствуетъ исторія!

— Ты противорѣчишь самому себѣ! возразилъ Франкъ Гербертъ. Не ты ли самъ говорилъ мнѣ въ Чильдерлеѣ, что мы не для того изучаемъ исторію, чтобы подражать прошлому.

— Я готовъ повторить это и теперь, сказалъ священникъ; мы вовсе не должны подражать прошлому; но горе намъ, если мы не захотимъ воспользоваться уроками исторіи. Въ природѣ не существуетъ скачковъ и случайностей, и поэтому нѣтъ никакого основанія допустить ихъ въ органическомъ развитіи человѣчества. Мнѣ кажется, что главная задача государственнаго человѣка изучить историческія условія даннаго момента, понять стремленія и нужды народа и направить его къ опредѣленной цѣли. Мечтами нельзя передѣлать міръ, а государственный человѣкъ, на котораго надѣются всѣ благомыслящіе люди страны, слишкомъ ясно видитъ свое призваніе, чтобы дѣйствовать по вдохновенію тамъ, гдѣ нужно принимать въ расчетъ только факты.

— Принимать въ расчетъ! повторилъ Гербертъ съ ироническимъ смѣхомъ. Предоставь подобный способъ дѣйствій пресвитеріанскимъ торгашамъ!..

— Тебѣ извѣстно, продолжалъ священникъ, не обращая вниманія на замѣчаніе своего друга, — какого я высокаго мнѣнія о генералѣ Кромвелѣ. Онъ привыкъ въ битвахъ взвѣшивать силы непріятеля, а не разсчитывать на слабость враговъ по примѣру нашей партіи. Тотъ же умъ и осторожность примѣнитъ онъ и къ управленію государствомъ и никогда не рѣшится отвергать дѣйствительность, когда факты налицо. Каменные башни и стѣны этихъ могущественныхъ зданій переживутъ всѣхъ насъ и дождутся лучшаго времени. Молодые поколѣнія, воспитанныя въ старыхъ коллегіяхъ вооруженныя вѣрой и знаніями будутъ продолжать борьбу противъ нарушителей общественнаго спокойствія. Эта борьба, начатая въ дни испытанія, кончится тѣмъ, что рано или поздно всѣ снова вернутся къ истинной религіи и къ прежнимъ порядкамъ.

Ученые мужи Sidney Sussex'a выслушали рѣчь священника съ видимымъ сочувствіемъ, между тѣмъ какъ Франкъ Гербертъ захохоталъ злобнымъ смѣхомъ и выступилъ впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ возражать своему другу.

Но священникъ поспѣшилъ увести его изъ боязни, чтобы онъ

не возбудилъ неудовольствія въ своихъ слушателяхъ и не наговорилъ такихъ вещей, которыя будетъ неловко выслушать и ему самому, какъ представителю епископальной церкви. Поэтому онъ напомнилъ Герберту его обѣщаніе сообщить нѣкоторыя подробности о Кромвеллѣ.

— Да, правда, но намъ удобнѣе будетъ бесѣдовать въ моей комнатѣ, сказалъ Гербертъ, сдѣлавъ легкій поклонъ студентамъ, которые вслѣдъ затѣмъ разошлись по саду и по галлереймъ коллегіи Sidney Sussex.

## ГЛАВА IX.

### Двѣнадцатый часъ.

Франкъ Гербертъ повелъ своего гостя черезъ тѣнистый дворъ къ той части зданія коллегіи, гдѣ находилась «master's lodge», что, въ переводѣ на современный языкъ, можно было бы назвать «казенной квартирой ректора».

Изъ множества обширныхъ и величественныхъ коллегій, припадающихъ до сихъ поръ средневѣковой характеръ городу Кембруджу, Sidney Sussex едва ли не самая незначительная по своимъ размѣрамъ, но безусловно наиболѣе красивая и изящная. Хотя здѣсь нѣтъ: ни архитектурнаго богатства Trinity College, ни великолѣпнаго фасада, остроконечныхъ арокъ и капеллъ King's College, но тѣмъ не менѣе Sidney Sussex представляетъ своего рода красоту, какъ прекрасный образецъ позднѣйшаго готическаго стиля, достигшаго наибольшаго совершенства во времена Тюдоровъ. Стройныя пилястры, кровли со шпичами, зубцы, укращающіе стѣны, сводообразныя двери и окна настолько характерны и изящны, что глазъ зрителя съ особеннымъ удовольствіемъ останавливался на нихъ.

Оба двора, отдѣленные стѣной отъ улицы, расположены рядомъ, а не одинъ за другимъ, какъ въ вышеупомянутыхъ коллегіяхъ. занимающихъ болѣе обширное пространство земли. Равнымъ образомъ, соотвѣтственно характеру всего зданія, они проще, уютнѣе и меньшихъ размѣровъ.

Пріятели вышли на лѣвый дворъ и поднялись по каменной лѣстницѣ, ведущей изъ сѣней въ верхній этажъ квартиры ректора, гдѣ Франкъ Гербертъ занималъ лучшую и самую просторную комнату. Почтенный ректоръ не охотно уступилъ ее кавалерійскому полковнику, но, повинаясь высшимъ властямъ, принялъ любезно непрошеннаго гостя и употребилъ всѣ усилія, чтобы окружить его возможнымъ комфортомъ. Франкъ со своей стороны сдѣ-

лалъ все, отъ него зависящее, чтобы избавить хозяина отъ неудобствъ и непріятностей, связанныхъ съ военнымъ постоемъ. Съ свойственною ему вѣжливостію онъ благодарилъ за каждую оказанную ему услугу, избѣгалъ всего, что могло нарушить порядокъ дома; и при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалъ, насколько онъ доволенъ тѣми удобствами, какія были доставлены ему.

Комната его была украшена дубовой рѣзной мебелью, прекрасными картинами, коврами, книгами въ богатыхъ переплетахъ и другими предметами роскоши. Деревья, растущія подъ окномъ, доставляли тѣнь и прохладу до поздняго вечера; все располагало здѣсь къ тихой созерцательной жизни и научнымъ занятіямъ. Но то и другое было немыслимо для Франка Герберта при настоящихъ условіяхъ.

Извѣстія, полученные изъ Лондона, настолько взволновали его, что онъ, еще не входя въ домъ, началъ рассказывать о нихъ священнику, которому стоило много труда успокоить его и удержать отъ новыхъ взышекъ гнѣва.

— Я давно предвидѣлъ это! сказалъ Гербертъ, нетерпѣливо расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и обращаясь къ священнику, который сѣлъ въ одно изъ высокихъ креселъ, обитыхъ кожей. — Мы должны были заранѣе принять противъ этого мѣры. Злоба между лицомѣрными пресвитеріанами и арміей достигла той степени, гдѣ примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Я не даромъ сказалъ послѣ нашей послѣдней побѣды: «Употребимъ въ дѣло наше оружіе, пока они не отняли его отъ насъ!» Опытъ показалъ, что мы ждали слишкомъ долго!..

Священникъ молча слушалъ своего друга, между тѣмъ какъ тотъ продолжалъ съ возрастающимъ волненіемъ:

— Ты слишкомъ хорошо знаешь меня Джонъ, и не подумаешь, чтобы я сталъ защищать военный деспотизмъ; мнѣ онъ также ненавистенъ, какъ и всякій другой! Государство, которое мы стремимся создать, должно имѣть конечною цѣлью полное подчиненіе военныхъ силъ гражданской власти. Но я считаю глупцами тѣхъ, которые добровольно отдаютъ свой мечъ, чтобы ихъ побили собственнымъ оружіемъ. Мы находимся пока на военномъ положеніи; и пусть будетъ лучше война, нежели такой миръ, который лишитъ насъ плодовъ пролитой крови. Вмѣсто побѣжденнаго Карля I могутъ явиться въ будущемъ пятьсотъ новыхъ тирановъ! Наша армія—послѣдній оплотъ свободы, и поэтому ханжи, присвоившіе себѣ власть въ Вестминстерѣ, употребляютъ все усилія, чтобы уничтожить ее. Они не пренебрегаютъ никакими средствами для достиженія своей цѣли. Намъ хотятъ отпавить въ Ирландію, а нашего военачальника запереть въ Тауэръ! Между прочимъ, отданъ приказъ распустить лучшій корпусъ и намъ запрещено приближаться къ столицѣ, ближе чѣмъ на разстояніе пяти миль. Но эти

господа, заседающіе въ парламентѣ забываютъ, что мы, солдаты, такіе же делегаты и слуги парламента, какъ и они сами. Всѣмъ извѣстно, что они хотятъ въ тайнѣ заключить миръ съ королемъ, и сдѣлать изъ насъ искупительную жертву соединенной мести ихъ обонхъ.

— Король никогда не заключить подобнаго мира, возразилъ Гевитъ.

— Не напоминай мнѣ объ этомъ человѣкѣ; онъ не существуетъ для меня съ тѣхъ поръ, какъ опубликована его переписка съ врагами Англіи! Твой король слѣдуетъ правилу Макіавелли, что «каждый государь долженъ дѣйствовать обратно тому, что говорить».

— Тѣмъ не менѣе, сказалъ Гевитъ, мнѣ положительно извѣстно, что съ нѣкотораго времени между королемъ и арміей существуютъ дѣятельныя сношенія.

— Я считаю государственной измѣной самую мысль вступить въ переговоры съ Карломъ I при какихъ-бы то ни было условіяхъ.

— Но на сторонѣ короля двѣ значительныя партіи: роялисты и пресвитеріане, которые готовы изъ за этого заключить между собою союзъ. Они составляютъ большинство націи.

— Нація не имѣетъ никакихъ политическихъ убѣжденій и не принадлежитъ ни къ какой партіи, но обыкновенно присоединяется къ которой либо изъ нихъ. Если меньшинство сознаетъ, что правда на его сторонѣ, то оно можетъ принудить большинство принять его мнѣніе.

— Значитъ ты хочешь дѣйствовать съ помощью террора!

— Да, отчасти, потому что считаю это неизбѣжнымъ въ виду общаго блага. Никто добровольно не отказывается отъ своихъ привилегій и самостоятельности; нужно насильно принудить его къ этому.

— Но почему не сдѣлать попытку устроить дѣло миролюбивымъ способомъ?

Гербертъ печально улыбнулся.

— Это не такъ легко, какъ ты думаешь! сказалъ онъ. — Я хорошо знакомъ съ нашей арміей; если король, по своему обыкновению, вздумаетъ нарушить принятыя относительно нея обязательства, то его гибель неизбѣжна... Но не въ этомъ дѣло... Теперь двѣнадцатый часъ. Быть можетъ въ данную минуту, пока мы разсуждаемъ со тобой о будущности, наша участь уже рѣшена. Послѣдній разъ, когда нашъ генералъ отправился въ Лондонъ чтобы снова занять свое мѣсто въ парламентѣ, мы умоляли, чтобы онъ позволилъ арміи сопровождать его. Но онъ поѣхалъ одинъ и велѣлъ намъ исполнять безпрекословно предписанія парламента. Между тѣмъ вчера назначенъ особый комитетъ и ему поручено распустить армію; и даже носится слухъ, что рѣшено арестовать Кромвеля!..



Въ комнатѣ наступила мертвая тишина. Священникъ, погруженный въ размышленія, ничего не возражалъ своему другу.

— Быть можетъ, продолжалъ Гербертъ, прерывая молчаніе,— Кромвель уже отведенъ въ Тоуэръ... Я съ ужасомъ думаю о послѣдствіяхъ...

Въ это время послышался сильный стукъ въ дверь. Гербертъ отворилъ ее и увидѣлъ передъ собой унтеръ-офицера своего полка.

— Что случилось? спросилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Какой-то человѣкъ пришелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ синода; онъ говоритъ, что дѣло спѣшное...

Гербертъ менѣе чѣмъ когда нибудь былъ расположенъ принять посланнаго ненавистной для него власти. Но, исполняя должность коменданта въ Кембриджѣ, онъ не считалъ себя въ правѣ отклониться отъ своей прямой обязанности.

— Позови его сюда! сказалъ онъ. Но скажи ему, что я занятъ и не могу долго бесѣдовать съ нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ худощавый человѣкъ, въ одеждѣ пресвитеріанскаго покроя, съ ушами, торчащими изъ-подъ обстриженныхъ волосъ, и въ длинной остроконечной шляпѣ, далеко не украшавшей его. Войдя въ комнату онъ униженно поклонился и, снявъ шляпу, началъ вертѣть ее своими худыми, крючковатыми пальцами.

Священникъ сталъ перелистывать книгу, чтобы не мѣшать вошедшему своимъ присутствіемъ.

— Кто вы такой? спросилъ Гербертъ, пристально вглядываясь въ непріятную фizioномію пуританина, которая показалась ему знакомою.

— Я считаю хорошимъ знакомъ, что вы не узнали меня! отвѣчалъ посланный церковнаго суда, смиреннымъ, медоточивымъ голосомъ.— Дѣйствительно, со времени нашего послѣдняго свиданія я измѣнился не только по внѣшности, но и переработалъ себя внутренно. Въ писаніи сказано, «что сила Господа нашего будетъ съ ищущими Его во всякомъ добромъ предпріятіи...»

— Оставьте въ покоѣ священное писаніе! прервалъ Гербертъ.— Я не имѣю никакого желанія выслушивать библейскія цитаты, которыми любите щеголять ваша братія; и вы напрасно тратите ваше краснорѣчіе!

— Тѣмъ не менѣе я обязанъ вамъ, господинъ полковникъ, что переѣмилъ бѣлую одежду мельника на эту черную рясу, отказался отъ всякой мірской похоти и обратился къ Богу. Мы видимъ, что анстъ и горлица, журавль и ласточка...

— Убирайтесь къ чорту съ вашими розказнями объ анстахъ и горлицахъ! воскликнулъ съ нетерпѣніемъ Гербертъ.— Объясните въ короткихъ словахъ, что вамъ нужно, или, клянусь честью, я...

Посланный отступилъ въ ужасъ.

— Боже мой, какъ выражается этотъ человѣкъ! сказалъ онъ,

сложивъ набожно руки на груди. — Неужели я долженъ слышать подобныя рѣчи отъ христіанина! Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы господинъ полковникъ не зналъ, что объ этихъ птицахъ упоминается въ книгѣ, о которой сказано...

— Пусть будетъ написано о нихъ гдѣ угодно, но если вы тотчасъ же не скажете, кто вы и что вамъ нужно отъ меня, то я прикажу вытолкать васъ отсюда!..

Съ этими словами Гербертъ указалъ на вооруженнаго унтеръ-офицера, стоящаго у дверей.

Негодование благочестиваго пуританина замѣнилось страхомъ; прежняя самоувѣренность исчезла и онъ отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Моя фамилія Пиккерлингъ!

— Теперь я припоминаю, при какихъ обстоятельствахъ я встрѣтилъ васъ и долженъ сказать, что вы самый отвѣренный негодяй, который когда-либо существовалъ на свѣтѣ!

Хладнокровный, презрительный тонъ, какимъ Гербертъ произнесъ послѣднія слова, смутили бы всякаго человѣка, который менѣе привыкъ къ подобнымъ привѣтствіямъ, чѣмъ бывшій чилъдерлейскій мельникъ.

Священникъ, услыхавъ имя Пиккерлинга, положилъ книгу и подошелъ ближе.

— Узнаете-ли вы его? продолжалъ Гербертъ, указывая на своего друга. — Не напоминаетъ-ли онъ вамъ черную пзмѣну, которую вы позволили себѣ относительно вашего прежняго господина? Надѣюсь, мнѣ не нужно объяснять вамъ, кто онъ!

— Мнѣ-ли не знать господина священника! возразилъ Пиккерлингъ съ плохо скрываемымъ злорадствомъ. — Не далѣе какъ черезъ полчаса онъ долженъ будетъ предстать передъ духовнымъ судомъ, который уже собрался въ залѣ городской ратуши.

— Презрѣнная тварь! воскликнулъ Гербертъ, не помня себя отъ бѣшенства. — Я убѣжденъ, что это твое дѣло!

— Не отрекаюсь, отвѣтилъ Пиккерлингъ, — что въ настоящемъ случаѣ я былъ недостойнымъ орудіемъ въ рукахъ Господа и только исполнилъ свою обязанность, какъ вѣрный слуга великаго лондонскаго синода, удостоившася призвать меня въ свидѣтели противъ осквернителя святыни, который былъ какъ бѣльмо на глазу для каждаго благочестиваго христіанина!

При этихъ словахъ стоявшій у дверей солдатъ сдѣлалъ невольное движеніе и едва не выронилъ изъ рукъ ружье, которое съ шумомъ опустилось на полъ.

— Ты правъ, пріятель! сказалъ Гербертъ, обращаясь къ своему подчиненному, — честнымъ людямъ неприлично слушать такія рѣчи! Затѣмъ, бросивъ презрительный взглядъ на пуританина, онъ добавилъ: — Если вамъ нужно еще что нибудь сказать мнѣ, то совѣ-

тую поторопиться. Каждое сказанное вами лишнее слово послужить мнѣ предлогомъ избавиться отъ вашего присутствія.

Лицо Пиккерлинга сохранило прежнее выраженіе смиренной покорности, но въ то же время отвратительная торжествующая улыбка, не сходившая съ его губъ, ясно показывала, что бывшій мельникъ вполне сознавалъ свою силу. Онъ положилъ свою шляпу на полъ и, осторожно вынувъ изъ бокового кармана бумагу, медленно развернулъ ее.

— Вотъ приказъ объ арестѣ, сказалъ онъ. — Синодальный судъ въ Кембриджѣ проситъ васъ, какъ исполняющаго должность городского коменданта, утвердить эту бумагу вашей подписью, такъ какъ мы все еще находимся на военномъ положеніи.

— Дай Богъ, чтобы оно продлилось возможно долѣе! воскликнулъ Гербертъ. — Если военное положеніе будетъ снято, то всѣмъ честнымъ людямъ придется плохо отъ этихъ негодяевъ...

Гербертъ остановился, потому что въ эту минуту онъ почувствовалъ руку священника на своемъ плечѣ.

Пиккерлингъ, видя смущеніе своего противника, продолжалъ самоувѣреннымъ тономъ: — Дѣйствительно, мы находимся пока на военномъ положеніи, но, судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Лондона, мы завтра же избавимся отъ него. Въ виду этого, господинъ полковникъ, вы можете смѣло оказать услугу духовнымъ властямъ, тѣмъ болѣе, что ваша прямая выгода остаться съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало дожидаться прибытія курьера изъ Лондона, прежде чѣмъ взять на себя подобное порученіе, но долгъ христіанина обязываетъ насъ прощать врагамъ, и, вдобавокъ, дѣло спѣшное.

Съ этими словами Пиккерлингъ подалъ бумагу Франку Герберту, который съ трудомъ сдерживалъ свой гнѣвъ.

— Кто эта дѣвушка, о которой говорится тутъ? свросилъ онъ, бросивъ бѣглый взглядъ на бумагу.

— Вѣроятно вы желаете знать, какой она религіи! замѣтилъ Пиккерлингъ. — Но очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Быть можетъ, она папистка или пожалуй нѣчто худшее.

— Какое мнѣ дѣло до этого, а также синоду! Надѣюсь, что синодъ не обратится въ судилище еретиковъ и не заставитъ англійскаго офицера исполнять роль инквизитора!

— Вопросъ не въ одной религіи; но съ этимъ связаны и другія обвиненія! возразилъ Пиккерлингъ. — Доказано, что эта особа замѣшана въ роялистическомъ заговорѣ. Она пріѣхала сюда переложивъ на шею изъ южныхъ странъ, гдѣ господствуетъ римское идолопоклонство и должна была передать письмо нечестивой женщины къ ея мужу, который въ настоящее время членъ парламента и содержится въ Гольмби. Это измѣнническое письмо, недавно прочитанное во всеуслышаніе на улицѣ Guildhall'я было до-

ставлено на мѣсто назначенія герцогомъ Бокингемомъ, между тѣмъ какъ упомянутая особа, пораженная гнѣвомъ Божиимъ, упала съ лошади въ лѣсу, такъ что ее подняли за-мѣртво. Но всего замѣчательнѣе то, что одинъ баронетъ, принадлежащій къ числу злоумышленниковъ, помогалъ пзмѣнникамъ и даже пріютилъ ихъ въ своемъ замкѣ, чѣмъ навлекъ на себя справедливую кару не только со стороны націи, но и отъ самого Бога. Въ виду всего этого, я, Пиккерлингъ, возведенный въ настоящую должность милостью Господа нашего, выступилъ въ качествѣ обвинителя противъ этой дѣвушки, которая какимъ-то чудомъ опять попала въ наши руки. Ее привезли сюда рано утромъ вмѣстѣ съ транспортомъ плѣнныхъ изъ Кентфорда...

— Подлый доносчикъ! воскликнулъ Гербертъ, схвативъ за плечо пуританина. — Какъ осмѣлился ты явиться сюда и разсчитывать на мое содѣйствіе!

Негодование Герберта было тѣмъ сильнѣе, что въ его памяти проснулось воспоминаніе о сценѣ въ Лонгстовскомъ лѣсу. Въ то время какъ въ ушахъ его все еще раздавались слова лицемеръ, воображеніе настойчиво рисовало ему граціозный образъ бѣлокурой дочери баронета.

— Я думаю, господинъ полковникъ хорошо помнитъ всѣ обстоятельства этого дѣла? замѣтилъ вкрадчиво Пиккерлингъ, употребляя напрасныя усилія, чтобы освободиться отъ сильной руки, приковавшей его къ мѣсту.

— Да, я все помню, на твоё нестастіе, предатель! сказалъ Гербертъ, отталкивая съ презрѣніемъ пуританина, который, чувствуя себя на свободѣ, поспѣшно удалился къ двери.

Гербертъ еще разъ пробѣжалъ глазами бумагу, написанную по латыни. Приказъ объ арестѣ относился къ особѣ, носившей имя Мануэллы. Онъ вспомнилъ блѣдное красивое лицо съ темными глазами.

— Дѣвушка эта ни въ чемъ не виновата, Франкъ, сказалъ священникъ.

— Еслибъ я и помимо этого не былъ убѣжденъ въ ея правотѣ, возразилъ Гербертъ, то изъ словъ этого негодяя пришелъ бы къ заключенію, что онъ напрасно обвиняетъ ее!

— Она прожила около двухъ лѣтъ въ Чилдерлейскомъ замкѣ и подружилась съ Оливіей, и только несчастное событіе, о которомъ я сообщу тебѣ, заставило ее покинуть домъ баронета.

— Въ такомъ случаѣ я буду вдвойнѣ заботиться о безопасности этой дѣвушки, и очень радъ, что мнѣ приходится вторично защищать ее!

Пиккерлингъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ разслышать бесѣды двухъ пріятелей, такъ какъ они говорили вполголоса, но въ то же время, по свойственной ему трусости, не рѣшился подойти ближе.

— Позвольте васъ спросить, господинъ полковникъ, сказали онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — что мы будемъ дѣлать съ молодой особой, которую синодъ намѣренъ предать суду?

— Армія беретъ ее подъ свое покровительство.

— А приказъ объ арестѣ?

— Онъ будетъ уничтоженъ! сказали Гербертъ и, разорвавъ бумагу, бросилъ ее на полъ.

— Быть можетъ, вы желали бы такимъ же способомъ уничтожить ковенантъ!.. Но воля Всевышняго рѣшила иначе! Въ писаніи сказано: Господь—имя Тебѣ: сокруши же ихъ крѣпость силою Твоею и уничтожь ихъ сплу гнѣвомъ Твоимъ!.. Увидимъ, долго-ли вы будете кичиться вашимъ Кромвелемъ и вашей арміей!..

Пиккерлингъ произнесъ послѣднія слова сквозь зубы и затѣмъ, подобравъ съ полу клочки разорваннаго приказа, поспѣшно удался изъ боязни новой вспышки гнѣва со стороны Герберта.

Едва замолкъ шумъ его шаговъ по каменной лѣстницѣ, какъ на сосѣдней башнѣ пробило двѣнадцать часовъ.

— Пора! сказали священникъ, — я долженъ явиться въ синодальный судъ!

— Прощай, Джонъ, сказали Гербертъ, — надѣюсь, что ты зайдешь ко мнѣ по окончаніи засѣданія.

## ГЛАВА X.

### Передъ судомъ.

Допросъ продолжался недолго и происходилъ тѣмъ способомъ, какой можно было предвидѣть. Священникъ велъ себя съ достоинствомъ, сообразно своему сану, на всѣ вопросы давалъ опредѣленные отвѣты, но тщательно избѣгалъ объясненій, которые относились къ убѣжденіямъ, а не къ фактамъ. Ему было извѣстно, что духовные суды, имѣя въ виду назиданіе публики, присутствовавшей на ихъ засѣданіяхъ, пользовались послѣдними для различныхъ ученыхъ состязаній. Поэтому допросъ нерѣдко принималъ характеръ богословскаго диспута двѣнадцати человекъ противъ одного и, въ случаѣ недостатка въ доводахъ, кончался безапелляціоннымъ приговоромъ судей.

Судъ, на этотъ разъ, согласно пресвитеріанскому обычаю, состоялъ не только изъ духовныхъ лицъ, но и изъ мірянъ, которые въ такой же степени любили богословскіе споры. Изъ числа послѣднихъ, особенно выдавался одинъ пожилой человекъ съ посѣдѣвшими волосами и бородой, который чаще другихъ судей преры-



валъ засѣданія различными вопросами, немѣющими прямого отношенія къ дѣлу. Онъ принадлежалъ къ цеху портныхъ въ лондонскомъ Сити, всегда пользовался репутаціей богобоязненнаго человека; всѣ его кліенты были набожные люди, и даже платья и шляпы, выставленныя имъ на продажу, были пресвитеріанскаго покроя. Частые посты истощили его тѣло, а рядъ штрафовъ значительно уменьшили его состояніе. Звѣздная камера упорно преслѣдовала благочестиваго портнаго, игравшаго видную роль среди приверженцевъ ковенанта, тѣмъ болѣе, что онъ составлялъ комитеты для поддержки странствующихъ проповѣдниковъ и дѣлалъ все, чтобы угодить Богу, но не правительству. Онъ былъ изъ первыхъ пострадавшихъ за права парламента, и теперь, пользуясь благопріятной для него переменною обстановкою, старался вознаграждать себя милостію согражданъ за все то, что ему пришлось вынести отъ прежняго правительства. Его выбрали сначала на должность альдермана въ Лондонѣ, но такъ какъ его вліяніе въ общинѣ все болѣе и болѣе усиливалось, то его вскорѣ назначили депутатомъ отъ Сити въ собраніе богослововъ. Въ это время лондонскій Сити былъ главнымъ оплотомъ пресвитеріанства и неизмѣнно держался стороны парламента, гдѣ пресвитеріане составляли большинство. Хозяева ремесленныхъ заведеній снабжали оружіемъ своихъ учениковъ и подмастерьевъ и заставляли ихъ агитировать въ свою пользу среди уличной толпы. Благодаря крику и скандаламъ, которые они устраивали на дворахъ Вестминстера, не разъ случалось, что билль, исходъ котораго казался сомнительнымъ, рѣшался въ пользу ихъ хозяевъ; съ ихъ же помощію принято было рѣшеніе арестовать Кромвеля.

Бывшій портной принималъ самое дѣятельное участіе въ подобныхъ дѣлахъ, и его вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ строже многихъ другихъ своихъ собратій придерживался постановленій пресвитеріанской церкви. Мы не можемъ сказать въ точности на сколько онъ воздерживался отъ мясныхъ паштетовъ, знаменитыхъ «mint's pies» и «plumpudding», жирныхъ гусей и свинины, составлявшихъ неизбѣжную принадлежность Рождественскаго праздника у пресвитеріанцевъ старой епископальной церкви. Но одно несомнѣнно, что онъ, подобно Донъ-Кихоту, далъ обѣтъ не бриться до тѣхъ поръ, пока окончательно не восторжествуетъ дѣло парламента и пресвитеріанства. Поэтому борода пуританина была сильно включена и придавала далеко не ласковое выраженіе его длинному худощавому лицу, съ острымъ носомъ, костлявымъ лбомъ и густыми сѣдыми бровями.

Священникъ долженъ былъ вынести рядъ нападеній отъ этого члена богословскаго собранія, инквизиторскій взглядъ котораго былъ постоянно устремленъ на него, между тѣмъ, какъ на тонкихъ губахъ появлялись все новые вопросы.

Между прочимъ, его спрашивали: извѣстно-ли ему, что епископальная литургія отмѣнена съ января 1645 года, что молитвенникъ, называемый «the book of common prayer» запрещенъ и замѣненъ новымъ и уничтожено коленнопоклоненіе, покровъ на алтарѣ и епископальная одежда?

Подсудимый отвѣтилъ утвердительно на эти вопросы.

— Тѣмъ не менѣе, замѣтилъ предсѣдатель собранія, — въ чилдерлейской церкви все осталось въ прежнемъ видѣ! Почему господину священнику не угодно было послѣдовать постановленію 1646 года, которымъ, по примѣру Шотландіи, во всей Англіи учреждены были классы, синоды и генеральныя собранія?

— Потому, что въ дѣлахъ церкви я слѣдую только тому, что мнѣ предписываетъ совѣсть! возразилъ священникъ.

Депутатъ Сити многозначительно покачалъ головой, но предсѣдатель прервалъ его съ первыхъ же словъ и продолжалъ допросъ.

— Извѣстно ли господину священнику, что за подобныя поступки виновный подвергается отрѣшенію отъ должности?

— Да, и я готовъ на это! возразилъ подсудимый.

— Но я всетаки считаю своимъ долгомъ, какъ предсѣдатель суда, замѣтить вамъ, что отказъ въ данномъ случаѣ влечетъ за собой не одну только временную кару. Поэтому не угодно ли вамъ будетъ обдумать свое рѣшеніе; быть можетъ, послѣ зрѣлаго размышленія, вы пожелаете примириться съ Богомъ и націей и заявите намъ о своемъ согласіи вступить въ ковенантъ!

Бывшій портной нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ допросъ, и, не дожидаясь отвѣта священника, обратился къ судьямъ съ замѣчаніемъ, что не мѣшало бы объяснить подсудимому значеніе ковенанта, чтобы онъ зналъ въ точности, чего требуютъ отъ него.

Предсѣдатель кивнулъ головой въ знакъ согласія, и благочестивый депутатъ Сити началъ гнусливымъ голосомъ:

— Въ тѣ времена, когда король, подстрекаемый архіепископомъ Лодомъ, этимъ высокоумнымъ служителемъ Ваала, вздумалъ вмѣшаться въ церковныя дѣла Шотландіи, весь народъ поднялся какъ одинъ человекъ и составилъ великій союзъ. Всѣ клялись стоять братъ за брата и помогать другъ другу, пока не водворится истинная вѣра и не будутъ восстановлены ея святыя права. Шотландцы взяли за оружіе и вступили на почву Англіи. Это былъ моментъ, когда разоренная, уничтоженная, преслѣдуемая церковь, подняла голову и простерла руки къ Всевышнему. Господь предалъ враговъ въ руки наши, теперь воздвигнуты дома Божій на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде приносились жертвы идоламъ... Между шотландцами и англичанами, послѣдователями истиннаго ученія, заключенъ союзъ на вѣчныя времена или такъ называемый ковенантъ и издано постановленіе чтобы всѣ духовные и міряне приняли его, если хотятъ пользоваться милостями церкви и госу-

дарства... Въ заключеніе я просилъ бы, для подтвержденія моихъ словъ, сдѣлать распоряженіе, чтобы подсудимому быть прочитанъ ковенантъ.

По приказанію предсѣдателя секретарь всталъ съ мѣста и, развернувъ длинный свертокъ пергамента, испещренный безчисленными подписями, прочелъ текстъ ковенанта:

«Мы нижеподписавшіеся, дворяне, бароны, рыцари, джетльмены, граждане, должностныя лица, служители алтаря и представители общинъ въ королевствахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, клянемся, что

«Во первыхъ, мы дѣйствительно, отъ чистаго сердца и неизмѣнно станемъ заботиться о томъ, чтобы съ Божіею помощію поддерживать реформатскую религію шотландской церкви въ различныхъ мѣстахъ нашего жителства и при всякаго рода занятіяхъ, въ преподаваніи, богослуженіи, воспитаніи и управленіи, а также будемъ защищать ее противъ нашихъ общихъ враговъ и пр.

«Во вторыхъ, что мы равнымъ образомъ безъ всякаго лицепріятія будемъ стараться объ искорененіи папизма, прелатства (т. е. церковнаго управленія въ лицѣ архіепископовъ, епископовъ съ ихъ канцеляріями, комиссарствами, деканами, капитулами и пр.), а также различныхъ суевѣрій, ереси, раскола, оскверненія святыни и пр.

«Въ третьихъ, что мы вовсе не помышляемъ и не намѣриваемся посягать на законныя права и прерогативы его королевскаго величества...» и пр.

Секретарь остановился. Предсѣдатель обратился къ подсудимому съ предложеніемъ сказать свое мнѣніе о прочитанномъ актѣ.

Священникъ отвѣтилъ, что онъ вполне сочувствуетъ третьему пункту, но находитъ, что этотъ пунктъ рѣзко противорѣчитъ двумъ предыдущимъ.

— Я не понимаю въ чемъ вы видите тутъ противорѣчіе! замѣтилъ съ раздраженіемъ депутатъ Спити. — Развѣ его величество не находится въ настоящее время подъ почетной стражей въ замкѣ Гольмби? Развѣ его не окружаетъ совѣтъ мудрыхъ людей, выбранныхъ изъ обѣихъ палатъ парламента подъ пресѣдательствомъ доблестнаго и богобоязненнаго графа Пемброка и Монгомери, лучшаго пера королевства? Переговоры продолжаются уже цѣлый годъ и въ самомъ непродолжительномъ времени приведутъ къ желаемымъ результатамъ. Король, наученный опытомъ, пойметъ до какихъ грубыхъ ошибокъ онъ былъ доведенъ совѣтами своей нечестивой жены, министровъ и прелатовъ; и увидитъ наконецъ, гдѣ его настоящіе друзья! Въ настоящее время есть основаніе надѣяться, что истинная церковь восторжествуетъ подъ властью короля, обра-

щеннаго самимъ Богомъ на вѣрный путь. Англія опять будетъ имѣть одного пастыря и составитъ одно стадо!..

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы сильно ошибаетесь, замѣтилъ священникъ. — Быть можетъ король въ виду мира рѣшится допустить существованіе вашей церкви, но онъ никогда не изъявитъ своего согласія на то, чтобы его именемъ истребляли его вѣрныхъ приверженцевъ, хотя бы изъ-за этого ему пришлось лишиться не только короны, но и жизни.

— Подобныя разсужденія совершенно неумѣстны наканунѣ рѣшенія вопроса, сказалъ депутатъ Сити. — Быть можетъ и вы разсчитываете на поддержку арміи и хотите воспользоваться раздорами, вызванными и раздутыми этимъ лицемеромъ, который подъ покровомъ религіи злоупотреблялъ нашимъ довѣріемъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Но вы напрасно надѣетесь на помощь Оливера Кромвеля! Онъ узникъ парламента; его обвиняютъ въ измѣнническомъ нарушеніи подписаннаго имъ ковенанта и возмущеніи народа; ему послано приглашеніе явиться на общественный судъ передъ полнымъ собраніемъ парламента! Теперь онъ получитъ достойную кару за свои преступленія...

— Да совершится воля Господня! возразилъ священникъ. — Я дѣйствительно разсчитывалъ на помощь этого человѣка, и кромѣ того долженъ сказать по совѣсти, что я не согласенъ признать ковенантъ и готовъ погибнуть вмѣстѣ съ преслѣдуемой вами церковью.

Судъ удалился въ другую комнату для совѣщаній, а священнику позволили сѣсть на одну изъ скамеекъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ залы. Теперь, когда наступилъ моментъ рѣшенія его участи, имъ овладѣло неиспытанное до сихъ поръ чувство безпомощности. Ему приходилось безропотно покориться своей участи, выслушивать несправедливыя обвиненія жестокаго и нечестнаго побѣдителя, который насильственно лишалъ его всякой дѣятельности и осуждалъ на безцѣльное существованіе. Онъ ничѣмъ не могъ защитить себя и испытывалъ подавляющее состояніе духа слабого и оскорбленнаго человѣка. До сихъ поръ онъ свободно проповѣдывалъ евангеліе и приносилъ посильную пользу въ своей общинѣ; у него было сознаніе, что онъ ведетъ борьбу за истину, хотя и въ ограниченной сферѣ. Но враги лишали его и этого утѣшенія; въ его незлобивомъ сердцѣ впервые проснулось сомнѣніе.

Онъ подперъ голову рукой и закрылъ глаза. Въ его воображеніи живо представился день и часъ, когда онъ въ соборѣ св. Ильи преклонилъ колѣна передъ архіепископомъ, чтобы принять отъ него посвященіе въ духовный санъ. Высоко и торжественно поднимались стройныя колонны и пилястры, подпиравшіе дугообразныя своды главнаго купола; сквозь пестрыя стеклянныя окна хо-

ровъ падали смягченные лучи утренняго солнца. Мѣрно раздавались могущественные звуки органа «*veni, Creator spiritus*», сопровождаемые хоромъ дѣтскихъ голосовъ. Старый почтенный архіепископъ сидѣлъ на своемъ креслѣ близъ алтаря въ полномъ великолѣпіи своего облаченія, окруженный деканами и полнымъ капитуломъ епархіи. Вся эта картина во всемъ блескѣ красокъ, съ ея дѣйствующими лицами воскресла въ памяти несчастнаго служителя преслѣдуемой церкви. Снова ожила передъ нимъ красота древняго знаменитаго собора, составлявшаго святыню съ первыхъ временъ христіанства въ Англіи. Онъ видѣлъ длинный рядъ гробницъ вдоль стѣнъ, каменные изображенія усопшихъ епископовъ съ посохами и въ митрахъ, мраморныя статуи святыхъ мучениковъ, королевскіе и терновые вѣнцы, позолоченныя надписи, драгоценныя украшенія. Передъ нимъ былъ алтарь съ высокими свѣчами въ золотыхъ тяжелыхъ канделябрахъ, который рельефно выдавался среди сіяющаго великолѣпія и роскоши епископальной англійской церкви. Когда прекратилось пѣніе и звуки его медленно замерли подъ высокими сводами и во мракѣ гробницъ, онъ, Джонъ Гевитъ, — въ то время еще юноша, незнакомый съ тревогами жизни и душевной борьбой — подошелъ къ архіепископу и съ глубокимъ умилениемъ произнесъ клятву вѣрности королю. Затѣмъ онъ преклонилъ колѣна; архіепископъ поднялся со своего мѣста и, положивъ руки на его голову, торжественно произнесъ: «Да снизойдетъ на тебя Духъ Святой при исполненіи обязанностей священника церкви Божіей, въ санъ котораго ты посвящаешься возложеніемъ нашихъ рукъ. Кому простишь грѣхи, тому простятся, на комъ оставишь, на томъ останутся...» Послѣ этого архіепископъ подалъ ему библію и сказалъ: «Тебѣ дается власть проповѣдывать слово Божіе и отправлять литургію въ твоёмъ приходѣ». Опять началось пѣніе; онъ поднялся на ноги отуманенный радужными надеждами, наполнявшими его сердце; весь міръ казался ему свѣтлымъ и прекраснымъ, а жизнь недолгимъ безмятежнымъ странствованіемъ къ источнику добра, вѣры, надежды и любви...

Скрипъ двери прервалъ нить его размышленій. Вошли судьи и заняли свои мѣста.

Въ ухахъ священника все еще раздавались слова архіепископа. «Кому простишь грѣхи — тому простятся...» Рука его судорожно сжала небольшую библію, спрятанную на груди.

— Они могутъ отнять у меня приходъ, подумалъ онъ, но не право проповѣдывать слово Божіе! Пока я на свободѣ — никто не можетъ принудить меня къ молчанію...

Успокоенный этой мыслью, онъ твердыми шагами подошелъ къ рѣшеткѣ, за которой засѣдали судьи.

Результатъ совѣщаній былъ тотъ, какой можно было предвидѣть заранѣе. Судъ постановилъ отрѣшить отъ должности доктора



богословѣ, Гевита, бывшаго Чильдерлейскаго священника. Вслѣдъ затѣмъ было опредѣлено уничтожить епископальное устройство въ приходской Чильдерлейской церкви, привести ее въ соотвѣтствіе съ основными положеніями пресвитеріанства и учредить въ ней синодальные порядки съ старшинами изъ мірянъ. На вакантное мѣсто священника назначался бывшій капелланъ парламентской арміи, который добровольно бросилъ службу въ войскѣ вслѣдствіе религіозныхъ несогласій съ индепендентами.

Приговоръ суда лишилъ Гевита всего, чѣмъ онъ дорожилъ въ жизни, и долженъ былъ неизбежно разлучить его съ обитателями Чильдерлейскаго замка—его лучшими друзьями. Сердце молодого священника болѣзненно сжалось при этой мысли, но онъ сохранилъ полное самообладаніе и на вопросъ председателя: не имѣетъ ли онъ что сказать противъ рѣшенія суда, отвѣтилъ спокойно: — Нѣтъ, я покоряюсь приговору!

Съ этими словами онъ вѣжливо поклонился судьямъ и намѣревался уйти, но въ дверяхъ ему загородилъ дорогу Пиккерлингъ, и едва не сбилъ его съ ногъ.

Благочестивый пуританинъ имѣлъ такой страшный видъ, что судьи съ удивленіемъ переглянулись между собой. Со лба его струилась кровь, платье было помято и разорвано въ нѣсколькихъ мѣстахъ; бѣлый галстухъ такъ сильно стянутъ, что онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Помогите! кричалъ Пиккерлингъ,—они задуютъ меня.

— Что значить это неприличное поведеніе? спросилъ председатель строгимъ тономъ.

— Вы видите, милордъ, какъ они обходятся съ нашей церковью! Вотъ клочки приказа объ арестѣ извѣстной вамъ особы, а вотъ и кровь на моемъ лицѣ...

Пиккерлингъ медленно вынулъ изъ кармана синій полотняный платокъ и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, вытеръ глубокую рану надъ глазами, изъ которой струилась кровь.

— Что случилось? спросилъ председатель, приглашая жестомъ прочихъ судей остаться на своихъ мѣстахъ.

Бывшій мельникъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, рассказалъ о сценѣ въ комнатѣ полковника Гербета:—Вслѣдъ затѣмъ, добавилъ онъ,—когда я шелъ по улицѣ, съ намѣреніемъ явиться сюда и подать вамъ жалобу на такой насильственный поступокъ, меня остановилъ курьеръ, который пріѣхалъ изъ Лондона съ письмомъ къ вашей милости...

Ораторъ остановился, чтобы достать письмо изъ кармана, но, вспомнивъ о своей ранѣ, вмѣсто этого досталъ носовой платокъ и вытеръ имъ кровь съ лица.

— Я хотѣлъ немедленно доставить это письмо вашей милости,

продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—но къ несчастію я встрѣтилъ одного солдата, съ которымъ былъ знакомъ прежде...

— Давайте сюда письмо! сказалъ съ петербургскимъ президентъ!

— Сейчасъ, позвольте только изложить вамъ всѣ обстоятельства дѣла! возразилъ Пиккерлингъ, который въ эту минуту былъ такъ занятъ своей особой и нанесеннымъ ему оскорбленіемъ, что извѣстія, привезенныя курьеромъ, казались ему второстепеннымъ дѣломъ.

— Только прошу васъ не пускаться въ лишнія подробности, замѣтилъ предсѣдатель, отворачиваясь съ отвращеніемъ, такъ какъ не могъ видѣть равнодушно крови.

Благодаря этому ничтожному обстоятельству Пиккерлингъ могъ безпрепятственно продолжать свой рассказъ:

— Какъ я уже имѣлъ честь доложить вашей милости, я былъ знакомъ прежде съ этимъ человѣкомъ. На немъ былъ мундиръ корнета; онъ гремѣлъ по мостовой своими шпорами и страшнѣйшей саблей и даже не показалъ виду, что помнитъ старое. Съ своей стороны, какъ подобаетъ христіанину, я давно забылъ ту обиду, которую онъ когда-то нанесъ мнѣ, хотя онъ обошелся со мной въ этомъ случаѣ какъ послѣдній негодяй. Дѣло это было въ Лонг-стовскомъ лѣсу; онъ ударилъ меня своей дубиной или палкой, когда я лежалъ на землѣ полумертвый отъ кулаковъ нечестиваго бочара, извѣстнаго забіяки, который теперь мельникомъ въ Чилдерлеѣ. Съ тѣхъ поръ прошло два года, и, вдобавокъ, у меня доброе сердце милордъ! — Господинъ корнетъ, сказалъ я ему, вы, кажется, не узнаете меня? Но у меня хорошая память; въ то время, какъ я встрѣтилъ васъ, вы, если можно такъ выразиться, служили чорту! Теперь я вижу на васъ другой мундиръ, и надѣюсь, что вы сдѣлались другимъ человѣкомъ! Онъ остановился и тотчасъ же узналъ меня: — Боже мой, воскликнулъ онъ, до чего выносливы люди! Одного колотятъ до смерти и онъ не только остается живъ, но еще становится богоугоднымъ человѣкомъ; другого чуть ли не прямо съ висѣлицы производятъ въ корнеты! Да, другъ мой, мы всѣ грѣшники, но велика милость Господня! Затѣмъ, онъ пригласилъ меня зайти съ нимъ въ таверну, подъ вывѣскою «Журавль», который составляетъ предметъ ужаса для всѣхъ благочестивыхъ людей. Надѣюсь, милордъ, что вы не станете считать меня отверженнымъ за то, что я возобновилъ знакомство съ этимъ нечестивцемъ и рѣшился въ его обществѣ вступить въ подобный домъ? Но у меня была въ виду особенная цѣль! Я узналъ, что онъ начальникъ отряда, который привелъ сюда партію плѣнныхъ, и надѣялся вывѣдать у него нѣкоторыя подробности относительно той дѣвушки, которую вы рѣшили арестовать, какъ важную государственную преступницу. Поэтому я предоставилъ ему шить и хвастаться сколько угодно, и старался только навести его

на интересовавший меня предметъ. Онъ хвалился великими подвигами, совершенными имъ въ послѣднюю войну, рассказывалъ о своихъ походахъ въ Германію подъ начальствомъ Тилли, этого палача протестантовъ. Между прочимъ, онъ не постыдился сообщить мнѣ, что по возвращеніи въ Англію, получилъ денежную субсидію отъ королевскихъ приверженцевъ; наконецъ, его поймали, приговорили къ висѣлицѣ и онъ, получивъ помилованіе отъ Кромвеля, совершенно исправился, по его словамъ, и сталъ другимъ человекомъ. За третьей кружкой на него нашло меланхолическое настроеніе духа; онъ сознался мнѣ, со слезами на глазахъ, что въ прежнія времена велъ распутную жизнь, былъ актеромъ, пьяницей, игрокомъ, мошенникомъ и безбожникомъ, и причинилъ много горя своему почтенному отцу...

Альдерманъ, бывшій въ числѣ судей, какъ депутатъ Сити, слѣдилъ съ возрастающимъ любопытствомъ за разсказомъ пуританина, и напряженно ловилъ каждое его слово.

— Наконецъ, мнѣ показалось, что онъ настолько опьянѣлъ, что я могу приступить къ дѣлу, продолжалъ Пиккерлингъ. Сначала я старался подѣйствовать на него дружескими увѣщаніями, затѣмъ сталъ доказывать, что онъ можетъ загладить прошлое, совершивъ доброе дѣло отъ полноты своего раскаивающагося сердца, и, когда почва показалась мнѣ достаточно подготовленной, я объяснилъ ему, что Господь выбралъ его орудіемъ для выдачи преступницы, которая сегодня привезена въ лагерь. Онъ вскочилъ съ мѣста точно ужаленный: — Какой преступницы? закричалъ во все горло этотъ несправимый пьяница. Я видѣлъ, какъ всѣ жилы налились на его лбу и не ждалъ добра; однако, собравшись съ духомъ, назвалъ по имени извѣстную вамъ особу. Нужно было видѣть его бѣшенство! Не помня себя отъ ярости онъ схватился лѣвой рукой за мой галстугъ и чуть не задушилъ, а правой взялъ кружку и съ такой силой ударилъ меня острымъ краемъ по лбу, что я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, онъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ меня плавающимъ въ крови...

Судьи, вдвойнѣ возмущенные неуваженіемъ къ ихъ власти и насиліемъ надъ ихъ слугой, стали вполголоса совѣщаться между собой.

Но альдерманъ на этотъ разъ не принималъ никакого участія въ преніяхъ; онъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ Пиккерлингу, спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ зовутъ человѣка, съ которымъ ты поссорился въ шинкѣ?

Благочестивый слуга синода смутился при этомъ вопросѣ и, догадываясь о причинѣ волненія почтеннаго альдермана, усленно прижалъ носовой платокъ ко лбу, какъ будто рана могла служить оправданіемъ его неосторожныхъ выраженій. Онъ сдѣлалъ видъ,

что не понимает вопроса и улыбаясь отвѣтилъ съ низкими поклонами.

— Многоуважаемый г-нъ альдерманъ, храбрый солдатъ, съ которымъ вышло у насъ это несчастное недоразумѣніе пользуется наилучшей репутаціей въ своемъ полку, говорить...

— Я хочу знать, какъ его зовутъ? прервалъ съ нетерпѣніемъ альдерманъ. Скажите мнѣ его фамилію!

— Я не могу отвѣтить вамъ въ точности на этотъ вопросъ... быть можетъ я ошибаюсь... но мнѣ кажется, что этотъ благородный юноша называется Георгомъ, по фамиліи Юргень, Юргень... Юргень Джойсъ...

— Георгъ Джойсъ! я былъ увѣренъ въ этомъ, проговорилъ со стономъ несчастный старикъ, закрывая лицо худощавыми руками. Это мой собственный блудный сынъ!.. У него были дурныя наклонности съ ранняго дѣтства... Пять лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ его въ обществѣ актеровъ, теперь я слышу, что онъ солдатъ Кромвельскаго полка... Боже мой, зачѣмъ ты посылаешь мнѣ подобныя испытанія!

Предсѣдатель, важный лордъ изъ палаты перовъ, подошелъ къ огорченному отцу и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Быть можетъ все переѣнится къ лучшему! Развѣ вы не слышали, что онъ, вспоминая васъ, проливалъ слезы раскаянія.

— Да, у него всегда было доброе сердце! Отвѣтилъ альдерманъ, кивнувъ головой въ знакъ согласія, но при его непростительномъ легкомысліи...

— Что значить легкомысліе при добромъ сердцѣ! воскликнулъ запальчиво Пиккерлингъ такимъ тономъ, какъ будто оскорбляли его лучшаго друга. Я глубоко убѣжденъ, что этого человѣка ожидаетъ великая будущность при его пламенной душѣ, рѣшительности, физической силѣ!..

— Да, правда! сказалъ старый Джойсъ, который выслушивалъ съ видимымъ удовольствіемъ похвалы своему сыну. Я долженъ сказать, что у него были благородные порывы, но, къ несчастію, его испортило дурное общество, и онъ сдѣлался пьяницей.

— Ну, развѣ можно упрекать его въ этомъ пороку! продолжалъ улыбаясь защитникъ молодаго Джойса, хотя во время разговора ему нѣсколько разъ приходилось вытирать капли крови, выступавшія изъ раны. Кто изъ насъ не выпивалъ въ молодости лишней кружки вина? Наконецъ, мы видимъ примѣръ Ноя...

— Дѣйствительно, многое объясняется его молодостью; быть можетъ, онъ еще способенъ исправиться, если я поговорю съ нимъ! сказалъ альдерманъ.

— Да, мой другъ, я нахожу это не лишнимъ, замѣтилъ президентъ. Велика будетъ радость на небесахъ возвращенію блуднаго сына; наша церковь возсіяетъ новымъ блескомъ, принявъ въ свое

лоно покаившагося грѣшника. Благополучное окончаніе этого дѣла послужить къ посрамленію нашихъ враговъ! Уговорите вашего сына, чтобы онъ на зло своему полковнику выдалъ намъ преступницу въ назиданіе всѣмъ закоснѣлымъ грѣшникамъ. Приготовьтесь господа! завтра утромъ мы всѣ отправимся въ лагерь въ полномъ парадѣ и вытребуемъ, именуемъ закона, блуднаго сына и преступную дѣвушку. Первый будетъ возвращенъ отцу, вторая получить достойную кару, и тогда надъ обоими исполнится правосудіе во славу Божию!

Рѣчь предсѣдателя встрѣтила одобреніе большинства присутствовавшихъ, но одинъ изъ судей сдѣлалъ возраженіе, что прежде, чѣмъ принять какое либо рѣшеніе, необходимо прочесть письмо, присланное изъ Лондона.

— Да, правда, но гдѣ же письмо? спросилъ предсѣдатель.

— Оно здѣсь, милорды! отвѣтилъ Пиккерлингъ поспѣшно опуская руку въ карманъ, но, къ своему ужасу, долженъ былъ убѣдиться, что у него нѣтъ пакета. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью. Стыдъ, что его перехитрили, и боязнь потерять милость начальства примѣшались къ гнѣву, что онъ не можетъ никого обвинить въ своей оплошности, кромѣ самого себя. Ослѣпленный ненавистью къ давнишнему врагу, онъ хотѣлъ погубить его, сдѣлавъ орудіемъ мести, подготовилъ собственную гибель, забывъ свою прямую обязанность. Теперь онъ самъ попалъ въ яму, которую столько разъ рылъ другимъ людямъ.

— Я убѣжденъ, что негодий похитилъ у меня пакетъ! воскликнулъ онъ съ яростью, убѣдившись окончательно, что его карманъ пустъ.

Это обстоятельство, разумѣется не могло оправдать его въ глазахъ судей, которые находили непростительнымъ, что онъ осмѣлился идти въ пивную съ дѣловыми денешами, вмѣсто того, чтобы ихъ доставить немедленно по назначенію. Особенно горячился предсѣдатель и доказывалъ, что необходимо, во что бы то ни стало, отыскать пропавшій пакетъ, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ можно было ожидать весьма важныхъ извѣстій изъ Лондона. Въ заключеніе, онъ замѣтилъ, что считаетъ необходимымъ выгнать изъ службы Пиккерлинга, если онъ тотчасъ же не доставитъ потерянный документъ.

Споръ все увеличивался, такъ какъ бывшій мельникъ, сіяясь доказать свою правоту, перешолъ изъ смиреннаго тона въ нахальный. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена; но тутъ неожиданно отворилась дверь и въ залу засѣданія вошелъ Гербертъ въ парадномъ мундирѣ и золотомъ вышитомъ шарфѣ.

Въ залѣ водворилось мертвое молчаніе.

— Милорды, сказалъ полковникъ парламентской арміи, подходя къ столу и обращаясь къ предсѣдателю, корнетъ нашего полка до-



ставилъ мнѣ бумаги, адресованныя на ваше имя. На пакетѣ печать челоуѣка, который съ помощью насилія терроризировалъ парламентъ. Слѣдовательно, эта бумага написана государственнымъ измѣнникомъ, лордомъ Дензиль Голлисъ!..

— Лордъ Дензиль Голлисъ честный и богобоязненный челоуѣкъ! возразилъ предсѣдатель.

— Я вовсе не намѣренъ касаться его личныхъ свойствъ какъ частнаго челоуѣка, но онъ глава пресвитеріанской партіи въ парламентѣ, которая...

— Г-нъ полковникъ, я посовѣтовалъ бы вамъ быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ.

— Благодарю васъ, г-нъ предсѣдатель за это предостереженіе, но врядъ ли я перейду границы приличія, если позволю себѣ сказать въ вашемъ присутствіи, что лордъ Дензиль составилъ заговоръ въ парламентѣ противъ личной безопасности генерала Кромвеля!..

— Вы называете заговоромъ законный актъ парламента!

— Да, я называю это заговоромъ, потому что мнѣ достовѣрно извѣстно, а также и всѣмъ вамъ, что составила партія съ цѣлью избавиться отъ арміи и ея предводителя, и даже изданъ приказъ объ арестѣ всѣмъ уважаемаго члена парламента, стоящаго во главѣ арміи!

— Всѣмъ извѣстно, что Кромвель измѣнникъ! воскликнулъ предсѣдатель; онъ измѣнилъ ковенанту, которому торжественно клялся въ вѣрности!

— Не въ этомъ дѣло! замѣтилъ хладнокровно Гербертъ. Позвольте обратить ваше вниманіе милордъ на эту бумагу.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, которое корнетъ Джойсъ похитилъ у синодальнаго служителя Пиккерлинга и доставилъ своему начальству.

— Отдайте мнѣ письмо, вы видите оно адресовано на мое имя! сказалъ предсѣдатель.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія! возразилъ Гербертъ тономъ, который становился все спокойнѣе, чѣмъ больше горячился его противникъ. Но въ письмѣ, вѣроятно, заключаются извѣстія, которыя имѣютъ значеніе первой важности для арміи. Разумѣется, я могъ избавиться себя и васъ милордъ отъ лишняго труда, еслибы самъ открылъ пакетъ, случайно попавшій въ мои руки, тѣмъ болѣе, что даже обязанъ сдѣлать это, такъ какъ исполню должность городского коменданта, но я не полицейскій чиновникъ и требую, чтобы вы сами распечатали письмо и громко протитали его въ моемъ присутствіи.

— Мы не согласны! Этого никогда не будетъ! воскликнули въ одинъ голосъ члены духовнаго суда.

Гербертъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; на его зовъ не-

медленно явились десять драгунъ съ обнаженными саблями. Изъ открытыхъ боковыхъ дверей видно было, что у всѣхъ выходовъ стоятъ вооруженные люди; въ сѣняхъ, на лѣстницѣ у главнаго входа — всюду видѣлись шлемы, пики и ружья.

— Вы хотите прибѣгнуть къ насилію, но я отказываюсь принять письмо при этихъ условіяхъ! сказалъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ секретарь суда, вѣроятно, согласится оказать намъ эту услугу, сказалъ Гербертъ.

По его командѣ драгуны съ обнаженными саблями окружили секретаря, который дрожащей рукой сорвалъ печать и началъ читать письмо взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ:

«Милордъ и любезный братъ! (писалъ лордъ Дензиль предсѣдателю духовнаго суда) Совершилось неслыханное дѣло! Въ нашемъ комитетѣ рѣшено было сегодня же арестовать Кромвеля, какъ только онъ явится по своему обыкновенію въ палату общинъ и отправить его въ Тоуэръ, въ виду того соображенія, что если намъ удастся разлучить его съ арміей, то съ послѣдней легко будетъ справиться и привести къ повиновенію. Но этотъ планъ не могъ быть выполненъ: мы только что получили извѣстіе, что его видѣли за городомъ; онъ ѣхалъ верхомъ на лошади, въ сопровожденіи слуги, по дорогѣ въ Кембриджъ и, слѣдовательно, направился въ армію»...

Улыбка торжества освѣтила мужественное красивое лицо Франка Герберта, между тѣмъ, какъ предсѣдатель суда воскликнулъ глухимъ голосомъ:—Горе намъ—мы погибли!..

Въ залѣ засѣданія вновь водворилось молчаніе, и секретарь по требованію Герберта продолжалъ чтеніе:

«Теперь, любезный братъ, намъ остается одинъ исходъ — постарайтесь во что бы то ни стало овладѣть измѣнникомъ, пока онъ не доѣхалъ до лагеря. Назначьте большую премію за его голову и устройте засаду; я увѣренъ, что наши друзья не откажутъ вамъ въ своей помощи»...

— Довольно! сказалъ Франкъ Гербертъ: — можно прекратить чтеніе, я узналъ все, что мнѣ нужно!.. Но, къ сожалѣнію, я долженъ объявить вамъ милордъ и вамъ джентльмены, что вы не выйдете отсюда до тѣхъ поръ, пока Кромвель не прибудетъ въ лагерь. Я оставлю здѣсь моихъ людей для вашей охраны.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, слегка кивнувъ головой судьямъ, которые съ испугомъ переглянулись между собой. Драгуны молча выстроились у дверей; затѣмъ, все стихло въ сѣняхъ, на лѣстницѣ и улицѣ.

Священникъ вышелъ изъ залы засѣданія одновременно съ Гербертомъ.

— Теперь или никогда, сказалъ онъ, нужно сдѣлать ту попытку, о которой я говорилъ тебѣ. Предчувствіе не обмануло меня. Если удастся мой давнишній планъ, то это дастъ мнѣ силы перенести постигшее меня несчастье! Тебѣ, вѣроятно, извѣстно Франкъ, что я отставленъ отъ должности и у меня отнять приходится...

Голосъ священника задрожалъ при этихъ словахъ. Казалось, что изъ груди его готово вырваться рыданіе, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Знаю, сказалъ Гербертъ тономъ, въ которомъ слышалось искреннее сожалѣніе, но я думалъ мой бѣдный другъ, что ты легче перенесешь свое несчастье, потому что давно ожидалъ этого!

— Дѣйствительно, я слишкомъ поддался впечатлѣнію минуты, но теперь все прошло!.. У меня снова явилась надежда на исполненіе моей завѣтной мечты! Тебѣ я также обязанъ этимъ Франкъ, ты поступилъ какъ джентльменъ въ данномъ случаѣ...

— Неужели другъ моей юности могъ сомнѣваться въ моей честности?

— Нѣтъ, я знаю, что ты не способенъ совершить подлый поступокъ. Но теперь, благодаря обстоятельствамъ, сгладилась пропасть, раздѣлявшая насъ, мы можемъ идти заодно по тому пути, о которомъ мечтали въ былыя времена, когда надъ нами возвышались тѣ же самыя старыя стѣны и деревья! Развѣ не рисуется передъ тобой картина лучшей будущности? Быть можетъ въ непродолжительномъ времени возстановится прочный миръ и Англія отдохнетъ отъ этихъ безконечныхъ войнъ...

Друзья дошли до широкой липовой аллеи, называемой «College Walk», которая, огибая коллегіи, тянулась вдоль тѣнистыхъ садовъ «Fellows». Аллея эта представляла особенную прелесть въ поздній часъ дня, когда золотистые лучи солнца окрашивали верхушки высокихъ деревьевъ, разсыпаясь искрами между могучими вѣтвями. Липы, покрытыя весеннею зеленью, распространяли тонкій ароматъ своихъ молодыхъ листьевъ, дрожащихъ отъ дуновенія легкаго вѣтерка. На голубоватомъ фонѣ безоблачнаго неба изъ сплошной массы вѣтокъ и листьевъ рельефно выдѣлялись отдѣльныя части старинныхъ зданій норманской и готической архитектуры—четыреугольные столбы, крыши, окна, порталы, своды галлерей. Свѣтъ и тѣни мѣнялись на старыхъ камняхъ поросшихъ мохомъ, которые, казалось, оживали подъ теплымъ дыханіемъ весны.

Гербертъ ничего не возражалъ своему другу, который потерявъ все, что его привязывало къ жизни, тѣмъ легче уносился въ область несбыточныхъ мечтаній, между тѣмъ, какъ радостное ощущеніе легко сдержанной побѣды смѣнилось у Герберта печальными размышленіями о будущности Англіи. Они молча дошли до конца аллеи и вошли въ городъ, гдѣ уже распространилось извѣстіе, что Кромвель избѣгнулъ грозившей ему опасности. Всюду толпился на-

родъ; группы вооруженныхъ солдатъ стояли передъ домами. На ихъ неподвижныхъ, окаменѣлыхъ лицахъ сіяла радость, подобно солнечному лучу, скользившему по утесамъ. Только что проѣхалъ всадникъ, привезшій въ лагерь извѣстіе, что Кромвель за нѣсколько часовъ проѣхалъ въ Эли и находится въ своемъ домѣ. Около него собрались начальствующія лица арміи, генераль-маіоры и полковники, шурина его Десборо и зять Иретонъ. Любимый полкъ Кромвеля, такъ-называемые «желѣзные панцирники» также отправились въ Эли...

— Прощай, мнѣ пора двинуться въ путь! сказалъ священникъ.

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ Франкъ Гербертъ.

— Ъхать въ Эли и переговорить съ Кромвелемъ! Внутренній голосъ подсказываетъ мнѣ, что пришло время, когда королевская власть и церковь должны заключить союзъ съ арміей.

— Считаю своимъ долгомъ предостеречь тебя! сказалъ Франкъ Гербертъ серьезнымъ настойчивымъ тономъ. Союзъ этотъ не можетъ быть заключенъ честнымъ образомъ. Откажись отъ этой фантазіи Джонъ; ты самъ не понимаешь, что дѣлаешь! Желая спасти короля, ты подвергаешь его величайшей опасности.

— Ты разсуждаешь, какъ солдатъ!

— Я говорю устами арміи. Если бы самъ Кромвель пожелалъ подобнаго союза, то врядъ ли бы онъ могъ достигнуть этого!

— Позволь мнѣ высказать откровенно то, что я думаю, сказалъ священникъ. Когда ты вошелъ сегодня въ залу засѣданія, въ это царство лжи, противорѣчій и недомолвокъ, глаза мои съ восторгомъ остановились на тебѣ. Ты показался мнѣ вѣстникомъ свѣта, благороднымъ рыцаремъ, выступившимъ на защиту правды. Твое появленіе внесло жизнь въ эту мертвечину; ты держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ и самообладаніемъ, не позволилъ себѣ ни одного лишняго слова. Врядъ ли самый великій государственный человѣкъ или министръ прославленный въ исторіи, задумался бы распечатать письмо непріятели при подобныхъ условіяхъ. Но ты поступилъ иначе, и явился съ запечатаннымъ письмомъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой. Ты строго выполнилъ то, что свѣтъ называетъ честью и приличіемъ; но скажи мнѣ положи руку на сердце: въ чемъ заключается здѣсь различіе? Неужели насиліе и принужденіе нравственнѣе коварства?

— Власть, пріобрѣтенная цѣною крови имѣетъ въ моихъ глазахъ священное значеніе. Она какъ всякое оружіе облагораживается тѣмъ, какимъ способомъ примѣняютъ ее. Если человѣкъ злоупотребляетъ властью, чтобы поработить умы и ведетъ войну противъ мысли, то я назову это преступленіемъ; но развѣ всѣ мы не должны благословлять оружіе, которое служить дѣлу свободы? Если бы право на власть представляло собой нѣчто абсолютное,

